

3

Вопросы истории

ISSN 0042—8779

ВИА

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/93

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/93

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б)
1937 года 3

СТАТЬИ

- В. В. Кабанов** — Пути и бездорожье аграрного развития
России в XX веке 34
- М. Ферро** — Кино и история 47

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин** — Николай II 58

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева 77

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А. Г. Авторханов** — Технология власти 92

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин** — Очерки русской смуты 120

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Ю. В. Готье** — Мои заметки 139

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- А. И. Степанов** — Место России в мире накануне первой мировой войны 156

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- В. Р. Котельников, О. Ю. Лейко** — Челночные операции бомбардировщиков США с советских аэродромов . . . 164
- А. А. Молчанов** — Загадочный диск из Феста 168

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Е. П. Иванов** — Наше отечество. Опыт политической истории 171
- Л. И. Гинцберг** — М. И. Семиряга. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941 177
- К. Рогачев** — М. Раев. Русское зарубежье. Культурная история русской эмиграции 179
- М. Д. Карпачев** — Г. Д. Алексеева. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция 181
- М. Венер** — К. Мэрридейл. Московская политическая жизнь и возвышение Сталина: организации Коммунистической партии в столице, 1925—1932 . . . 183
- Э. Г. Задорожнюк** — С. Рамет. Социальные перемены в Восточной Европе. Источники и значение Великого преобразования 184
- Г. К. Цверева** — Я. В. Ковальский. Папы и папство . . . 185
- По страницам зарубежных журналов 186

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

26 февраля 1937 г. Утреннее заседание

А н д р е в (председательствующий). Слово предоставляется т. Бухарину.

Б у х а р и н. Товарищи, я прежде всего должен сказать, что я прохожу мимо различных нападков на меня, которые носили в значительной мере личный характер, которые изображали меня или как шута горохового или как рафинированного лицемера. Я не могу останавливаться на недостойной стороне выступлений и считаю это совершенно излишним.

Я начну свою речь с нескольких замечаний по поводу последней речи т. Икрамова. Замечания очень короткие. Тов. Икрамов долго здесь останавливался на вопросе так называемого архива контрреволюционной организации правых, хотя под этим псевдонимом подразумевался мой личный архив. Я критиковал самую постановку этого вопроса, потому что, как ясно из показаний, там огромное большинство документов — официальные партийные и коминтерновские документы.

Тов. Икрамов подверг очень большому анализу один из документов, но как раз не тот, о котором шла речь в показаниях Цетлина. В своих показаниях Цетлин говорил о проекте нашей коминтерновской программы, а т. Икрамов останавливается на проекте тезисов по текущему моменту, о которых ни одного слова в показаниях Цетлина не было. (Шум, много реплик. Голоса с мест. Опять тоже самое; опять адвокатские штучки). Это не адвокатские штучки. Позвольте, выслушайте дальше. Если бы там были тезисы по текущему моменту, если бы там был первоначальный проект, который мною был внесен и который затем претерпел большие изменения под влиянием руководящих указаний т. Сталина, я совершенно не вижу никаких оснований к тому, чтобы этот проект считать контрреволюционным. Второе, я не вижу ничего порочного и в том, если бы и этот документ сохранялся в архиве, потому что в архиве сохраняются именно все документы, относящиеся к тому или иному важнейшему событию: если это проект программы — то различные варианты этого проекта, если это проект тезисов — то различные варианты этих тезисов.

Какой же может быть камень за пазухой в том, что в архиве сохраняется проект первоначальной редакции, проект, внесенный в нашу делегацию, я не знаю. Он может, как раз наоборот, оказаться доказательством известного моего политического недомыслия, если то, что было там, неверно, и наоборот, подтверждением правильности указаний и поправок, внесенных т. Сталиным. Какой же это камень за пазухой — понять невозможно. (Шум, много реплик.) А тем более т. Икрамов выразился таким образом, что эта штука может быть камнем

за пазухой против советской власти. Ведь напоминает мне то, что вчера среди многих обвинений во вредительстве и терроре фигурировал еще один момент. Я, оказывается, виноват и в том, что молодой Каюров в пьяном виде убил своего престарелого отца. (Голоса с мест. Чепуха. Шкирятов. Ты по существу.) Я готов отвечать за все, что угодно, но за такие вещи я отвечать не могу.

Я прежде всего хочу остановиться на том, что здесь мне был брошен целый ряд обвинений в специальной, хитрой, рафинированной методике воздействия на партию и партийное руководство. В особенности в связи с речью т. Ворошилова разрешите остановиться на тех вопросах, которые дают известное освещение всем остальным вопросам. На них нужно остановиться, поскольку т. Ворошилов уделил им большое внимание.

Тов. Микоян сказал, что я, как Троцкий, забрасываю Политбюро письмами, точно Политбюро больше нечего делать, как читать мои письма. Но ведь Троцкий забрасывал Политбюро своими письмами для того, чтобы нападать на Политбюро. (Голоса с мест. А вы-то тоже). Я ни одного письма не написал в Политбюро за это время, которое ставило бы своей целью нападать на него. (Голос с места. А последнее письмо в связи с голодовкой?) А последнее письмо, связанное с голодовкой, — позвольте мне остаться при сепаратном мнении. (Косарев. А письмо Ворошилову?) Письмо Ворошилову написано в исключительно нервном состоянии. В нем одиозна одна только фраза, о которой я глубоко сожалею, а в целом оно ровно ничего агрессивного не представляет. Никому другому писать я не могу. В Политбюро, когда я пишу, мне говорят, что ты забрасываешь письмами. Если отдельному члену Политбюро напишу, то, оказывается, это тоже не совсем тактично.

Мне сказали, что я пользуюсь каким-то хитроумным маневром, что пишу в Политбюро, потом лично т. Сталину для того, чтобы воздействовать на его доброту. (Сталин. Я не жалуюсь.) Я говорю об этом потому, что этот вопрос затронули, и потом много упреков или полуупреков о том, что я пишу Сталину не совсем так, как в письмах в Политбюро. Но, товарищи, я не думаю, чтобы это был основательный упрек и что меня можно заподозрить здесь в особой хитрости. Совершенно естественно, что когда человек пишет в официальный партийный орган, он пишет по-одному, а когда пишет т. Сталину как высшему авторитету в стране и в партии, он здесь высказывает целый ряд колебаний, ставит целый ряд вопросов, пишет о том, чего в официальном документе не напишет. Здесь есть некоторая разница, некоторый оттенок. И мне кажется, что такая вещь установилась еще при Ленине. Когда каждый из нас писал Ильичу, он ставил такие вопросы, с которыми не входил в Политбюро, он писал ему о своих сомнениях и колебаниях и т. д. И никто в этом рафинированной хитрости никогда не замечал. То же самое и сейчас: одно дело — писать в Политбюро, и другое — т. Сталину. Ничего предосудительного нет в том, когда обращаются и ставят перед т. Сталиным целый ряд вопросов иначе, чем в официальном письме. Я лично не вижу в этом ничего предосудительного.

Мне говорят, что я хочу спекулировать на доброте т. Сталина. Я думаю, что т. Сталин не такой человек, чтобы можно было на его доброте спекулировать. Он быстро раскусит всякую спекуляцию. Поэтому мне напрасно приписывалось это в качестве дополнительной отрицательной черты. Мне кажется, что нельзя мне ставить таких норм, которые я как бы чувствовал в ряде речей и выступлений, что, мол, напрасно ты пишешь в Политбюро, пишешь отдельным членам Политбюро, туда и сюда и т. д. Мне кажется, что запретить этого нельзя, ограничивать здесь никак нельзя.

Второй вопрос, который связан с серией этих вопросов, это вопрос о якобы нападении моем на Наркомвнудел. Так вот, я хочу сказать, что все решительно, кто выступал здесь, все товарищи, которые меня критиковали и обрушивались на меня со страшной резкостью, все они исходят из одного тезиса. Тезис этот гласит, что показания свидетелей — суть правда, неправда заключается лишь в том, что они не договаривают. Это основной тезис, который был развит во всех речах выступавших против меня товарищей, которые критиковали мой метод критики показаний, направленных против меня. Я с этим тезисом абсолютно не согласен.

Я должен здесь сказать, что ведь факты клеветы-то были. Я здесь не касаюсь себя лично, но эти факты клеветы были. Я не говорю о себе, о Рыкове, не говорю

относительно комплекса тех людей, о которых здесь говорится. Но, повторяю, ведь факты клеветы были? Я знаю, что были, об этом было напечатано в «Правде», там было прямо сказано: «Мы отделяем честных советских людей, ибо кого только ни пытались оклеветать троцкисты». (Мехлис. Так там про честных людей сказано.) О моей честности или нечестности, т. Мехлис, вы можете иметь какое угодно мнение. Я хочу здесь привести разумную аргументацию, а вы мне не дадите. Разрешите уж немножечко злоупотребить вашим терпением. Я говорю: факты клеветы были или нет? Это очень существенный вопрос. (Постышев. В отношении вас не было. Голоса с мест. Это относится к честным людям. Мы не отвлеченно обсуждаем, мы вас обсуждаем. Это не отвлеченный разговор. Речь идет о вас.)

Подождите. Если были факты клеветы вообще, то как же можно выставлять тезис, что эти самые люди занимаются только тем, что говорят правду и только иногда не договаривают? Значит, отсюда вытекает, из этого крайне существенного пункта... (Лобов. Отсюда значит, что все, что они говорят,— неправда.) Это может в бумажной промышленности такая логика царит, а по-моему, это совершенно не так. Могут быть случаи неправды, и нужен конкретный анализ, где правда и где неправда. (Постышев. Бухарин, скажите, сколько в отношении вас клеветы и сколько правды?) Дайте мне сказать, т. Постышев. У меня свой план речи, разрешите мне ему следовать.

Я лично не стою на той точке зрения, чтобы считать заранее, априори, показания правильными, и поскольку я чувствую себя в таких-то и в таких-то вопросах совершенно невиновным, разрешите мне не защищать эти показания, а разрушать их. Задача защиты заключается в том, чтобы разрушать те показания, которые она считает неправильными. (Голос с места. Не удастся, Николай Иванович). Есть ли разрушение этих показаний нападение на НКВД? Я считаю, что никакого нападения на НКВД в разрушении этих показаний, каких угодно показаний [нет], потому что НКВД не есть субъект показаний. Он за показания вовсе не обязан отвечать на сто процентов, он выживает эти показания, он получает эти показания, он добивается этих показаний, он помогает формулировать эти показания, но он вовсе не обязан отвечать за истину каждого показания. Это есть материал следствия, который подлежит дальнейшей проверке, очистке, фильтрации и прочее.

Другой вопрос, более сложный: как же объяснить целый ряд показаний, их большое количество и все прочее? На этом я специально останавливаюсь в своей, многократно обстрелянной со стороны разных товарищей записке, в которой я подробно на этом вопросе останавливаюсь. Я здесь говорю следующее: «Большое количество унифицированной клеветы со стороны правых объясняется следующими обстоятельствами...» (Читает. ¹ Голоса с мест. Читали, читали. Стецкий. Это вы все заимствовали у Троцкого. Троцкий во время процесса то же самое писал в американской печати.) Я не знаю, что Троцкий писал, я это выписал из протоколов. Я не знаю, кем были любезно предоставлены Троцкому протоколы, а я читаю по протоколам. Дальше, я не знаю, было ли написано у Троцкого или не было, но после этой самой цитаты я от себя пишу. Не знаю, может быть, Стецкий скажет, что и Троцкий так писал, тогда Троцкий будет в не особенно приятном положении.

Я писал: «Таких и еще более ярких примеров... (Читает.) ² ...сидящие, вероятно, считают, что вновь арестованы из-за меня». (Шверник. Плохо вы думаете о народе.) Вчера же Межлаук сказал, что он меня бы растерзал, если бы т. Сталин не удержал. (Межлаук. Так бы и сделал. Шум.) Я же вот и говорю, я и сам это говорю. Мне бросают упрек, что это не так, а я ссылаюсь на такое серьезное свидетельство, как ваше. (Голос с места. ...в том, чтобы снять с вас обвинение.) Я же и пишу здесь, что нет юридических данных, значит, не снято обвинение. Это же было известно. Что же вы говорите: «В таких случаях человек... (Читает.) ³ ...ко всему миру». (Косарев. Это вы говорите для стенограммы, все это читаете, а не для того, чтобы себя оправдать). Тов. Косарев, мне для стенограммы нечего читать, потому что это уже напечатано. (Косарев. Мы это все читали.)

Ну, так вам разве нельзя напомнить? Вы против этого протестуете? Я беру точную цитату из того, что у меня написано, для того, чтобы спросить: если ли здесь нападение? (Ежов. Почему сами себя оговаривают, ответьте на это.) Я отчетливо это понял, более или менее, в связи со вчерашней речью т. Молотова, когда Молотов говорил: «Ну, если бы ты пришел и сказал бы, что вот то-то и то-то было,

мы тогда оказали бы тебе помощь, из помойки бы тебя вытащили». А представьте себе, если человек находится в таком положении,.. (Голос с места. В каком положении?) Послушайте, я ставлю здесь запятую, а если вы меня будете все время прерывать, я никогда не дочитаю до следующего слова. Так вот, человек, находящийся в таком положении, когда ему говорят, если ты признаешь, что то-то и то-то сделал, то, пожалуй, получишь снисхождение, а не признаешь, мы с такими господами расправимся. (Голос с места. Не говорил он этого. Голос с места. Надо понимать. Признать то, что делали. Шум.)

Молотов. Надо же понять, что было два процесса троцкистов, они признали свою вину. Можно поверить этим показаниям, когда они сами на себя показали, что они террористы, вредители и проч. и проч.?

Бухарин. Можно. (Микоян. Почему?)

Молотов. Если ваша логика такая, что из моей речи вытекает, что признание своей вины делается только в каких-то личных интересах, как можно объяснить поведение троцкистов? Мы вас призываем к тому, к чему мы призывали Пятакова и др. Почему ты, действительно... более или менее мог бы пленум от тебя ожидать этого.

Бухарин. Вячеслав Михайлович, я лично отнюдь троцкистского процесса не опорочиваю. (Голос с места. Как же не опорочиваешь?)

Молотов. Твои друзья соблюдали порядок, они тоже отрицали, потом говорили — правильно.

Бухарин. Нельзя так сказать. Ибо одни виновные сперва отрицают, потом признают, а некоторые невинные могут не признавать, отрицают, а потом иногда из разного рода расчетов тоже признают.

Микоян. Ты Радека хорошо знаешь, почему он признает?

Бухарин. Видишь ли, Анастас Иванович, я думал, что я довольно хорошо знаю Радека, но я считаю теперь, что недостаточно хорошо его знал. (Голос с места. Выкручивается.)

Молотов. То, что показывали троцкисты, правдоподобно?

Бухарин. Конечно.

Молотов. А то, что показывают твои ученики, то не правдоподобно.

Бухарин. Да нет, какие троцкисты?

Молотов. Радек, Сокольников, Лившиц и пр.

Бухарин. Я здесь беру только одно положение...

Молотов. На мой вопрос нетрудно ответить.

Бухарин. ...я отвечаю: здесь нет ни сплошной нормы, ни того, ни другого порядка. Здесь нужно подходить дифференцированно в каждом отдельном случае.

Молотов. В таком случае показания троцкистов правдоподобны.

Бухарин. Каких троцкистов?

Молотов. Сокольникова, Пятакова, Радека.

Бухарин. Там, где они показывают против меня, это неправильно. (Смех, шум в зале.) Ну что вы смеетесь, здесь ничего смешного нет.

Молотов. А в отношении самих себя их показания правдоподобны?

Бухарин. Правдоподобны.

Молотов. А в отношении Астрова и других правдоподобно?

Бухарин. Я уже вчера сказал, что я не верю, чтобы Розит занимался террором, чтобы Цетлин занимался террором — я не верю. Насчет Астрова я не знаю.

Молотов. Как не знаете, были же показания Астрова.

Бухарин. Я говорю о том, что он заявляет в показаниях: здесь есть и правдоподобное и неправдоподобное.

Молотов. Хотя один правый показывает правдоподобно в своих показаниях или нет таких правых?

Бухарин. Возможно, что и есть. Но позвольте мне членораздельно вам сказать. Почему я так осторожно говорю? Потому что я не привык обвинять других людей просто так, заявляя, что я считаю «правдоподобным», что тот-то или тот-то занимался террором. Ведь это уже почти обвинение. Для этого нужно иметь хоть какие-нибудь данные. А те люди, о которых спрашивает Вячеслав Михайлович... (Голос с места. Показания, которые ты читал...) ...я этих людей не видел, как тебе очень хорошо известно, с 1932 года.

М о л о т о в. Астрова ты видел?

Б у х а р и н. Я его видел на очной ставке. Но я же не знаю его эволюции, эволюции последних лет, не знаю изменений, которые могли произойти с ним и в нем с тех пор, как я его знал и виделся с ним. Я утверждаю, что я с этими людьми потерял связь уже в течение нескольких лет.

М о л о т о в. Но они правдоподобно показывают или нет?

Б у х а р и н. Я о них ничего не могу сказать. Теоретически ничто не исключено. Но я не могу о неизвестных теперь по сути дела мне людях сказать ни да, ни нет, потому что они мне незнакомы, я их уже не знаю. Не могу я решать одно уравнение со многими неизвестными. При продолжении борьбы против партии они могли прийти до чего угодно. Но я-то здесь при чем?

П о с т ы ш е в. Позвольте мне задать ему один вопрос. Когда Рыков читал эту рютинскую платформу с неизвестными членами ЦК профсоюзов, он вам рассказывал об этом?

Б у х а р и н. Нет, мне не рассказывал. (Г о л о с с м е с т а. Врешь.) Можно говорить сколько угодно — «врешь».

М и к о я н. А Рыков правильно говорит про твою записку, что дыма не бывает без огня?

Б у х а р и н. Вообще дыма без огня, кажется, не бывает. (С м е х.)

М и к о я н. Вот об этом мы и говорим.

Б у х а р и н. Но тут другой вопрос: насколько можно мою записку назвать дымом.

М и к о я н. Рыков правильно говорит или нет?

Б у х а р и н. То, что он говорит, это его дело. Он говорит, что Томский виноват, это его мнение. А я не знаю. Я не могу на человека, потому что он умер, говорить, что он виноват.

П о с т ы ш е в. А ты о живых расскажи, Рыков не умер, расскажи о нем.

Б у х а р и н. Я о живых людях могу сказать только следующее. Если даже мы не берем более ранние годы, то в 1935 и 1936 гг. я ни разу не видел ни Рыкова, ни Томского, ни Угланова, который не входил в тройку.

М о л о т о в. В тройку четвертый входить не может.

Б у х а р и н. Вячеслав Михайлович, ты думаешь, что это остроумное выражение есть опровержение меня, а это как раз есть опровержение тебя. Потому, что «тройка» была тогда ходовым термином, и никто не упоминал слова «центр», так эта тройка и была тройкой.

М о л о т о в. Это, думаешь, очень остроумно?

Б у х а р и н. Не знаю, но, во всяком случае, думаю, убедительно.

Х р у щ е в. А Цетлин сказал, что по существу у вас был второй ЦК. (Б у х а р и н молчит.)⁴

Ш к и р ь т о в. Ты говоришь то, что и вначале говорил, идешь по этой же дорожке.

Б у х а р и н. Как так? Я здесь отвечаю на речь т. Ворошилова и «вначале» я не знал, какой она будет. (Г о л о с с м е с т а. Вы сегодня выступаете как адвокат всех подсудимых.) Если говорить так, что я хотел опорочить новый состав Наркомвнудела, то я должен заявить, что я абсолютно не хотел его опорочить. (Л о з о в с к и й. У вас написано, что спрос рождает предложение.) Спрос рождает предложение, это значит, что те, которые дают показания, они знают, какова общая атмосфера. (С м е х, в зале шум. П о с т ы ш е в. Какая же это общая атмосфера?) Скажите, пожалуйста, вы спрашиваете относительно руководства правым движением, конечно, они будут показывать на меня, Томского, Рыкова, что же тут удивительного? (Ч у б а р ь. А чего вы не показываете на себя? Почему ваши ученики не сказали, что они создали свой центр без Бухарина, Рыкова и Томского?) Я не понимаю. (Ч у б а р ь. Почему они не показывают на центр без Рыкова, Бухарина и Томского? Почему они не показали, что они собрались на конференции и создали свой центр?) Значит, не создали свой центр, а может, не хотели показывать. (Ч у б а р ь. Не создали, значит, у них был свой контрреволюционный центр.) Насчет «центра» у меня есть специальный параграф, я хотел вам об этом рассказать. Была «тройка», которая существовала полуоткрыто до 1930 г. включительно, называлась группой Бухарина. Потом был второй период, о котором я здесь хочу говорить. В это время были случайные встречи, но они не были такими интенсивными,

которые были тогда. Потом был период, когда это все совершенно замерло. Я написал, повторяю, вы можете верить или не верить. (Голос с места. Не верим.) Но что же вы хотите, чтобы я повторил по-другому то, что я сказал? Причем, я должен сказать, что примерно в первый период, когда действительно существовала эта «тройка», Шмидт стоял совершенно в стороне. Я помню, что Томский даже боялся этого Шмидта; затем, когда началось новое схождение Томского со Шмидтом (если оно вообще было), этого я совершенно не знаю. (Постышев. Боялся, что выдаст.)

Теперь, товарищи, дальше. Есть у меня некоторое сомнение относительно аппарата Наркомвнудела? Есть, как, наверное, у каждого из вас есть. Если в тезисах т. Ежова написано, сколько там раскрыто двойных агентов... (Голоса с мест. Агентура — это не аппарат. Это не агентура, а те, которые уже сидят.) Я говорю относительно состава аппарата. (Косиор. У вас сомнения в части показаний?) Может быть, и в агентуре, может быть, и в аппарате не совсем до конца дочистили. Могу я об этом написать? Могу написать. Можно считать это нападением на Центральный Комитет? Не думаю. И вот тут, товарищи, я хотел затронуть один пункт, который в речах попадался: о нападении на ЦК. Михаил Иванович Калинин, казалось бы, мягкий человек, он поставил точку над «и».

Можно поставить вопрос так: вот выступают на пленуме ЦК выдающиеся члены ЦК партии, а ты им возражаешь, значит, возражаешь против ЦК. (Калинин и Шпилищ.) Можно так возражать? Я считаю, нет, тогда подойдешь к такому положению, что, вообще говоря, защищаться нельзя, если выступает Молотов, Калинин, Ворошилов и т. д. (Чубарь. Каменев и Зиновьев тоже такую методологию применяли. Хрущев. О каких кадрах вы говорили с Куликовым — о партийных кадрах или о контрреволюционных кадрах?) Я скажу после. Я говорил об этом трижды и, если хотите, скажу четырежды. Значит, мне кажется, что и это неправильное возражение. Я никого не хотел дискредитировать, но я защищался и защищаюсь как умею, и я обязан защищаться, я считаю, это не только моя лично обязанность, но и партийная, потому что, если считаю себя невинным, я обязан защищаться. (Постышев. Даже в глаза глядит прямо!)

Еще было одно замечание, которое целый ряд товарищей повторяли; они говорили так: в связи с тем, что я развивал подробную аргументацию, которую т. Чубарю захотелось характеризовать как казуистику, они говорят: это — не трибунал; другое дело, если бы был трибунал; а мы тут политически все взвешиваем. Я, по-честному говоря, не знаю, не могу понять это положение. Что это означает, что здесь не трибунал? Чем обуславливается это утверждение? Разве здесь нет суждения об отдельных фактах? Разве не разослан ряд свидетельских показаний? Фактических свидетельств? Разослан. Разве эти показания фактические не давят на умы товарищей, которые призваны судить и делать выводы? Давят. (Голос с места. Это не трибунал, это ЦК партии.) Я знаю, что это ЦК партии, а не Ревтрибунал. Если в наименовании разница заключалась бы, тогда это была бы просто тавтология. В чем же разница? Вопрос заключается в соотношении между советским и партийным учреждением. Вопрос решается сначала в партийном порядке со всей детальностью, потом проводится в советском порядке. Первый раз решают тоже со взвешиванием всех деталей, даже иногда мелочных, с полным знанием дела, а потом решение проводится в советском порядке. Так вот, я считаю, что тут то же самое получилось. Разве тут вопрос интуитивно решается? Нет, он решается со взвешиванием фактов. Тут есть фактически партийный суд.

А раз так, то я спрашиваю: как опровергать многочисленные факты, которые есть? Я считаю, что факты эти разбиваются на две крупные категории. Первая категория — это об отдельных, индивидуальных разговорах с глазу на глаз, это первая категория. Вторая категория — это все остальные факты. Но вот, товарищи, я просто прошу вас, вникните, как вообще тут быть с точки зрения защиты. Если у вас есть отдельные факты, которые говорят о разговоре с глазу на глаз, как их можно опровергнуть? Тут нет ничего другого, как сказать человеку: нет. (Постышев. У вас были целые заседания, о заседаниях скажите.) Тов. Постышев, подождите, у меня дело дойдет до заседаний. Я должен отвечать на целый ряд вещей, о которых говорили Каганович, Молотов. (Шум. Голос с места. Относительно регламента. Нельзя ли ему регламент установить? Обязаны ли мы все слушать? Молотов. Товарищи, не мешайте.) Если не нужно слушать, тогда я не буду

говорить. (С т а л и н. Вы не хотите говорить?) Нет, я хочу говорить. Так вот, по вторым фактам. Здесь требуются тщательный анализ, сопоставление фактов, противоречий, установление того, что ты в данное время в данном месте не мог быть и т. д. Я вот это и делаю. Кто против этого возражает? Тов. Чубарь говорит — это казуистика. (Ч у б а р ь. Безусловно. Г о л о с с м е с т а. Правильно говорит. Б у д е н н ы й. Иезуиты так говорят.) Не знаю, т. Буденный, может быть вы знакомы с историей иезуитов... (Б у д е н н ы й. Я знаю, по крайней мере, свою партию, а вы своей партии врите. П о с т ы ш е в. Ты скажи, что иезуитов ты на них изучал.) Так вот, товарищи, нужно ли проделывать этот анализ? Нужно. Ведь только таким путем можно опровергнуть факты, верно или нет? Я считаю, что верно. А вы за это против меня ведете очень большой обстрел. (Г о л о с с м е с т а. Ты что, это опровергаешь?)

Я остановлю ваше внимание на речи т. Кагановича. Сперва вопрос о Сокольникове и Куликове. На Радеке и Пятакове, о которых я говорил подробно в своем письменном ответе, никто не останавливался. Я считаю, что разбор показаний Цетлина, когда-то наиболее мне близкого, я разгромил. (Ш у м , с м е х . Ш к и р я т о в. Разгромил?! П о с т ы ш е в. Прямо ничего не осталось — только от тебя!) Хорошо. Но тогда почему же по-настоящему никто об этом не говорил? Это же не ответ. (К а г а н о в и ч. Говорили о вашем основном доводе, что Цетлин на вас обижен, что вы его не защищали.) Но это вовсе не мой основной довод. У меня есть сопоставление фактов, многочисленных хронологических дат. И этим я опровергаю все до единого утверждения Цетлина. (М о л о т о в. Ничего подобного. Твое опровержение ни черта не стоит, потому что достаточно фактов.) Я был бы признателен, если бы кто-нибудь сказал, об этом никто решительно не говорил, никто не говорил об этом. (М о л о т о в. Господи, боже мой! Хором все говорят об этом. П е т р о в с к и й. Цетлин пришел к коммунистическому самосознанию, а вы его хотите опорочить. К о с и о р. Насчет коммунистического самосознания — дело сомнительное. Г о л о с с м е с т а. Начал признаваться.)

Я не хочу опорочить Цетлина, наоборот, в моих мыслях этого не было, в мои мысли это никак не входит. Я приводил ряд сопоставлений по составу центра, по рютинской платформе, по слепковской конференции, по террору. Значит, особенно в связи с последней темой и с той большой ролью, которую отвел т. Каганович показаниям Куликова, я хотел представить добавочный аргумент и именно сказать о том, что говорится в связи с показаниями Куликова в показаниях Матвеева. Матвеев показывает в протоколе от 17 октября относительно осени 1932 г., относительно одного совещания, которое было осенью 1932 г. у Угланова.

Он заявляет (Ч и т а е т.): «Угланов пригласил меня домой на чашку чая. Я пришел к Угланову, застал у него людей. Угланов сказал, что начался окончательный разгром правых, что в создавшейся обстановке старые методы борьбы против партии уже не годятся и что необходимо перейти к более активным методам борьбы. Углановым был прямо поставлен вопрос о необходимости перехода к террору и в первую очередь против Сталина и Кагановича; при этом Угланов несколько раз подчеркнул, что основное зло — в Сталине. Помню, что Куликов и еще кто-то спросил Угланова, является ли это лично его точкой зрения или это исходит от «тройки» (Бух., Рык., Томск.), Угланов отвечал: «Кому надо, тот знает» — это дословное выражение Угланова» (прот., стр. 3).

К а г а н о в и ч. Что Угланов ответил?

Б у х а р и н. Я говорю, что Угланов ответил: «Кому надо, тот знает». Товарищи, Куликов спрашивает у Угланова о террористической директиве осенью 1932 г., а сам в показаниях против меня, которые по-разному интерпретируются, говорит, что он весной 1932 г. получил от меня директиву. И якобы директива была в подтверждение той директивы, которую он знал еще раньше от Угланова.

К а г а н о в и ч. Угланов не обязан говорить о Матвееве, когда он был с Куликовым. Он с Куликовым мог быть весной, а с Матвеевым осенью. Матвеев рассказывает, что Куликов присутствовал.

Б у х а р и н. Куликов и еще кто-то спрашивал Угланова! (М и к о я н. Это не кричащее противоречие, никакого противоречия здесь нет.) Может быть, и нет противоречия. Но эта вещь опровергает целиком весь разговор Куликова о терроре, который относится, по его словам, к весне 1932 года. (Г о л о с с м е с т а. Почему вы на питомцах не останавливаетесь? Г о л о с с м е с т а. Но Куликов об этом же знал?)

Для чего же он спрашивал Угланова? (Чубарь. Для подкрепления. Якир. Для того, чтобы убедить народ, надо сослаться на то, что начальство знает, что это с его ведома.) Куликов это же знал!

Микоян. Куликов с глазу на глаз тебе все подтвердил и ты ничего ему возразить не мог. Были такие вещи? Ведь я помню, как сейчас, очную ставку.

Бухарин. Насчет того, что мы говорили с Куликовым, я этого не отрицал. Я отрицал, что речь шла о какой-то террористической директиве с моей стороны. (Якир. Зачем вам нужны были куликовские молодчики? Эйхе. Кадры, кадры. Постышев. Вот Котов показывает, что Угланов поставил вопрос об убийстве Сталина.)

Дальше вопрос идет относительно «самого сильного» аргумента, который был против меня выдвинут: почему они сами на себя показывают? На этот вопрос я несколько времени тому назад уже ответил. Относительно одной их части можно сказать, что, теоретически говоря, они могли заниматься всем, чем угодно, раз они продолжали борьбу. Относительно другой, как я уже здесь говорил,— я считаю это маловероятным. Но я прошу вас всмотреться в следующий факт. У них обстановка очень тяжелая, и вот, я думаю, что раз им говорят, что ты-де все равно изобличен, что ты врешь, что ты лицемер, то они могут рассчитывать, что если они что-нибудь признают и наговорят на себя, то это будет для них лучше. Это в случае наговоров. А там, где кто действительно виновен и уличен, там давят и улики, и сознание собственной вины, и боязнь, что все равно все раскроется и тогда будет еще хуже. (Калыгина. А очная ставка с Куликовым? Ведь это же провокация, клевета.) Я называю это догадкой, когда говорю об оговорах самих себя; я говорю, что это гипотеза, но я говорю также, что я целиком ответить на вопрос не могу; если бы я знал правила допроса, все вопросы обвиняемым, все их показания, что им было предъявлено из других показаний, и знал бы порядок этих показаний и т. д., я мог бы и сумел бы ответить на весь вопрос, но сейчас я этого сделать не могу. (Голос с места. А Кузьмин показывает правду или нет? Калыгина. Клеветают?)

Теперь о центре. Я должен сказать, что никакого центра, если не считать «тройки» за период до 1930 г., не было. (Молотов. Протоколов не велось?) Да, и протоколов не велось, вообще ничего не было. (Постышев. Значит, Угланов и другие лгут?)

Каганович. Почему вы, когда приехали с Памира и когда вас информировали о рютинской платформе, вы не пошли в ЦК, а пошли информироваться к Рыкову?

Бухарин. Тогда мы встречались еще. (Каганович. На улице?) Нет. Вероятно я к нему пришел, или он ко мне пришел.

Каганович. А почему вы не пришли в ЦК, когда вы вернулись с Памира, и не сказали: «Товарищи, я не был на пленуме ЦК, информируйте меня обо всем происшедшем»,— а пошли к Рыкову?

Бухарин. Это было время, когда между нами не прекратилась связь. Да я и узнал о том, что произошло «происшедшее», именно от Рыкова. (Микоян. Значит «тройка» существовала еще до 1932 года?) Вовсе не значит. Из этого факта вовсе это не вытекает, потому что «тройка» превратилась уже в малоинтенсивную и нефракционную связь людей. (Микоян. А, степень интенсивности?) Да, отчасти потому, что дело может идти либо к образованию какой-то конспиративной организации или, наоборот, к исчезновению ее, т. е. раскручиваться совсем.

Каганович. Вы подтверждаете ваши показания на очной ставке о том, что вы еще в 1932 г. боролись с партией?

Бухарин. Я ведь не так говорил.

Каганович. Нет, так.

Бухарин. Я еще дойду до Куликова и об этом вам буду рассказывать. (Постышев. Вертись, вертись.)

Каганович. Это имеет отношение к другому. (Шкирятов. Неправду говорит.)

Бухарин. Относительно центра. Вот я собрал все показания, которые только были мне присланы, собрал все, что было прислано насчет показаний. Часть показаний говорит о Бухарине, Рыкове и Томском; другие прибавляют Угланова и затем идет вариант Козелева, сюда входят Шмидт и Сырцов. Затем идет Котовский вариант, сюда входит еще Смирнов. (Голос с места. А Бухарин куда

входит? Во все варианты? Шум, смех.) Нет, не во все. Видите ли, дело в том, что ... (Акулинушкин. Вы расскажите лучше, кто входил в центр?) Я уже сказал об этом. Вы говорите — кто входил во все варианты, и требуете, чтобы я рассказал правду обо всех вариантах. Но ведь варианты в действительности же не могут все существовать. Само существование этих многочисленных вариантов, подкапывает версию о существовании этого самого «центра» длительное время.

Есть еще два варианта. Есть показания Кашина, где сказано, что «из целого ряда бесед с Томским на протяжении с 1934 по 1936 г. мне известно, что руководство всей подпольной террористической организации правых возглавляли Томский, Сырцов и Угланов». И, наконец, есть Зайцевский вариант, это относительно «сверхцентра», который объединяет якобы все центры. Так вот, я должен по этому поводу сказать еще раз: тройка выделилась, и она называлась тогда в официальных партийных документах — группой товарища Бухарина. Было 3 человека: я, Рыков, Томский. Она фактически была в период борьбы (до 1930 г.) руководящей тройкой. Что касается Угланова, то он был сбоку припека, он редко, но иногда приходил. (Каганович. Угланов был у вас сбоку припека?! Постышев. Хорош припек! Каганович. Основная ваша опора. Полонский. Он же в московской организации играл видную роль.)

Это ничего не значит, что в московской организации Угланов играл крупную роль, но Полонскому это дело должно быть лучше известно. (Полонский. Напрасно вы это отрицаете.) Но он, как правильно заметил Вячеслав Михайлович, в «тройку» не входил. А тогда была даже такая терминология — «тройка». (Голоса с мест. Молотов этого не говорил. Каганович. Тройка, семерка, туз. Смех.) Относительно Шмидта. В тот период Шмидт стоял совершенно в стороне. Относительно Смирнова. Смирнов тоже совершенно в стороне стоял. (Молотов. Говори, да знай же меру.) Какой мне смысл врать, куда входил Смирнов? Я очень хорошо знаю. (Буденный. Вот и расскажите, о чем вы хорошо знаете, а о чем вы говорите, вы хорошо не знаете.) Тов. Буденный, подождите пожалуйста. (Буденный. Вот вы про иезуитов хорошо знаете, расскажите, как вы их роль выполняли.) Смирнов Фома в самом начале говорил, встретившись со мной на улице в Кремле, чтобы я даже не выступал на пленуме ЦК. (Жуков. Где он тебя встретил? Опять на улице?) Когда он потом с кем-нибудь связывался, я не знаю, но в этой «тройке» Фома Смирнов тоже не был. Может быть, он как-нибудь потом втесался к Угланову или куда еще, но в тот период не было Фомы Смирнова. Из этого я вовсе не хочу сделать вывода и заключения, что Фома Смирнов не вел никакой правой работы. Я не хочу даже сказать, что у него не было своих людей, какой-нибудь своей организации или группы, но он держался совершенно сепаратно.

Я еще раз повторяю, вы судите о моей деятельности не с точки зрения партийной истории, но, главным образом, с точки зрения текущего момента, для чего нужно, конечно, знать и партийную историю и с ней увязывать все дело. Но я вам говорю, что Угланова с 1932 г. я не видел и его, по-моему, в Москве не было, так что я не мог его видеть. Рыкова в 1935—1936 гг. я ни разу не видел. Томского в 1935—1936 гг. я ни разу не видел. Шмидта последний раз видел не то летом 1932 г., не то летом 1933 года.

Если есть какая-то организация, которая занимается чем-то, которая имеет централизованное руководство и проч., то как же объяснить это с точки зрения этих фактов? Или то, что я говорю, это неправда, тогда докажите, пожалуйста, что я Угланова видел, Томского видел, Рыкова видел, Шмидта видел. Этого доказать нельзя, потому что этого не было. Что касается 1935—1936 гг., то это абсолютнейшая истина. Хорошо, мне могут сказать: может быть, ты блудил, но 1935 — 1936 гг. из этого совершенно выключаются. А ведь про меня говорят, что до самого последнего времени и теперь я иезуит, изменник, занимаюсь вредительством, натравливаю сыновей на отцов и т. д., и т. д. Это я считаю для своей защиты необычайно крупным фактом. Я прошу внимательно подумать над этой историей.

Что касается Угланова, то вы все знаете, что его в Москве не было. (Микоян. Он приезжал в Москву, два-три раза был в Москве.) Может быть, но я даже не знаю, где он был на работе. (Микоян. Ты ничего не знаешь.) Нет, то, что я знаю, я рассказываю, а то, чего не знаю, рассказывать не могу. Ну, пожалуйста, докажите, что я его в Москве видел. (Постышев. Вы же с ними сносились через Слепкова.) Как же я мог с ними сноситься через Слепкова, если с 1932 г. Слепков и Марецкий

сидят? (Полонский. Вы были связаны с Радеком.) А Радек разве был связан с Углановым? (Шум в зале. Андреев. Я прошу не мешать оратору, иначе он не может говорить.) Я утверждаю, что ни к какой теории вредительства, ни к блоку с троцкистами никакого отношения не имел абсолютно, ни в малой степени не имел к этому отношения.

Теперь разрешите остановиться на некоторых из крупных речей, которые здесь были произнесены. Тов. Молотов взял очень большой раздел исторического характера, который долженствовал показать, каким образом я должен был неизбежно скатиться до самых контрреволюционных низин. Моя партийная история всем известна, и я на этом долго останавливаться не буду. Я скажу, что я не только одно плохое делал. Я целый ряд и хороших вещей делал, и во время Октябрьского восстания, и до Октябрьского восстания и после него. Так что если... (Молотов. Даже Троцкий кое-что хорошее делал, а теперь он фашистский агент, докатился!) Верно, верно. Но я констатирую тот факт, что иначе меня партия не держала бы на очень крупных ответственных постах. Я и хорошее делал для партии. (Молотов. Никто не оспаривает.)

Мне ставится в очень крупный минус моя борьба с Лениным во время Брестского мира, очень тяжелая, большая и преступная борьба. Но ошибка после Брестского мира, моя ошибка была быстро мною осознана, и на заседании Московского Совета, вы знаете, что я делал декларацию. Тогда меня Владимир Ильич позвал, и дело было этим кончено. Вы знаете, что в тогдашней группе «левых коммунистов» был не только я один, в ней был и Валерьян Куйбышев, и Бубнов Андрей, и Осинский, и Емельян Ярославский, который очень хорошо знает и исторический и практический путь партии... (Ярославский. Я с вами не участвовал в заговорах против Ленина.) Заговоров и не было, но вы входили в «центр». В этой группе «левых коммунистов» было еще и левое крыло. И ты, Вячеслав Михайлович, сделал ошибку, когда приписал мне тезис сдачи пролетарской диктатуры (война с риском потерять диктатуру). Я против этого возражал, это было крайне левое крыло в этой группе. (Молотов. Я этого не говорил.) Ты сказал, что даже тезис о сдаче пролетарской диктатуры фигурировал. Это было как раз провозглашено не мной, это был тезис, который был вынесен Московским областным бюро.

Второе замечание относящееся к истории партии, это вопрос относительно «трудовой партии» как типа партии, вопрос, относящийся к 1923 году. Но, Вячеслав Михайлович, читал ли ты этот пресловутый документ, который носил тогда название «меморандума?» Некоторые члены Политбюро его, кажется, читали. Так ведь там же было сказано в качестве какой-то предположительной гипотезы — «А не может ли у нас сложиться такое положение вещей?» Но не было никакой директивы, никакой проповеди. Не было. Это был период, когда все любили очень часто теоретизировать по самым различным вещам, и это теоретизирование было припущено к практическим и актуальным вопросам. (Молотов. Брось ты, то ли теоретизирование, то ли проституирование теории.) Ну хорошо, пусть проституирование теории, я не защищаю, что это была какая-то ценная мысль. (Калинин. Получается так, что защищаешь.) Я не знаю, я объясняю лишь то, что было, и это говорю. Это была определенная гипотетическая постановка вопроса. Правда, и сама постановка этого вопроса была вредна, согласен, потому что сама постановка вопроса наводит на определенную мысль. Но надо же различать определенную линию, которая дается, и некоторую абстрактную теоретическую постановку вопроса. (Каганович. Вся ваша дальнейшая линия в отношении партии показывает, что это не случайное теоретизирование, а глубокие корни.)

Все может быть. Но мое дальнейшее отношение говорит о другом. Например, вы знаете, что у меня было очень много острых выступлений во время борьбы с троцкизмом. Это же факт, этого никто из партийной истории не вычеркнет. Там я вместе со всеми товарищами очень резко и горячо защищал идею монолитности партии, громил Троцкого и троцкистов. Все это помнят. (Каганович. Сколько лет это длилось?) Ну, четыре года. (Каганович. Меньше четырех.) Ну, может быть, не знаю. Ведь я член партии с 1906 года. Вопросы сложения партии, ее партийных рядов и структуры, они возникли, как известно, с основания большевистской партии как течения. (Молотов. Каменев раньше тебя в партии был и до чего докатился.) Верно, но не про то я говорю. Я говорю, что если высчитать годы, сколько я защищал партийную позицию, то количество этих годов немалое. (Сталин. Мало выйдет.) Не особенно. (Голоса с мест. Мало, мало.)

Затем Вячеслав Михайлович, когда он цитировал здесь очень гнусную платформу Кузьмина, про которую я первый раз слышал, то я с таким же негодованием, как и он, к ней отношусь, Вячеслав Михайлович. (Е ж о в. Вашего ученичка. М о л о т о в. Не только Кузьмина, но и Слепкова.) И Слепкова. Это возмутительная платформа. Что же вы думаете, что я не понимаю, что эта платформа заслуживает не только осуждения, но черт знает чего? Я протестую, однако, здесь против одного, я никогда, вопреки тому, что во всех показаниях нарочито проводится, не был близок с Кузьминым. Кузьмин никогда не был ближайшим моим учеником. (Г о л о с с м е с т а. Но проводил вашу линию?) Да неверно. У него было свое, хотя он входил в группу молодых, я же не отрицаю этого. (Г о л о с с м е с т а. Он в Институт профессуры приходил с документами от вас.) Там были разные люди. Я уверяю вас, что этот состав я знаю лучше вашего. Я говорю относительно другого, что Кузьмин был наиболее отдаленным, а вовсе не ближайшим человеком, жил он не в Москве. Есть определенный политический факт: Кузьмин отказывался долгое время подавать мне руку, потому что он считал, что я целиком изменил. (С т а л и н. А Слепков — близкий?) Слепков в прежнее время был очень близок. Я не хочу говорить относительно того, что Слепков не был мне тогда близок только потому, что он теперь написал эту гнусную платформу; сейчас они все далеки от меня на тысячи километров, но я говорю, что во всех показаниях проходит, что Кузьмин один из близких людей. Я оспариваю это, я говорю — неверно. Кузьмин фигурирует на самых острых фактах, мне важно оспорить это, потому что я защищаю себя, я должен защищаться. (М о л о т о в. Из молодежи Слепков входил?) Входил. Входили разные по-разному. (В о р о ш и л о в. Как тут разобраться — входили разные по-разному. Они все были объединены в одну группу под твоим непосредственным руководством, идейным, практическим и организационным, а организатор ты ерундовый.) Верно. Но внутри этого есть расчленение. (В о р о ш и л о в. Это уж твое дело.) Это мое дело, я и не говорю, что это твое дело, я не приписываю тебе Кузьмина, а говорю, что он был один из самых отдаленных... (Г о л о с с м е с т а. Среди близких отдаленные.), а не одним из близких.

Тов. Молотов говорит, что когда я выступаю или пишу записку, то хочу дать сигнал Цетлину, но как же я могу это сделать? Я послал вам экземпляр, что же я размножаю и рассылаю? (М о л о т о в. Черт тебя знает, что ты делаешь, от тебя всего можно ожидать.) Если вообще так говорить, что я зарезал свою матушку, потому что я черт знает что, — это не аргумент. (М о л о т о в. Дело в твоей линии поведения.) Я насчет последних лет привел один довод, разбейте его пожалуйста. (В о р о ш и л о в. За эти два года ты работал в одиночку. Возьмите номер «Известий» от 7-го числа и посмотрите хорошенько.) Я, конечно, «вредительством» занимался? Ну, хорошо, занимался я вредительством. Как только не совестно это говорить вам, товарищи.

Тов. Межлаук обиделся на то, что я говорил, что он входил в группу, он отрицает, говорит, что не входил, говорит, что он входил в группу, которую создал Центральный Комитет, в эту группу входили многие. Тов. Межлаук стоит на точке зрения правдивости не всех показаний. На него показывает, однако, Левина. Там прямо написано. Что же вы скажете, что неправильно написано? (М е ж л а у к. Жалкий вы врун.) Или есть свидетельские показания, которые неправильны? (М е ж л а у к. Работал не в вашей школке в 1921 и в 1922 г., а в 1926 и 1927г.— в борьбе с троцкизмом, куда был Центральным Комитетом послан.) Вы на одной постели со Слепковым одно время ночевали. (М е ж л а у к. Негодяй, подлец! На какой кровати и где, жалкий врун?) Можно, конечно, неприлично ругаться и сердиться, но факт остается фактом. Он вас весьма мало компрометирует, потому что это было совсем другое время. (М е ж л а у к. Конечно, встречался в свое время со Слепковым, я этого не отрицаю. Но на какой я кровати с ним спал? Это чепуха.)

Я не согласен с заключениями, которые делались здесь т. Кагановичем, который говорил относительно Куликова. Относительно Сокольников я не согласен вот почему. Как же это относится к 1932 году? Главный центр его показаний заключался в связи между правыми и троцкистами-левыми в последнее время. На этом зиждилось его первое показание. (Е ж о в. Тов. Каганович читал документы, почему ты обходишь документы?) Я цитирую речь Сокольников, как она была напечатана в «Правде», ничего другого у меня нет. А там говорилось относительно блока с правыми, в самом конце, где речь идет относительно связи с правым центром

и относительно организации правых. Относительно Куликова. Куликова показания на ставке я очень хорошо помню. Лазарь Моисеевич здесь цитировал документ. Этот документ звучит, как показание. Я этот документ не подписывал, не читал и не проверял. Но я отлично помню, что речь шла именно относительно Кагановича и ничего не говорилось относительно Сталина. (Каганович. Ничего подобного.) Для меня то, что вы говорите, совершенно не убедительно.

Каганович. Как не убедительно, когда все это записано? Все члены Политбюро присутствовали при этом, стенографистки записывают, а он говорит — не убедительно.

Бухарин. В моей записи справа было написано большими буквами относительно Кагановича и ничего не было записано относительно Сталина. (Голос с места. Мало ли у тебя что записано и что не записано.) В моей записи этого нет, а я своей записи верю больше, чем другим.

Каганович. Вот он здесь заявляет, что у него провал в памяти, что у него страшное нервное потрясение и т. д. А здесь он говорит, что для него все это не убедительно. Семь членов Политбюро присутствовали при этом, имеется запись стенографистки, а он всему этому не верит, а верит своей записи.

Бухарин. А я вам на это отвечаю: то, что вы читали относительно меня, вы говорите — записано, но там записана бессмысленная белиберда, в которой ничего нельзя понять. (Шум, волнение.) Затем т. Каганович сделал против меня один вывод совершенно исключительной резкости, сверхчеловеческой резкости. Он привел здесь опять-таки показания Куликова. Куликов рассказывал относительно того, что на квартире он у меня был в начале правой оппозиции, я не знал, что делать, и иногда плакал. Тов. Каганович этот самый плач превращает в плач на улице весной 1932 г. и по этому поводу делает такое заключение: о чем же Бухарин плакал? Он плакал от того, что он, видите ли, смаковал все последствия террористических актов. (Каганович. Ты сам так говорил.) Какой вздор! Я вам отвечаю, Лазарь Моисеевич, что речь шла совершенно о другом плаче. А в каком садистическом учебнике вы эту чепуху прочитали, я совершенно не знаю.

Каганович. Можно взять нерасшифрованную запись стенограммы, сдать в любую экспертизу, и она установит.

Бухарин. На это я вам ответил, т. Каганович, вы меня просили, чтобы я вас по направленной стенограмме не критиковал, а вы в качестве артиллерии берете против меня совершенно направленную стенограмму. Вчера были такие места, в которых нельзя было ничего понять. Вы говорили относительно Академии наук, остановились там на предисловии к одному сборнику, приписали это предисловие мне, а в этом сборнике, если хотите, два редактора — я и Деборин. Предисловие, по-моему, писал Деборин, может быть, еще кто-то, потом было обжаловано Адоратским или еще кем-то, после этого была замена, потому что там были неудачные фразы. Это предисловие по-вашему плохое, а содержание всего сборника, оно что — тоже фашистское? Так же ведь нельзя. Когда я вам бросил реплику, почему же вы тогда не говорили...

Сталин. Записка есть, прочитайте ее вслух. (Передаёт Бухарину записку).

Бухарин. «Свидетельствую, что предисловие к сборнику «Владимир Ильич Ленин» Академии наук, начинающееся словами... было написано собственноручно Бухариным. Это могут кроме меня подтвердить такие-то... (Голоса с мест. Кто? Читай фамилии.) Издатель Чагин, Валерианов и уполномоченный Ленинградского Гослита... (Голоса с мест. Кто пишет?) Чагин пишет. (Голос с места. Объясните эту записочку. Шум, волнение. Голос с места. Рукопись есть. Голос с места. Он не хочет читать. Смотрит, как баран на новые ворота.) Больше я ничего не вижу. (Голос с места. Ты же говорил, что не ты писал?) Мне помнится, что это предисловие писал не я, писал Деборин, (Смех.) Ну, хорошо. Однако даже если бы я здесь спутал и ошибся, то ведь содержание сборника остается? Неужели одна неудачная фраза решает все? (Постышев. Как вас ловят.) Может быть, я и ошибаюсь, достанем эту рукопись. А возможно, спутал Чагин. У нас было несколько сборников: был сборник памяти Маркса, был сборник памяти Ленина, был сборник памяти Энгельса. К сборнику памяти Маркса предисловие писал я — это я наверное помню. (Каганович. Речь идет об этом сборнике.)

Я думаю, что здесь, вероятно, путаница произошла, потому что первое предис-

ловие я писал. Вот т. Адоратский, вы не помните, кто писал второе предисловие? (Адоратский. Нет.) Я считаю, что второе предисловие не я писал, давайте это проверим, потому что и у Чагина может быть ошибка, он мог спутать. (Смех. Стецкий. И первый сборник также был задержан.) Хорошо, хорошо. У вас, т. Стецкий, всегда так бывает, что вы сперва задержите, потом контролируете, и потом никакой ответственности не несете. Так же было с целым рядом статей, я могу это доказать. (Каганович. Тут же указывается точно, какое предисловие и какими словами начинается.) Правильно, но я говорю, что, может быть, Чагин спутал предисловие первое с другими. (Голос с места. Все путают, кроме тебя.) Я сказал, почему я говорю об этом. Потому что когда Адоратский обжаловал это предисловие, тогда я разговаривал по этому поводу по просьбе Деборина с тем же Адоратским или с Кржижановским, что была тут просьба Абрама Моисеевича. Я помню это отлично. Может быть, он писал, а может быть, я. Только я считаю, что более вероятно, что Чагин спутал здесь два сборника. Это не большой такой факт, это можно все проверить. Однако, в конце концов, не так уж этот вопрос важен. (Стецкий. Дело не в сборнике, а в контрреволюционной группе, которая была у вас в Академии наук.)

Относительно контрреволюционной группы,— хорошо, я вам скажу. Из тех, которые арестованы были в Академии наук, которых я знаю, самым крупным по ответственному посту человеком был, на мой взгляд, по своему партийному положению секретарь фракции академиков Печерский, который был прислан Стецким в качестве главного лица, которое должно было заправлять всем во фракции Академии наук. Он специально был прислан для надзора, он хотел образовать бюро фракции и специально разыгрывал из себя Гога и Магога, пока все не увидели, что он ничтожный по своему содержанию человек. Это первый, потому что секретарь фракции Академии наук — это крупная персона, и он был нарочито прислан или командирован т. Алексеем Ивановичем Стецким. (Стецкий. Расскажите о вашей группе.) А входил ли в вашу группу Печерский, этого я не знаю и этим не интересовался.

Второе. Вторым был заведующий отделом кадров... (Голос с места. Второе хуже первого.) ...Бусыгин. Бусыгин был в Академии наук задолго до того, как я туда пришел. Меня с Бусыгиным познакомил Волынский, тогдашний управдел Академии наук, старый чекист. Волынским Бусыгин был поселен в общежитии Академии наук, где мы все останавливались. Бусыгин был постоянно вхож в ленинградские правительственные учреждения. Вот второй из этих арестованных. Затем, кто же там еще был? Урановский. Урановский был в биологической группе, был редактором, по-моему, журнала «Природа», никогда со мной ни в какой связи не был. Это вот Урановский.

Что ко мне относится и что меня касается в той или другой степени? Скажу, что меня касается. У нас в институте по истории науки и техники нужен был человек, который знал бы философию и в то же время занимался бы техникой. Когда я читал однажды доклад в Баку, в Бакинском филиале Академии наук, так заведующим, главой этого самого филиала был некий Гарбер. (Стецкий. Троцкист.) Я не знал, что он был троцкист, но он был заведующим филиалом Академии наук. Он спросил меня, нельзя ли ему заниматься историей техники. Я очень обрадовался, что есть такой человек. Получил телеграмму специальную, я даже на очную ставку принес эту телеграмму, а она где-то потерялась. Меня просили, чтобы я поговорил с т. Берия или с Багировым относительно этого самого Гарбера. Он был оттуда командирован, прошел через утверждение Стецкого, через Культпроп ЦК. (Стецкий. Расскажите, как вы обсуждали с Радеком насчет этой группы, говорили, что это ваши пистолеты.) Вы плохо читали показания Радека. «Пистолеты» — это у него насчет Мрачковского. (Багиров. Реплика не уловлена.) Это верно. Я вас не могу уверять, что я... (Багиров. Но почему тогда приписываете Стецкому? Вы же его взяли. Он наладил вам троцкистско-белогвардейскую работу в Баку, а потом вы его взяли.) Я его впервые в жизни видел у вас, а у вас он был начальником всего вашего филиала Академии наук. Если он занимал такую должность у вас, я говорю, мог ли иметь к нему какое-то априорное недоверие? (Багиров. Вот об этом рассказывает Радек.) Я рассказываю то, что я знаю, а не то, что другие знают. Если хотите, чтобы вам рассказал Радек, пусть вам расскажет Радек. Я вам рассказал, кому вы будете верить, это дело другое. Кстати, о Гарбере я у Радека не читал. Это в институте с Гарбером был случай.

Второй случай — с Васильевым, который в институт был назначен не мною, а его провел в свое время в институт Иоффе. Я знал, что у него было оппозиционное прошлое. Но Васильев был единственным человеком, который знал естествознание хорошо, историю естествознания и в то же самое время занимался марксистской философией. А так как в институте нужен был такой человек, я на него набросился и взял. Почему я мог его туда взять, были особые причины. Потому что в институте Иоффе были товарищи, которые имели специальную секретную службу, и поэтому надзор там был особенно сильный. Я считал, что риск там будет не особенно большой. Вот и все. А то, что Радек рассказывает, то он очень много что рассказывает, я не обязан всему верить. (Стецкий. Откуда ему знать о вашем институте, что он весь состоит из контрреволюционеров.) Да вовсе не весь институт. (Стецкий. Прочитайте показание Радека.)

Я все-таки задавал один вопрос Кагановичу: ну, хорошо, зачем я агитировал Павлова? (Каганович. Кто знает, что вы там агитировали. Голос с места. Мы все знаем, кто его агитировал.) Ну, хорошо, я об этом не буду говорить. Молотов, ты же знаешь? (Молотов. Я знаю, что ты ничего там хорошего не сделал.) Ну, это — верх «беспристрастия», больше ничего не могу сказать. Я хотел сказать то, что Лазарь Моисеевич говорил относительно рютинской платформы. Каганович говорил относительно рютинской платформы так: ну, вот Бухарин говорит, кто писал, разные комбинации, казуистика и пр.; скажите суть дела. Под сутью дела, насколько я понимаю, т. Каганович подразумевал политическую сущность реставраторско-капиталистических тенденций и острую форму борьбы. Но я, товарищи, должен сказать, что к политической сути рютинской платформы, поскольку я о ней осведомлен, я всегда имел самое отрицательное отношение. (Каганович. Как сказать.) Не как сказать, а такое отрицательное отношение, как к гнусному контрреволюционному документу.

Тут употребляется такого рода прием, когда указывают, что некоторые составные части сходны с идеями правых. Да, конечно, есть идеи, сходные с теми, которые защищались раньше правыми. Верно. Но, товарищи, самое основное марксистское требование заключается в том, чтобы рассматривать вещи исторически. Все же течет. (Шкирятов. Это верно, течет.) Если в рютинской платформе были некоторые идеи правых, от которых я давным давно отказался, то как можно мне их навязать? Если там речь идет об эволюции этих правых идей вправо, в то время как я ушел влево в своей эволюции, то как можно говорить о сродстве существа и прочее? Я уже не говорю об определенном периоде развития, когда я защищал и идеологически и практически определенную, очень вредоносную группу, но я говорю, что я давным давно ушел от нее в сторону партии и горячо защищал партийную линию. Вы мне можете не верить, не верьте. Я говорю о том, что органично связано со всем моим существом. Поэтому нельзя сделать такого заключения, что если там есть сходные моменты, значит, платформа твоя. (Каганович. И так как Томский с Рыковым обсуждали эту платформу, а Рыков потом имел суждение с Бухариным после пленума ЦК...) Факт остается фактом, что ни Рыков, ни Томский о том, что они читали рютинскую платформу, мне не говорили. Чем это объяснить? Может быть, тем, что, как здесь было про меня сказано, у меня язык болтливый. Но это есть определенный совершенно факт. Тов. Каганович говорит, что я ничего решительно положительного не делал в НКТП и в бытность мою в «Известиях». (Каганович. Вы расскажите о вашем сомнении о стимулах в 1932 г. и о вашем выступлении на XVII партийной конференции о лаборатории.) Относительно стимулов я подробно говорил, возражая на речь т. Микояна.

Тов. Микоян поставил вопрос таким образом, что если ты признаешь, что в 1932 г. для тебя не был ясен вопрос о стимулах, то, следовательно, ты остался на старой позиции. Я против этого возражал. Я формулирую: для меня неясен был вопрос о стимулах в сельском хозяйстве. (Гамарник. Это значит быть против коллективизации сельского хозяйства. Голос с места. Не видеть движущих сил социализма.) Потому что разные задачи стояли, разные задачи решались, разгром кулака, объединение хозяйств, организационное укрепление, это тоже входит в рост коллективизации. И я тогда говорил, что целый ряд вопросов об индустриализации, о коллективизации, сплошной коллективизации, ликвидации кулака для меня были ясны, я их совершенно принимал целиком. И эти важнейшие вопросы для меня были совершенно ясны. (Стецкий. А ваша статья в 1934 г., это что?)

Относительно лаборатории (вопрос Кагановича) дело объясняется очень просто. Относительно лаборатории я говорил потому, что я специально этим делом занимался, это был род моей службы. Я должен был отразить на конференции то, над чем я тогда практически работал. Вот видите, и сейчас т. Каганович меня обвиняет, что я ничего не сказал о практической работе. (Молотов. Вы не мешайте т. Бухарину говорить. Он говорит уже полтора часа.) Хорошо. Я пойду вам навстречу. Я хотел, товарищи, сказать вот что: против меня выдвинуты исключительно тяжелые обвинения. Я вас уверяю и буду всюду и везде, при каких бы то ни было обстоятельствах, как бы то ни было, при ком бы то ни было отрицать свою вину, потому что я действительно ничего из тех преступлений, которые мне навязываются лжесвидетелями, ничего не совершал.

Мои грехи были перед партией очень тяжелы. Мои грехи были особенно тяжелы в период решительного наступления социализма, тогда, когда фактически наша группа оказалась огромным тормозом и нанесла очень сильный вред в этом социалистическом наступлении. Эти грехи я признал: я признал, что от 1930 до 1932 г. у меня были хвосты большие, я их осознал. Но я с такой же силой, с какой признаю действительную свою вину, с такой же силой отрицаю ту вину, которую мне навязывают, и буду ее всегда отрицать, и не потому, что это имеет только личное значение, но и потому, что я считаю, что нельзя ни при каких условиях брать на себя что-то лишнее, в особенности тогда, когда это не нужно партии, не нужно стране, не нужно лично мне. (Шум в зале, смех.)

Несмотря на то, что я не могу объяснить целый ряд вещей, справедливых вопросов, которые задаются, я не могу до конца и даже до половины объяснить ряд вопросов о поведении людей, на меня показывающих. Но это обстоятельство, что я не могу объяснить всего, в моих глазах не служит аргументом за мою виновность. Я повторяю, много вин было на моей стороне, но я всей силой моей души протестую против обвинения в таких вещах, как измена родине, вредительство, террор и прочее, потому что любой человек, который был бы наделен такими качествами, являлся бы моим смертельным врагом. Я готов все, что угодно, сделать по отношению к такому человеку. (Шум, голоса. Петерс. Ты сам писал.) Вся трагичность моего положения в том, что этот Пятаков и все прочие так отравили всю атмосферу, просто такая атмосфера стала, что не верят человеческим чувствам — ни эмоции, ни движению души, ни слезам. (Смех.) Целый ряд человеческих проявлений, которые представляли раньше доказательство, и в этом ничего не было зазорного, — потеряли теперь свою силу. (Каганович. Слишком много двурушничали!) Я, товарищи, скажу относительно того, что было... (Хлопьянкин. В тюрьму пора!) Что? (Хлопьянкин. В тюрьму посадить давно пора!) Хорошо, сажайте. Вы думаете, от того, что вы кричите — посадить в тюрьму, я буду говорить по-другому? Не буду говорить.

Молотов. (председательствующий). Слово имеет Рыков.

Рыков⁵. Я, товарищи, должен извиниться сначала, что я не могу подробно отвечать на все то, что было сказано, потому что я был не в силах слушать все и частично отсутствовал из зала заседания во время обсуждения этого вопроса. Сейчас пленум решает, собственно, последний вопрос для меня. Это собрание будет последним, последним партийным собранием в моей жизни. Из того, что я слушал здесь, мне это совершенно и абсолютно ясно. Но так как я человеком партии был более 36-ти лет, то для меня это имеет значение собственно всей жизни. Против меня здесь выдвинуты широчайшие обвинения, т. е. такие обвинения в преступлениях, больше которых вообще не может быть. И все эти обвинения считаются доказанными фактами. Многие ораторы цитировали показания против меня. Я в своей первой речи пытался дать характеристику свидетельским показаниям, их не одно, а их пять или шесть, выдвинутых непосредственно против меня, и я хотел доказать, что среди них некоторые, например Радин, наговаривали злобно, некоторые, может быть, незлобно, но я здесь имею дело с наговорами.

Когда я слышал речи... Особенно точно средактировал свое отношение к этому т. Каганович. Он сказал, что зиновьевцы и троцкисты и те занимали одну позицию, т. е. они признавали то, что уже считали доказанным. Но многое скрыли и унесли с собою в могилу. Но они, возможно, признавали то, что считали доказанным в расчете на смягчение своей участи и в расчете именно на то, что дальнейшее не будет распутываться, они, мол, уже признались, и здесь можно поставить точку.

В этом они ошиблись: смягчения участи не было, и дальнейшее все раскрылось и все шло дальше и дальше. А теперь Бухарин и Рыков эту тактику изменили, они теперь себя держат иначе, они вообще отрицают, Бухарин все отрицает нагло, Рыков что-то признал, какие-то пустячки, а по показаниям они изобличаются полностью.

И когда картина рисуется по показаниям — то, что там есть, — то отсюда логическим путем очень стройно выходит, вытекает этот центр из Бухарина, Рыкова и Томского, вытекает вхождение Томского в этот центр зиновьевско-троцкистский; общая программа — реставрация капитализма и вся эта чудовищная тактика, которую эти фашисты применяли в борьбе с нашим Союзом. Получается круг, замкнутый совершенно. Все понятно, все ясно сверху донизу, все обосновано, все руководится, кем это нужно. И вся картина логически очень этакая стройная что ли, она вся налицо. И тут совершенно, конечно, естественно, что ждут признания, совершенно естественно. Я вот иногда шепчу, что не будет ли как-то на душе легче, если я возьму и скажу то, что я не делал. Вот это жмет меня отовсюду, справа и слева. Конец один, все равно. А соблазн — может быть, мучения меньше будет — ведь очень большой, очень большой. И тут, когда я стою перед этим целым рядом обвинений, ведь нужна огромная воля в таких условиях, исключительно огромная воля, чтобы не соврать по этой логической линии: «Ну, все равно кончено, в таком положении, в каком сейчас я нахожусь, это совершенно ясно».

Тут я слышал, что Сокольников был... но я никак не мог себе представить, что был какой-то центр, связанный с троцкистами, зиновьевцами, который с ним сносился, ну, никак... Для меня полнейшей неожиданностью было это дело — пятаковский процесс. Но стремился ли я как-нибудь это законспирировать? Я в это время был в Сибири, ехал оттуда и в то время начались в газетах эти статьи. Я помню, не то в Иркутске, не то в Омске я спрашиваю одного из секретарей крайкома: «Что такое, откуда это?» — а он говорит, что вот пока что документы из ЦК только об Аркусе. Я сказал, что Аркус Пятакова ведет, но если бы я участвовал в этом зле в какой-нибудь степени, разве могло это быть? А ведь я знал в отношении Аркуса и Пятакова раньше и высказал предположение, что если не изменились по сравнению с тем, что я знал в отношении Аркуса и Пятакова тогда, когда я считал Аркуса поддужным Пятакова...

Но ведь это не могло ко мне относиться ни с какого боку. Наоборот, если бы я в этом был виноват, это на меня должно было бы произвести впечатление совершенно иное, а ведь у меня же возникла сразу мысль, кто же за этим стоит, и сейчас же возникла мысль о Пятакове, и я это взвесил и изложил. Это же не может быть, если бы я участвовал во всех этих вещах, вы понимаете это. Как я еще могу вам доказать? Я пробовал вам приводить эти аргументы такого логического порядка что ли, аргументы о том, о сем, но к чему это? В самом деле, ведь я с ним приятелем тесным не был, почему же со мной никто из них этого не говорил?

Тут выдвигается этакая гипотеза, что Рыков осторожен, поэтому он не говорил с ними, а Томский — тот неосторожен и Бухарин тоже, они говорили. Но вот, допустим, я осторожен, но ведь с осторожным человеком лучше, приятней говорить, чем с неосторожным, почему же они не пытались со мной говорить? Этот вопрос и у Лазаря Моисеевича на моей ставке с Сокольниковым встал, и он его спрашивал сам: «Может быть, вам Рыков отказал, уклонился от свидания с вами?» То есть, значит, этот вопрос проверен, он говорит, что «нет, мы не пытались», т. е. ни он и никто из них не пытался. Я повторяю, ведь немыслима эта штука, чтобы они давали мне немаленькую роль, как это Сокольников показывал, что мы с ним вместе должны были какое-то правительство организовать, ведь не с Томским это было, а со мной, а не с Бухариным. Мыслима ли эта вещь, чтобы никто из них с тем человеком, с которым, по их словам, они хотели организовать правительство, который входит в этот мнимый правый центр, чтобы они не попытались как-нибудь с ним связаться? Я же спрашиваю Сокольникова: «Почему вы мне не то что разговором, а даже хотя бы руку пожали как-нибудь, сигнализировали, чтобы проверить меня, что мы теперь с ним более близкие, чем были раньше?» Я спрашиваю его: «Он что-нибудь сделал?» А он говорит: «Нет». А увидаться ведь со мной было легче, ведь мы с ним были вместе бесчисленное количество раз.

Чем я еще могу доказать? Ясно, что моей политической исповедью оперировать нельзя. Как еще, чем еще доказать? Хотят сказать, что я в этом самом троцкистско-зиновьевском центре был, когда пятаковский процесс был для меня

неожиданностью совершенно исключительной. Я долгое время был убежден, что Радек здесь ни при чем. Мы и в наркомате кое с кем говорили, и я думал искренне, что он тут ни при чем. И когда на зиновьевском процессе — мы читали с кем-то в наркомате — промелькнула фамилия Сокольников, так я помню, как т. Сталин нам рассказывал, что у них есть резервные люди. А он по тому процессу не шел. Я высказал предположение, что похоже на то, что он в резервном центре может быть. Я вел себя, вероятно, так же, как и многие из вас, здесь присутствующих. Но как я могу эту вещь доказать?

Конечно, я везде и всюду так же, как и Бухарин, буду утверждать, что это невероятно. Конечно, распутать все эти вещи безумно трудно в целом ряде случаев, но ведь мне доказать свою правоту абсолютно невозможно... (Ш е р н и к. С программой у вас что-то слабовато.) О программе я расскажу. Вопрос идет об организационных связях. А потом, после этого, когда Пятакова расстреляли, выскакивает Белобородов. Причем о том, что Белобородов со мной о чем-то договаривался, ни Пятаков, никто ничего не знал, ничего не рассказал, а я с Белобородовым в Сочах по этому сочинскому шоссе хожу!.. И черт его знает, что. Может быть, будет очная ставка и он подтвердит? Но тут же черт-те что, тут ничего такого, на что отвечать можно было бы, нет. Мне совершенно ясны все эти нелепости и глупости.

Второй центр. Здесь, по-моему, Бухарин прав, что из центра создали такой своеобразный миф... (Ш у м в з а л е.) Все, что он говорил по этому поводу, все это абсолютно верно. Я уже предлагал как-то, вот когда на очной ставке был, расследовать технику как-то, может быть, через прислуг или через еще кого-нибудь. Но ведь как же так? Мы ведь не видались целыми годами. Нам говорят, что «если мы через прислуг будем эти вопросы решать, то нас тогда каждый вокруг пальца обведет, что вы, не можете прислуг этих обмануть, что ли?» Ясное дело, что мы в свое время обманывали и прислуг в нелегальных условиях... (Г о л о с с м е с т а. А сейчас партию и Советскую власть обманываете.) Но как же доказать? Докажи, чего не было! Как еще доказать?

Тройка. Вот мы здесь двое — Бухарин и Рыков, третьего нет. Третьего-то нет? Как тут доказать? (Ш к и р я т о в. Третьего нехватило!) Какими фактическими данными доказать тройку? А ведь она, эта самая тройка, которой не было, за весь этот период не было ее, ведь она же приобрела права гражданства и апробировала себя по зиновьевскому, по пятаковскому процессам, всеми этими процессами апробирована. О них печатали и, очевидно, бывшие там наши правые уклонисты тоже держали речь. Тут прибавили другую, новую фамилию. По тем свидетельствам, которые мне послали, я ответил, а здесь говорится о Трофимове. Для меня это было полной неожиданностью. Я хотел понять, почему человек так говорит на себя. Я с ним ни о каких правых уклонах не говорил. Но он, совершенно очевидно, убежден, что они все-таки есть у меня.

Я имел с Трофимовым неплохие отношения, я знал все его прошлое, отношение его ко мне было точно так же хорошее. Я получил хорошие отзывы о нем из Ленинграда, один отзыв за подписью Кирова, хороший отзыв из Казахстана. У меня не было сомнений, что он работник хороший. Эту программу Политбюро по развитию связи в Казахстане он выполнил хорошо. Так что у меня не могло быть к нему недоверия. Затем мне сообщают, что он включился в какую-то организацию правого уклона, организовал какую-то террористическую группу, черт знает, как и к чему. Может быть, очная ставка должна что-нибудь разъяснить, а может быть, нет, я этого не могу сказать. Но когда я отсюда ушел, я перебрал в своей памяти все, что у меня было с Трофимовым, и подумал, что никаких намеков на эти разговоры не было.

А некоторые вещи он правильно передает. Например, что касается кампании по кролиководству, я, весьма вероятно, где-то сострил, может быть, неуместно, но во всяком случае я к этой кампании не относился, как к кампании такой, которая может в какой-нибудь степени разрешить вопросы животноводства и имеет какое-то большое хозяйственное и политическое значение. Возможно, что, когда у нас в деньгах были перебои, я выругал и Наркомфин, и Гринько, и Госплан. По-моему, в той судорожной работе, которую ведешь в наркомате, едва ли найдешь какого-нибудь наркома, который бы спокойно работал и не сорвался. Это, вероятно, и было в этой кампании по кролиководству.

Меня вышучивали здесь, не помню, кто, и говорили, что мы Иваны

Непомнящие. Я не могу сказать, какое слово я сказал. Но я вас уверяю, что если все то, что говорят, записывают точно, ведут протоколы на протяжении 5—6 лет, то они врут. Нельзя им верить, чтобы они могли все это помнить. Для меня совершенно несомненно, что если у них было что-то в памяти, запало 8 лет тому назад, а в последующие 8 лет по этому вопросу у них были новые наслоения, то это все забудется и перепутается. Я никакой не юрист, не адвокат, но, вероятно, в практике судопроизводства таких примеров можно найти безумное множество, когда преступление раскрывается через несколько лет и когда в этих показаниях бывает бесчисленное количество больших противоречий, решающих противоречий. (Постышев. Особых нет противоречий.) Но вот противоречия в том, был ли я троцкистом-убийцей или нет, для меня это не пустяк. (Постышев. В этом нет противоречия. Шкирятов. Он только насчет кроликов говорил.)

Сталин. Есть люди, которые дают правдивые показания, хотя они и страшные показания, но для того, чтобы очиститься вконец от грязи, которая к ним пристала. И есть такие люди, которые не дают правдивых показаний, потому что грязь, которая прилипла к ним, они полюбили и не хотят с ней расстаться.

Рыков. В такие моменты, при этих условиях, в которых я сейчас, просто для того, чтобы выйти из этого тупика, скажешь то, чего не было.

Сталин. Вы голову потеряли. Какая корысть?

Рыков. Что, что?

Ворошилов. Какой интерес?

Сталин. Выгода какая нам?

Рыков. Я говорю, что тут просто непроизвольно скажешь то, чего не было.

Сталин. Мрачковский, Шестов, Пятаков — они хотели освободиться от грязи, в какую попали, чего бы это ни стоило. Все-таки таких людей нельзя ругать, как тех, которые дают неправдивые показания, потому что привыкли к грязи, которая к ним пристала.

Рыков. Это верно. Теперь мне совершенно ясно, что ко мне будут лучше относиться, если я признаюсь, мне совершенно ясно, и для меня будет окончен целый ряд моих мучений, какой угодно ценой, хоть к какому-то концу. (Постышев. Чего ясно? Какие мучения? Изображает из себя мученика.) Я извиняюсь, на это не нужно было ссылаться.

Я еще хотел сказать вот в отношении с этим Трофимовым. Я беру на себя полную ответственность за то, что я его поддерживал в работе, что я к нему относился хорошо, что я лично думал, что у него от старого — он был одним из помощников Смирнова — что у него от этого ничего не осталось и что он искренен. Я говорил с ним об этом. Я говорил, что вам нужно срастись как-то более интимно с партией, с рабочей организацией, исходя из того, что он хорошо работал. Однажды он пришел ко мне и сказал относительно раскулачивания. Я ему тогда ответил, что в таком деле, которое идет сейчас в деревне, известные издержки производства будут. Ясно, будут, это же мировая вещь, без этого нельзя, но то, что достигается, это — наше. Я говорил ему, что это же разрешение мирового вопроса, и это будет достигнуто. Вот все это я вспоминаю, когда у нас с ним был разговор. А что он теперь скажет, я не знаю.

Я хотел еще сказать относительно рютинской программы. То, что я знаю об этом, я уже сказал. Вы перед собой должны поставить вопрос, почему же он все утаивает и утаивает, а это взял и рассказал. Ведь меня никто не тянул за язык, никто меня не спрашивал, я сам рассказал и о том разговоре, который у меня был с Томским, и о том разговоре, который у меня был с Каменевым, о том разговоре, который у меня был с ним в Совнаркоме, когда я был председателем Совнаркома, а он был председателем Главного концессионного комитета. Никто же меня не тянул за язык. Но я это сказал потому, что я хотел сказать то, что может помочь в этом деле. Так же я сказал и о рютинской программе. (Косиор. Конечно, скрывал.) Я не все сказал тогда. (Голоса с мест. Почему?) Меня обвиняли. Я сказал, что помню, там были двое кроме тех, которых называют другие. Моя память говорит, что был еще кто-то, но ведь то, что было там, заключалось в том, что я тут плохо сделал. Об этом мне сказали.

Я вновь подтверждаю, что это была случайная поездка, застал там много людей, часть ушла в комнату, послали за мной, сказали, что принесли листовку,

которая распространялась на фабрике. Мы ее прослушали, я ее выругал. (Г о л о с с м е с т а. Кто читал?) Не помню. Они стояли группой, я сидел вдали от них, но так, что можно было слушать. Я ее выругал, эту самую платформу. Но думать, что там могло быть заседание, считать меня за такого человека, который будет заседать с неведомыми людьми... (Б е р и я. Они вам известны.) Я говорю то, что я знаю, т. Берия, вы будете говорить то, что вы знаете. (П о с т ы ш е в. Почему в ЦК не сказал? Какие соображения были?) Никаких соображений не было. (В о р о ш и л о в. Эх, какой ты наивный.) Был там Томский, документ принесли с завода, о нем Центральный Комитет знает, был оглашен там. (В о р о ш и л о в. Почему тебе нужно было во второй раз знакомиться с этой программой?) О существовании ее я знал, что она вышла, что произведены аресты. (В о р о ш и л о в. Пошел знакомиться?) Я не знал, что она там будет. (Я р о с л а в с к и й. Почему на пленуме сказал, что не слышал? В о р о ш и л о в. Но если она, на твое счастье, попала, ты должен был забрать ее в карман и тащить в Центральный Комитет.)

Это все, что там было. Ее не обсуждали там, не утверждали. (П о с т ы ш е в. Почему не сказал в Центральном Комитете?) Во-первых, я не придавал этому значения, раз она никем не одобрялась, я не слышал, чтобы ее одобряли. (Г о л о с с м е с т а. Зачем контрреволюционные документы распространять? П о с т ы ш е в. Если бы одобряли, вы бы принесли в ЦК?) Ее каждый ругал, и я ругал. (Л ю б ч е н к о. На пленуме Центрального Комитета почему не сказал, что у Томского ее уже читали? Х р у щ е в. У нас кандидаты партии, если попадет антипартийный документ, они несут в ячейку, а вы — кандидат в члены ЦК.) Это совершенно явная ошибка, но мое отношение к рютинской программе всегда, и ныне и присно, было только отрицательным. (П о с т ы ш е в. Зачем вилить?) Если бы я был за эту программу... Меня оговаривают в том, чего не было. Мне бы хотелось одно сказать... (П о с т ы ш е в. Почему не принес в ЦК?)

Как же это могло случиться, что из 50 людей, которые дают показания против меня, ни один человек не говорит о рютинской платформе, а только о том, что я эту платформу рекомендовал? (Ш к и р я т о в. А Шмидт?) Я имею в виду Радина, Нестерова и всех остальных. Шмидт тоже об этом не говорит. Шмидт говорит о том, что я участвовал в обсуждении программы, но ни слова не говорит о том, что я эту программу одобрял. Я абсолютно этой программе чужд. Бухарин абсолютно чужд, ни разу мы об этой рютинской платформе не обмолвились ни словом. Никто из пойманных людей не показывает, что мы им указывали на рютинскую платформу как на нашу программу. (Б а у м а н. Шмидт говорит, что эта платформа была одобрена. М о л о т о в. А как же вы после большевского совещания... С т а л и н. Где это происходило? М о л о т о в. В Болшеве у Томского на даче. С т а л и н. А я думал, что где-нибудь в ресторане, где было много людей.)

М о л о т о в. А как же получается: после этого чтения рютинской платформы у Томского на даче был пленум Центрального Комитета, там об этой платформе говорилось, вы там выступали и сказали, что если бы вы узнали, что кто-нибудь имеет такую платформу, то вы потащили бы его в ГПУ. Вы же говорили это? Было это? Было.

Р ы к о в. Тут я виноват и признаю целиком свою вину.

М о л о т о в. Это же факт несомненный, вы тут запутались, т. Рыков.

Р ы к о в. В чем?

М о л о т о в. Как же вы на пленуме выступали с этими словами: если бы вы такую платформу увидели, это белогвардейская платформа, вы бы потащили в ГПУ. И ни слова не говорите на пленуме о том, что вы эту платформу уже читали. Как же это так получается?

Р ы к о в. Я сказал, что я не помню, было это до пленума или после пленума. (Общий шум, смех. Возглас. Все врешь.) Может быть, и до пленума. Я рассказываю все то, что я знаю, что я об этом помню. Во всем этом есть нехорошее, конечно, не только хорошее. Я же вовсе не утверждал, что я о себе буду говорить неправду, а только то, что меня спасет. За это меня укоряют. За то, что я сделал, меня нужно карать, но нельзя карать за то, чего я не сделал.

М о л о т о в. Мы тут говорим только о том, врал или не врал с определенным намерением.

Р ы к о в. Совершенно верно: меня нужно карать за то, что я не сказал на пленуме об этом обстоятельстве. Но одно дело, если меня покарают за то, что я не

притащил куда нужно Томского и других, совершенно другое, когда утверждают, что я с этой программой солидаризировался, что эта программа была моя. (Шкирятов. Раз об этом не сообщил, значит, был участником.) Если я какую-нибудь программу обругал, значит, я участвую в поддержке этой программы? (Голоса с мест. Нам неизвестно.) Это же и Шмидт показывает, показывает у себя на очной ставке со мной. (Каганович. Шмидт показывает насчет теоретической части, вы сказали, что вам не совсем понравилась экономическая часть.) Шмидт всего в этом отношении говорить не будет, но из того, что здесь было теперь, как я себе объясняю, я действительно в составлении никакого участия не принимал, программы этой никогда не одобрял и одобрять не мог, из программы не исходил. (Молотов. В одном месте одобряете, в другом нет.) Я ни в одном месте не одобрял и одобрять такой программы не мог. (Молотов. Вы сами показали. Постышев. Вот Угланов показывает, прочитайте.)

И Шмидт этого не показывает и показать не мог, а из того, что говорит Шмидт, видно, что он подтверждает о Бухарине, обо мне и об остальных, что мы выработали какую-то программу, позондировали меня на этом заседании. У них эта вещь не вышла. (Голос с места. Вы их не выдали.) Я повторяю, если бы я эту программу защищал, то такие люди, как Радин и Нестеров, с которыми я говорил, они показывают о терроре, о вредительстве и черт знает о чем, — ну как же я мог им не сказать: вот вам рютинская программа нашей деятельности? Ведь это же невозможно. Зачем же тогда принимать-то ее, если никому из своих единомышленников по этой подпольной организации не рекомендовать? Здесь же это совершенно бессмысленно. (Постышев. Вот Угланов показывает, прочитайте вам?) Я читал. (Постышев. Вот то-то и оно-то.) Угланов показывает, что я на Девичьем Поле слушал его отчет относительно того, как он разговаривал с Каменевым и Зиновьевым, черт его возьми, и что было потом, а я в это время в Крыму был и на похоронах не был и на Девичьем Поле не был. (Каганович. Вы сами с Каменевым разговаривали в конце 1931 года.) То, что я сказал в Совнарком... (Каганович. Вы сами сказали.) Никогда я этого не утверждал, и утверждать не мог, и с Каменевым не говорил. (Каганович. В 1930 году.) Я с Каменевым говорил в 1929 или каком-то году, когда я был председателем Совета Народных Комиссаров, а он был председателем Главконцесскома, и разговор был такой, что я не сообщил об этом официально в Политбюро.

Разговор был такой: после того, как он доложил мне о концессиях, что и как, ликвидировать или не ликвидировать, он мне сказал: знаете что, вы теперь в партии восстановлены, недоразумений много, вот если бы старые большевики, которые во главе партии росли... Так вот, эти недоразумения мы бы могли ликвидировать. Я ему на это ответил, что никакое общество старых большевиков ни при чем, не для этого я его вызвал к себе, чтобы разговаривать помимо партии, Центрального Комитета о каких-то старых большевиках — чепуха, я его прошу об этих глупых вещах не говорить. Если это серьезно, если это такой разговор о старых большевиках, о котором нужно официально написать, я не написал, скрывать я этого никогда не скрывал. Вот этот разговор у меня был, когда я был председателем Совета Народных Комиссаров и членом Политбюро.

Потом мне непонятно, почему все показания как-то кончаются этим, кажется 1934 г., это приблизительно так. О 1935 — 1936 гг. нет или почти ничего нет. Это тоже служит, ясное дело, доказательством того, что в этом самом центре, который именно в это время по показаниям Пятакова вошел в контакт и в состав которого в это время вошли мы... Ведь этот самый центр должен был как-то активизироваться, с какими-то людьми как-то связаться, что-то сделать как-то, какие-то директивы дать, если бы это было на самом деле. Но ни по 1935 г., ни по 1936 г. нельзя ничего найти, не могу в показаниях ничего найти. Ведь это могло только в том случае быть, если никакого этого центра нет и не было.

Фетиш или фикция центра, она по целому ряду причин установилась, и эти сторонники, эти бывшие сторонники правых, которые имелись на местах, начали организовываться и всякие такие вещи. А потом, когда от центра никаких указаний не было, никакого руководства не было, они стали распадаться опять. Ведь иначе этого не объяснишь. Ведь почему люди показывает про 1930, про 1931 г., помнят за шесть, за восемь лет, а забыли про 1935 — 1936 гг., там ничего не помнят, а центр продолжает существовать и работать. (Молотов. Нестеров показывает.) Нет, то

же самое, про 1935 — 1936 гг. ничего нет. (Ч у б а р ь. Трофимов показывает, Нестеров показывает.) Трофимова я не читал. Куда же это все делось? То, что было за 6—8 лет, люди помнят, помнят то, что было раньше, а то, что было в 1935 — 1936 гг., нигде ничего нет, не помнят? (М о л о т о в. Артеменко показывает, Нестеров показывает.) Нет, это все тоже относится к тому времени, это разговор в 1936 г. о том, что было раньше. (М о л о т о в. Да нет же, в 1936 г. было.)

Провалиться эти годы при существовании центра и работе центра, они же не могли. Большинство показаний относится к 1930 — 1931 — 1932 гг., часть к 1934 г., а по 1935 и 1936 гг. или ничего нет, или почти ничего. А когда центр-то объединился, кажется, ведь должна была работа развернуться, какие-то должны были даваться директивы или что-то еще. Все это наоборот выходит. И вот создание фикции этого самого центра и фикции этого блока или контакта какого-то центра при моем участии с зиновьевцами, оно все путает. Из того, что есть, нельзя этого выяснить.

Товарищи, я повторяю тут этот вопрос, который задавали многие: почему же люди сами на себя говорят, не может этого быть. Я над этим вопросом мучился сам, и теперь вот с Трофимовым я вам посильный ответ старался дать. Для меня речь может идти, вы, конечно, можете мне не верить, о каких-то гипотезах, объяснениях этих свидетельств, я повторяю тут в значительной степени показания Бухарина. Конечно, чего я не знаю и в чем я не виновен: ни с какой троцкистской сволочью, повторяю, не был, вместе с вами боролся, с вами не уклонялся и никогда, ни одной минуты не был с ними. С Зиновьевым я лично дрался не один раз в истории партии. Повторяю, я, конечно, сделал тут много ошибок. То, что я давно состою в партии, 36 лет, это не извинение. Я говорю, что такие эпохи больших переходов, они встречаются не каждый год.

Я ошибки делал в такие определяющие моменты в истории партии, когда один год или месяц могут стоять, может быть, целых пятилетий такой сравнительно ровной нелегальной работы. С Зиновьевым с этим дрался и не ценил его никак, никогда и нигде. Пятакову я лично не доверял с тех пор как, по-моему, благодаря Пятакову умер Дзержинский Феликс (М е ж л а у к. Он умер благодаря вам.), с которым я в тот период был очень близок. Пятакова всегда считал лицемером, которому верить нельзя. (М е ж л а у к. Вы же травили Дзержинского изо дня в день у себя на Совнаркоме, память коротка у вас.) А он ко мне на квартиру ходил чуть не каждый день и жил у меня внизу тут. (М е ж л а у к. Не у вас жил, а в Кремле.) Ну, около меня, внизу. Постоянно ходил ко мне. Я сейчас о Пятакове говорю, что я всегда считал его мерзавцем, знал, что верить ему нельзя. Я лично думал для себя, что он, когда переходил к нам, выдал своих людей. Я был в этом совершенно убежден. Но я также думал, что он выдаст людей, когда угодно, и выдаст нас. И с ним сговариваться, с Пятаковым, заключать с ним блок, с этим, с моей точки зрения, самым отвратительнейшим человеком?! Я этого не говорил открыто на собрании, потому что он стоял очень высоко, но я ему никогда не доверял. И Зиновьеву также.

М о л о т о в. А все-таки блок в 1928 — 1929 гг. налаживал с ними?

Р ы к о в. Никакого блока.

М о л о т о в. А как же разговоры, а Бухарин что говорил?

Р ы к о в. Вот эти разговоры: Бухарин пришел ко мне, рассказал после того, как этот разговор был. Он пришел ко мне, рассказал, я помню, я его выругал за это и спросил: «А что он тебе сказал?» А он говорит: «Ничего не сказал».

С т а л и н. А блок с Зиновьевым и Каменевым на другой день после взятия власти против Ленина?

Р ы к о в. Это было.

С т а л и н. А блок перед восстанием с Зиновьевым и Каменевым?

Р ы к о в. Этого не было.

С т а л и н. Ты же против восстания был.

Р ы к о в. Я же был здесь, в Москве. (М о л о т о в. Он после восстания...) Вот когда образован был Совнарком, правительство, тут у меня было. Я когда говорил о больших поворотах, когда один месяц стоит многих лет, я это имел в виду.

С т а л и н. А тебе известно, что в ЦК лежат три письма Дзержинского, в разное время внесенные в ЦК, с отставкой: не могу больше с Рыковым работать?

Р ы к о в. Об этом я знаю. Об этом Дзержинский со мной говорил, со мной говорил об этом, кажется, Сталин. С Дзержинским мы помирились. Споров у нас никаких не было, он жаловался на то, что я разные вопросы...

П р о т о к о л
заседания комиссии Президиума ЦК ВКП(б) по делу
Бухарина и Рыкова

27 февраля 1937 года.

П Р И С У Т С Т В О В А Л И :

тов. ШКОЛОВ - председатель.

Члены комиссии: т.т. Андреев, Сталин, Молотов, Каганович Л.М.,
Ворошилов, Калинин, Ежов, Шкирятов, Крупская,
Косиор, Ярославский, Аданов, Хрушев, Улья-
нова, Мануильский, Литвинов, Якир, Каба-
ков, Берия, Мироян, Эйхе, Сагиров, Яковлев,
Варейкис, Буденный, Яковлев Я., Чубарь,
Косарев, Постышев, Петровский, Николаева,
Шверник, Угаров, Антипов, Гамарник.

СЛУШАЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЗАКОННОЙ КОМИССИИ

Предложение тов. Ежова об исключении Бухарина и Рыкова из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предании их суду Военного Трибунала с применением высшей меры наказания - расстрела.

~~Членами комиссии были внесены следующие предложения:~~

1. т. Постышев - исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду, без применения расстрела.
2. т. Буденный - исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б) и предать суду с применением расстрела.
3. т. Сталина - исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б); суду не предавать, ~~а - выдать.~~
4. т. Мануильский - исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
5. т. Шкирятов - исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.
6. т. Антипова - Т о ж е.
7. т. Хрушев - Т о ж е.
8. т. Николаева - Т о ж е.
9. т. Ульянова - За предложение т. Сталина.
10. т. Шверника - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду и расстрелять.
11. т. Косиора - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ВКП(б), предать суду, без применения расстрела.

Берия. А вы говорите, что он вам другом был.

Рыков. Ну, друзьями мы с ним были после этого. Такими друзьями, что, когда Дзержинский упал после речи Пятакова и лежал больной, он потребовал, чтобы я к нему пришел. И я Дзержинского вел в его квартиру. Разве мог он обратиться ко мне тогда? Я председательствовал тогда на съезде Советов, передал дела другому председателю, вышел к Феликсу, посоветовался с врачом. (Голос с места. Это был не съезд, а пленум.) Извиняюсь, на пленуме. Он меня вызвал, а не кого-либо еще. Я его отвел на квартиру. (Голос с места. Выходит, что он самый близкий твой друг.) Врачи сомневались, вести его или не вести. Дзержинский устроил скандал, что скоро перерыв, все выйдут, а я тут занимаю место. (Каганович. Оказание помощи, это вы считаете дружбой? Голос с места. Это неверно.) Тут не в этом дело.

Постышев. Ты говоришь, что в 1935 г. вы ни с кем не виделись. Здесь Куликов показал, что в 1935 г. Котов с вами виделся в трех местах, и вы дали указание насчет террора.

Рыков. Это было в 1934 году. Куликов показывает со слов Котова, а Котов говорит, что в 1934 году. У меня с ним была очная ставка. Было это в 1934 г., я вам уже рассказывал в прошлый раз в своей речи. Он хотел показать, что встреча была

- 2 -

12. т. Петровский - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК(б), предать суду, без применения расстрела.
13. т. Литвинов - Т о ж е.
14. т. Крупская - За предложение т. Сталина.
15. Косарев - Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК(б), предать суду и расстрелять.
16. т. Якир - Т о ж е.
17. т. Варейкис - за предложение т. Сталина.
18. т. Молотов - за предложение т. Сталина.
19. т. Ворошилов - за предложение т. Сталина.

П о с т а н о в л е н и е:

1) Исключить из состава кандидатов ЦК ВКП(б) и членов ЦК(б) Бухарина и Рыкова; суду их не предавать, а *направить дело в военный трибунал* (Принято единогласно).

2) Поручить комиссии в составе т.т. Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна и Ежова выработать на основе принятого решения проект мотивированной резолюции.

Д. М. Шаб
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

в 1935 г., а на самом деле она была в 1934 году. С Котовым у меня была очная ставка. (Постышев. А с Белобородовым когда виделись?) С Белобородовым я не виделся. (Голос с места. А в Сочи? Голос с места. С 1935 г. работу немного свернули.) Не знаю, конечно, можно издеваться. Я теперь конченный человек, это мне совершенно бесспорно, но зачем же так зря издеваться? (Постышев. Не издеваться, а факты надо установить.) Это дикая вещь. (Постышев. Издеваться над вами нечего, сами вы на себя пеняйте.) Я кончаю, я же понимаю, что это последнее мое выступление и на пленуме ЦК и, возможно, вообще за всю мою жизнь. Но я опять повторяю, что признаться в том, чего я не делал, сделать из себя самого для облегчения своего или какого-либо подлеца, каким я изображаюсь здесь, этого я никогда не сделаю.

Сталин. А кто этого требует?

Рыков. Да, господа, твоя воля, это же вытекает. Я ни в каких блоках не состоял, ни в каком центре правых не был, никаким вредительством, шпионажем, диверсиями, террором, гадостями не занимался. И я это буду утверждать, пока живу.

Андреев (председательствующий). Слово имеет г. Ежов.

Ежов⁶. Товарищи, пленум ЦК нашей партии уже четвертый день обсуждает вопрос о Бухарине и Рыкове. Когда на пленуме ЦК партии был поставлен вопрос, имелось в виду, что эти два кандидата в члены ЦК партии должны держать политический отчет перед пленумом ЦК партии, перед всей партией, за всю сумму тех политических выступлений против партии и советской власти, которые они совершили на том отрезке времени, который мы исчисляем многими и многими годами.

Было предъявлено три главных обвинения. Во-первых, в том, что Бухарин и Рыков после подачи ими заявления о полном подчинении партии и отказе от своих правооппортунистических взглядов обманывали партию, двурушнически маскируясь, отказываясь от своих правооппортунистических взглядов, они сохранили свою фракцию, члены которой ушли в подполье, продолжали стоять на своей старой политической платформе, не прекращая борьбу с партией, подчиняясь только своей внутрифракционной дисциплине. Для руководства этой фракцией еще в 1928 г. был создан центр, который существовал до последнего времени. Активнейшими участниками, членами этого центра были Бухарин и Рыков.

Во-вторых, Бухарину и Рыкову было предъявлено обвинение в том, что они не отказывались от своих политических, враждебных нашей стране убеждений и стояли на платформе капиталистической реставрации в СССР.

И, в-третьих, мы обвиняли Бухарина и Рыкова в том, что для достижения поставленных ими целей по свержению ленинско-сталинского руководства они пошли на прямой блок с троцкистами, зиновьевцами, «леваками», эсерами, меньшевиками и со всеми остальными фракционными группировками, которые были разгромлены давным-давно. В блоке со всеми врагами Советского Союза они перешли к методу террора, организуя вооруженное восстание, к методам вредительства. Таковы политические обвинения, которые были предъявлены Бухарину и Рыкову.

Однако ни Бухарин, ни Рыков на эти политические обвинения ничего не отвечали. Тут правильно все их называли буржуазными адвокатами. Совершенно неслучайно, что они в своих речах и в своих заявлениях совершенно обходили вопрос оценки всей этой мерзкой своры троцкистско-зиновьевских подонков, которых мы недавно расстреляли. Неслучайно, что Бухарин, и Рыков главное свое направление в защите заняли только в выискивании противоречий в показаниях арестованных соучастников, единомышленников.

Если они заняли такую линию, то я думаю, что мы можем с полным правом предъявить им в результате обсуждения еще одно политическое обвинение в том, что они остались неразоружившимися врагами, которые дают сигнал всем враждебным силам, как у нас здесь в СССР, так и за границей. (Голоса с мест. Правильно.) Вот это четвертое обвинение, которое мы можем с полным правом предъявить и Бухарину, и Рыкову в результате обсуждения вопроса. Они своим единомышленникам дают сигнал: продолжайте работать, конспирируясь больше; попадешь — не сознавайся. Вот такова линия. В этой своей защите они взяли под сомнение не только само следствие, но они, защищая себя, вынуждены были взять под сомнение и зиновьевско-троцкистский процесс, и первый, и второй.

Бухарин, по крайней мере, в своем заявлении недвусмысленно об этом говорит. (Бухарин. Где я говорю?) Прочти внимательно, всюду ты говоришь, всю эту свору мерзкую ты защищаешь... (Бухарин. Да что это такое? Это безобразие!)

Да, ты защищаешь эту свору мерзкую, ты пытаешься опорочить все процессы, которые были. (Шкирятов. Правильно, Николай Иванович, правильно говоришь!) Очень тонко, очень умно ты это преподносишь в своих заявлениях, но по существу ты защищаешь всю эту свору троцкистов, зиновьевцев, меньшевиков, фашистов, эсеров... (Бухарин. Да ничего я не защищаю. Я целиком согласен с этим). Согласен? Ты не можешь быть согласен, если правые на себя клеветают, и на тебя клеветают — ты же это говоришь, но ты не можешь сказать, что троцкисты не клеветают на себя. Почему они на себя не клеветают? (Бухарин. Да ничего подобного. Я говорю, что не может быть здесь сплошного ответа. Молотов. Не мешайте, Бухарин.) Я к ответам вернусь. Я не хотел задевать порядка ведения следствия. Я только в общей форме поставил этот вопрос.

Видите ли, Бухарин выискивает отдельные противоречия в показаниях того или другого арестованного и делает отсюда вывод: вот, видите ли, следствие так ведется, что людям подсказывают, и подсказывают невпопад. Видите ли, если мы хотели подстроить Бухарину все эти показания, так было бы очевидно, все это было бы причесано, все было бы приглажено... (Постышев. Противоречия были бы устранены.) Да, противоречия устранены. Каждый говорил, как нужно. Это и говорит за правильное ведение следствия: в разных местах десятки арестованных опрашиваются... (Берия. В разное время.) Не говорится о том, какие имеются на него показания, и эти арестованные дают, каждый по-своему, тот факт, который есть.

Конечно, Бухарин, когда мы будем подводить итог, мы, конечно, и очными ставками, и дополнительными допросами — мы уточним все это. Больше того, я теперь скажу, если бы так вели следствие, к сожалению, мы иногда на этот путь и сбивались, мы, конечно, ничего бы не вскрыли. Почему? Потому что, когда допрашивается арестованный, которому ни слова не говорят, какие на него имеются материалы, кто на него показывает, он совершенно неожиданно дает новые факты, уйму фактов. В этом убедился Рыков, когда при Рыкове впервые давал показания Шмидт. Никакого протокола не было записано у Шмидта. Шмидт приехал с Дальнего Востока, имел часовую беседу со следователем, потом я его вызвал на очную ставку и сказал: «Расскажите, Шмидт, все», — и он начал рассказывать. (Голос с места. При Рыкове?) Да, при Рыкове. Так что этот аргумент о том, что есть отдельные противоречия и т. д. и т. п., он совершенно отпадает.

Я думаю, что если бы все совпадало, то Бухарин кричал бы на весь мир о том, что это подстроено. (Берия. Он бы тогда спекулировал этим.) Безусловно, спекулировал бы. Теперь Бухарин пытается, когда никакого выхода нет, говорить, что на него лгут, клеветают, а когда ему задают вопрос, почему они на себя говорят, то он вынужден, конечно, обелить себя: ну, что ж, один боится, что его другие оговорят, поэтому он и говорит на себя... Скажите, пожалуйста, нашлись любители такие, которые свою башку подставляют под расстрел, много таких найдешь? Любители нашлись такие, которые подставляют свою башку и говорят: «Что я террорист, я сволочь — все это неверно, но расстреляйте меня для моего удовольствия». (Голос с места. Спортсмены.) И то, что Бухарин берет их всех под защиту, это не случайно, потому что ему надо как-то защитить себя, потому что если они на себя говорят неправду, то почему же они врут о Бухарине? Поэтому он вынужден огулом взять под защиту всех их.

Дальше — второй аргумент: я, говорит, видите ли, давным давно отмежевался от всех людей, обозвал их контрреволюционерами, их не защищал, и поэтому они, естественно, злы на меня и наговаривают. Вот я некоторые документы приведу Бухарину, как он отмежевался. Он действительно от Слепкова отмежевался, т. е. вернее, от всех братьев Слепковых отмежевался, отмежевался давненько, после их ареста, и в частности отмежевался от этого Слепкова, когда он был исключен из партии и арестован. Это речь идет о Владимире Слепкове. И тем не менее через некоторое время, тайно позвонив Емельяну Ярославскому, предварительно спросив его, он посылает письмо. Я об этом говорю потому, что он был арестован, исключен из партии, а ты после этого пишешь Емельяну. (Бухарин. Верно, но он никакого отношения не имел к этой группе.) Да неправда, ведь ты-то знаешь, что он имел прямое отношение. (Бухарин. Да нет же, нет.)

Подожди, послушай документы, имей терпение. Он пишет письмо о Слепкове, самом младшем из братьев: «Могу лишь сказать, что я хорошо знаю, что Владимир Слепков ни в каких передрягах, фракционной деятельности ни на каком этапе не участвовал. Может быть, у него и были когда-либо сомнения, но он держался от Александра политически в стороне». И он просит его восстановить в партии. (С т а л и н. Кому это пишет Бухарин?) Он это пишет Ярославскому. На деле же он прекрасно знает, что Владимир Слепков, как и Василий, участвовал на том знаменитом совещании в Покровском-Стрешневе, где было человек 17 народу, где Кузьмин впервые сказал, что ежели все дело в Сталине, то давайте его уберем. Все они об этом говорят и говорят открыто так же, как и Василий и Владимир Слепковы, которые себя причисляют к этой организации с момента ее существования, т. е. с момента, когда их вовлекли братья. Этот Владимир Слепков почти на всех совещаниях участвовал. (Б у х а р и н. Он же в Ленинграде жил.) Да, в Ленинграде жил, совершенно верно. Этот самый Слепков в 1933 г. арестовывается и затем его освобождают, исключают из партии, а в 1934 г. Николай Иванович Бухарин ходатайствует за этого человека и потом говорит, что «они на меня наговаривают потому, что я от них отмежевался». Так что его двурушническое поведение сказывается даже в этих мелочах.

Второй документ — тоже дружба такая, довольно подозрительная: известный человек был такой, террорист Каталынов, организатор убийства т. Кирова, наводчик Николаева. Так вот, видите ли, тоже в 1934 г. Бухарин пишет... (Г о л о с с м е с т а. Кому?) Медведю в Ленинград. Он пишет: «Дорогой товарищ Медведь, у тебя зашился один работник, — и просит потом, — хорошо было бы разгрузить от административных дел, есть у вас в Ленинграде такой парень Ваня Каталынов», словом, сообщает ему подробную характеристику со слов других, называет о том, что его может рекомендовать Смородинов. Потом пишет: «Я оставляю в стороне, что он исключался из партии, и знаю только, слышал о нем как об очень талантливом парттысячнике». (Б у х а р и н. Один сотрудник очень видный, очень крупный чекист...) Да не в этом дело. (Б у х а р и н. Один чекист, научный работник просил меня дать этого Каталынова. Я написал Медведю и просил его проверить об этом человеке.) Странное знакомство с террористами. (Б у х а р и н. Я могу вам свидетелей вызвать, по чьей просьбе я это делал.)

А н д р е е в. Тов. Бухарин, не мешайте.

Е ж о в. Дальше Бухарин все дело построил на лжи. Врет, понимаете ли, на каждом шагу, просто стыдно даже слушать. (Г о л о с с м е с т а. Правильно.) В защиту своего положения он прямо не стесняется никакой лжи даже тогда, когда его изобличают документами, он пытается увильнуть, как он недавно увильнул по поводу документа с предисловием. Обязательно. Больше того, он для того, чтобы защититься, Ленина притянул в свидетели для того, чтобы, с одной стороны, сжалились, а, с другой стороны, чтобы сказать, что Ленин у него на руках умер. Он пишет заявление в ЦК, что Ильич у него на руках умер. Чепуха! Врешь! Ложь сплошная! Для чего это нужно? Вот я читаю газету, пишет Зиновьев... (М о л о т о в. Какая газета, от какого числа?) Это известная газета «Правда» № 23, среда, 30 января 1924 года. Зиновьев пишет в ней: «... и врачи все подтвердили. А сейчас позвонили: «Ильич умер». Через час мы едем в Горки уже к мертвому Ильичу — Бухарин, Томский, Сталин, Рыков лежит больной...»

Б у х а р и н. Вот же они были при смерти Ильича: Мария Ильинична, Надежда Константиновна, доктор Зорька и я. Верно, Надежда Константиновна?

Е ж о в. Вот я читаю вам документ.

Б у х а р и н. Я его поднял на руки, мертвого Ильича, и поцеловал ему ноги.

П о с т ы ш е в. Мертвого, может быть, ты и поднял.

Б у х а р и н. Да я же жил в Горках!

П о с т ы ш е в. Мертвого, это значит, он умер уже.

Е ж о в. Я, товарищи, привел этот факт для того, чтобы характеризовать, какими методами Бухарин пытается защищаться. (П о с т ы ш е в. Кошунствует. Ме ж л а у к. Иуда тоже целовал.) Его ученики, его люди ближайшие, называют его: «это циник-политик». Я думаю, что можно было бы гораздо крепче квалифицировать это дело. Я думаю, что это просто политическая проститутка, которая пытается любыми методами и средствами оправдаться, врет прямо в глаза. Ведь здесь, когда он начал читать эти показания, он прямо подтасовывал документы. Кому это

нужно? С кем перекликаешься? (Берия. С врагами.) Вот те частные замечания, которые я хотел сказать по поводу самого следствия и поведения Бухарина.

Второе замечание — по Рыкову. Он говорит, что все показания кончаются максимально 1934 годом. Во-первых, могу порадовать вас, Алексей Иванович, я не думаю, что мы до всего докопались. Доберемся и до 1936, и до 1937 года. А во-вторых, имеются прямые показания на вас, и Трофимова, и Артемьева, и Нестерова, и многих других, которые говорят о вашей «деятельности» и в 1936 году.

Еще одно замечание — о центре. Они пытаются здесь изобразить — какой же, к черту, центр, если мы не встречались, не заседали... Как известно, и объединенный троцкистско-зиновьевский центр не заседал, протоколов не было, а работа велась. Как известно, и параллельный центр не заседал, но тоже центром оставался. Что же вы думаете, если бы вы регулярно собирались или на чаепитие или не на чаепитие, то вас незаметно было бы? (Бухарин. А если совсем не собирались?) В том-то и дело, что вы на опыте троцкистов особенно конспирировались.

И, наконец, последний аргумент — это относительно сумасшествия этого самого Нестерова. Ну, товарищи, знаете, более позорной защиты нельзя себе избрать. Человек в 1931 г., будучи его секретарем, ближайшим его человеком, заболел. Обычное нервное заболевание. Человек пробыл в больнице 5-6 месяцев в Севастополе, а вовсе ни в каком, как он говорит, сумасшедшем доме. (Постышев. В водолечебнице.) Да, да. С 1931 г. в здравом уме и твердой памяти и работал, и сидел, и в ссылке был. Все, что хотите. Он пытался этим аргументировать даже на очной ставке. Этот человек, который, как вы знаете, был очень близок Рыкову и по-собачьи предан ему, прямо говорит, что у меня были с ним близкие, интимные отношения. И даже он возмутился и говорит: «Как вам не стыдно, Алексей Иванович, меня упрекать такими вещами». И он, мне кажется, был прав. Пользоваться такими мелкими аргументами — это дело совершенно ненужное, не спасет оно вас, не выйдет из этого ни черта.

Я еще хотел остановиться на одном моменте. Бухарин в качестве одного из главных аргументов, которые он выдвигает в свою защиту, говорит, что бесспорно все это относится к его школке. Люди из его школки показывают одни и те же вещи. Тут могло создаться, мол, психологическое настроение: все они сидят и все одинаково показывают. Но как вам отвертеться от другого, более серьезного показания? Я имею в виду показание Яковенко. Разрешите мне зачитать. Ведь мы в следствии выдумать то, что говорит Яковенко, не могли, а это, кстати сказать, подтверждается и кое-какими документальными данными.

Я уже вам говорил относительно того, что Яковенко, связавшись с Бухариным, организовал партизанский центр, и о том, какие установки давал ему Бухарин. Я читаю. Следователь задает вопрос: «Изложите практический план вооруженного выступления и захвата власти в Сибири». Ответ: «План вооруженного выступления обсуждался в Московском партизанском центре... (Читает.) ... о Дальнем Востоке», и т. д. Дальше, товарищи, все показания: в 1931 г., в 1932 г., в 1933 году. (Бухарин. Это все Яковенко?) Да, это все показывает Яковенко, с которым вы регулярно встречались, говорили, звонили, приглашали — «не хотите ли вы пойти в поликлинику?» — и в поликлинике встречались. (Бухарин. Все это ерунда.)

Откуда этот Яковенко, не принадлежащий к вашей школке, мог выдумать такие вещи, что он с вами согласовывал и т. д.? Какой смысл ему вас оговаривать? А я должен сказать, товарищи, вы не думайте, что это фантазия. Они делали и действовали. Вот теперь по этим показаниям мы производим операции по изъятию оружия. Так только по одной Алтайской группе — в группе «три К» — изъяли примерно около 500 винтовок, только по одной Алтайской группе. (Берия. Что они, сами на себя наговаривают?) Ну, они оговаривают, а оружие остается оружием. (Постышев. А все это ползет от Бухарина. Бухарин. Выходит, что Бухарин выступает в качестве военного спеца.) Так что это показание уже из другой оперы, показание человека, который к школке Бухарина не принадлежит, обижен Бухариным не был, защищал его и не отмежевывался от него, а наоборот, был в добрых отношениях. Знает тебя с 1921 года. И вот эти показания. (Постышев. Чья? Берия. Яковенко). Это показания Яковенко. Я должен сказать, что все эти показания, вот этой группы партизан, они подтверждены. (Эйхе. И восстание они подняли.) Да, те восстания, которые были в двух районах, они не удержались,

сорвались, и вот два кулацких восстания... (Г о л о с с м е с т а. Яковенко организовал?) Да, Яковенко, а Третьяк — его ближайший помощник (Б у х а р и н. Да я его в жизни раза 3—4 видел.), состоит на службе у японцев. Третьяк — близкий человек вашему дружочку Яковенко.

Теперь, товарищи, разрешите мне перейти к ряду вопросов по существу. Если отбросить все факты следствия и остановиться только на тех прениях, которые мы заслушали в течение этих дней, и остановиться на тех заявлениях, выступлениях Бухарина, Рыкова, плюс взять очную ставку, только на этих фактах, то мне кажется, что политически мы можем предъявить те же обвинения, даже на основании тех «признаний», которые они делали. Какие это признания?

Во-первых, о фракции. И Бухарин, и Рыков утверждали, что с 1930 г. они порвали со всем своим прошлым, признали свои ошибки и честно вели работу в партии. На деле оказывается, товарищи, не совсем так. Во-первых, новостью для нас является то, что вплоть до 1930 г., т. е. и в 1932 г., у Бухарина, видите ли, не все было ладно и не все он понимал. Было что-то такое неладное. (Ж д а н о в. Период изживания двойственности?) Период изживания двойственности, но эта двойственность довольно странная. Предположим одиночку-интеллигента, индивидуала, который сидит у себя в кабинете, философствует и изживает, но он изживал, оказывается, не один, а в 1932 г., — он признает это дело, — хвосты не оборвал со школкой, связь имеет с Куликовым, говорит ему, где твердые кадры, встречается с Углановым, хватает друга за полу, зачем ты хочешь выступать, волынки идут на заводах, чем-то воняет в стране нехорошим, эх, сорвется парень, давай удержу.

Это признание Бухарина, на деле, нужно читать по-другому. Фактически дело было так: он бегал к Угланову не для того, чтобы удержать, а ну-ка давай выступай, торопил его, Куликову говорил, где твердые кадры, почему кадров твердых нет, он на него очень нажимал. Со своей школкой возится таким же порядком. Таким образом, если даже принять во внимание их собственные признания и показания, которые они вынуждены были сделать под давлением фактов и очных ставок, так этого уже достаточно, чтобы сказать, что фракция, как фракция, существовала, по крайней мере, до конца 1932 года. На основании показаний всех ваших соучастников и единомышленников видно, что фракция у вас существовала до последнего времени. От этого вы никуда не уйдете.

Рыков тоже говорил, что с 1930 г. никаких отношений не имел, со всеми порвал. Оказывается, в 1932 г. приходит к нему Радин, дает оценку политического положения в стране как катастрофического, дает установку в случае войны на поражение, ставит вопрос об активизации борьбы правых, говорит Рыкову, что же вы тут спите и т. д., а Рыков ограничивается отеческим внушением, говорит — брось и т. д. Теперь он говорит: я понял, что это, вероятно, был посланец от троцкистской организации. Чепуха, изображает себя в роли человека, которого толкают. Почему же, если вы считали неправильным... я, говорит, жалею, что в НКВД не свел. Значит, серьезные были разговоры, если в НКВД надо вести. Значит, и эти показания Рыкова о встрече с Радиным, а он встречался не только с Радиным. Артеменко у него жила на квартире, она регулярно ездила в ссылку, с изолятором была установлена связь, письма получал из изолятора. Рыков, и в изолятор посылались кое-какие письмишки. Так что даже на основании собственных показаний Бухарина и Рыкова можно прямо сказать, что фракция существовала, и они врут, когда говорят о том, что с 1930 г. ничего не было.

Второй и, по-моему, самый важный центральный факт — это факт относительно признания того, что Рыков в 1932 г. в августе месяце читал рютинскую платформу в Болшеве у Томского на даче... Правда, они отрицают, что они являются авторами этой платформы, они отрицают все показания и Шмидта, их соавтора, который обсуждал эту платформу. Они все отрицают. Признают голый факт — да, читали. Но мне кажется, Рыков никак не может себе простить того, что он сделал оговорку, признался в этом. Дело было очень просто. Пока очные ставки были с Радиным, с Нестеровым, с Котовым — ничего было. При этом Рыков давал предварительно характеристику каждому из этих людей. В частности, он сам просил — давайте Радина вперед, он человек очень умный, выдержанный, спокойный. Ну, Радина так Радина — мне все равно. А теперь он этого умного человека всячески порочит, превращает его в сумасшедшего.

Когда Василий Шмидт докладывал о всей своей мерзкой работе, докладывал

совершенно открыто, Рыков схватился за сердце, начал бегать по комнате, ткнулся лбом в стекло. А до этого был как раз разговор о рютинской платформе у нас, и Рыков наотрез заявил, что он узнал о рютинской платформе только в ЦК, а до этого он о ней ничего не знал. И вот, когда Шмидт начал говорить о рютинской платформе, у Рыкова совершенно произвольно вырвалось: «А как я ее назвал — медведевской платформой». Мы, конечно, спросили, где и когда это было. Да, верно, он назвал эту платформу шляпниковско-медведевской платформой. Но при каких обстоятельствах это было? Когда критиковали экономическую часть этой платформы, что она слишком откровенно прет в эту сторону, она похлеще шляпниковско-медведевской платформы, уж слишком откровенно ставит вопрос о реставрации капитализма, надо ее как-то закрыть. Так что Шмидт подтверждает, что такое выражение было брошено. Шмидт подтверждает, что эту платформу читали все, обсуждали ее, выступали. Томский выступил и заявил, что твои поправки — это чепуха, главная часть — это важно.

И Бухарин и Рыков пытаются доказать, что мы никакого отношения к составлению этой платформы не имели. На основании показаний многих участников и главного участника, одного из членов центра Шмидта (он одно время входил в центр), эта платформа является прямым творчеством Бухарина, Рыкова, Томского, Угланова и других. В апреле 1932 г., как я докладывал, были составлены предварительные тезисы. Потом поручено было Угланову с Рютинным написать, те написали и принесли, прочитали и пустили эту платформу. Пытаются люди во что бы то ни стало отбрыкаться от этой платформы. Я уже говорил относительно платформы 1929 г., которая не увидела света и не была направлена в Центральный Комитет. Почему она не была направлена в Центральный Комитет? Потому, что уж слишком откровенно и прямо ставились в ней те же вопросы в экономической части, в вопросе об индустриализации страны и в вопросе о коллективизации, как это ставилось и в рютинской платформе.

Я хотел бы здесь сопоставить, сделать некоторые сравнения по отдельным моментам между этими двумя платформами — рютинской платформой и платформой 1929 г., чтобы вы увидели, кто является автором обеих платформ. Тут есть заметки Томского, и от этого вы никак не откреститесь. Писал Бухарин и его люди. А вот сопоставление. Как известно, в политической части рютинской платформы очень большое внимание уделяется тому, что партия сползла на троцкистские рельсы, что обворовали Троцкого, и т. д. Вот я читаю платформу 1929 г.: «По всем вышеизложенным вопросам большинство Политбюро ЦК во главе со Сталиным переползло на троцкистские позиции. Если посмотреть все, что говорилось Сталиным и другими во время XIV и XV съездов против троцкистов, и сравнить с теперешними речами...» (Ч и т а е т. М и к о я н. Это из бухаринской платформы 1929 года. К о с и о р. Это — платформа, которую он читал на Политбюро.) А вот платформа эта. (С т а л и н. Какая?) Рютинская. «Обворовав до нитки Троцкого и его группу, Сталин утверждал, что его сверхиндустриализация — нажим не только на кулака...» (Ч и т а е т.) Т. е. те же мотивы повторяются относительно того, что сползли на троцкистские рельсы, обворовали Троцкого. У авторов этих двух платформ мысли одни и те же, немножко другое изложение, но авторы одни и те же.

Дальше, возьмем характеристику классовой борьбы. (Б у д е н н ы й. Вот здесь и стиль сказывается.) Да, стиль тут вполне подходящий. (Г о л о с с м е с т а. Бухарина.) В бухаринской платформе 1929 г. говорится: «Теория непрерывно обостряющейся классовой борьбы, углубленная Куйбышевым до абсурда...» (Ч и т а е т.) А что пишется в этой рютинской платформе? «При правильной политике партии, при действительном укреплении союза рабочего класса с середняком и опоре на бедноту...» (Ч и т а е т.) Вот теория затухания классовой борьбы Бухарина. Разве она не видна здесь? (М е х л и с. Он и в печати выступал с этим. Г о л о с а с м е с т а. Правильно, правильно.) Тут целиком Бухарин с его теорией затухания классовой борьбы. Но при сопоставлении этих двух платформ не вызывает сомнения, что автор один и тот же. (Б у х а р и н. Абсолютно ложный вывод.) Ты это еще докажешь. (С т а л и н. Очень похоже.) Я не хочу говорить, тут о партии такая же клеветническая штука. Какая разница между этими двумя платформами есть?

Что касается экономической части и части политической — оценка всего состояния — разницы никакой нет. Разница в выводах борьбы. Там они еще рассчитывали на лобовую атаку, на открытую атаку против партии. Когда выпускали

платформу 1929 г., они предполагали, что еще прорвутся к дискуссии и потом сумеют выпутаться. В 1932 г. на фоне побед партии это было дело совершенно безнадежное. Люди понимают, что деваться некуда, поэтому встал вопрос о терроре и о вооруженном восстании. Вот разница только в этом. (Бухарин. Только?) Да, только в этом, Николай Иванович, прочитай ты ту и другую платформу, — хотя ты автор и той и другой, — тебе-то как раз лучше знать.

Товарищи, если является доказанным, что рютинская платформа является платформой правых, что ее настоящим автором является центр правых, а именно Бухарин, Рыков, Томский, Угланов, Шмидт и другие, — они, несомненно, авторами являются, — тогда вообще отпадает вся аргументация и Бухарина и Рыкова в свою защиту. Позвольте, если вы признаете эту платформу, а вы ее читали... (Бухарин. Я же не читал, Николай Иванович, зачем же говорить?)... там же черным по белому говорится об объединении всех сил, в том числе и с троцкистами, а вы сейчас отрекаетесь от этого блока; там говорится о терроре, а вы сейчас отрекаетесь от террора; там говорится об организации вооруженных восстаний, а вы от этого отрекаетесь. Но факт остается фактом. Что бы вы ни говорили, как бы вы ни крутились, остается факт — автором платформы являетесь вы, и от этого вам не отвертеться. А если не отвертеться, то вся последующая ваша деятельность точно совпадает с этой платформой, и она укладывается сюда. И я попытаюсь доказать, что она укладывается, и не случайно укладывается.

Кстати, товарищи, о троцкистах. Бухарин пытался поставить себе в заслугу вопрос относительно того, что он не мог блокироваться с троцкистами потому-де, что он когда-то боролся с Троцким, боролся вместе с партией. Правильно, боролся, но как боролся? Он боролся со своих позиций. (Постышев. И в каких целях.) Разрешите тут опять вернуться к вашему меморандуму, который не является случайным. Если понимать так роль партии в нашей советской стране при диктатуре пролетариата, как понимают ее Бухарин и Троцкий и как явствует из меморандума, то прежде всего возникает вопрос, каковы отношения с троцкистами должны быть? Отсюда совершенно понятен этот самый лозунг «Борься, уживайся», который они пустили в ход. И они дрались с Троцким по-своему. Школка Бухарина дралась, но она дралась со своих позиций. Партия дралась по-одному, а они дрались не вместе с партией, а в известном блоке с партией против Троцкого, и готовили свои кадры для драки с партией, а пока вместе с партией дрались. Все ваши ученики говорят об этом.

А зачем вам, борясь с Троцким, надо было одновременно против ЦК партии направлять свой огонь? (Бухарин. Где это?) Во всех ваших выступлениях на кружках. Все ваши ученички говорят, что изо дня в день вы проповедовали, что Ленин был неправ в таких-то вопросах, а я был прав. А так как известно, что ЦК партии и т. Сталин ни на шаг не отступают от Ленина и со всей последовательностью ведут борьбу, я думаю, что для вас не очень приятно это было, и вы прорабатывали т. Сталина на всех своих кружках. Об этом говорят все ваши сторонники, вся ваша школа. (Постышев. Все ваши выученики.)

Я думаю, товарищи, что ежели признать... Кстати сказать, т. Бухарин, я вам напомню уже цитату из Сталина, который вам тоже напоминал на XVI съезде в 1930 г. о ваших отношениях с троцкистами. Говоря о вашей борьбе с троцкистами, Сталин заявлял, что «этим объясняется тот факт, что ... (Читает)... закулисные переговоры с троцкистами, ищут блока с ними». Факт, что вы вели переговоры с Каменевым в 1928 г., и не однажды, а два раза: один раз это было в 1928 г., мы это вскрыли из показаний Марецкого. (Хрущев. И Томский в ОГИЗ'е это сказал, есть стенограмма.) Во-вторых, Томский тоже говорил. В 1930 г. вы встретились с Каменевым, вы все время вокруг этих блоков ходили и бегали.

Но, товарищи, откинем на один момент этот вопрос относительно авторства этой программы, все-таки поведение Рыкова чем объяснить? Вопрос обсуждается перед пленумом ЦК партии. (Микоян. Платформа Рютина.) Обсуждается платформа в августе месяце, собирается пленум в октябре. Рыков ни слова не говорит относительно того, что он знал об этой платформе, хотя вместе со всеми голосовал за следующее постановление пленума. Пленум принял следующее постановление по докладу о контрреволюционной группе Рютина — Слепкова: «1. Одобрить постановление...» (Читает.) Уже тогда, собственно, можно было исключить вас из партии, и стоило исключить, потому что Рыков скрыл это дело от партии. (Голос с места. Он клялся.) Да, и клялся, и голосовал за это постановление.

Я мог бы привести еще десятки фактов и документов из архивов Томского и из архивов Николая Ивановича Бухарина, сохранившихся в «Известиях». Почему-то он страшно любил копить, например, все антисоветские заявления, письма, которые к нему шли. Он их в ГПУ не передавал, а копил в папочке Николая Ивановича Бухарина. Копил это все и складывал. Сейчас Таль мне передал целый ряд всех этих мерзких, антисоветских заявлений. Ругань по адресу советской власти, все это обращалось к вам. (Постышев. Это для учета сил.) А как же. Хранил все, подытоживал, собирал. (Бухарин. Но я их не видал, это хранилось в секретариате, я об этом не знал.)

Я, товарищи, кончаю, тут у меня затянулось маленечко. Я думаю, что, видите ли, политического ответа они не дали, ну, а ссылались на противоречия следствия. Я думаю, что пленум предоставит возможность Бухарину и Рыкову на деле убедиться в объективности следствия и посмотреть, как следствие ведется. (Голоса с мест. Правильно.)

Андреев. Товарищи, есть предложение для выработки проекта решения пленума по только что обсужденному вопросу о деле Рыкова и Бухарина избрать комиссию. (Голоса с мест. Правильно.) Нет возражений? (Голоса с мест. Нет.) Комиссию предлагается избрать в следующем составе: Микоян — председатель комиссии, Андреев, Сталин, Молотов... (Читает.) Вот состав комиссии, которая предлагается. Нет возражений? (Голоса с мест. Нет.)

Сталин. Антипова добавить, Гамарника. (Голоса с мест. Правильно, добавить.)

Андреев. Значит, с этими поправками состав комиссии утверждается. Вечернее заседание пленума предлагается начать с 8 часов. (Голоса с мест. Правильно.)

(Продолжение следует)

Примечания

1. В тексте пометка Бухарина: «Вставить из моего письм. ответа со стр. 51, 52, кончая словами «следствие требует», на стр. 52, строка 13».
2. В тексте пометка Бухарина: «Вставить со стр. 52 моего письм. ответа до слов: «В таких случаях человек» (26 строка сверху на 52 стр.)».
3. В тексте пометка Бухарина: «Вставить со стр. 52 «ответа» до 8 строки сверху на стр. 53 «ответа».
4. В тексте пометка Бухарина: «Я не слышал реплики Хрущева и не мог поэтому молчать».
5. Выступление Рыкова публикуется по направленной стенограмме.
6. Выступление Ежова публикуется по направленной стенограмме.

Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке

В. В. Кабанов

В конце XIX — начале XX в. в общественно-экономическом строе России переплетались самые различные уклады, но все они оказались включенными в общую систему капитализма. Крестьянские хозяйства, несмотря на экономическую слабость, ориентацию на внутреннее потребление все же неотвратимо втягивались в русло товарно-капиталистического развития. Капиталистическая перестройка аграрных отношений проходила и через помещичьи хозяйства. Сильнейшее влияние на их эволюцию оказал кризис сбыта сельскохозяйственной продукции в конце XIX века. Развитие парового транспорта жестоко ударило по экстенсивному зерновому хозяйству российских помещиков. Американская конкуренция снизила вдвое цены на хлеб на европейских рынках. Сельскохозяйственный кризис 80—90-х годов XIX в. характеризовался значительным сокращением помещичьего землевладения. За 1887—1905 гг. помещики утратили 11,7 млн. дес. земли. Начавшийся сельскохозяйственный подъем не остановил этого процесса. Революция 1905 г. способствовала дальнейшему сосредоточению помещичьей земли в руках других сословий. За последующие шесть лет помещики потеряли еще 6,6 млн. дес. земли, а из оставшейся у них почти половина находилась в аренде у крестьян¹.

Дворянские земли скупали крестьяне, купцы, предприниматели. За счет покупки и аренды крепла деревенская буржуазия при одновременном разорении низов деревни. В мобилизацию и освоение помещичьих земель вовлекались и средние слои. Все более определяющей становилась тенденция к перемещению центра тяжести сельскохозяйственного производства на хозяйство крестьянское, прогресс в мелкотоварных хозяйствах становился заметнее. Накануне мировой войны крестьяне производили 92,6% совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства, а помещики — только 7,4%².

Повышение валовых сборов, увеличение товарности сельскохозяйственной продукции, рост потребления продуктов питания на душу населения и другие позитивные процессы не устраняли противоречий в дореволюционной России, не снимали остроты аграрного вопроса. Вместе с тем происходил и очевидный прогресс в сельском хозяйстве. В конце первого десятилетия XX в. крестьянское хозяйство, изживавшее старые формы трехпольного земледелия, приступало к созданию новых хозяйственных систем: быстро развивалось травосеяние, неуклонно увеличивались площади под промышленные, яровые культуры, происходила повсеместная смена старого инвентаря на улучшенный, крепили кооперативные формы маслоделия, сотни

Кабанов Владимир Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

других незаметных на первый взгляд процессов создали новое товарное крестьянское земледелие.

Оценивая это время, А. В. Чаянов писал: «Изменение рыночной мировой конъюнктуры в сторону, благоприятную для сельского хозяйства, образование в России, благодаря развитию индустрии, внутреннего рынка для продуктов сельского хозяйства, быстрое развитие рыночных отношений и товарности крестьянского хозяйства, быстрый рост торгового капитализма, неудержимый рост кооперативного движения, неуклонное нарастание всяких организаций, содействующих сельскому хозяйству, и в особенности организаций агрономической помощи населению — все это, появляясь вполне незаметно в форме всякого рода «попыток» и «интересных явлений», с каждым годом нарастало все более и более количественно, превращалось в массовое явление, и к началу войны наша деревня уже качественно была мало похожа на деревню прошлого столетия»³. Советские историки и экономисты впоследствии как бы не замечали этого качественного сдвига всей деревни в целом, ибо рассматривали ее преимущественно в плоскости выяснения уровня ее капитализации.

В деревне появились тысячи агрономов и кооператоров, земских статистиков, которые изучали крестьянское хозяйство, вникая в основы его организационного строения. Они искали пути его видоизменения и построения новой деревни. Переориентировалась на крестьянское хозяйство и сельскохозяйственная наука. В расчете на обслуживание преимущественно крестьянских хозяйств велась подготовка кадров специалистов сельского хозяйства в высших учебных заведениях.

Общий подъем сельского хозяйства, перенос центра тяжести на крестьянское производство, оживление в связи с этим агрономической службы и кооперации, появление пристального внимания к крестьянскому хозяйству со стороны земской статистики, переориентация вузов сельскохозяйственного профиля на крестьянское хозяйство, осмысление новых проблем крестьянского хозяйства сельскохозяйственной наукой — все это явилось предпосылками новой экономической ориентации. Ее стержнем были агрономия и кооперация. В результате этого возникает новое течение экономической мысли — так называемое организационно-производственное направление (А. В. Чаянов, Н. П. Макаров, А. А. Рыбников, А. Н. Челинцев и др.). Зарождается новое направление аграрного развития, опиравшееся прежде всего на кооперацию. Его условно можно назвать кооперативным направлением аграрной эволюции.

Кооперация, не затрагивая основ крестьянского хозяйства, постепенно выделяла из него некоторые отрасли хозяйственной деятельности (сбыт сельскохозяйственных продуктов, их первичная переработка, закупка товаров промышленного производства, а также предоставление дешевого кредита, организация прокатных пунктов орудий труда, случных пунктов и т. д.), втягивала крестьянство с выгодой для него в общую систему народного хозяйства, включала его в активный внутренний общероссийский рынок и даже выводила на рынок мировой. Накануне войны на нем особенно преуспела российская льноводческая кооперация, а также маслодельная. Еще одно положительное значение кооперации состояло в том, что она исподволь ослабляла влияние общины на крестьянина; поощряя самостоятельность, инициативу, она объединяла крестьян на совершенно новом уровне хозяйственных интересов и освобождала их от однообразия, обязательности, рутинной общинной зависимости.

Обновременно с кооперативным формировался фермерский путь. В отличие от кооперативного, с отдельными элементами работы сообща в некоторых сферах хозяйствования, этот путь имел тенденцию противоположную — к индивидуализации. Это проявлялось не только в стремлении к укреплению земли в частную собственность. Намечалось несколько вариантов формирования хозяйств фермерского типа: трансформация помещичьих хозяйств, главным образом зернового направления Юга России, внешне (только внешне!) схожая с американским типом, ибо генетически американские фермеры не были связаны с землей; образование частновладельческих хозяйств путем мобилизации помещичьей земли разного рода предпринимателями, в том числе и крестьянами; захватно-заимочная система землепользования в Сибири, которая была ближе к американскому фермерству, ибо в значительной мере такие хозяйства образовывались в результате колонизации (ближней и дальней) и переселения; хуторизация столыпинского образца, принявшая массовый характер.

Столыпинская аграрная реформа вызывает сегодня повышенный интерес и противоречивые суждения. Одни видят в ней чуть ли не панацею от всех наших бед, другие по-прежнему относятся к ней критически. Реформа не была кабинетной выдумкой, она всецело исходила из существовавшей тогда практики: издавна бытовало и переселение на новые земли, и выход на хутора. Распространенным является утверждение, что реформа потерпела крах⁴. Во-первых, этот процесс не был завершен: реформу прервала война, а затем — революция. А во-вторых, менее чем за 10 лет произошли определенные, правда, не столь заметные позитивные сдвиги⁵. Но иначе в сельском хозяйстве и быть не может. Здесь медленное наращивание успехов — залог стабильности и верности общего движения.

Не следует, однако, реформу идеализировать, как это нередко делается. Это капиталистическое развитие с его неизбежным расслоением, пауперизацией. Вряд ли есть смысл искать в реформе социальную справедливость (как и во всяких иных реформах, ибо эту категорию морали нужно давно отнести в разряд социально-этических утопий). Экономическая целесообразность оттесняла на задний план все прочие соображения. В. И. Ленин в 1907 г. писал, что о программе Столыпина ни в коем случае нельзя сказать, что она реакционна в экономическом смысле. Столыпинская аграрная реформа ведет к техническому подъему земледелия⁶.

Не надо рассматривать столыпинскую реформу как некий универсальный путь развития. Универсальных рецептов вообще не существует, а по отношению к России — особенно. Это один из возможных путей. Россия слишком велика и пестра, чтобы один и тот же вариант был приемлем для всех ее регионов. Более того, даже в пределах одного района необходимо было соблюдать внимательность и осторожность. Однако именно этого-то и не было при проведении реформы. Значит, она неизбежно должна была сопровождаться насилием. А это столыпинскую реформу роднит с другой «великой» реформой — коллективизацией.

Фермерский путь развития не был отделен китайской стеной от кооперативного движения. Более того, фермер был заинтересован в получении дешевого кооперативного кредита, в выгодном и удобном кооперативном сбыте и иных операциях. Поэтому кооперация должна была выводить из замкнутости фермерское хозяйство и втягивать его в свою орбиту. Таким образом, эти пути так или иначе пересекались.

И тот и другой путь вел к разрушению общины: если столыпинская реформа уничтожала общину, то крестьянин, вступивший в кооперацию, не порывал с общиной, а был более заинтересован в установлении новых хозяйственных отношений, не связанных с общинными традициями. Новые экономические отношения притягивали крестьянина через кооперацию к рынку. И если столыпинская реформа разрушала общину, так сказать, прямо, непосредственно, с помощью преимущественно административных мер, то кооперация разрушала натуральную замкнутость крестьянской семьи и общины в целом исподволь, экономически, без всякого ущерба для крестьянина.

Кооперация практически внедрялась во всех районах страны. Фермерский тип хозяйства имел хорошие предпосылки для развития в районах аграрно не перенаселенных: Юг, Юго-Восток, Сибирь. Здесь хозяйства отличались высокой товарностью, насыщенностью кредитом. Несколько иной тип зарождался в западных и северо-западных губерниях (Витебская, Смоленская, Гомельская, Могилевская), не говоря уже о Прибалтике, где капитализация сельского хозяйства фермерского типа зашла достаточно далеко.

Формирование хозяйств фермерского типа и кооперативная эволюция, хотя реально и пробивали себе дорогу, но постоянно наталкивались на сопротивление устойчивых консервативных факторов. Это и пережитки феодально-крепостнических отношений, и негибкая политика правительства, и консервативность общины с ее архаическими традициями преимущественно в сфере земельных отношений, это и сохранение в широких масштабах сословно привилегированной системы казачьего землепользования, это и запутанность аграрных отношений в густонаселенных национальных районах Северного Кавказа, где в единый клубок сплелись проблемы национальные, земельные, сословные, это, наконец, общая бедность и отсталость российской деревни.

Именно на основе совокупности этих причин рождался и третий путь решения аграрного вопроса — революционный, который в начале XX в., конечно же, был пока только в помыслах и программах политических партий и исподволь вызревал

в голове русского мужика. Наиболее радикальный путь предусматривали большевики и эсеры. Обе программы были утопичны. Аграрные программы этих партий ориентировались на совершенно иной тип хозяйства — хозяйство обобщественное в различных его формах. Эсеровская социализация являлась более постепенной, с элементами переходного характера: программе построения аграрного коммунизма предшествовала стадия уравнительного перераспределения земли в индивидуальное пользование. Большевики же превзошли эсеров в своем максимализме и нетерпении: Ленин хотел все 30 тыс. помещичьих имений превратить в хозяйства, ведущиеся общественными силами. Правда, ему пришлось все же посчитаться с требованиями крестьян — пустить землю в раздел. И большевики после революции взялись за исполнение крестьянско-эсеровской утопии — делить землю «по справедливости».

Мировая война резко изменила ситуацию и возможности реализации каждого из названных путей аграрного развития. Снизились темпы, а затем и вовсе затормозилась столыпинская реформа. Семимильными шагами ускорялось кооперативное движение, все более вовлекая крестьянское хозяйство в свою орбиту. Постепенно усиливается аграрное брожение. Крестьяне все настойчивее требуют земли.

Благодаря февральской революции возникли благоприятные условия для проведения аграрной реформы. В ее создании принимали участие лучшие научные силы страны. Виднейшие специалисты-аграрники работали в Главном земельном комитете Министерства земледелия, Лиге аграрных реформ (независимая межпартийная организация). Аграрный вопрос активно обсуждался на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, на десятках других представительных форумов, был объектом дискуссий в публицистике политических партий. В ходе обсуждения и разработки аграрной реформы выявились две основные, полярные точки зрения на предстоящий характер аграрных преобразований (даже независимо от того, как будет решаться аграрный вопрос: реформистским или революционным путем).

Первая точка зрения исходила из признания факта существования крестьянского малоземелья (и собственно господства помещичьего землевладения) как главного фактора остроты аграрного вопроса; отсюда следовало, что помещичью землю надо передать крестьянам. Различия и оттенки были лишь в способах передачи: насильственно либо мирно, безвозмездно или за выкуп и т. д. Конечно же, наиболее популярными были взгляды социалистических партий, особенно эсеров с их уравнильно-передельным принципом. Вторая точка зрения сводилась к признанию необходимости рациональной организации крестьянского хозяйства, созданию максимально благоприятных условий для материального подъема и духовного развития крестьянства. При этом не отвергалась вовсе необходимость ликвидации помещичьих земель, но не всех, а только части, и передачи их крестьянам. Крупные же и хорошо налаженные хозяйства предполагалось оставлять владельцам. Их последующее государственное регулирование посредством прогрессивного налога (частично в пользу малоимущих) достаточно корректно и безболезненно вводило бы их в систему народного хозяйства.

Готовили реформу квалифицированные специалисты: А. А. Рыбников, А. С. Посников, С. Л. Маслов, Н. П. Макаров, В. И. Анисимов, Б. Д. Бруцкус, Н. Д. Кондратьев, Н. Н. Черненко, Н. П. Огановский, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, А. Н. Минин, Н. И. Ракитников, А. А. Кауфман, П. Н. Першин и др. Готовили ее тщательно и неспешно (месяцев восемь), пытаясь создать «самый совершенный» закон для будущего «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. И уж вовсе не спешило Временное правительство, зарезая один за другим предложения министра земледелия В. М. Чернова, а затем и С. Л. Маслова, когда промедление было уже смерти подобно. Народ устал ждать. Народная инициатива опережала законы. И именно на гребне мощного крестьянского движения большевики сумели взять власть, декларируя всего лишь два лозунга, осуществления которых ждал народ: о мире и о земле.

Декрет «О земле» расстроил так тщательно замышляемую реформу. Крестьяне стали активно делить землю помещиков, а затем и состоятельных слоев («черный передел», главным образом, в период деятельности комитетов бедноты). В результате аграрных преобразований Октября произошла ликвидация помещичьего землевладения. Сильно пострадала группа людей, хорошо обеспеченных землей,

досталось хуторянам — их беспощадно громили в Поволжье и центральных черноземных районах, принудительно заставляя возвращаться в общину, которая обнаружила очевидные признаки возрождения. Община стала важнейшим орудием перераспределения земли. Оно привело к нивелировке деревни на фоне общего ее обнищания.

Деревню захлестнула передельная лихорадка. И даже начавшееся в 1919 г. государственное землеустройство не могло навести порядка в земельном строе. Да это было и невозможно, ибо утопическая идея уравнительности была бесконечна в своей реализации, а естественный регулятор земельного режима — рынок — бездействовал, поскольку земля по закону была изъята из торгового оборота. Стремительно падала культура земледелия вследствие войны и разрухи, затухания агрономической службы и свертывания кооперативной работы. А главное, крестьянин не видел просвета, так как не был заинтересован в производстве продуктов своего труда, которые забирало у него государство. Тяжелейшая продрозверстка, трудгужповинности, реквизиции скота и мобилизации лошадей — вот какой расплатой обернулось для крестьянина «бесплатное» получение земли. Печальная участь ожидала кооперацию. Все попытки ее реорганизации на «пролетарских» началах в 1919 и 1920 г. привели к ее разрушению. Особенно это касалось сельскохозяйственной кооперации.

Аграрная политика Советской власти ориентировалась на строительство коммун и совхозов, которые рассматривались как потенциальные «фабрики зерна». Но этим надеждам не суждено было сбиться. Уже в 1920 г. курс на коммуны и совхозы был признан не главным. Советская власть в своей аграрной политике ищет опору в индивидуальных крестьянских хозяйствах, регулирование которых становится с конца 1920 г. ее главной линией.

В советской историографии можно встретить такое утверждение: В Октябрьской революции аграрный вопрос был не основным и решен ею попутно. В сущности это упрощенная интерпретация ленинского тезиса о решении «походя, мимоходом» демократических задач революции. Если исходить из того, как аграрный вопрос формулировался в начале XX в., в период революции, и позднее — в историографии, то аграрный вопрос — это наличие острейшего противоречия общества преимущественно в сфере земельных отношений на почве малоземелья основной массы земледельцев и избыточности земли у крупных землевладельцев.

Известные данные, приводимые Лениным, о сосредоточении земли в руках нескольких тысяч помещиков вроде бы красноречивы и никогда не вызывали сомнений. Казалось просто: раздели эту землю среди крестьян, и земельный голод удовлетворится. Но вот землю поделили. Последовал ропот, что не так, что земли опять мало. Начались новые переделы, а порядка и справедливости по-прежнему нет. И тогда наиболее бедовые и энергичные потянулись вновь за Урал в поисках своего счастья на новой земле. По подсчетам специалистов выходило: только для того, чтобы норма наделения землей была не менее 10 дес. на двор, в среднем предстояло в течение 10—15 лет выселять на новые земли ежегодно 1,5—2,5 млн. человек⁷.

Очевидно, сама проблема изначально была сформулирована неправильно, и, соответственно, неправильно и решалась. Не малоземелье — причина, а аграрное перенаселение. В этом вся суть. Вот что писал по этому поводу известный в то время экономист Бруцкус: «Аграрный кризис, который в сознании крестьянства представляется в виде элементарного факта малоземелья, требующего прирезки земли, и который, как известно, отобразился в сознании интеллигенции соответствующей теорией малоземелья, в действительности является результатом взаимодействия очень многих и сложных условий. Он свидетельствует о неудовлетворенности не только аграрной, но и всей экономической организации страны». По мнению Бруцкуса, народное хозяйство в его тогдашнем виде и организации не вмещало всего населения.

Но в обществе сложилось совершенно ложное представление о первопричине аграрного кризиса. Вот почему Бруцкус писал: «Между тем, понятие „малоземелье“ как раз и противопоставлялось понятию „перенаселение“. Последнее признавалось со стороны передового русского общества злостной выдумкой буржуазной экономической мысли. Говоря о малоземелье, интеллигенция всегда подразумевала, что только у крестьян земли мало, но что, вообще, земля-то имеется, что ее можно „дать в достаточном количестве“, что ее „хватит“»⁸.

Идея «малоземелья» зародилась после крестьянской реформы 1861 г., особенно в полемике русских либералов 70—80-х годов XIX века. Но именно тогда же было высказано мнение, например Д. Ф. Самариним, что поправить положение крестьян поможет не экстенсивное, а интенсивное хозяйство⁹. Дальновидные мыслители понимали, что, конечно же, прирезки давали мало пользы,— необходимо было в целом поднять культуру земледелия, материально и организационно помочь крестьянину за счет поощрительной политики государства и с помощью всего российского общества.

Более прогрессивным путем аграрного развития было не просто наделение крестьян землей за счет помещиков, а коренная реорганизация самого крестьянского хозяйства, важнейшим составным элементом которой должна была стать активная борьба с аграрным перенаселением. Здесь наиболее отчетливо выглядели два варианта, не исключających взаимно друг друга: расселение одной части крестьян и переход другой их части с помощью государства на путь решительной интенсификации производства.

Самым эффективным средством преодоления аграрного перенаселения (в идеале, разумеется, в комплексе ряда мер экономического, социального, культурного порядка и пр.) является переселение. Как известно, столыпинская реформа включала в себя три главных компонента: выделение из общины на хутор или сведение земли в отруб; укрепление земли в частную собственность; переселение на новые земли. В литературе же иногда переселению отводится вспомогательное значение¹⁰. Думается, однако, что все эти три составляющие равноценны. Причем значение переселения становится особенно заметным, если в аграрном вопросе перенести акцент с «малоземелья» на аграрное перенаселение.

И все же можно возразить: дала же советская власть крестьянам всю землю, которую только могла дать, и уже это должно иметь какие-то положительные последствия. Но прирезки оказались не столь значительными, как ожидалось, и, как уже говорилось, за ними последовали бесконечные переделы в поисках справедливого перераспределения.

Кроме земли и остатков помещичьего инвентаря большевики крестьянам ничего не дали. Поэтому речь идет не об аграрной, а о земельной реформе. А Ленин говорил, что одной землей сыт не будешь, и предлагал крестьянам объединиться в коммуны. Иных вариантов не предвиделось. Ни о каком улучшении культуры земледелия, переходе к интенсивному земледелию не было и речи. На проведение аграрной реформы только на территории Европейской России требовалось по меньшей мере 4—5 млн. золотых рублей¹¹. Кто же мог их тогда дать?

И крестьяне, не удовлетворенные итогами перераспределения земли, сами стали искать пути выхода из кризиса. Вновь усилился поток переселенцев за Урал. Резкий рост переселения наблюдался уже в первые месяцы 1918 года. За это время за Урал проследовало около 175 тыс. переселенцев и ходоков¹². Такой темп предполагал, что годовая волна за весь 1918 год должна была бы достичь 700—800 тыс.— величина небывалая за все годы переселения. Правда, неподготовленность властей к этому внезапному нашествию, а также объективные трудности прежде всего с транспортом заставили правительство сдерживать этот поток вплоть до полного его запрещения. Однако сделать это было трудно, и с 1919 г. начинается его хотя бы какое-то регулирование.

Более того, право крестьян на землю оказалось призрачным, ибо существенная составная часть этого права — право на продукт собственного труда — у крестьянина была отнята в ходе продразверстки. Она окончательно подорвала производительные силы крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства и разорила крестьянина. Последовавший затем в 1921 г. голод был вызван не только и не столько неурожаем, сколько последствиями продразверстки.

Реакция крестьян была естественной и незамедлительной. Мощные крестьянские выступления (а вовсе не «кулацкие мятежи») потрясли страну. Крестьянская война против помещиков в 1917 г. уступала по всем параметрам войне крестьян против советской власти, особенно на рубеже 1920—1921 годов.

Большевики, Ленин в первую очередь, искали выход из тяжелейшего политического и экономического кризиса. Он был найден в нэпе. Но нэп — это не научно обоснованная теория; нэп — это вынужденная политика, к которой пришли эмпирически под давлением крестьянских восстаний. Переход к нэпу проходил через

очередной виток коммунистической иллюзии, а потому напоминал маневр и, как тогда полагали, кратковременное отступление. Этой иллюзией была надежда на возможность ограничить товарооборот местным масштабом.

На самом деле через черный рынок тогда шло более 50% продуктов. Нетрудно было бы определить и тенденцию развития рынка — он «напрашивался» на легализацию. Именно черный рынок выводил экономику страны к нэпу. Но к идее рынка пришли все же через крушение надежд на возможность ограничения товарооборота. Противоестественность ограничения товарооборота, а главное, страх большевиков перед могучим крестьянским движением расширяли и углубляли фронт отступления. Не мудрая политика, а боязнь крестьян привели к ситуации, когда крестьянину перестали на какое-то время мешать. На этой основе и началось возрождение деревни.

Ленин видел сущность нэпа в необходимости установления «правильных» отношений с крестьянством. Но что такое «правильные» отношения? Кто их устанавливает? И кто определяет степень их «правильности»? Да и возможны ли они, если вскоре их вновь начал корректировать классовый подход? И в этом заключалось изначальное противоречие нэпа.

Сначала все складывалось как будто бы неплохо. Реформистские мотивы ленинской статьи «О кооперации» были подхвачены сторонниками «правого крыла» коммунистов, находившихся на руководящих постах партии и государства — Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым, Ф. Э. Дзержинским, А. П. Смирновым и отчасти И. В. Сталиным. Именно „правыми“ были активно поддержаны проявившиеся до революции обе важнейшие тенденции аграрной эволюции — фермерский путь с помощью образования хуторов и кооперативная концентрация крестьянских хозяйств.

Естественно, что эти тенденции развивались в иных условиях: новый государственный строй, национализация земли, господство коммунистической идеологии и т. д. И тем не менее их жизненность была очевидна. Курс новой аграрной политики опирался на появление либерального законодательства в отношении свободы выбора форм землепользования, разрешения аренды земли и найма рабочей силы (правда, с известными ограничениями).

Бухарин и его сторонники черпали свои идеи из научно обоснованных разработок организационно-производственного направления русской экономической мысли (Чаянов, Макаров, Челинцев, Рыбников и др.), а также работ близко примыкавших к этой школе Н. Д. Кондратьева, Н. П. Огановского и др. Следует, однако, подчеркнуть принципиальную разницу позиций этих ученых и «правых»: если для первых рыночная экономика была естественным условием развития народного хозяйства, то для «правых» это был временный допуск, пусть даже весьма продолжительный, но не навсегда.

Эти ученые были привлечены к практическому осуществлению нового курса на устранение всяческих административных препятствий, тормозивших рост и укрепление крестьянских хозяйств, сельскохозяйственной кооперации, что нашло отражение в подготовке первых перспективных планов развития сельского хозяйства. Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства Наркомзема РСФСР на 1923/24—1927/28 гг. составленные Кондратьевым и Огановским, выдвигали такую модель развития, которая, опираясь на товарно-денежные отношения, должна была обеспечить активное развитие производительных сил мелкого крестьянского хозяйства.

Непременным условием развития сельскохозяйственного производства считалось всемерное и активное расширение экспорта. Развитие сельского хозяйства, как и народного хозяйства в целом, не мыслилось вне международного сообщества, и уже одно это ставило план в противоречие со все более крепнущей убежденностью руководства в возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране. В расчете на экспорт приоритетное направление предоставлялось техническим культурам (лен, конопля, хлопок, подсолнух, сахарная свекла), традиционно занимавшим ведущее положение на мировом рынке, а также коневодству, разведению крупного рогатого скота, свиней и пр.¹³

План Кондратьева и Огановского исходил из признания и развития всех форм хозяйствования от единоличных до коллективных. Но, принимая во внимание реальность, то есть преобладающее большинство мелких индивидуальных хозяйств, план строился в расчете на их возможности. При этом предусматривалось форм-

ирование более или менее крупного хозяйства в Поволжье и на Северном Кавказе, приближающегося к типу фермерского американского хозяйства. В основе экономической политики, предполагавшейся планом, лежал принцип сбалансированного развития промышленности и сельского хозяйства, образующих единое целое. Возрождение России предполагалось как становление государства, занимающего ведущее положение на мировом рынке сельскохозяйственных продуктов.

Но такой замысел уже не соответствовал политике ВКП(б), начавшей меняться в середине 20-х годов. Старый курс еще существовал какое-то время, но уже уступал свои позиции новому, элементы которого зарождаются в 1924 г. (а фактически не исчезают с 1917 г.), вызревают в 1925 г. и полностью заявляют о себе в 1926 году. В основе всех перемен — новая стратегическая линия: построение социализма в одной, отдельно взятой стране, опираясь на собственные силы. В аграрной политике это проявилось в главном — переориентация с индивидуального крестьянского хозяйства на коллективизированное.

Новая ориентация сразу же повлекла за собой пересмотр перспективного плана развития сельского хозяйства. В сентябре 1925 г. Госплан постановляет переработать «Основы перспективного планирования развития сельского и лесного хозяйства» с учетом «новой международной обстановки и социально-экономических условий»¹⁴. Знамя классовой борьбы, вроде бы начавшее сворачиваться в первые годы нэпа, вновь было поднято противниками «правого уклона», захватившими административные высоты. Недолгий гражданский мир сменила ожесточенная классовая борьба, борьба везде и во всем. Повсюду возникали «фронты» классовых битв: «на плановом фронте», «на культурном фронте», «на аграрном фронте».

«На аграрном фронте» классовость как новый подход проводилась по всем каналам государственного регулирования крестьянского хозяйства, по всем параметрам сельскохозяйственного дела: от землеустройства до заготовок и налогов. Классовый характер землеустройства определял его организацию, финансирование, содержание и социальную направленность (различный, например, тариф для оплаты землеустроительных работ для бедняков, середняков и зажиточных слоев; для хуторян — выше, чем для общинников). Новое отношение к землеустройству началось с апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б), который признал одной из главных задач содействие «росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства»¹⁵. Вновь началось преимущественное землеустройство колхозов.

Социальная направленность кредитования была присуща кредитной политике советской власти изначально. Но со второй половины 20-х годов она стала преобладающим фактором в развитии сельскохозяйственной кредитной кооперации. В системе сельского кредита создаются специальные фонды кредитования бедноты и колхозов. Однако эти деньги уходили в песок. Эффективность их была ничтожна и приводила лишь к усилению иждивенческих настроений.

Везде требовалось соблюдать принцип классового подхода. Даже при комплектовании комиссий по земельным спорам требовались не профессиональные знания юриста, а принадлежность к рабочим или крестьянам, а еще лучше — и к партии. Поэтому и профессиональная да и просто образовательная подготовка таких функционеров была практически равна нулю — 95% из них окончили только низшую школу¹⁶. То же самое происходило с агрономами. Возрождая в 1923 г. агрономическую службу, государство больше заботилось об их политической подготовке, нежели профессиональной.

Особо важную роль можно отвести регулированию товарно-денежных отношений. Это будет следующий уровень государственного вмешательства. Ленин утверждал, что нэп — всерьез и надолго. Надолго, но не навсегда. Ибо это противоречило доктрине марксизма о необходимости ликвидации товарно-денежных отношений при социализме. Никем не доказано, что Ленин от отрицания товарно-денежных отношений пришел к их признанию в последних своих работах. Это был лишь их допуск, хотя и на неопределенное время, как и допуск самого нэпа. Не был «рыночником» и так называемый теоретик рыночного социализма Бухарин. Он не пошел дальше Ленина. Для него рынок — также всего лишь допуск на неопределенно долгое время, а не норма. Для Бухарина сущность нэпа — рыночные отношения. Смысл и цель нэпа — «преодолеть нэп, т. е. преодолеть рыночные отношения на почве этих же рыночных отношений»¹⁷.

Для Сталина временные понятия допуска нэпа вообще в 1926 г. свелись к минимуму. Всем известно его «классическое» определение нэпа: «Нэп есть политика партии, допускающая борьбу социалистических и капиталистических элементов и рассчитанная на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими. На самом деле нэп только начался отступлением, но он рассчитан на то, чтобы в ходе отступления произвести перегруппировку сил и повести наступление. На самом деле мы наступаем уже несколько лет, и наступаем с успехом»¹⁸.

«Социалистическое» наступление означало отступление от рыночных принципов хозяйствования. Некомпетентное административное вмешательство в рыночные отношения в целях создания благоприятных условий для развития государственного «социалистического» сектора экономики становится обычным делом. Вмешательство плановых органов в эмиссионную политику и ценообразование создавало угрозу необратимого выведения цен из равновесия с рынком. Регулирование производства и потребления могло осуществляться только с помощью административных методов. Страна вновь вовлекалась в пучину инфляции. Создавался совершенно уникальный экономический строй в условиях непрекращающейся инфляции.

Третий уровень вмешательства — это безответственное манипулирование законом. Старая русская поговорка — «закон, что дышло, куда повернул — туда и вышло», — при большевиках еще не раз получала свое подтверждение и «дальнейшее развитие». Знаменитый декрет «О земле» декларировал одно, а в жизнь проводилось другое. Декрет провозглашал бесплатную передачу земли крестьянам, а на деле она обошлась крестьянину дорого: выполняя prodrazverstku и многочисленные трудовые и гужевые повинности и пр., он не только с лихвой заплатил, но и переплатил за землю. Декрет о земле и последующие законодательные акты провозглашали свободу выбора форм землепользования. На деле же земельные органы от местных до центральной власти различными запретительными мерами сводили это право на нет. И это несмотря на то, что среди населения ряда районов определенно обнаружилась тяга к хуторам. За один только 1922 г. под хутора и отруба в 22 губерниях Европейской России было выделено около 589,8 тыс. дес. земли. А в трех крупнейших регионах страны — Западном, Северо-Западном и Центрально-Промышленном — за 1922—1927 гг. под хутора и отруба перешло почти 3,5 млн га земли, тогда как по всей стране под колхозы за это же время было отведено немногим более 2 млн гектар¹⁹.

Как только обнаружился быстрый рост хуторов и отрубов, сразу же были приняты меры, направленные на преодоление нежелательных тенденций. В октябре 1924 г. Накомзем разослал циркуляр «О прекращении хуторских разверстаний», которым до сведения земельных органов доводилась установка о политике землеустройства, принятая комиссией ЦК РКП(б) по работе в деревне. Земельный кодекс 1922 г., хотя и с ограничениями, но все же разрешил аренду земли и наемный труд. В 1924—1925 гг. правительство издало ряд законов, расширявших условия аренды и применение наемного труда в сельском хозяйстве. Весной 1925 г. была ослаблена государственная фиксация твердых цен на зерно и снижен государственный налог, увеличен санкционированный период сдачи земли в аренду, узаконен наемный труд, первоначально ограниченный уборочными работами, сняты различные помехи административного характера для свободной торговли²⁰. Но уже через год действие этих законов ограничивается, а затем взамен их появляются новые, направленные на ограничение хозяйственной инициативы крестьян и ориентирующие развитие сельского хозяйства на так называемых социалистических началах.

Четвертый уровень государственного воздействия — это постоянный идеологический пресс, под которым находилось все экономическое развитие страны. Едва встав на ноги, крестьянство сразу же оказалось под пристальным наблюдением партии. К чему ведет допуск товарно-денежных отношений в деревне? Не опасна ли начинавшаяся ее дифференциация? Не слишком ли богатеет крестьянин? Как проводится ограничение кулака? Подобные вопросы не давали покоя партийным и советским функционерам. В любом проявлении свободной крестьянской инициативы они усматривали возможность реставрации капитализма. Им казалось, как заметил А. Платонов, что «в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма»²¹.

Идеологическая непримиримость к инакомыслящим привела к изгнанию, а затем и к уничтожению специалистов, не имевших партбилета. Зато бойкие выдвиженцы из коммунистов действовали напористо и энергично. Новые „умельцы“, например, требовали от крестьян сеять не просо, а сразу пшено²².

Для зоркости партийного взгляда уже в августе 1923 г. при ЦК РКП(б) была создана комиссия по работе в деревне, с 1928 г. соответствующие отделы организовывались в составе партийных комитетов всех уровней. Имела партия и другие каналы воздействия на деревню. В июне 1923 г. во всех центральных государственных органах, а затем и на местах были созданы секретные отделы. Отныне каждый шаг человека был подконтролен всевидящему оку партии, и все его шаги своевременно корректировались руководством тех, кто лучше самого крестьянина знал, чего тот хочет.

Может показаться, что пятый уровень, который следует выделить, имел не прямое, а опосредованное отношение к крестьянству. Речь идет о крепнувшей тенденции к изоляционизму в международной политике, вытекавшей из новой доктрины о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Соображения идеологического порядка — охранять страну от буржуазного тлетворного влияния — должны были рано или поздно распространиться на все стороны политической, экономической, культурной, духовной жизни.

Автаркическая идея, овладевшая умами тогдашних правителей, прежде всего Сталина, становится все менее ориентированной на содружество стран в единой мировой системе хозяйствования. Это обстоятельство имело самую прямую обратную связь: ослабление внешнеэкономических связей, усиление неконкурентоспособности наших товаров, технологический застой, убыточность производства, незаинтересованность производителя. А отсутствие гарантированной защиты, экономической заинтересованности производителя не располагало крестьян к производству трудоемких товарных культур, прежде всего технических, и сохраняло тенденцию преимущественного развития производства продовольственных культур. Поэтому, а также благодаря сознательному выбору руководства, экспорт СССР по-прежнему базировался на зерне, в то время как возможности в этом направлении безнадежно падали и в силу потери позиций на мировом рынке еще в начале 20-х годов. Эти потери происходили не только в результате активного вторжения Америки и Австралии в хлебный мировой рынок, но и за счет пассивности и нерешительности СССР.

Крестьянство в 20-е годы так и не получило ни свободы хозяйственной деятельности, ни правовой гарантии для хозяйственной инициативы. Классовая политика государства порождала неуверенность крестьянина, не стимулировала его к обогащению, а в бедноте сохраняла иждивенческие настроения. Условий для сознательного выбора путей развития у крестьянина становилось все меньше. Выход на хутора властями перекрывался. Затухало переселенческое движение. Плановые предложения по переселению к 1925 г. удалось выполнить только на 22%²³.

Казалось бы эта линия — хутора и переселение, — как бы продолжая столыпинскую реформу, не всецело теперь зиждившаяся на народной инициативе, должна была получить поддержку государства, но этого не произошло. Едва обозначившиеся наметки к развитию фермерского хозяйства душили в зародыше, причем настолько успешно, что не оставили следов в историографической памяти.

Кооперативное движение, возрождавшееся с переходом к нэпу, вроде бы должно было вселить надежду на прогресс кооперативных форм в сельском хозяйстве. Эти надежды особенно усилились с выходом в свет статьи Ленина «О кооперации». Идеи Ленина были поддержаны, но скорее не в силу их понимания, а из-за авторитета вождя. Они декларировались на всех партийных и советских уровнях. Но это, так сказать, большая политика. Практическая же реализация этих идей наталкивалась на постоянное недоверие к кооперации, особенно сельскохозяйственной. А неумелое руководство ее делами выдвинутыми из коммунистов еще более снижало эффективность ее работы.

Кооперация никоим образом не становилась «столбовой дорогой» к социализму. Беспредельный контроль и вмешательство партии, мелочная опека, внутренние противоречия превращали кооперацию к концу 20-х годов в неуклюжий механизм полугосударственного типа, который разваливался, отягощенный грузом собственных противоречий. Она становилась уже не способной к дальнейшему функционированию. Широко распространенный в последние годы в литературе тезис о преждевременном свертывании кооперации²⁴ несостоятелен. Такая кооперация уже ни на что не была способна, а ее реорганизация в тех условиях была невозможна. Конечно, сказывалось и нарушение закономерностей развития кооперативной

системы. До революции ее становление происходило с преимущественным развитием кредитных форм. И это понятно — капитал решал все. Получение дешевого кредита крестьянами и для оборота первичных кооперативов становилось главным.

В 20-е годы возрождение кооперации начинается с потребительской. Но не в силу, так сказать, органического роста, а в результате сознательной политики Советского государства, ориентированного на потребкооперацию. Тем не менее в литературе считается, что потребительская кооперация, первой начав возрождение, достигла и довольно быстро неплохих результатов и в значительной мере подготовила возрождение сельскохозяйственной кооперации. Естественно, что в условиях первоочередного и преимущественного финансирования потребительской кооперации последняя и получила толчок к возрождению и развитию в большей степени, чем сельскохозяйственная кооперация.

Данное обстоятельство имело неожиданные историографические последствия. В 50—60-е годы сложилось мнение, что именно потребительская кооперация, достигнув наибольших успехов в сфере товарно-денежного обращения, создавала «первые предпосылки для более глубокого кооперирования деревни, готовила почву для развития сельскохозяйственной кооперации»²⁵. Однако такое положение могло возникнуть не в силу закономерностей развития кооперативного движения, а, напротив, вопреки им, в силу специфического развития отношений между государством и кооперацией, когда ставка делалась именно на потребительскую кооперацию.

Внешние признаки, отчетные данные говорили о росте всех форм кооперации. Исходя из этого можно сказать, что вроде бы побеждала идея кооперативной эволюции. Можно предположить далее, что она могла развиваться либо путем постепенного втягивания всей кооперативной системы, во всем многообразии ее форм в народное хозяйство (согласно теории Чаянова), либо путем последовательного и постепенного перерастания низших форм в высшие, производительные (как полагал Кондратьев), либо в сочетании и того и другого. Однако теоретически во временном отношении кооперативная эволюция в той или иной вариации должна бы проделать долгий путь к социалистическому идеалу. Кондратьев, например, считал, что коллективизация — это вопрос будущих 600 лет²⁶. Вовлекаемый в полемику о перспективах сельского хозяйства, он как бы принимает правила игры в социализм, соглашается, что, конечно, социализм будет, но... через много сотен лет. Между тем люди, называвшие себя марксистами, считали, что всякая оттяжка великой цели мешала внедрить всенародное благо не когда-нибудь, а немедленно.

Начавшаяся коллективизация, конечно же, не имела ничего общего с кооперацией и кооперированием, даже в том виде, в каком пребывала кооперация в 20-е годы. Колхозы и до коллективизации были слабо связаны с кооперативной системой. Они все время развивались как бы сами по себе, подпитываемые государством. Но, несмотря на это, темпы их роста были невелики, а экономические возможности слабыми. К 1927 г. колхозы в сельскохозяйственном производстве занимали менее 1%. Несколько выше — 1,5% всего производства — был удельный вес совхозов, которые пользовались прямой поддержкой государства.

1925 год стал переломным в организации колхозов. С переходом к нэпу пришлось отказаться от их создания в крупном масштабе, хотя принципиально приверженность будущему коллективному сельскохозяйственному производству сохранялась. Однако в 1925 г., в связи с дискуссиями о строительстве социализма и желанием противостоять росту деревенской буржуазии путем создания «социалистических командных высот» в деревне, вновь стал обсуждаться вопрос об организации коллективных хозяйств. ЦК РКП(б) признал недопустимым невнимательное отношение со стороны советских и партийных органов к совхозам и потребовал принятия мер по их укреплению. 9 февраля 1925 г. было принято постановление «О совхозах», где им отводилась ведущая роль в реконструкции сельского хозяйства, в переводе мелких крестьянских хозяйств на рельсы крупного земледелия²⁷. А 6 марта 1925 г. СНК РСФСР принял постановление «О мероприятиях по укреплению экономического положения советских хозяйств»²⁸.

В марте 1927 г. были приняты постановления ЦИК и СНК СССР «О коллективных хозяйствах» и «О советских хозяйствах», которые фактически означали подготовку к массовой коллективизации. Следовательно, «великий перелом» 1929 г. возник не вдруг. Он был логическим и историческим завершением предшествующего развития. В том же направлении, без учета реальностей, нарастало рвение

местных руководителей, особенно в Средней Азии, где 99% населения вообще не понимало, что с ним хотят сделать.

Но в происходившем имелась своя логика и целостность. И в этой ситуации не оставалось места таким деятелям, как Бухарин. Беспокойство же ортодоксальных марксистов относительно путей развития сельского хозяйства и страны в целом были не напрасны. Либо назад к капитализму, либо вперед, как они полагали, прямым путем к социализму. Третьего не дано. А разве нэп — этот окольный, медленный путь не вел туда же? В том-то и дело, что не вел. И дело не в скорости, а в принципе. Нэп, если его последовательно проводить, требовал бесконечных и все возрастающих уступок (а затем и жертв!) капитализму, сводя на нет все завоевания большевиков. Коммунистам же всегда было трудно поступиться принципами, настолько трудно, что они начали крутить колеса нэпа в обратную сторону, едва поставив его на рельсы. Нэпу мог быть, должен, просто обязан быть противопоставлен только один метод — военно-коммунистический, — сравнительно мягкий, что маловероятно, а скорее всего жесткий, как оно и вышло. Как показано в работе Е. А. Никифорова, «у российского социума не было, нет и, если не произойдет спонтанной мутации (т. е. вмешательства иррациональных сил), не будет никаких альтернатив. В российском социуме... заложено нечто, жестоко детерминирующее его историческое существование»²⁹.

Итак, получилось то, что рано или поздно должно случиться, — коллективизация. Она решила сразу массу проблем, естественно, по-своему, так, как только могла их решить та система, которая ее породила. Одним махом был разрушен гордиев узел затянувшегося до бесконечности землеустройства индивидуальных крестьянских хозяйств. Покончено с аграрным перенаселением. Излишние миллионы крестьян коллективизация выкинула в города, дав дешевую рабочую силу фабрикам и заводам. Еще более дешевую получили горнорудная и лесная промышленность.

Была создана надежная система получения сельскохозяйственных продуктов, именно получения, вернее изъятия, а не производства. Впрочем, выдрессированный голодом 1933 г. крестьянин готов был работать в поте лица лишь бы выжить. У крестьян было отнято все, даже личная свобода. Запрет на выдачу паспорта поставил колхозника в положение, сравнимое только с закрепощением. На долгие годы установилось чудовищное несоответствие происходившего с его отражением в пропагандистской шумихе, в историографии, литературе, искусстве, особенно в кино. А чтобы колхозник не ощущал своей ущербности, могучая пропагандистская машина каждодневно вдальблывала ему в голову, что колхозное добро и есть его, крестьянское, кровное.

Вот уже сто лет одно из центральных мест в общественно-политической жизни России занимает аграрный вопрос. В нем сфокусированы все современные проблемы: экономические, социальные, политические, культурные, нравственные и др. И до революции и сразу же после нее нередко можно было услышать крестьянские сетования: «Мы бедны, потому что темны», «Мы темны, потому что бедны». И постоянное осознание собственного бессилия, многократно умножаемое отсутствием всякого порядка. Раньше крестьяне страдали от недостатка земли. Ныне же общество испытывает нужду в самом крестьянстве, которое, так и не дождавшись земли, похоже, покидает историческую арену. Многовековая эволюция русского крестьянства завершается процессом его раскрестьянивания.

Примечания

1. ЧАЯНОВ А. В. Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века. В кн.: КРЦИМОВСКИЙ Р. Развитие основных принципов науки о сельском хозяйстве в Западной Европе. М. 1927, с. 234.
2. АНФИМОВ А. М. В. И. Ленин о российском крестьянстве. В кн.: В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М. 1970, с. 81.
3. ЧАЯНОВ А. В. Бюджетные исследования: история и методы. М. 1929, с. 49.
4. ДУБРОВСКИЙ С. М. Столыпинская земельная реформа. М. 1963, с. 402, 568; ТРАПЕЗНИКОВ С. П. Аграрный вопрос и ленинская аграрная программа в трех русских революциях. Т. 1. М. 1967, с. 206—210; ВОЛОБУЕВ П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история, современность. М. 1987, с.

- 144; ДАНИЛОВ В. П. Октябрь и аграрная политика партии.— Коммунист, 1987, № 16, с. 30; КОВАЛЬЧЕНКО И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность).— История СССР, 1991, № 2, с. 68; и др.
5. По данным Наркомзема РСФСР, составленным в 1918 г., с 1906 по 1915 г. Переселенческое управление подготовило для заселения 35 млн. десятин. За этот же срок переселилось 4 млн. человек, обследовано и изучено 145 млн. дес., построены десятки тысяч верст новых грунтовых дорог, немало колодцев и пр. Расходы на переселение за десятилетний период составили 222 млн. рублей. Ежегодно за Уралом посевная площадь увеличивалась на 1 млн. десятин. Вывоз хлеба увеличился за это время с 5 до 150 млн. пуд., то есть в 30 раз. Маслоделние давало перед войной продукта на 75 млн. руб., или больше, чем вся золотодобывающая промышленность (Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 473, оп. 6, д. 1727, л. 4 об.).
 6. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 16, с. 219.
 7. См. Сборник материалов по колонизационным обследованиям Севера. Пг. 1919, № 1, с. 2.
 8. БРУЦКУС Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Париж. 1988, с. 115.
 9. САМАРИН Д. Ф. Теория о недостаточности крестьянских наделов по учению проф. Ю. Э. Янсона.— Русь, 15.X.1880.
 10. Спаситель русской деревни? Беседа с П. Н. Зыряновым.— Диалог, 1990, № 12, с. 74.
 11. ЧАЯНОВ А. В. Сколько будет стоить аграрная реформа? — Власть народа, 25.I.1918.
 12. РГАЭ, ф. 473, оп. 6, д. 1727, л. 12.
 13. ТЮРИНА Е. А. Источники по истории планирования сельского хозяйства. 1921—1925 гг. (по материалам Госплана и Наркомзема РСФСР). Автореф. канд. дисс. М. 1991, с. 18—19.
 14. См. НОСОВА Н. П. Управлять или командовать? Государство и крестьянство СССР в 1917—1929 гг. М. 1991, с. 211. Деп. в ИНИОН РАН, № 45930.
 15. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 3, с. 164.
 16. Отчет Наркомзема РСФСР за 1924/25 г. М. 1926, с. 566.
 17. БУХАРИН Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989, с. 211—213.
 18. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 8, с. 83.
 19. ДАНИЛОВ В. П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М. 1977, с. 140.
 20. См. КПСС в резолюциях, Т. 1, с. 249—275.
 21. ПЛАТОНОВ Андрей. Государственный житель: проза, ранние сочинения, письма. М. 1990, с. 160.
 22. Из устных рассказов очевидцев.
 23. НОСОВА Н. П. Ук. соч., с. 209.
 24. ДАНИЛОВ В. П. Истоки и уроки коллективизации.— Правда, 9.VIII.1987; его же. Кооперация двадцатых годов: опыт становления. В кн.: Человек и земля. М. 1988, с. 204; ФАЙН Л. Е. Становление ленинской концепции кооперации. Иваново. 1991, с. 43; и др.
 25. ДАНИЛОВ В. П.; ИВНИЦКИЙ Н. А. Ленинский кооперативный план и его осуществление в СССР. В кн.: Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках. М. 1963, с. 20—21; ДАНИЛОВ В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. 1979, с. 211; и др.
 26. КОНДРАТЬЕВ Н. Д. К вопросу о дифференциации деревни.— Пути сельского хозяйства, 1927, № 5, с. 138—139.
 27. Директивы ВКП(б) по хозяйственным вопросам. М.-Л. 1931, с. 198—201.
 28. СУ РСФСР, 1925, № 18, ст. 121.
 29. НИКИФОРОВ Е. А. К проблеме альтернативности в социальном развитии России. В кн.: Историческое значение нэпа. Сб. статей. М. 1990, с. 204.

Кино и история

М. Ферро

Может ли фильм представлять собой нежелательный для историка документ? Вот уже скоро сто лет, как его не признают и даже не числят среди источников. Он не входит в ментальную сферу историка. И правда, кино еще не родилось, когда история сформировала свои привычки, усовершенствовала свои методы, перешла от рассказа к анализу и построению моделей. А язык кино оказывается невразумительным: как и язык снов, его можно понимать по-разному. Но историка останавливает здесь не эта трудность — налицо некое неосознанное неприятие... В самом деле, историк находит удовольствие в описании своего метода, «научного», или скорее ученого, но он редко задумывается над его функцией. Однако легко заметить, что если идеология и методы историка и претерпели изменения, то их функция совершенно не изменилась.

Мало кто из историков, от Фрейзинга до Вольтера, от Полибия до Лависса, от Тацита до Моммзена, во имя науки не был бы на службе у коронованного лица, у государства, у отечества или у какой-нибудь партии. Накануне первой мировой войны историк — наравне со своими товарищами, адвокатом, чиновником — в каске и сапогах был готов сражаться. Одни и те же слова о родине, о благородной миссии, о славном долге и т. п. мы находим у всех историков, от Лависса до Силя, Трейчке и Ковалевского.

Источники же, которыми пользуются историки, составляют незыблемый свод, представляющий собой столь же строгую иерархию, что и общество, которому они посвящаются. Так же, как и это общество, все документы поделены на категории, среди которых без труда можно угадать привилегированных, деклассированных, разночинцев и люмпенов. В начале XX в. эта иерархия отражает взаимоотношения власть имущих: во главе кортежа самые авторитетные документы — государственные архивы, затем идет когорта печатных источников, с которых снят уже гриф секретности, юридические тексты или какие-либо другие, например газеты, являющиеся выражением воли государственной власти в просвещенном или демократическом обществе. Источники локальной истории, рассказы отдельных лиц замыкают этот кортеж: они занимают скромное место в разработке темы. Ведь история воспринимается с точки зрения тех, кто взял на себя заботу об обществе, кто внес свой вклад в дело единения родной страны, в исправление законов: государственных мужей, дипломатов и т. д. И на Востоке после Октября эти отношения оставались: источники подлежали строгой иерархии; текст Маркса или Ленина имел больший вес, чем свидетельства путешественника...

Ферро Марк — научный руководитель в Высшей школе общественных наук (Париж), содиректор журнала «Annales», директор IMSECO (Институт Советского мира и стран Центральной и Восточной Европы), автор книг «Революция 1917 года», «Советы при бюрократическом коммунизме», «Николай II».

В этом контексте на Востоке, как и на Западе, чем может быть полезен истории небольшой отрывок из фильма, показывающего поезд, приходящий на вокзал Циотат (Ciotat)? Впрочем, что для умных людей представляет собою кино начала XX века? «Машину оглушения или разложения, времяпрепровождение малограмотных несчастных созданий, замученных тяжелым недугом». Епископ, депутат парламента, генерал, нотариус, преподаватель, судья — все разделяют это мнение, высказанное Дюамелем. Они не идут на это «зрелище для рабов». Ни Ленин, ни Вильсон, ни Пуанкаре не ходили часто в кино.

Первые авторитетные суждения хорошо показывают, как воспринимают кино образованные люди. Фильм уподобляется базарным развлечениям. За ним не признается права на авторство. Право давно признает автора сценария автором художественного фильма. В новостях Патэ или Фокса не указываются имена тех, кто снимал; лишь русские да нацисты, представляющие два контробщества, указывают имена операторов киносъемок в титрах фильмов... Стало привычным не признавать кинорежиссера в качестве автора. Его не считают культурным, образованным человеком. Он квалифицируется как «охотник за кадрами». Таким образом, для образованных людей, для государства кинокадр в начале XX в. не представляет собой документальной ценности: разве могли историки к нему обращаться, а тем более ссылаться на него?

Сирота, не имеющий ни стыда ни совести и играющий на чувствах народа, разве мог бы кинокадр стать в один ряд с величественными фигурами, которые составляют круг общения историка: статьи закона, торговые соглашения, министерские декларации, политические программы и т. д. Кроме того, как довериться этим кадрам, собранным с помощью монтажа, трюка и комбинированных съемок? Историк не смог бы доверять подобным документам. Всем известно, что он работает словно в стеклянной клетке: вот мои выкладки, вот мои доказательства. Никому не могло бы прийти в голову, что выбор этих документов и их подборка, построение аргументации — это тот же монтаж, трюк и фальсификация. Имея возможность обращаться к одним и тем же источникам, разве все историки написали одинаково историю Французской революции?

Прошло 80 лет, история изменилась, а фильм до сих пор игнорируется большинством историков XX века. Безусловно, в кино сегодня ходят избранные, историк тоже его посещает, но, возможно неосознанно, он там всего лишь зритель... Его одолевают сомнения, какой образ реальности предлагается кинематографом? Этот вопрос его парализует, служит ему алиби, так как он предчувствует, что фильм обладает энергетическим зарядом, которого нет в его работах. Кроме того, кино зачастую вступает в противоречие с утверждениями руководителей, со схемами и моделями... Вместо того, чтобы иллюстрировать их речи, кино, так же как и художественная литература, часто выставляет их на посмешище. Вполне понятно, что духовенство обеспокоено тем, что задеты служители любой конфессии, так же как и работники любой организации, так как фильм разлагает то, что многим поколениям государственных мужей и мыслителей удалось привести в хорошее равновесие путем указов и постановлений. Кино разрушает двойственный образ, в котором любая организация и любой индивидуум предстает в глазах общества. Камера говорит об этом больше, чем кто-либо хотел бы показать. Она раскрывает тайное, она обнажает изнанку общества, его просчеты.

Этого более чем достаточно, чтобы период пренебрежения сменился периодом страха. Мысль о том, что жест мог бы оказаться фразой, а взгляд — длинной речью, совершенно непереносима: это означало бы, что кадр, озвученные образы, крик этой девушки, эта напуганная толпа составляют предмет другой истории, отличной от той, которая есть контр-анализ общества. Соединение кинематографа и истории позволяет наблюдать многочисленные точки взаимодействия, когда история рассматривается как описание нашей эпохи, как интерпретация становления общественных формаций: во всех этих вопросах пути истории и кино пересекаются.

Кино выступает прежде всего как фактор истории. Оно предстает в первую очередь в качестве инструмента научного прогресса. В настоящее время кино упрочивает эту первую функцию, распространив ее на медицину. В то же время, поскольку кино становится искусством, его первые представители, осуществляя смело поставленные цели, входят в историю своими фильмами, либо документальными либо художественными, которые поучают и прославляют; это пропагандистс-

кие фильмы, которые с полным основанием так и были восприняты и оценены. В то же время, как только руководители общества осознали, какое влияние кино может оказывать на публику и какую роль оно может играть, они предприняли попытки его приручить, поставить его себе на службу — безразлично где, на Востоке или на Западе.

Власти, какого бы происхождения они ни были, чьи бы интересы они ни защищали — Капитала, Советов, или Бюрократии, — заняли одинаковую позицию, пожелав подчинить себе кино. Однако оно захотело остаться автономным и действовать как контрвласть, как в случае с прессой в США и Канаде, как это было с писателями всех времен. Ясно, что кинематографисты, сознательно или нет, служат какому-то делу, идеологии. Но это не исключает наличия у них чувства сопротивления существующей идеологии и ожесточенных схваток в защиту собственных идей. Можно назвать фильмы Ж. Виго («Ноль по поведению»), Р. Клэра («Свобода за нами»), Л. Маля («Люсьен Лакомб»), не говоря уже о большинстве фильмов Годара. Эти кинорежиссеры создают и предлагают свое собственное видение мира, свидетельствуя таким образом о независимой позиции по отношению к преобладающим идеологическим течениям. Вследствие этого официальные институты отвергают такие произведения, оставляя за собой право высказываться, пользуясь законной властью.

Помимо пропагандистских и активно выражающих протест фильмов существуют также другие жанры, претендующие на то, чтобы оказывать воздействие на общество, — рекламные фильмы и коммерческое кино, которые еще мало изучены.

И наконец, с распространением аудиовизуальных средств кино может стать еще в большей степени фактором социального или культурного сознания: общество, будучи раньше предметом «авангарда», отныне может само взять на себя ответственность, порождая свое собственное кино. Такое посредничество кино осуществляется путем определенных способов, которые делают фильм действенным, оперативным. Специфика киноязыка как раз и выражается в особых формах кинематографического почерка (наплывы, обратные кадры и т. д.), который был изучен теоретиками кино, в частности Ж. Митри, Б. Морисетом и К. Мецом. Точно так же можно изучать эффекты монтажа, которые практиковали Кулешов, Эйзенштейн и др., или же действие различных элементов звуковой пленки.

Даже если «действенность», оперативный характер фильма связаны с обществом, которое их производит, было бы заблуждением воображать, что практика кинематографического языка так уж невинна. Ведь способ, используемый, вероятно с целью выражения протяженности или перемещения в пространстве, может вскрывать, обнаруживать социальные и идеологические начала, которые кинорежиссер не обязательно сознавал.

Фильм — это продукт культуры, связанный с обществом, которое его производит, с обществом, которое его получает и потребляет. Оно проявляет себя прежде всего в цензуре, во всех ее формах, не исключая самоцензуры; должна торжествовать мораль, определенная ее форма. В то же время постановка фильма вызывает соперничество, борьбу за влияние и конфликты, которые ведут к столкновению артиста и государства, продюсера и проката, автора и постановщика или отдельных участников съемочной группы. Эти конфликты не всегда бывают заметны.

Таким образом, как у любого продукта культуры, у каждого фильма есть своя история, которая и есть история со своей сетью личных взаимоотношений, своим хорошо установленным положением вещей и людей, с огромным разрывом между слиянием одних и незаметностью других.

Эйзенштейн заметил, что всякое общество получает картины в зависимости от своей культуры. Более того, содержание и значение произведения могут иметь иное прочтение в разные моменты его истории. Фильм «Великая иллюзия» Ренуара был истолкован в 1938 г. как пацифистский, левый, интернационалистский; в 1946 г. тот же фильм предстает уже двусмысленным и оторванным от ценностей, которые он, казалось, хотел воплотить во время выхода на экран.

Наконец, фильм является как бы симптомом движения истории. Если задумываться над проблематикой «кино и история», то следует принять во внимание две оси, которыми являются историческое прочтение фильма и кинематографическое прочтение истории. Кинематографическое прочтение истории ставит перед

историком задачу его собственного прочтения прошлого. Фильм доказывает, как в художественном варианте, так и не в художественном, что благодаря народной памяти и устной традиции кинорежиссер может вернуть обществу историю, которой его лишила государственная машина.

Историческое и социальное прочтение фильма, предпринятое в 1967 г., позволило освоить невидимые зоны из прошлого и вскрыть таким образом случаи самокритики и ошибки общества, художественного творения, а также социальное содержание бюрократической практики в сталинскую эпоху.

* * *

Рассмотрим ниже три аспекта: 1) Кино — фактор истории. 2) Специфика кинематографического сообщения. 3) Фильм как исторический документ. И, наконец, поставим вопрос: существует ли кинематографическое видение истории?

Кино — фактор истории. «Тот факт, что мы не завладели кинематографом,— писал Л. Троцкий в 1923 г.,— доказывает, до какой степени мы неловки, необразованны, чтобы не сказать глупы. Кино представляет собой наш лучший инструмент пропаганды». Троцкий, Ленин, Луначарский постоянно используют такие выражения, как «завладеть кино», «контролировать» его, вскрывающие связь, которую руководители молодой советской страны стремились завязать с кинематографом, являвшим собой новое дело, положение которого еще не было как следует определено.

«Кино должно быть поддержкой образованию масс». В самом деле, образовательное кино в России приобретает большое значение в культурной программе, принятой сразу же после национализации. Кроме того, с 1918 г. голос режима проявляется через политические новости. Что же касается художественного кино, то в первый период советской власти оно скорее выражало взгляды своих создателей-кинорежиссеров (Эйзенштейна, Пудовкина, Кулешова), чем существующего режима. Им достаточно было избегать «плохих» сюжетов прошлых лет, чтобы иметь возможность снимать и ставить фильмы. В сущности, это кино останется автономным и в способах выражения и в своем скрытом значении. Отсюда проистекают сожаления Троцкого о том, что большевики не сумели «завладеть» кинематографом, впрочем, его пожелания были выполнены Сталиным и Ждановым, начиная с 1927—1928 годов.

Однако одна сторона реальной жизни, выраженная в кинематографе, в течение последующих 30 лет сумела избежать цензуры. Это ей удастся и теперь, так как фильм — от «Андрея Рублева» до национального кино — всегда больше освобождается от режима, который им распоряжается. Так как фильм, каким бы он ни был, всегда перегружен содержанием, в конце концов, он в той же мере ускользает от того, кто снимал, как и от цензора. За эти полвека, когда режим создал свою письменную культуру, цензоры оставались безоружны перед кинокадром: невидимая граница их парализовала.

Троцкий назвал кино «инструментом пропаганды»; пусть слово подобрано не слишком тщательно, ключ проблемы именно здесь. Совсем как их западные коллеги, советские руководители рассматривали кино как «машину». От буржуазного прошлого они унаследовали те же предрассудки по отношению к кино, что и «просвещенные» люди, которые не испытывают ничего, кроме презрения, к этому популярному времяпрепровождению.

Сочувствие к киноизображению — в противоположность печатному слову — чревато последствиями. Когда Луначарский писал сценарий фильма, он считал себя автором этого фильма. Позднее комиссия по контролю за кинопродукцией начинает изучать лишь сюжет фильма, его сценарий: она и не думает контролировать съемки и присутствовать при монтаже. Таким образом, фильму удастся во многом избежать критики тех, кто невинно полагает, что все подвластно контролю. В фильме «По закону» Кулешов под носом у цензуры разоблачает процессы 20-х годов в вестерне по новелле Дж. Лондона; предполагается, что действие его происходит в Канаде. Постановщик фильма может таким образом критиковать советскую судебную практику, показывая, что уважение закона — чисто пародийное, хуже, чем его нарушение. 20 лет спустя также в некотором роде обойдет цензуру фильм «Иван Грозный».

Пропагандистские фильмы являются одним из наиболее ярких аспектов кино, представляющего как фактор истории. Если в качестве разоблачительных взять весь набор антифашистских фильмов, показанных в Париже в 1939 г., список быстро заполнится. За исключением «Сердечного согласия», «Двойного преступления на линии Мажино», «Пропавших из Сент-Ажиля», вызывающих подозрения насчет тайных мыслей немцев, нет ни одного фильма, который являлся бы явно антифашистским, кроме «Исповедей нацистского шпиона», но это фильм американский.

Один критик из «New York Times» писал тогда: «В сравнении с кинопродукцией компании Уорнер, которая делает акцент на деятельности нацистов в Америке, странно видеть, что французы, которые могли бы иметь дополнительные причины проявлять беспокойство, придерживаются наиболее общих мест перед лицом этой опасности, которая, впрочем, угрожает нам всем». В США в том же 1939 году идут 18 фильмов с определенной антинацистской направленностью. Этот итог наглядно показывает, что в отличие от Франции, которая переживает атмосферу скрытой гражданской войны, где военные или культурные вожди окончательно не определили, кто же враг — коммунизм или нацизм, в США выбор был сделан еще перед 1939 годом: сравним фильмы, показанные в 1938 г., — «Последний поезд на Мадрид», «Три товарища», и т. д. Этот феномен, впрочем, более отчетливо проявляется в кино, чем в мире книг, журналистике или науке.

Позиции американских кинорежиссеров и продюсеров легко можно было бы объяснить тем, что речь шла в основном о большинстве режиссеров — беженцев из Германии или же о евреях немецкого или американского происхождения. Кое-кто из них, без сомнения, таковыми и являлись, но они не составляли большинства. Кроме того, некоторые из этих режиссеров, приехав во Францию, не смогли оказать такого же влияния. После объявления войны Рузвельт сразу же дал указание развивать кино, которое прославляло бы правомерность американских ценностей. И вот, между сентябрем 1939 и июнем 1940, будучи уже в состоянии войны, Франция по-прежнему не выпускала антинацистских фильмов, в США же их выпуск продолжал шириться.

Проблематика «пропагандистского кино» может проявиться, если изучить образ СССР, который американцы старались предложить в своих фильмах. Хотя враждебное отношение к Советам не было еще искоренено в США, как в Великобритании или во Франции, нужно было преодолеть пропасть, чтобы предложить американцам образ СССР, который бы их устроил. Два фильма дают панораму, впрочем, довольно противоречивую, такого положения дел. Фильм «Командировка в Москву», своего рода репортаж по мотивам мемуаров посла в Москве Дэвиса, давал представление об СССР, которое ограничивается несколькими поучительными сценами, касающимися механизации сельского хозяйства, временной переделки тракторов в боевые танки, социальной эмансипации женщин — одной из наиболее распространенных тем. Добрые чувства составляют основу этого фильма, который пытается, по крайней мере в течение двух часов, нейтрализовать недоверие к сталинскому режиму.

В противоположность этому фильму, очень «историчному», «Северная звезда» с Э. Бакстер сделан с целью развлечь и оставить приятное воспоминание о советской жизни. Действительно, это маленькая украинская деревня — настоящий рай, и если бы не самовар да косы, можно было бы подумать, что действие происходит на Среднем Западе. Эта довольно слащавая вещь Л. Майлстоуна, которая показывает всех советских людей одинаково смелыми, патриотичными, честными и полными решимости отразить фашистское нападение, заставшее их в самый разгар праздника, содержала только одну ясно выраженную мораль — показать, что немцы в лице Э. фон Строгейма, нацистского врача, чем более образованны, тем виновнее в содеянных ими преступлениях.

А вот, в некотором роде, другая грань «пропагандистского кино» — кино антимилицаристское. Некоторые антивоенные фильмы зачастую пародийные и к тому же второразрядные, касаются в основном недостатков милитаризма, военного духа, нелепости и наивности его догм. Другие антивоенные фильмы клеймят перегибы воинской дисциплины, показывают более открыто военную машину и ее действие. Они наглядно демонстрируют злоупотребления и нарушения, которые допускались военной дисциплиной. Но и в этих фильмах не поднимаются ни

вопросы сущности милитаризма, ни даже вопросы института военной власти. Если и рассматриваются трудности службы в индивидуальном плане, то не затрагивается проблема в основном: социальная функция военных организаций, их репрессивная роль на уровне политических конфликтов и борьбы масс.

Специфические формы кинематографического языка. Практика кинематографического языка не так невинна, и поэтому полезно изучить различные способы его выражения. Фильм В. Харлана «Еврей Зюсс» (1940 г.) представляет хороший пример существования различных прочтений одного и того же кинопроизведения. Известно, какой успех имел этот фильм, какое участие принял Геббельс в его постановке, трагическая участь, которая ожидала впоследствии большинство тех, кто имел отношение к его созданию. Известно также, что его постановщик В. Харлан всегда отрицал, что он хотел сделать антисемитский фильм. По его словам, он согласился сделать исторический фильм по еврейской проблеме; несмотря на гнев Геббельса, ему почти удалось выбросить некоторые сцены, включенные по желанию министра пропаганды, смысл которых был слишком очевиден. Во время суда над ним в 1945 г. он ссылался на свою искренность, представлял доказательства, и американское правосудие приговорило его к легкому наказанию.

Между тем антисемитская линия фильма прослеживается не вполне последовательно. С этой целью в фильме использован прием под названием «связанный наплыв» (незаметный переход от одного плана к другому). В фильме «Еврей Зюсс» всего-навсего четыре связанных наплыва. Но их нечеткость не так уж невинна. Последовательно проанализированный выбор в использовании связанных наплывов приобретает идеологическое значение: собранные вместе, они образуют структуру (краткое изложение нацистской доктрины).

Другой способ кинематографического действия — практика интервью, которая замечательным образом была применена Офюльсом, Гаррисом и Седуем в их документальной ленте «Печаль и жалость».

Роль интервью состоит прежде всего в том, чтобы столкнуть действующий персонаж с его собственным прошлым, кроме того, интервью противопоставляет представление, которое свидетель имеет о прошлом, с реальностью этого прошлого. Наконец и в особенности, функция свидетельства в этом фильме состоит в том, чтобы заменить комментарий, место которого занимают то вопросы, поставленные свидетелям, то синхронные пояснения событий того времени: никогда Офюльс и Седуй не прибегают к комментарию традиционного типа. Таким образом, судя по всему, историк отступает перед очевидцами, перед обществом, перед свидетельством прошлого. Этот способ выражения придает фильму силу звучания, с которым зритель либо согласен, либо нет: и хотя в фильме сила изображения превалирует над силой текста, на этот раз происходит обратное, благодаря новой системе отношений между текстом, устной речью и языком образов.

Фильм как исторический документ. Ниже речь пойдет о фильмах, которые, безусловно, произвольно относят по традиции к разным жанрам: художественные, хроникальные и документальные. Для удобства избраны фильмы 1917—1918 гг., снятые в России, следовательно, это фильмы немые.

Сравним сначала два первых фильма про- и антисоветской направленности: «Уплотнение» и «Дни ужаса в Киеве». Автором сценария фильма Пантелеева «Уплотнение» был Луначарский. Этот фильм «хотел передать слияние пролетариата и интеллигенции». Это история о профессоре химии, увлеченном передовыми идеями, чей сын ведет агитацию против большевиков. Рабочего с дочерью, живших в сыром подвале, подсаляют в квартиру профессора. Вскоре враждебность семьи по отношению к этому рабочему и его дочери исчезает, и квартиру начинают посещать рабочие, а профессор читает лекции в своеобразном клубе, который там образуется. Сын профессора влюбляется в дочь рабочего, и они соединяют свои судьбы. Таково краткое содержание фильма в том виде, в каком он появился в 1918 году.

Автор первого антисоветского фильма «Дни ужаса в Киеве» неизвестен. Он был поставлен с одобрения немецких властей, которые поддерживали Скоропадского. Приглашения на просмотр были на двух языках — немецком и французском. В антибольшевистской борьбе врагом стал, таким образом, союзник: французы высадили свои войска в Одессе. Был ли этот фильм предназначен и им тоже?

Фильм показывает, как красные взяли власть в Киеве. Насилие и беззаконие там правят бал: уважаемые жители ограблены, дома их заняты. «Большевистский

ужас» (в немецком переводе) описывает трагедию одной мелкобуржуазной семьи. Отец семейства потерял свое место, потом его бывший слуга, который занимает крупный пост у большевиков, выселяет их вместе с женой из квартиры. Их дочь, которая работает на большевиков, хочет помочь родителям устроиться. Но они отказываются от денег, заработанных бесчестным путем. Отца посылают на принудительные работы, дочь пытается организовать его побег за границу. Но их обнаруживают, арестовывают и расстреливают.

Все детали усиливают линии этого сценария. Большевики живут в ужасающей тесноте, повсюду царит мерзость, и страх просачивается во все щели. Садист, который возглавляет трудовой лагерь,— это примкнувший к большевикам буржуа, у которого нет ни капли уважения ни к сединым, ни к патриотам. Отношения с большевиками его испортили. Героям из буржуазной среды, напротив, присущи любовь к порядку, честность, прямота. Драму переживает мать. Сначала она проклинает свою дочь, а затем сжимает ее в объятиях, когда она видит, что дочь хочет помочь.

Если сравнивать эти два фильма, то можно констатировать, что несмотря на противоположные цели, они на одну и ту же тему. Они ставят проблему взаимоотношений между защитниками Октября и мелкой буржуазией. Их задача — показать, возможно или нет сосуществование с большевиками. В обоих фильмах драматичен эпизод с разделом квартиры. Аллегорично, что жертвы живут под землей: одни до Октября — в большевистском фильме; другие после Октября — в антибольшевистском фильме. Политическая жизнь проникает в семейную ячейку и разрушает ее. Конец трагичен в обоих случаях, но нам не показывают ни смерть старшего сына, белого офицера, в первом фильме, ни то, как молодая девушка адаптируется к новому режиму — во втором...

Итак, некоторые черты сходства между двумя фильмами выходят за рамки сознательной или бессознательной воли режиссеров: ни в одном из этих фильмов активисты не принадлежат к рабочему классу; в фильме Луначарского активист — лицо подчиненное, и в «белом» фильме «сволочь»-большевик ни разу не предстает в образе рабочего, а только солдата. Второй чертой является то, что в основе идеи сближения классов лежит идиллия, классическая тема мелодрамы по типу Ромео и Джульетты. Однако в «Большевистском ужасе» инициатива исходит от девушки, которая уходит из своей семьи, что «неприлично», в то время как в большевистском фильме она очень сдержанна, и чувствуется, что она хорошо воспитана. Таким образом, два эти фильма, несмотря на противоположную концовку, определяют добро и зло, исходя из поведения девушки...

И наконец, замечено, что в этих двух фильмах полностью отсутствуют крупные мероприятия, которые традиционно связывают с большевистским режимом. Объяснение лежит прежде всего в реальных достижениях декретов советского правительства. Декрет о мире? За империалистической войной последовала война гражданская, плюс борьба с иностранной интервенцией. Декрет о земле? В 1918 г. еще не было забыто, что начиная с лета большая часть крестьян самостийно присвоила себе землю, до того, как Октябрь узаконил и расширил эти меры. Красные не могли также вспоминать самоуправление заводов, поскольку то, что большевики называли «рабочим контролем», пело отходную заводским комитетам.

В общем маразме совершенно ясно, что эти два фильма ставят настоящую проблему: партия большевиков нуждается в буржуазии, если хочет восстановить экономику. Партия это знает, как знают это и белые. Поэтому авторы фильма выстраивают свои пропагандистские идеи вокруг проблем, которые в действительности наиболее травмировали колеблющуюся мелкобуржуазную массу: потеря домашнего очага, экспроприация материальных благ (автомобиль в «белом» фильме), социальное смешивание. К тому времени игра еще не была сыграна, белые хотят запугать буржуазию, чтобы отвратить ее от этого альянса. Красные, со своей стороны, ищут способы ее соблазнить, и вот, в конце фильма Луначарского, скромный профессор становится идейным учителем для всех жителей квартала. Наконец, оба фильма освещают вторжение народных масс (иначе говоря, рабочих) в деловую сферу: их манеры говорят сами за себя.

Анализ серии документально-хроникальных лент времен революции 1917 г. позволяет сделать определенные наблюдения, которые либо подтверждают, либо ставят под сомнение традиционное видение данных событий. Уличные

демонстрации могут послужить весьма банальным примером. Существует относительно богатая документация; кроме того, так как маршрут шествий в Петрограде был часто один и тот же — по Литейному и Невскому проспектам или в направлении Таврического дворца, — то английские, русские и французские операторы могли занимать удобные позиции для съемок; они договаривались между собой, чтобы их поделить, а значит, им не нужно было ставить тяжелые камеры. Благодаря этим обстоятельствам существует целая серия фильмов об уличных демонстрациях, кроме первомайских, которые проходили на Марсовом поле.

В фильмах фигурируют лозунги, снятые часто в фас или в три четверти, что позволяет установить дату съемок. Так, можно прочесть: «Долой старый режим», «Да здравствует демократическая революция», «Без равноправия женщин нет демократии», — эти лозунги относятся к самому началу революции; «Долой политику агрессии» и «Мир без аннексий и контрибуций» — датируются апрелем, и т. д. Хорошо отснята демонстрация 18 июня, призывы правых выглядят зачастую так: «Война до победы».

Рассматривая эти кадры, можно констатировать:

1. В марте, во время продвижения головы кортежа, лавочники и зеваки из мелкобуржуазных кварталов центра города аплодируют, и вскоре их невозможно уже отличить от манифестантов — они смешались с шествием. Среди них очень много женщин. В апреле в рядах демонстрантов больше порядка, они движутся со знаменами и флагами. Зеваки и прохожие лавочники разглядывают или сопровождают идущих, но не покидают тротуаров; они не присоединяются к ним. В июне и в течение лета (как листва на деревьях) масса демонстрантов менее плотна, прохожие заняты своими делами; удвоенный патруль обеспечивает безопасность демонстрации.

Таким образом, кинокадры дают материал для своего рода периодизации взаимоотношений между манифестантами и мелкими лавочниками центра города: сначала единство, затем симпатия или безразличие и, наконец, страх или враждебность. Мы видим, что здесь нет ничего особенно нового по отношению к нашим традиционным знаниям...

2. Второе прочтение выявляет новый факт: среди всех этих манифестантов совсем не видно рабочих. Подавляющее большинство составляют солдаты; среди гражданских преобладают женщины, и чем больше их в колоннах, тем больше среди них рабочих; многочисленны также делегации националистических организаций (Бунд, дашнаки и т. д.). Художественное кино это подтверждает: в фильме Эйзенштейна «Октябрь» (1926 г.) демонстрантом, который поднимает флаг на стацию, оказывается женщина; толпа, которая следует за ней, размахивает ружьями и обрезами, а не молотками... Другие иконографические источники, а именно фотографии, подтверждают это — кроме первомайских и июньских.

Вот что ставит под сомнение прочно укорененную традицию, которая знала лишь массовые демонстрации «рабочих и солдат». Проверив увиденное на киноплёнке, можно заметить, что активисты, которые ворвались в штаб-квартиру ново-рожденной большевистской партии с целью заставить ее взять на себя ответственность за апрельские, июньские и июльские демонстрации, были солдатами, а не рабочими. В действительности, если рабочие и не принимали участия в уличных шествиях в центре города, то только потому, что большая часть из них в это время занимает заводы и переходит к управлению ими.

Художественная кинолента Пудовкина «Конец Санкт-Петербурга» прекрасно показывает обратную сторону проблемы. До Февраля рабочие собираются на квартирах; завод для них — враждебная крепость, куда ходят работать; откуда возвращаются вечером; во все другие часы дня и ночи его окрестности пустынные. Зато после Февраля пустеют квартиры, так как вся жизнь теперь переместилась на завод, который вместе с прилегающими к нему улицами превратился в бурлящий улей и пристанище рабочего люда.

Большевистская традиция умолчания в отношении этого аспекта революционного движения объяснима. Для большевистской историографии отметить, что в уличных демонстрациях редко можно было встретить рабочих, объяснить этот факт занятием заводов, значило бы допустить, что меры, принятые позднее, чтобы положить конец рабочему управлению, шли вразрез с общими настроениями. Кроме

того, марксистская традиция не могла приписать успех крупных уличных демонстраций солдатам, которым было дано определение «крестьяне в шинелях». Признать роль авангарда, даже частичную, не рабочих, но крестьян-солдат, означало бы на этот раз не только дисквалификацию последующих актов режима, но и взятие под сомнение догмы, на которой большевизм построил свою законность: захват власти — дело рук рабочего класса.

Существует ли кинематографическое видение истории? Проблема заключается в том, чтобы уяснить себе, изменяют ли кино и телевидение наше восприятие истории, имея в виду, что предмет ее — это не только знание явлений прошлого, но в равной степени анализ связей, которые объединяют прошлое и настоящее, исследование преемственности и ее нарушений.

Не вызывает сомнений, что эта проблема приобрела в последние десятилетия новое значение: тенденция смотреть события прошлых лет по телевизору возрастает в западном обществе, где она становится «параллельной школой»; кроме того, у бывших колониальных народов, особенно у тех, кто не имеет письменной исторической традиции, историческое знание находится еще более, чем где бы то ни было, в зависимости от средств массовой информации, даже если существует сильная устная традиция. Видимо, здесь заложен глубокий смысл.

Однако речь не идет о совершенно новой проблеме. В качестве научного знания историческая наука уже сталкивалась с проблемами такого рода: роман или драма часто выступали в роли противников, победителей исторического знания, по крайней мере, в нашей рассеянной памяти. Что нам приходит на ум прежде всего, когда мы вспоминаем о Ришелье или о Мазарини, как не приключения «Трех мушкетеров» А. Дюма. То же происходит и в Англии, где, как показал П. Саччо, все, что говорит Шекспир о Жанне д'Арк, вымысел, и однако, несмотря на работы историков, именно Жанна д'Арк Шекспира живет в памяти англичан, и чем больше проходит времени, тем меньше историки могут здесь что-либо изменить.

В отличие от исторического труда, который обязательно меняется в зависимости от успехов научного анализа, произведения искусства остаются навсегда неизменными. Как бы они ни развивались, проблема остается: свидетельство тому — случай с отношением к Наполеону в России. В этой стране, где ослепление его образом подверглось наибольшему испытанию, чем где бы то ни было, какой же из его обликов возьмет верх среди этих столь различных портретов — антихрист, варвар, тиран, Прометей, изверг или гений, таинственный призрак, эпический герой для Пушкина, материал философских рассуждений для Достоевского или Толстого, доказательство для марксистов — какой восторжествует?

Сегодня с появлением кино и телевидения история узнала новую форму выражения, которая придает ей внятность. В качестве примера можно привести «Броненосец «Потемкин»». Какие еще картины революции 1905 г. хранит наша память, как не из фильма Эйзенштейна, разумеется; а ведь большинство сцен в этих фильмах обязаны своим происхождением воображению авторов, как снежная битва в «Бонапарте» А. Ганса. Идеологическое влияние этих фильмов и их смысл были таковы, что священный ужас долгое время запрещал заниматься их анализом, это было бы святотатством по отношению ко всем тем, для кого кино было новым Откровением.

В действительности существует множество способов изучать исторический фильм.

Наиболее распространенный, унаследованный от просвещенной традиции позитивистский способ состоит в том, чтобы выверить, насколько точно восстановлены события, не носят ли случайно солдаты 1914 г. каски, ведь они появились в армии только после 1916 г.; проследить, верны ли декорации и внешнее оформление, аутентичны ли диалоги. Большинство кинематографистов внимательно соблюдают эту ученую верность деталям; чтобы ее обеспечить, они призывают мнимых историков и консультантов, охотно приходящих к ним на помощь, имена которых, впрочем, фигурируют где-нибудь в дальнем углу титров.

Естественно, существуют кинорежиссеры, требования которых более высоки: они сами идут в архивы, выступая в роли историков; они стараются придать диалогу сочность древнего языка, используя с помощью Флейманна наречие Силезии, с помощью Аллио — язык камизаров (крестьяне-гугеноты, восставшие на юге Франции в начале XVIII в.) и т. д. Такие высокие требования снискали им славу Эйзенштейна. Таков Тавернье, таков Бертолуччи в «Стратегии паука», который

умеет с помощью простого красного платка или не поддающейся определению разницы в освещении обставить переход к далекому прошлому или в вымышленный мир.

Позитивистский просвещенный взгляд не исключает обращения к другим критериям. Постановка фильмов «Александр Невский» и «Андрей Рублев», например, осуществлена благодаря двум артистам, одинаково внимательным к этим требованиям: они воскресили одинаковые (или почти) моменты истории, поставив два фильма, имеющие противоположное значение: в фильме «Александр Невский» смертельный враг — это немец, тевтонец, а в «Андрее Рублеве» — это татарин, китаец. В этом фильме идея спасения Руси заключается в ее святости, в христианстве, тогда как в фильме «Александр Невский» герой сознательно выбирает светский образ жизни. Идеологическое значение фильма легко отделить от мастерства кинорежиссера.

Очень часто эта другая манера видения вытесняет первую: фильм также высоко оценивается по смыслу, как и по существу. Нетрудно было бы догадаться, что в обществе, где доминирует идеология, такой взгляд на вещи мог одержать верх. Очевидно, что А. Ганс и Ж. Ренуар предлагают две противоположные трактовки Французской революции: первая, бонапартистская и дофашистская, прославляет чудо-человека, ниспосланного провидением; вторая, под влиянием марксизма, не принимает его в расчет, вплоть до отрицания существования великих личностей. Однако и в том и в другом случае режиссер выбирает в истории те факты и черты, которые укладываются в его концепцию событий, а другие отбрасывает, не считая нужным обосновать или оправдать свой выбор. Таким образом, он доставляет удовольствие себе и тем, кто разделяет его веру и кто составляет «его публику». Надо только, чтобы его убеждения широко поддерживали, тогда это будет выгодно с точки зрения бизнеса, а также престижа кинорежиссера. Возможно, в ущерб историческому анализу, т. е. ясному освещению явлений.

Без сомнения, существуют кинорежиссеры, которые своим новаторским выбором интересной интриги способствуют прояснению некоторых исторических феноменов, и делают это творчески. Висконти, например, в фильме «Проклятые» открывает широкую дорогу тем, кто хочет понять, как проник фашизм в круги крупной немецкой буржуазии. Кроме того, в этом случае выбор формы и тематики имеет целью сделать непрозрачной скрытую идеологию фильма, который целиком является детищем Висконти и который сводит к упадку смысл истории, при этом каждое из его произведений представляет собой элегию всему тому, что исчезает навсегда с вторжением нового.

Существуют также и другие фильмы, которые используют происшествия для разоблачения недостатков социальной и политической жизни; в самом деле, Ренуар, Росселини, Годар и Шаброль явились на смену романистам, таким, как Золя или Сартр; просто кинематографисты применяют этот прием к изображению прошлого, а не только настоящего, и они получили уже серьезное преимущество перед историками.

Следовательно, основное отличие в действительности не противопоставляет друг другу фильмы, сделанные на историческом материале, такие, например, как «Великая иллюзия» или «Унесенные ветром», и те фильмы, для которых история является предметом изучения, например, «Дантон» Вайды, так как фантазировать можно на любую тему. Это отличие ставит скорее в противоположный ряд фильмы, которые вписываются в общий поток доминирующих умонастроений или же течений, выражающих мнение меньшинства, а также те, что, напротив, предлагают независимый или новаторский взгляд на общество.

Функция анализа или функция контр-анализа, присущая кинематографу, осуществляется лишь в двух случаях. Во-первых, необходимо, чтобы кинорежиссеры поставили себя в условия, не зависящие от идеологических сил и действующих общественных институтов (что не относится к постановщикам пропагандистских фильмов), иначе их деятельность будет лишь дополнять, правда, в новой форме, работу господствующих или оппозиционных идеологических течений. Второе условие требует использования специфических средств выражения, чисто кинематографических, а не киноспектаклей, например. Вклад кинематографа в понимание исторических явлений представляется, таким образом, совершенно по-разному в зависимости от степени его самостоятельности и от его эстетического значения.

Затрагивают ли фильмы историю великих людей (Александр Невский, Наполеон и т. д.) или они выдвигают на первый план активность масс («Мать» Пудовкина, «Марсельеза» Ренуара и т. д.), они воспроизводят господствующие или оппозиционные направления мысли, а удовольствие, которое они доставляют своей красотой, свидетельствует лишь об их способности воздействовать на общество, на историю, сознательно или нет. Так, Ренуар, осуществляя постановку «Великой иллюзии», хотел воздействовать на историю, помогая делу мира. В этой категории произведений артист тогда делает еще один шаг, когда он «реконструирует» явление, не ограничиваясь его воспроизведением: так было с фильмом Эйзенштейна «Стачка», в котором был предпринят марксистский анализ ситуации на заводе накануне 1905 года.

По-другому обстоит дело с теми фильмами, функция которых — борьба с господствующей системой, поскольку они выступают против существующей власти и вовлечения в общую борьбу; идет ли речь о фильме «Соль Земли» или о большинстве польских исторических фильмов, о «Рублеве» или о «Чеддо» — их вклад огромен, это и борьба, и свидетельство времени.

Независимо от документальных фильмов, которые сохраняют образ настоящего, а также пережитки прошлого, или тех, что используют общественную память, можно особо выделить кинематографистов, которые предлагают глобальную интерпретацию истории, существующую лишь благодаря их анализу и представляющую собой не просто реконструкцию или воспроизведение истории, но оригинальный вклад в толкование событий прошлого и их связей с настоящим.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Николай II

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин

На страницах сочинений о России начала XX в. Николай II занимает место не политика и мыслителя, а скорее последнего представителя покидавшей историческую сцену династии, человека трагической судьбы, проникнутого мистическим чувством обреченности¹.

Старший сын цесаревича Александра Александровича, ставшего в 1881 г. императором Александром III, и его жены Марии Федоровны, дочери датского короля Христиана IX, до замужества принцессы Марии-Софии-Фридерики-Дамары, Николай родился 6 мая 1868 г. в Царском Селе. В этот день был устроен торжественный салют в Петербурге и Царском Селе. По установленной традиции рождение великих князей отмечалось 301 выстрелом, а княжен — 201. На этот раз в Санкт-Петербургской крепости салютовали 40 орудий. 30 мая в Придворной церкви Большого Царскосельского дворца состоялся обряд крещения великого князя. В этот день ему были пожалованы ордена Андрея Первозванного с цепью, Александра Невского, Белого Орла, Анны I степени и Станислава I степени. Со дня рождения начался отсчет воинской службы будущего императора. Приказом Александра II он был зачислен во все полки и отделения лейб-гвардии, в которых состоял его отец, а также назначен шефом 65-го пехотного Московского полка. В 7-летнем возрасте он был произведен в прапорщики лейб-гвардии Преображенского полка. Год спустя в связи со 150-летним юбилеем Академии наук избран ее почетным членом.

Учебные занятия наследника престола начались в 1877 г. под руководством генерал-адъютанта Г. Г. Даниловича, в прошлом инспектора классов кадетского корпуса и директора военной гимназии. Для начального обучения он составил расписание, рассчитанное на 24 урока в неделю: по четыре урока на русский язык, арифметику и чистописание, по три урока на английский и французский языки и по два — на закон божий, историю и рисование. Шесть дней в неделю с 9 часов утра и до 5 часов вечера наследник престола должен был заниматься полных четыре часа с перерывами на завтрак, для прогулки на воздухе, гимнастических упражнений. Это расписание, похоже, оказало влияние и на деловой распорядок дня императора Николая II.

Общий план занятий был рассчитан на 12 лет. Первые восемь отводились курсу гимназии с заменой древних языков основами минералогии, ботаники, зоологии,

Ананьич Борис Васильевич — член-корреспондент РАН; *Ганелин Рафаил Шоломович* — член-корреспондент РАН.

анатомии и физиологии и расширением изучения политической истории, русской литературы, французского и немецкого языков. Последние четыре года, к которым пришлось добавить еще один, были посвящены «курсу высших наук» — военных, юридических и экономических. Религиозное образование давал цесаревичу протоиерей И. Л. Янышев, духовник царской семьи. Экономические науки преподавал проф. Н. Х. Бунге, министр финансов, мыслитель либерально-реформаторского направления, а юридические — К. П. Победоносцев, ведущий идеолог консерватизма, который обучал праву нескольких великих князей и среди них — будущего Александра III. Международное право вел М. Н. Капустин. Политическую историю преподавал Е. Е. Замысловский, читавший курс русской истории в Петербургском университете и историко-филологическом институте, автор ряда исследований об иностранных известиях о Московской Руси, большой знаток источников. Н. Н. Бекетов читал химию.

Особенно насыщен был военный цикл, предметы которого вели наиболее выдающиеся представители различных отраслей военной науки — Н. Н. Обручев (военная статистика, или военная география, дававшая всестороннее географическое, этнографическое, военно-экономическое и политическое знание возможных театров военных действий), М. И. Драгомиров (боевая подготовка войск), Г. А. Леер (стратегия и военная история), Н. А. Демьяненко (артиллерия), П. Л. Лобко (военная администрация), О. Э. Штубендорф (геодезия и топография), П. К. Гудима-Левкович (тактика), Ц. А. Кюи (фортификация), А. К. Пузыревский (история военного искусства).

В 1884 г., когда Николаю Александровичу исполнилось 16 лет, он был произведен в поручики и стал почетным членом Русского Археологического общества, Петербургского и Московского университетов. Для прохождения строевой службы и ознакомления с военным бытом он дважды проходил лагерные сборы в Преображенском полку, исполняя обязанности сначала субалтерн-офицера («полуротного», то есть младшего офицера в роте), а затем ротного командира. Два летних сезона он нес кавалерийскую службу в качестве взводного офицера и эскадронного командира в гусарском полку, один лагерный сбор служил в артиллерии и до занятия престола командовал первым батальоном Преображенского полка в чине полковника. Состоящим в этом чине Николай II считал себя и находясь на троне. В полковники он был произведен в 1892 году.

С 1889 г. для ознакомления с управлением государством цесаревич стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В этих же целях он сопровождал отца в поездках по стране, а с октября 1890 до августа 1891 г. совершил путешествие на Дальний Восток — туда морем², а обратно сухим путем, через Сибирь, приняв участие во Владивостоке в открытии работ по сооружению Транссибирской железной дороги. В связи с этой поездкой наследника престола царским указом была объявлена частичная амнистия отбывавшим наказание в Сибири. В конце 1891 г. Николай Александрович был назначен председателем Особого комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях, а в 1892 г. возглавил комитет Сибирской железной дороги.

В апреле 1894 г., когда Александр III был уже тяжело болен, Николай был помолвлен с 22-летней принцессой Алисой, дочерью великого герцога Гессенского, внучкой английской королевы Виктории и сестрой великого герцога Гессен-Дармштадтского Эрнста-Людвига. Невеста прибыла в Россию за полторы недели до кончины Александра III, последовавшей 20 октября. На следующий день, 21-го, она приняла православие с именем Александры Федоровны, а 14 ноября состоялось бракосочетание.

Смена царствования в России почти всегда была связана с надеждами в обществе на перемены либерального свойства, на дарование свобод. Печать и общество искали малейшего повода для подобных надежд и готовы были видеть его даже в таком незначительном эпизоде, как покупка Николаем Александровичем для своей невесты перчаток в магазине на Невском проспекте. Это событие стало достоянием не только русской, но и европейской печати и трактовалось как свидетельство демократичности молодого императора³.

Однако Николай II вступил на престол с твердым намерением строго следовать политическому курсу своего отца. Уже на торжественном приеме депутатов, прибывших с поздравлениями на бракосочетание, 17 января 1895 г., Николай

II предостерег против «бессмысленных мечтаний об участии представителей земства в делах внутреннего управления». «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель», — заявил он. Это был ответ нового царя тверскому земству, намекнувшему на возможность конституционной перспективы. Встреча с царем произвела тягостное впечатление на большинство участников церемонии. Один из присутствовавших на приеме рассказывал: «Вышел офицерик, в шапке у него была бумажка; начал он что-то бормотать, поглядывая на эту бумажку, и вдруг вскрикнул: «бессмысленными мечтаниями» — тут мы поняли, что нас за что-то бранят, ну к чему же лаяться?»⁴.

Речь царя вызвала не только разочарование, но и недовольство либеральных кругов общества, подтолкнула процесс их консолидации. Выступление Николая II получило полное одобрение только Победоносцева в России и Вильгельма II в Германии. Накануне коронации Победоносцев опубликовал трактат в защиту национального характера самодержавия. Многие страницы этого труда были посвящены обличению буржуазной демократии, механизма «парламентского лицедейства» и доказательству того, что всякая конституция — «великая ложь нашего времени»⁵.

Сохранение в неприкосновенности самодержавного принципа правления было символом веры царственной четы, искренне убежденной в божественном происхождении своей власти. Вел. кн. Александр Михайлович, подтверждая распространенное мнение о влиянии на царя Победоносцева, писал: «Его циничный ум влиял на молодого императора в том направлении, чтобы приучить его бояться всех нововведений»⁶. Но в этом немалую роль играла и Александра Федоровна и по свойствам своего характера (близкая к царской семье в течение многих лет А. А. Вырубова считала, что императрица лучше, чем муж, понимала людей и не могла не замечать лести и вероломства лиц из царского окружения⁷), и как неопитка православия, и вследствие особенностей того положения, которое она заняла в царской фамилии. Вообще подозрительность по отношению к различным даже кажущимся попользованиям против абсолютности царской власти была присуща им обоим. Действия не только демократов или либералов имелись здесь в виду, но и родственников. Впоследствии их стали называть «великокняжеской партией» по саркастической аналогии с оппозиционными монархии политическими партиями. В день смерти Александра III его наследник говорил вел. кн. Александру Михайловичу: «Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем. Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами»⁸.

Император был главой царской фамилии, в которую входило свыше 40 его родственников, в том числе дяди. По словам Александра Михайловича, в течение первых 10 лет Николай II выслушивал их советы и указания «с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу». «Он боялся оставаться наедине с ними, — писал Александр Михайлович. — ...Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусства. Все они имели каждый своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить русский сезон в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д.»⁹.

Среди великих князей были, впрочем, люди, пользовавшиеся общественным признанием, такие, как известный историк Николай Михайлович, франкофил и поклонник парламентаризма, боявшийся, однако, что его введение в России окажется неудачным, поэт Константин Константинович. Александр Михайлович считал весьма опытным в делах государственного управления своего отца Михаила Николаевича, председателя Государственного совета и генерал-инспектора артиллерии, в течение 20 с лишним лет возглавлявшего администрацию на Кавказе, усвоившего, однако, манеру беспрекословного подчинения всему, что говорил и делал царь¹⁰.

Один из острых конфликтов внутри царской семьи разразился из-за катастрофы на Ходынском поле в Москве во время коронационных торжеств 1896 г., когда пострадало более 2600 человек, из которых 1389 умерло. Младшие великие князья,

четверо сыновей Михаила Николаевича, требовали прекращения торжеств и немедленной отставки Сергея Александровича, которого поддерживали старшие члены императорской фамилии. Николай Михайлович предостерегал царя против поездки на бал к французскому посланнику. Однако Николай II появился на балу. «Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка», — писал впоследствии Александр Михайлович¹¹.

Николай II вступил на престол, не имея четкой внутривластной программы. Это вносило дезорганизацию в работу государственного аппарата. Поскольку в России не было объединенного правительства, политический курс выработывался в результате соперничества министров и определялся политикой министерств, в первую очередь финансов и внутренних дел как обеспечивавших экономическое могущество и внутреннюю безопасность империи. В начале царствования Николая II влиянием на него пользовались обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, председатель Комитета министров И. Н. Дурново, министр финансов С. Ю. Витте, а также И. Л. Горемыкин, назначенный в 1895 г. министром внутренних дел.

Горемыкин был человек хотя и неглупый, но «до крайности ленивый... легкомысленный и самоуверенный». Он «принялся за дело без определенного плана», руководствуясь общим правилом: «угождать велениям сверху, как бы часто они ни менялись»¹². Стремление «удержаться на месте» и угодить уживалось в нем с достаточно циничным отношением не только к другим представителям высшей бюрократии, но и к самому Николаю II. Когда управляющий делами Комитета министров А. Н. Куломзин обвинил Горемыкина в том, что тот не представил вовремя объяснения «по отметкам государя на отчетах» Министерства внутренних дел, Горемыкин заявил: «Да что же нам отвечать на всякую его мазню»¹³. В конце 1890-х годов Горемыкин открыто жаловался военному министру А. Н. Куропаткину на «внутреннюю неурядицу», обвиняя в ней прежде всего царя. Витте отзывался о царе как о человеке «без твердой еще воли», малоподготовленном, решавшем все «сплеча», не осмыслив «значения подготовительной работы к тому или иному решению».

Великий князь Михаил Николаевич наставлял в декабре 1897 г. Куропаткина, принимавшего от П. С. Ванновского Военное министерство, что «надо все дела улаживать, не доводя до решения государя». «Забот вам будет много, — говорил он Куропаткину, — министры идут вразлад. Каждый стремится обойти в законе указанный путь»¹⁴. Куропаткин пользовался расположением царской семьи. Его часто приглашали к завтраку.

Александра Федоровна в первые годы царствования почти не говорила по-русски, хотя хорошо понимала русскую речь. В обучении ее языку принимал участие сам царь. Вечерами он читал жене «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя или сочинения Н. К. Шильдера о царствовании Александра I. Николай II шутливо приказал Куропаткину разговаривать с Александрой Федоровной только по-русски. Но когда в декабре 1898 г. Куропаткин попытался обратиться к царице по-русски, она ответила ему по-французски, «что ее успехи в русском языке ничтожны, что ей учиться трудно»¹⁵. Правда, через несколько лет она говорила по-русски уже свободно.

Описание встреч с царской семьей заняло значительное место в дневнике Куропаткина, а свои доклады Николаю II в качестве начальника Закаспийской области, а затем и военного министра, он воспроизвел не только с существенными подробностями, но и с пересказом диалогов. В них царь выглядит скорее хорошо осведомленным и живым собеседником, чем крупным государственным деятелем, имевшим продуманную военную и внешнеполитическую программу. Впрочем, он определенно держался, по крайней мере, двух принципов: Россия должна наращивать свое влияние на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке и «прав был Николай I», когда говорил, что «где стоит русская нога, оттуда уходить нельзя». Однако царь внимательно выслушивал Куропаткина, предостерегавшего против военных авантур, и часто соглашался с его доводами.

Когда на вопрос Николая II: «Что нам делать в Афганистане?» Куропаткин решительно заявил, «что... не надо брать ни пяди афганской земли», царь не только согласился с этим, но даже прибавил: «Пойти вперед легко, остановиться трудно». Куропаткин рассказал о «физических и этнографических» особенностях условий

войны в Афганистане, «неизбежности борьбы с горским населением... несовпадении границ топографических с этнографическими», отсутствии дорог и неминуемости в случае войны огромных расходов. Николай II отнесся и к этим разъяснениям с полным пониманием, добавив от себя: «Значит, должен будет платить все тот же русский мужик»¹⁶.

Куропаткин и царь разошлись, однако, во взглядах на проблему проливов. Царь, как известно, дал втянуть себя осенью 1896 г. в сомнительный проект захвата Босфора. Проект этот был провален только благодаря активному противодействию Витте, поддержанному Победоносцевым. Однако Николая II не покидала заманчивая мысль овладеть «одновременно Босфором и Дарданеллами». Куропаткин принадлежал к числу сторонников захвата Босфора, но убеждал царя, что захват Дарданелл опасен и может привести к европейской войне. Николаю II казалось, что захват проливов — «дело нескольких часов». «Вы убедили меня наполовину в том, что нам пока Дарданеллы не нужны», — возразил он на доводы Куропаткина¹⁷.

К концу 1890-х годов в правительственной политике доминирующим стало влияние Витте. Он выступил с программой ускоренной модернизации российской экономики. Министр финансов обещал, что в результате проведения намеченных им реформ в течение ближайших 10 лет Россия догонит развитые в промышленном отношении страны Европы. Он ввел в стране золотое денежное обращение, широко открыл доступ в экономику иностранным капиталам, провел мобилизацию внутренних ресурсов за счет усиления косвенного налогообложения и с помощью казенной винной монополии, обеспечил таможенную защиту русской промышленности. Опираясь в Европе на франко-русский союз, царское правительство начало активную экономическую экспансию на Дальнем и Среднем Востоке с целью захвата рынков для развивавшейся русской индустрии.

В проведении своего курса Витте, конечно, пользовался поддержкой Николая II. Царь принял его экономическую программу потому, что она должна была укрепить экономическое могущество России, не затрагивая основ самодержавной системы государственного управления. Однако попытки Витте в 1898 г. добиться пересмотра аграрного курса правительства встретили решительное противодействие его противников в Министерстве внутренних дел и не получили одобрения Николая II. К 1902 г. с назначением В. К. Плеве на пост министра внутренних дел влияние Витте начало падать. В августе 1903 г. он был отстранен от должности министра финансов и назначен на малозначительный пост председателя Комитета министров. Инициатива в определении политического курса перешла к Министерству внутренних дел. Витте и министр иностранных дел В. Н. Ламздорф стали утрачивать свое влияние и на проведение политики продвижения России на Дальнем Востоке — в Маньчжурии и Корее. Ее рычаги оказались в руках «безобразовской шайки», как называл Витте группу лиц во главе со статс-секретарем А. М. Безобразовым, не занимавших официальных постов, но пользовавшихся влиянием на царя. Необычайно возросшее в царствование Николая II «вневедомственное влияние» было одним из проявлений очевидного кризиса власти.

Уже в самом начале своего правления, когда царь оглядывался на мать, вдовствующую императрицу Марию Федоровну, а императрица Александра Федоровна была этим явно недовольна, возникли неприязненные отношения между нею и многочисленными сторонниками Марии Федоровны. Они обострились благодаря тому, что Александре Федоровне не удавалось добиться такой популярности, которой продолжала пользоваться ее свекровь. Молодая царица говорила: «Императрицу Марию Федоровну любят потому, что императрица умеет вызывать эту любовь и свободно чувствует себя в рамках придворного этикета; а я этого не умею, и мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело»¹⁸. При этом Александра Федоровна была убеждена во всемогуществе императорской власти. Однажды она потребовала, чтобы в издающемся в Германии знаменитом международном справочнике «Готский альманах» в рубрике «Россия» не печатали: «династия Гольштейн-Готторп-Романовых». В редакцию было послано письмо, но оттуда ответили, что Павел I был сыном герцога Петра Гольштейн-Готторпского. Тогда Александра Федоровна потребовала запретить ввоз альманаха в Россию, несмотря на его самый легитимистский характер, но сделать это — означало вызвать общеевропейский скандал¹⁹.

Как и все отношения в царской фамилии, положение в ней Александры Федоро-

вны не могло не отражаться на поведении царя. Однако не только этим определялись его скрытность, уклончивость в решении дел, стремление избегать открытой полемики или политической борьбы, а вместо этого объявить о своем решении тому или тем, кого оно касалось, в самый последний момент,— все те черты, которые давали современникам основания говорить о его византийстве. «Я всегда во всем со всеми соглашаюсь, а потом делаю по-своему»,— признался он однажды.

«Николай II,— писал генерал А. А. Мосолов, начальник канцелярии Министерства двора в 1900—1917 гг.,— не любил спорить, отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом, а он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал это для себя обидным. Этот недостаток природы Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшие лишь проявлениями недостатка гражданского мужества... Он увольнял лиц, даже долго при нем служивших, с необычайной легкостью. Достаточно было, чтобы... начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения. Как все слабые натуры, он был недоверчив»²⁰.

Прямое проявление силы характера было для Николая II непростым делом. Вот что писала А. Вырубова о том, как он преодолел «бунт» министров против снятия вел. кн. Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего и принятия им этих обязанностей на себя: «Я обедала у их величеств до заседания, которое назначено было на вечер. За обедом государь волновался, говоря, что какие бы доводы ему ни представляли, он останется непреклонным. Уходя, он сказал нам: «Ну, молитесь за меня!» Помню, я сняла образок и подала ему в руки. Время шло, императрица волновалась... пробило 11 часов, а он все еще не возвращался... Уже подали чай, когда вошел государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал: «Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел!». Передавая мне образок и смеясь, он продолжал: «Я все время сжимал его в левой руке. Выслушав все длинные скучные речи министров, я сказал приблизительно так: Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в ставку через два дня! Некоторые министры выглядели как в воду опущенные!»²¹.

Победоносцев считал его не терпящим «общих вопросов», способным оценить «значение факта лишь изолированного, без отношения к остальному, без связи с совокупностью других фактов, событий, течений, явлений». Сам Николай II признался однажды Куропаткину, «что он тяжело мучается, выбирая из всего слышанного нужное», «что ему тяжело приходится напрягать ум» и «он думает, что это усилие ума, если бы могло проходить в лошадь (когда он на ней сидит), то очень встревожило бы ее»²². Такого рода высказывания, утрированные и обобщенные публицистической традицией, создали Николаю II репутацию человека не очень умного.

Однако, по свидетельству многих современников, царь обладал хорошей памятью, имел неплохое гуманитарное образование, интересовался археологией и литературой, знал историю церкви и разбирался в богословских вопросах. «Мои личные беседы с царем,— писал известный русский ученый-правовед А. Ф. Кони,— убеждают меня в том, что это человек несомненно умный, если только не считать высшим развитием ума разум как способность обнимать всю совокупность явлений и условий, а не развивать только свою мысль в одном исключительно направлении. Можно сказать, что из пяти стадий мыслительной способности человека: инстинкта, рассудка, ума, разума и гения, он обладал лишь средним и, быть может, бессознательно первым... Встречи с ним как с полковником Романовым в повседневной жизни могли быть не лишены живого интереса»²³.

Особенности поведения и образа действий Николай II, как считали многие из его окружения, в значительной мере определялись сомнениями в своей государственной опытности и отсутствием царственного облика. Он унаследовал от матери невысокий рост. Христосуясь на пасху с солдатами, Николай II «должен был подниматься на цыпочки, чтобы поцеловаться с рослым гвардейцем, а тот бережно нагибался к императору»²⁴. Именно поэтому, вероятно, министр двора В. Б.

Фредерикс, по словам Мосолова, всегда настаивал, чтобы Николай II показывался толпе преимущественно на лошади. «Несмотря на свой небольшой рост,— писал Мосолов,— Николай Александрович был замечательным кавалеристом и верхом производил, действительно, более величественное впечатление, нежели пешком»²⁵. Между тем другие Романовы отличались высоким ростом, особенно царственной внешностью обладал Александр III. Этому облику соответствовала и репутация всемогущего государя. Николай II, по словам Александра Михайловича, «с тоской смотрел на портрет своего отца, жалея, что не умел говорить языком этого грозного первого хозяина России»²⁶.

Лучше всего царь чувствовал себя в частной жизни. В царской семье одна за другой рождались дочери: в 1895 г.— Ольга, в 1897 г.— Татьяна, в 1899 г.— Мария и в 1901 г.— Анастасия. Ждали наследника престола. В 1904 г. родился сын Алексей, но оказалось, что он неизлечимо болен гемофилией. Эта наследственная болезнь, которая поражает мужчин, но передается по женской линии, была распространена в английском королевском доме и называлась «викторианской». Семейная трагедия усугубила такие черты характера Александры Федоровны, как истеричность и фанатическая религиозность со склонностью к суевериям, строжайший пуризм²⁷.

По впечатлениям Куропаткина, Александра Федоровна уже в начале царствования принимала активное участие в решении важных государственных дел и выступала советчицей даже по весьма, казалось бы, далеким от ее интересов вопросам. Она оказывала влияние на решения и поступки мужа в различных сферах государственного управления. Об этом свидетельствуют их переписка и воспоминания современников. Важнее было другое — общий для них обиход мышления, с психологической опорой на промысел божий, но и, нельзя этого игнорировать, с верой в юродивых и шарлатанов, появившихся при дворе — от французского лжеврача Филиппа до Григория Распутина²⁸.

Объясняя свои упования на собственную интуицию в государственных делах, Николай II в 1907 г. написал П. А. Столыпину: «Возвращаю Вам журнал Совета министров по еврейскому вопросу (Совет министров предлагал отмену некоторых ограничений в правах для евреев.— *Авт.*) не утвержденным... Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу — внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала, поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что «сердце Царево в руцех Божиих»... Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, великую перед Богом страшную ответственность и во всякое время готов дать Ему в том ответ». «Ни в одном из документов, находившихся в моих руках,— писал В. Н. Коковцов, многолетний министр финансов и преемник Столыпина на посту председателя Совета министров,— я не видел такого яркого проявления того мистического настроения в оценке существа своей царской власти, которое выражается в этом письме государя своему председателю Совета министров»²⁹.

Упование на бога сочеталось у Николая II с наивной верой в то, что простой народ бесконечно предан своему царю. Даже события 1905—1907 гг. не поколебали этой уверенности сколько-нибудь существенно. При обсуждении летом 1905 г. положения о выборах в Государственную думу один из консервативных сановников предложил исключить грамотность как условие для избрания в Думу. «Неграмотные мужики,— говорил он,— будь то старики или молодежь, обладают более цельным мирозерцанием, нежели грамотные». Несмотря на замечание Коковцова, что неграмотность не предохранит крестьян-депутатов от революционных влияний («они будут только пересказывать эпическим слогом то, что им расскажут или подскажут другие»), царь предпочел неграмотных крестьян с «цельным мировоззрением»³⁰.

После манифеста 17 октября 1905 г., провозгласившего создание законодательного представительства и предоставление политических свобод, Николай II манифестом 3 ноября уменьшил наполовину на 1906 г. выкупные платежи по реформе 1861 г. и отменил их вовсе с 1907 года. По его мнению, это было «несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России»³¹. В этом, конечно, было рациональное зерно. Однако вера в крестьянский цезаризм, как и вообще в беззаветную любовь простого народа к царской семье, питалась потоком верноподданнических адресов, по большей части инспирированных вла-

стями или общественными организациями монархического толка, а также впечатлениями Александры Федоровны и Николая II от парадных встреч при поездках по стране и особенно посещений святых мест.

Печать как источник, отражающий общественное мнение, не играла для царя большой роли. Но использование ее как средства формирования общественного мнения его интересовало. В 1905—1906 гг., по словам А. А. Спасского-Одынца, секретаря председателя Совета министров Витте, Николай II читал консервативные «Новое время» и «Свет», а также, «как это не покажется удивительным», либеральные «Биржевые ведомости». Об остальных он отзывался: «паршивцы», «дряни» и еще крепче... Их кто-то для его величества прочитывал, — вероятнее всего, генерал Трепов. Об этом можно судить по тем отметкам на страницах, которые посылались председателю Совета министров, как, например: «Сергей Юльевич! Неужели мое правительство так беспомощно, что не имеет законных средств посадить на скамью подсудимых эту революционную с...?» — особенно четко выписывалось последнее слово. Все это послужило основанием для выпуска газеты «Русское государство» как вечернего приложения к «Правительственному вестнику»... Это была четвертая газета, которую внимательно читал государь ³².

Дворцовый уклад жизни и охрана мешали соприкосновению царской семьи с действительностью. Правительственный аппарат в лице министров и губернаторов да несколько лиц, пользовавшихся особым доверием царя, например, князь В. П. Мещерский, агроном А. А. Клопов, были теми, у кого царь осведомлялся о различных сторонах российской жизни. Ни он, ни члены его семьи не имели сколько-нибудь полного представления о стоимости денег. Только за границей они сами делали покупки, в России все их счета оплачивались казначейством. Царские дети были удивлены, получив однажды в лавке сдачу. Они хотели знать, почему лавочник не взял себе всех денег.

На каждый год Николай II мог получать около 20 млн. рублей. Сумма эта складывалась из ассигнований на содержание императорской семьи из средств казначейства (11 млн. руб.), доходов от удельных земель и процентов с хранившихся за границей капиталов. Но на содержание царской фамилии, многочисленных дворцов-резиденций, а также Гатчинского и Большого Кремлевского дворца в Москве с их многочисленным штатом, на императорские театры, приемы и балы уходило так много средств, что на личные нужды царю оставалось около 200 тыс. руб. в год. Хранившиеся в Англии со времен Александра II 200 млн. руб. Николай II не трогал. Он израсходовал их лишь во время первой мировой войны на нужды пострадавших семей и раненых. Но незадолго до войны министр двора Фредерик перевел в Берлин 7 млн. руб. из оставшихся нетронутыми пенсий царских детей ³³.

20 тыс. руб. в год составляли «собственные суммы — на комнатные расходы» царя. Эти деньги тратились на гардероб, подарки, награды, разного рода пособия и пожертвования. Кроме того, в личном распоряжении царя находился так называемый экономический капитал. На 1 января 1896 г. он составлял более 2 млн. руб. и 355 тыс. франков ³⁴. Николай II держал значительное количество облигаций внутренних и железнодорожных займов, 4% ренты и других ценных бумаг. У царя имелся также текущий счет в Волжско-Камском банке ³⁵.

Жизнь царской семьи в значительной мере отравляла охрана — в первую очередь из-за того, что главным объектом наблюдения оказывалась именно она. «Государыня в особенности тяготилась и протестовала против этой «охраны»; она говорила, что государь и она хуже пленников, — писала А. Вырубова. — Каждый шаг их величеств записывался, подслушивались даже разговоры по телефону. Ничто не доставляло их величеств большего удовольствия, как «надуть» полицию, когда удавалось избежать слежки» ³⁶. Охрана, которой ведал дворцовый комендант, включала дворцовую полицию, конвой и сводный полк. Велась запись всех проходивших во дворец, о каждом из них докладывали по телефону начальству. Каждый встреченный царем или царицей во время прогулки, с которым они обменялись несколькими словами, подвергался затем агентами охраны опросу.

Считалось, что царя охраняют от террористов. Однако между ними и Департаментом полиции существовала подчас тесная связь. Начальник Петербургского охранного отделения А. В. Герасимов после революции 1905—1907 гг. давал согласие на приезд царя из загородной резиденции в столицу лишь получив от Е. Азефа — руководителя боевой организации эсеров и одновременно агента

Департамента полиции — заверение, что его боевиков в этот день в Петербурге не будет. Таким образом безопасность царя в большой степени оказывалась в руках провокатора. Мало того, угроза могла исходить и от руководства охраны.

Директор Департамента полиции А. А. Лопухин вспоминал свой разговор с Витте, состоявшийся в 1903 году. Только что смещенный со своего поста министр финансов говорил, конечно, полунамеками, но вот смысл сказанного: «У директора Департамента полиции, ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя,— так нельзя ли дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще у Николая II не было сына.— *Авт.*), у которого я, С. Ю. Витте, пользуюсь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе»³⁷. Уже одно то, что Лопухин считал возможным подобный разговор и готов был выслушивать намеки Витте, свидетельствует о нравах, царивших в Департаменте полиции. Б. В. Никольский, один из лидеров черносотенных организаций, пользовавшийся доверием Николая II, но недовольный его политикой, размышлял не только о возможности его свержения, но и о «чем-нибудь сербском», имея в виду убийство сербского короля Александра Обреновича и его жены Драги 29 мая 1903 г. в результате заговора офицеров³⁸.

Царская чета жила в атмосфере подозрительности и недоверия. Николай II не без основания сомневался в искренности министров, обычно не прочь был столкнуть их лбами, следил за тем, что они говорили или писали. Дневники и другие бумаги министров обычно конфисковывались после их смерти. Часть дневников министра внутренних дел Д. С. Сипягина царь уничтожил, возложив вину за это на своего генерал-адъютанта. Д. П. Святополк-Мирский на посту министра внутренних дел из предосторожности вел свой дневник в форме дневника жены, в сущности диктуя ей почти ежедневные записи³⁹. После смерти Витте в феврале 1915 г. его кабинет в Петербурге был сразу же опечатан, а на даче в Биаррице, на юге Франции, в отсутствие хозяев агенты русской секретной службы за границей произвели обыск. Искали рукопись мемуаров Витте, не зная, что она предусмотрительно спрятана им в сейфе одного из французских банков⁴⁰. Воспитанный человек, умевший не выдавать своих чувств, царь тем не менее не скрывал своей радости по случаю смерти Витте. После того как тот настоял на издании манифеста 17 октября 1905 г. и первым занял пост главы правительства, царь видел в нем врага самодержавия.

Николай II считал своим долгом передать сыну унаследованную от отца власть в полной ее неприкосновенности. Приверженность самодержавной идее опиралась на многолетнюю традицию, светскую и церковную, консервативную историографию и общественную мысль, наконец, на искреннюю убежденность в необходимости существовавшего строя для всеобщего блага. Царю были глубоко чужды не только принципы народного представительства, но и идея объединенного правительства.

Вплоть до революции 1905 г. в стране не было ни подобия представительного учреждения, ни объединенного правительства: пользуясь исключительным правом созыва существовавшего по закону Совета министров и председательствования в нем, Николай II, как, впрочем, и Александр III, не созывал его, предпочитая принимать министров с глазу на глаз с всеподданнейшими докладами, чтобы не допускать их объединения даже под своим председательством. Революционная угроза заставила царя вступить на путь реформаторства с попытками отказаться от сделанных уступок в периоды спада революционного движения. Очевидно, не отдавая себе отчета в серьезности предупреждения министра внутренних дел Святополк-Мирского о размерах революционной угрозы, царь выхолостил указ 12 декабря 1904 г., собственноручно вычеркнув из него пункт о созыве представительства.

После «Кровавого воскресенья» Николаю II о необходимости государственных преобразований настойчиво твердили с разных сторон. Дважды недвусмысленные беседы на этот счет вел с ним во второй половине января министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, который по характеру и отсутствию политических амбиций не мог быть заподозрен в стремлении покуситься на часть царских прерогатив, в чем обычно обвиняли Витте. Наконец, 3 февраля царь созвал Совет министров. Открывая заседание, он сказал, что разрывается («мечусь направо и налево») между желанием не делать никаких отступлений от самодержавного образа правления («отложить до более спокойного времени», что скорее всего

означало воздерживаться от уступок до последней возможности) и боязнью «потерять все». Упомянув о том, что он вычеркнул из указа 12 декабря 1904 г. пункт о представительстве, Николай II объяснил это «вескими соображениями», которыми он продолжал руководствоваться, сведя их к затейливой формуле: «парламентриляндия адвокатов». Каждый из ее элементов — парламент, Финляндия с ее особым положением и правами, адвокаты — представлял собой раздражавшее его понятие.

Обоснованию ненужности перемен была подчинена и историческая концепция царя («у нас не было феодализма, всегда было единение и доверие»), соответствовавшая почти общепринятому в дореволюционной историографии представлению о традиционном отсутствии противоречий политических интересов в русском обществе. С самого начала Николай II не скрывал своего отношения к представительству («представительства не понимаю. Земс[кий] собор никто не понимает») ⁴¹.

Появление манифеста 17 октября царь всегда объяснял безвыходностью своего положения. Уже 16 октября он писал одному из своих доверенных лиц генералу Д. Ф. Трепову: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступить по мелочам и все-таки придти к тому же» ⁴².

Николай II с ненавистью относился к Государственной думе с момента ее возникновения. Об этом свидетельствуют воспоминания об открытии Думы 26 апреля 1905 года. По словам А. Ф. Кони, сама эта церемония была воспринята представителями царствовавшего дома как похороны самодержавия ⁴³. Николай II уже тогда определил свое отношение к только что созданному «парламенту». В день роспуска I Думы царь записал в своем дневнике: «Совершилось! Дума сегодня закрыта» ⁴⁴.

Активное участие принял Николай II в подготовке третьиюньского переворота 1907 года. В письме, доставленном в 2 часа ночи 2 июня 1907 г. из Петергофа в Петербург, где в летней резиденции Столыпина министры ожидали курьера с манифестом о роспуске Думы, царь продемонстрировал, казалось бы, не свойственные ему качества жесткого и решительного политика. «Я ожидал целый день с нетерпением извещения вашего о совершившемся роспуске проклятой Думы,— писал он.— Но вместе с тем сердце чуяло, что дело выйдет не чисто и пойдет взятжку. Это недопустимо. Дума должна быть завтра, в воскресенье утром, распущена. Твердость и решимость — вот что нужно показать России. Разгон Думы сейчас правилен и насущно необходим. Ни одной отсрочки, ни минуты колебания!» ⁴⁵.

Сотрудничество самодержавия с I и II Государственными думами оказалось невозможным. Напряженные отношения сохранялись у Николая II и с образованным в октябре 1905 г. первым Советом министров и его председателем Витте. Их объединяла только необходимость борьбы с революцией. Совет министров имитировал деятельность буржуазного правительства, а Николай II принимал всеподданнейшие доклады министров в строгом соответствии с установившимся ритуалом.

Сотрудничество, или точнее сосуществование, объединенного правительства и представительного учреждения с самодержавием становится более или менее устойчивым только после переворота 3 июня 1907 года. Столыпин — искусный политик — хотел совместить несовместимое: представительство и самодержавие. Многие его проекты государственных преобразований, связанных с завершением реформ 1860-х годов, как, например, было в случае с введением земств в Западном крае, потерпели неудачу. Политика Столыпина вызывала раздражение Николая II, не желавшего считаться с уже возникшими политическими партиями русской буржуазии. Окружение царя настраивало его против Столыпина, как прежде — против Витте, подогревая подозрительность царской четы по отношению к главе объединенного правительства, который при наличии Думы становился влиятельным носителем власти. И хотя царь и царица с энтузиазмом встретили произнесенные Столыпиным слова: «Вам нужны великие потрясения. Нам нужна великая Россия» и вообще премьер Николаю II нравился, однажды за чаем он заметил: «Столыпин был бы рад занять мое место» ⁴⁶.

Витте и Столыпин были мастерами приспособления феодальной формы правления к развивавшимся буржуазным отношениям и прагматиками в политике. Их преемники даже не пытались им подражать. В канун первой мировой войны правительство уже не имело четкой политической программы — ни буржуазно-либеральной, ни консервативной. Во главе его не было государственных людей с достаточно широкими взглядами. Политический курс диктовался интересами дня и принципами, в основе которых лежало стремление если не к реставрации самодержавных порядков, существовавших до 1905 г., то к сохранению главенства царской власти. Именно это было предметом острого конфликта между царем и министрами в 1915 г., когда Николай II уволил с поста верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, пользовавшегося расположением думцев, и занял этот пост сам. Он отказался удовлетворить требование общественности о создании не только ответственного перед Думой правительства, но и министерства доверия из пользовавшихся поддержкой Думы министров.

Вступление Николая II в должность верховного главнокомандующего официально объяснялось необходимостью «поднять дух армии». Однако событие это, по свидетельству протопресвитера армии и флота Георгия Шавельского, состоявшего при Ставке верховного главнокомандования в Могилеве, вызвало ликование только в распутинском лагере. Царь «в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину: его военные дарования и знания доселе ни в чем и нигде не проявлялись», а «его общий духовный уклад менее всего был подходящ для верховного военачальника»⁴⁷.

В Ставке Николай II значительную часть дня проводил в окружении своей свиты. Он вставал в 9-м часу, занимался туалетом и после утренней молитвы выходил в столовую к чаю, где его уже ожидали лица свиты. В 11 часов царь шел в штаб, на доклад, чтобы ознакомиться с оперативной обстановкой, обсудить и решить с начальником штаба генералом М. В. Алексеевым вопросы, касавшиеся армии. После 12 часов Николай II возвращался во дворец. «Собственно говоря, этим часовым докладом, — писал Шавельский, — и ограничивалась работа государя как верховного главнокомандующего. Об участии его в черновой работе, конечно, не могло быть и речи. Она исполнялась начальником штаба с участием или без участия его помощников, а государю подносились готовые выводы и решения, которые он волен был принять или отвергнуть. Экстренных докладов начальника штаба почти не бывало. За все пребывание государя в ставке генерал Алексеев один или два раза являлся во дворец с экстренным докладом. Обычно же все экстренные распоряжения и приказания он отдавал самостоятельно, без предварительного разрешения государя и лишь после докладывал о них»⁴⁸.

В 12.30 начинался завтрак. На высочайших завтраках и обедах присутствовало более 20 человек: великие князья, находившиеся в Ставке, свита, иностранные военные агенты, могилевский губернатор. Несмотря на военное время, церемония завтраков и обедов была довольно продолжительной. В связи с этим генерал Алексеев попросил освободить его от обязательного присутствия на них. После завтрака царь принимал с докладом министра двора или других министров, если они приезжали в Ставку, а затем, около 3 часов, отправлялся на прогулку в сопровождении дворцового коменданта и некоторых лиц свиты. Обычно отправлялись за город на автомобилях, а затем делали пешком около 10 верст, иногда прогулки совершались на лодках по Днепру.

Между 5 и 6 часами пополудни устраивался чай. Затем Николай II принимал с докладами министров и писал письма. В 7.30 начинался обед. За завтраками и обедами царь обычно выпивал одну-две рюмки водки и один-два стакана вина. После обеда, часто до 9 часов вечера, продолжалась беседа с обедавшими гостями. В 10 часов вечера подавали чай, после чего, если не было спешных дел, играли в кости.

В печать попали сведения о том, что председатель Совета министров Горемыкин (он в «бунте министров» участия не принял) стал ездить в Царское Село к Александре Федоровне с докладами по государственным делам, а она затем в письмах царю в Ставку давала советы, ссылаясь в них еще и на Распутина. В сентябре 1915 г., когда министры выказали свою строптивость на заседании в Могилеве, Николай II произнес: «Что это, забастовка против меня?»⁴⁹. Смену министров и премьеров он стал производить во все более быстром темпе. Началась «министерская чехарда», а Совет министров стали называть «кувырк-коллегией».

Между тем на фронте и в тылу широко циркулировал и с готовностью распространялся слух о поддерживавшихся Александрой Федоровной, несмотря на войну, связях с ее высокопоставленными германскими родственниками. Она сочла нужным опровергнуть их⁵⁰. Царь приказал произвести секретное расследование за границей. «Через сеть русских агентов в Швейцарии и Германии» было получено маловероятное объяснение, что слухи эти специально распускались германским Генеральным штабом⁵¹.

После того как Николай II принял на себя верховное главнокомандование, «из великокняжеской ставка превратилась в царскую». Кроме Николая Николаевича, в Ставке обычно находились Сергей Михайлович, Георгий Михайлович, наказной атаман казачьих войск Борис Владимирович и его брат Кирилл Владимирович. Появлялись в Ставке Александр Михайлович, заведывавший авиационным делом, верховный начальник санитарной части принц А. П. Ольденбургский и другие члены императорской фамилии. Брат царя, Михаил, находился на фронте. Генерал Алексеев жаловался летом 1916 г. Шавельскому, что великие князья мешали работе Ставки. Борис Владимирович потребовал себе особый поезд, разъезжал по фронту и только «беспокоил войска». Великая княгиня Мария Павловна убедила царя предоставить такой же поезд Кириллу Владимировичу, и только энергичный протест Алексеева, объяснившего Николаю II, что «линии все перегружены», а «каждый вагон на счету», помешал этой затее⁵².

Отставка Николая Николаевича означала усиление влияния императрицы, свиты и «распутинской партии». В устной и письменной форме великие князья предостерегали Николая II и Александру Федоровну от продолжения старой политики. Речь шла не только об устранении Распутина. Николай Михайлович 1 ноября 1916 г. в самой решительной манере потребовал от царя не поддаваться влиянию «темных сил» и самой императрицы. 26 ноября была предпринята попытка повлиять и на Александру Федоровну. Жена Кирилла Владимировича Виктория Федоровна пыталась внушить ей необходимость привлечь в качестве членов ответственного перед Думой правительства Г. Е. Львова, Н. Н. Покровского, А. Д. Самарина, А. В. Кривошеина. Но царица заявила, что все они — враги династии. «Кто против нас? Петроград, кучка аристократов, играющих в бридж и ничего не понимающих. Я двадцать два года сижу на троне, знаю Россию, объездила ее всю и знаю, что народ любит нашу семью», — с возмущением ответила она⁵³.

В царской фамилии нарастал конфликт. На нем не могли не сказаться и давние осложнения в отношениях Николая II с великими князьями, вызванные его обязанностью следить за матримониальной стороной их жизни, не допускать заключения ими морганатических браков, то есть женитьбы на особах, не принадлежащих к владетельным домам Европы⁵⁴. Впоследствии, однако, браки эти Николаю II приходилось признавать. Жена Михаила Александровича стала графиней Брасовой (по названию принадлежавшего ему имения). А вел. кн. Павел Александрович приложил к письму царю с просьбой возвести в княжеское достоинство его жену О. В. Пистолькорс записку Распутина в поддержку своего ходатайства.

Именно влияние Распутина на царя и царицу и довело конфликт в семье Романовых до критической отметки 17 декабря 1916 года. Распутин был убит во дворце Феликса Юсупова, женатого на племяннице царя, дочери Александра Михайловича и сестры царя Ксении. В организации убийства принимал участие вел. кн. Дмитрий Павлович. Без суда и следствия Юсупов и Дмитрий Павлович были высланы из столицы. Последний был отправлен в Иран в отряд генерала Баратова. Убийство Распутина оказалось своеобразным предвестником надвигающейся революции. Среди Романовых произошел раскол. Большинство великих князей встало на защиту Дмитрия Павловича. Под новый, 1917 год, был выслан в имение Грушевку Херсонской губ. и вел. кн. Николай Михайлович.

1 марта 1917 г. он вернулся в Петроград и заявил о своей поддержке Временного правительства. Кирилл Владимирович, кузен Николая II, шафер на его свадьбе и близкий друг Михаила Александровича, в дни Февральской революции первым из великих князей открыто заявил в Таврическом дворце о признании Временного правительства. Через несколько дней он дал интервью корреспонденту газеты «Русская воля». Кирилл Владимирович доволен, сообщал ее корреспондент. «Теперь-то уж я свободен, — сказал ему Кирилл Владимирович, — и могу спокойно говорить по телефону. А раньше прерывали каждую минуту. Мы ведь жили чуть ли не под гласным надзором полиции»⁵⁵.

Конфликт в семье Романовых накануне Февральских событий отражал общий кризис власти и его парадоксальный характер. Феодальная система семейного управления не только не принесла благополучия и процветания стране, но и тяготила самих членов императорской фамилии.

Пожалуй, главные черты характера Николая II и его облика как государственного деятеля с наибольшей полнотой проявились в его поведении в февральско-мартовские дни 1917 г. сначала в Ставке в Могилеве, а затем в ставке Северного фронта в Пскове. Сообщения о происходивших тогда в Петрограде событиях оценивались царем в Могилеве с опозданием. Хотя 25 февраля он по телеграфу предложил командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову «прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией» (тот истолковал это как приказ стрелять в народ), тревожная запись о событиях в Петрограде и решении вернуться в Царское Село появилась в дневнике Николая II лишь 27 февраля вместе со словами о прогулке по шоссе на Оршу при солнечной погоде ⁵⁶.

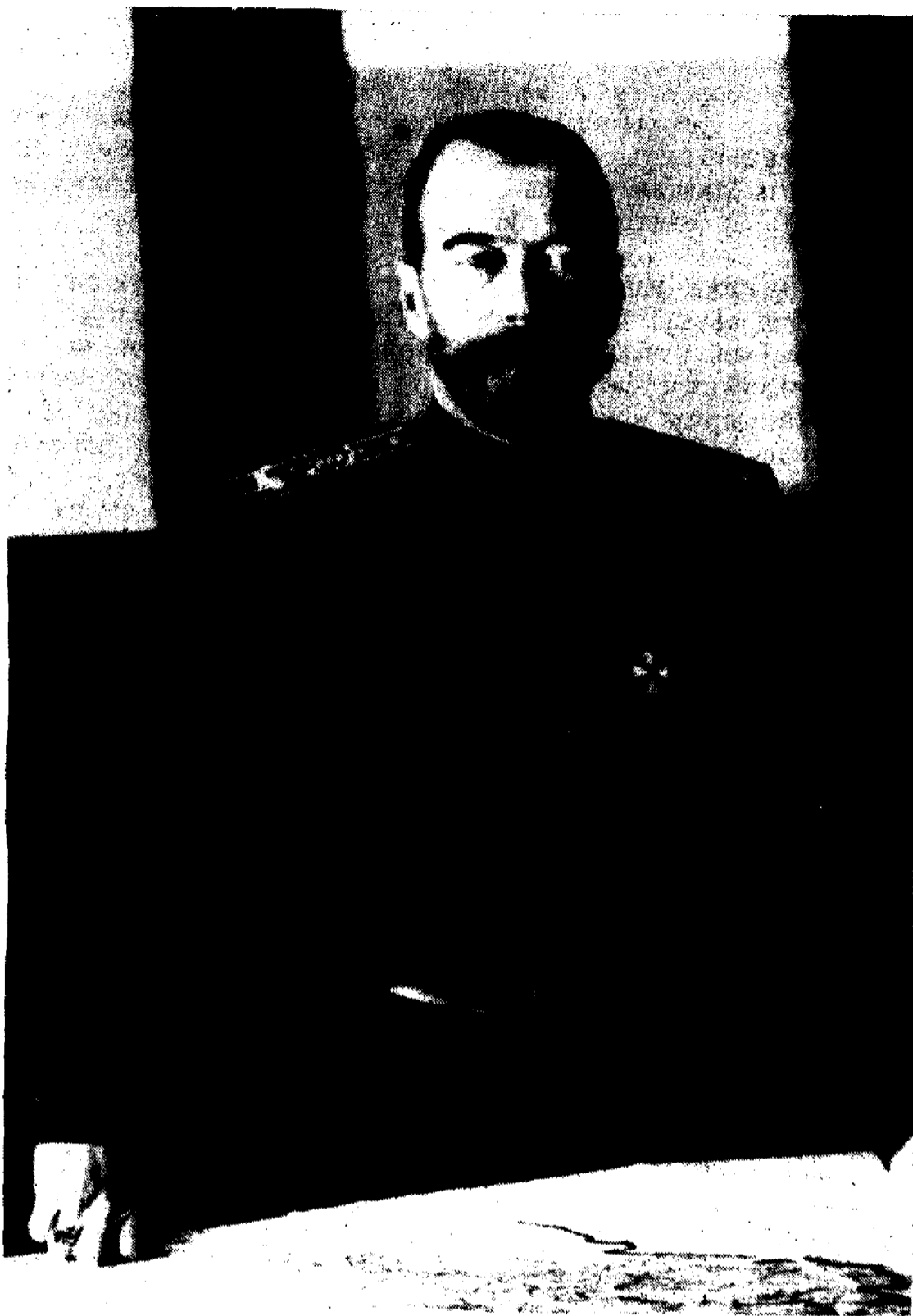
В тот же вечер царь пошел как будто на удовлетворение повторенного председателем Думы М. В. Родзянко требования оппозиции о создании ответственного перед Думой правительства ⁵⁷. С 12 до 2 часов ночи (уже 28 февраля) Николай II разговаривал с генералом Н. И. Ивановым, которого отправлял в Петроград с отрядом для наведения там порядка. Об этом разговоре царский историограф генерал Д. Н. Дубенский писал: «„ Я берег не самодержавную власть, а Россию. Я не убежден, что перемена формы правления даст спокойствие и счастье народу”, — так выразился государь о своей сокровенной мысли, почему он упорно отказывался дать парламентский строй. Затем государь указал, что теперь он считает необходимым согласиться на это требование Думы, так как волнения дошли до бунта и противодействовать он не в силах» ⁵⁸.

Придворные выражали «надежду, что предуказанный парламентский строй внесет успокоение в общество» ⁵⁹. Но утром выяснилось, что Николай II имел в виду правительство, ответственное не перед Думой, а перед царем. К тому же назначение министра двора, военного, морского и иностранных дел должно было оставаться его прерогативой ⁶⁰. В сущности он опять отказался от изменений в государственном строе. И только поздно вечером 1 марта главнокомандующему Северным фронтом генералу Н. В. Рузскому, в ставке которого в Пскове оказался не пропущенный к Петрограду царский поезд, удалось склонить Николая II к согласию на создание ответственного перед законодательными палатами правительства.

Полтора часа доказывал Рузский царю, «что он должен пойти на компромисс со своею совестью ради блага России и своего наследника». «Основная мысль государя,— излагал Рузский его возражения,— была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не в праве передать все дело управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, «подав с кабинетом в отставку». «Я ответственен перед богом и Россией за все, что случилось и случится»,— сказал государь,— «будут ли министры ответственные перед Думой и Государственным советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность».

Рузский (в записи его воспоминаний, сделанной генералом С. Н. Вильчевским, он фигурирует в третьем лице.— *Авт.*) старался доказать государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: «государь царствует, а правительство управляет». Государь говорил, что эта формула ему непонятна, что надо было иначе быть воспитанным, переродиться, и опять отгенил, что он лично не держится за власть, но только не может принять решения против своей совести и, сложив с себя ответственность перед людьми, не может считать, что он сам не ответственен перед богом. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет,— все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей» ⁶¹.

Тем временем революционная волна в Петрограде достигла такой силы, что

«ответственное министерство» не могло уже стать средством удовлетворения общества, подобным манифесту 17 октября 1905 г., на что рассчитывал Рузский. Необходимо было отречение Николая II от престола, и около 10 часов утра 2 марта генерал доложил об этом царю. Решение об отречении, принятое затем Николаем II, далось ему, казалось, легче, чем дарование «ответственного министерства». Один из авторов 20-х годов объяснял это тем, что для царя власть, ограниченная парламентской ответственностью министров, не имела никакой ценности, «перелицеваться в конституционного монарха на западноевропейский образец» (именно так Рузский оценивал будущее российской государственности) Николай II не мог ⁶².

Во второй половине дня 2 марта царь изменил свое первоначальное решение об отречении в пользу сына при регентстве великого князя Михаила Александровича и решил отречься в пользу брата. «Расстаться со своим сыном я не способен,— сказал он делегатам Временного комитета Государственной думы А. И. Гучкову и В. В. Шульгину,— Вы, это, надеюсь, поймете» ⁶³. Торжественно отметив в 1913 г. 300-летие царствования династии Романовых, четыре года спустя Николай II в будничной обстановке подписал манифест об отречении, закрыв тем самым последнюю страницу в ее истории.

По законам о престолонаследии царь мог отречься только за себя, но не имел

права отречься за сына. Незаконность его решения поняли великие князья. П. Н. Милюков утверждал, что тогда же пришел к выводу, что этот шаг царя являлся умышленным⁶⁴. Однако Гучков и Шульгин в Пскове, посоветовавшись между собой и не задумываясь о сокровенных замыслах царя, решили с ним согласиться. «Пусть будет неправильность!.. Может быть, этим выиграется время... Некоторое время будет править Михаил, а потом, когда все утомонится, выяснится, что он не может царствовать, и престол перейдет к Алексею Николаевичу»,— рассуждал Шульгин⁶⁵.

Гучков и Шульгин нашли и другие преимущества отречения в пользу Михаила Александровича. Обстановка в Петрограде накалялась с каждым часом, и нужно было думать уже не только о сохранении монархии, но и о спасении жизни членов династии. Во имя этого могли потребоваться присяга нового монарха конституции либо даже его отречение. Сделать то и другое мог лишь Михаил Александрович, но не малолетний Алексей. Кроме того, при воцарении последнего пришлось бы решать вопрос, останутся ли при нем родители или он будет с ними разлучен. В первом случае отречение могли посчитать фиктивным, а во втором — новый царь полагал бы, что у него отняли отца и мать.

Утром 3 марта манифест Николая II об отречении, с трудом спрятанный от разгневанных рабочих, арестовавших на вокзале Гучкова, был доставлен в дом княгини О. Б. Путятиной на Миллионной ул., где скрытно жил Михаил Александрович, пришедший туда еще 27 февраля, переодевшись простолюдином. Здесь-то и происходили переговоры о дальнейшей судьбе престола.

Отчаянную попытку продлить существование монархии предпринял Милюков при поддержке одного только Гучкова, в то время как всем присутствовавшим было ясно, что она погибла безвозвратно. «Белый, как лунь» Милюков, по словам Шульгина, «каркал, как ворон». «Монарх — это ось... Единственная ось страны!»,— твердил он, предрекая России гибель без монархии⁶⁶. «Это была как бы обструкция! — рассказывал другой очевидец.— Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить... никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянко, Керенского, всех»⁶⁷. Милюков позднее, в сущности, подтвердил эти зарисовки, отметив лишь, что Шульгин «немножко преувеличил». «В моем карканьи была все-таки система»,— утверждал Милюков.

Хотя у Милюкова не было ни малейших шансов на успех, в своих мемуарах он рассказал, на что рассчитывал в тот момент. Его план состоял в том, чтобы немедленно выехать в Москву и оттуда вести борьбу за сохранение монархии. «Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем поставленного, чем к защите старого»,— писал он⁶⁸. Однако Михаил заявил об отказе от престола. Около 4 часов дня отречение им было подписано. В этом акте упоминалось, правда, о возможности принятия им трона по решению Учредительного собрания. Милюкову это служило своего рода утешением («таким образом, форма правления все же оставалась открытым вопросом»)⁶⁹.

Николай II реагировал на отречение брата так, что было видно — весь ужас случившегося был для него не в судьбе трона в тот момент, а в необратимом изменении государственного строя. «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»,— записал бывший царь 3 марта в своем дневнике⁷⁰.

9 марта для него и его семьи началась жизнь под стражей в Царском Селе в условиях постоянно нараставших антимонархических настроений. Пребывание там оказалось прелюдией к затянувшимся странствиям в Тобольск, а оттуда в Екатеринбург. Опасность, угрожавшую ему вследствие стремительного полевения масс, Николай II сознавал еще до приезда в Царское Село. Он просил у Временного правительства разрешения остаться там до выздоровления своих детей, болевших корью, а затем проследовать в порт Романов для отъезда с семьей в Англию.

Сообщив об этом 6(19) марта английскому послу Дж. Бьюкенену, Милюков, являвшийся во Временном правительстве министром иностранных дел, сказал, что просьбы бывшего царя будут удовлетворены, и спросил, делаются ли приготовления к путешествию его в Англию. На следующий день Бьюкенен сообщил в Лондон,

что Милюков настаивает на отъезде бывшего царя в Лондон и уверен, что Британия пошлет за ним судно. 9(22) марта английское правительство приняло решение о приглашении Николая II с семьей в Англию, подчеркнув, что инициатива принадлежит правительству России, и запросив об имущественном положении бывшего царя («Весьма желательно, чтобы Его величество и его семья имели достаточные средства, чтобы жить в соответствии со своим положением членов императорской фамилии») ⁷¹.

Тем временем протесты революционных организаций против отъезда бывшего царя усиливались и встретили отклик в Англии. Король Георг V, двоюродный брат как Николая II (их матери, датские принцессы, были сестрами), так и Александры Федоровны (ее мать и отец короля были детьми королевы Виктории), испугался революционного влияния российских событий и отрицательного отношения английской общественности к приглашению царской семьи. В категорической форме он потребовал от правительства отмены приглашения. Его секретарь писал 6 апреля н. ст. министру иностранных дел лорду А. Д. Бальфуру: «Бьюкенену следует предписать сказать Милюкову, что возражения против приезда сюда императора и императрицы так сильны, что нам следует позволить себе взять назад согласие, ранее данное на предложение русского правительства» ⁷².

Постоянный заместитель министра иностранных дел лорд Ч. Гардинг частным образом обратился к английскому послу в Париже лорду Берти с запросом, не пустят ли бывшего царя во Францию, подчеркивая затруднительность положения английского правительства. Секретарь короля писал Берти, что Георг V был против приезда царя, но правительство приняло предложение Милюкова, и теперь публика считает, что это с самого начала было идеей короля. Но Берти ответил, что, по его мнению, прибытие царской семьи во Францию не встретит там одобрения ввиду германофильской репутации Александры Федоровны.

Отказ Англии в приеме бывшего царя с семьей был в апреле-мае даже на руку Временному правительству, опасавшемуся общественного возмущения по поводу отправки их из России, точно так же, как боялся Георг V протестов против их прибытия в Англию. Но к лету Временное правительство повторило запрос, и в июне или начале июля, вспоминая А. Ф. Керенский, Бьюкенен со слезами на глазах сообщил министру иностранных дел об окончательном отказе Англии принять бывшего императора ⁷³. «Король Георг захлопывает дверь» — так назвали одну из глав своей книги английские авторы, считающие, что это и «решило судьбу Николая II и всей его семьи» ⁷⁴.

Трагическая судьба последнего российского императора породила обширную литературу, преимущественно эмигрантскую. За последние годы к ней добавились и многочисленные статьи отечественных авторов, причем журналисты и писатели опередили здесь историков-профессионалов. Достоинством гласности стали некоторые факты и документы о злодейском убийстве царя, царицы, их детей, доктора Е. С. Боткина и слуг. Общепринятая версия их гибели заключается в том, что все они были расстреляны в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в доме Ипатьева в Екатеринбурге.

Подтверждающий эту версию следственный материал использован тем из следователей белых властей, который имел возможность довести свои действия до конца ⁷⁵ (другие вынуждены были их прервать по требованию белого командования). Однако полученные в ходе следствия показания, что женская часть царской семьи находилась после 17 июля в Перми, а одна из великих княжен пыталась совершить побег, Н. А. Соколовым не были приняты во внимание. Между тем английские авторы, исследовавшие материал, который оказался в западных архивах, считают, что женщины были убиты лишь в начале сентября ⁷⁶, а до того их судьба была предметом переговоров Советского правительства с Германией, которые вел с советской стороны К. Б. Радек. Никакие документальные данные на сей счет до сих пор не обнаружены.

Саммерс и Мэнгольд подвергли также анализу аргументы Анны Андерсон, которая в течение многих лет претендовала в западных судах на то, чтобы ее признали великой княжной Анастасией, и была даже признана некоторыми членами царской фамилии. Среди этих аргументов представляет

интерес утверждение претендентки, что она будто бы видела во время войны приехавшего в Петроград своего дядю, брата матери, герцога Гессенского Эрнста-Людвига. По мнению Саммерса и Мэнгольда, именно это сообщение о деликатнейшей тайной миссии заставило герцога отказаться от участия в опознании.

Английские авторы собрали ряд достоверных подтверждений того, что такая поездка состоялась. По дороге в Россию и в Царском Селе Эрнста-Людвига видели несколько свидетелей, в серьезности которых не было сомнений. Оказалось к тому же, что об этом визите, состоявшемся в 1916 г., рассказывал своим родственникам Вильгельм II, пославший герцога в Россию. Кайзер стремился вывести ее из войны с помощью сепаратного мира, сохранив неприкосновенность царского режима, а не путем разжигания революционного движения, на что уповало и чему содействовало германское правительство. Царь отказался, однако, рассматривать предложения о сепаратном мире ⁷⁷.

Книга Саммерса и Мэнгольда интересна и тем, что авторы исследовали реакцию Антанты и Германии на убийство царской семьи. Что же касается основной мысли авторов, то она, вероятно, не соответствует действительности. Во всяком случае, недавно опубликованная записка руководившего расстрелом в доме Ипатьева Я. Юровского подтверждает, что вся семья и другие лица были убиты там в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Об этом же свидетельствует и рассказ двух братьев, чекистов А. Г. и М. Г. Кабановых, участников расстрела, подтверждающий ранее известные показания. Что же касается сообщения о расстреле в Екатеринбурге одного только царя, которое появилось в некоторых документах советских органов, а затем в их публичных заявлениях и даже в частном письме Я. М. Свердлова ⁷⁸, то его можно объяснить только кровавым характером события, желанием скрыть подлинные его обстоятельства.

Примечания

1. См. его характеристику в статье Л. Г. Захаровой «Кризис самодержавия накануне революции 1905 г.» — Вопросы истории, 1972, № 8, с. 119—140; УОРТМАН Р. Николай II и образ самодержавия. — История СССР, 1991, № 2.
2. Встретившись в Коломбо с вел. кн. Александром Михайловичем, охотившимся в джунглях на слонов, цесаревич позавидовал ему, а о своей поездке с горечью сказал, что она бессмысленна. «Дворцы и генералы одинаковы во всем мире, — объяснил он, а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома» (Вел. кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Книга воспоминаний. Т. II. Париж. 1933, с. 169).
3. ВЕДЕРНИКОВ В. В. Проблема представительства в русской публицистике рубежа XX столетия. Канд. дисс. Л. 1983, с. 62.
4. ЛАМЗДОРФ В. Н. Дневник. 1894—1896. М. 1991, с. 126.
5. Московский сборник. М. 1896, с. 34—35, 41—42.
6. Вел. кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ук. соч., с. 178.
7. ВЫРУБОВА А. А. Неопубликованные воспоминания. В кн.: Новый журнал. Т. 131. Нью-Йорк. 1978, с. 178.
8. Вел. кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ук. соч., с. 171.
9. Там же, с. 174—175.
10. Там же, с. 136.
11. Там же, с. 174.
12. КУЛОМЗИН А. Н. Пережитое (Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 108).
13. Там же, л. 111.
14. Кризис самодержавия в России. 1895—1917. Л. 1984, с. 28—29.
15. Дневник А. Н. Куропаткина. Копии. 1897—1902 гг. (Российский военно-исторический архив (РГВИА), ф. 165, оп. 1, д. 1871, лл. 20, 25, 40).
16. Там же, д. 1769, лл. 170—172.
17. Там же, д. 1871, л. 31.
18. ЖЕВАХОВ Н. Л. Воспоминания. Первый том. Мюнхен. 1923, с. 305 (в книге ошибочно 350).
19. МОСОЛОВ А. При дворе последнего императора. СПб. 1992, с. 98—99.
20. Там же, с. 72.

21. Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М. 1990, с. 156—159.
22. Цит. по: РОМАНОВ Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.-Л. 1955, с. 163—164.
23. КОНИ А. Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1966, с. 377.
24. ВЫРУБОВА А. А. Ук. соч.— Новый журнал. Т. 130, с. 136.
25. МОСОЛОВ А. Ук. соч., с. 70.
26. Вел. кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ. Ук. соч., с. 175—176.
27. Дочерям Александра Федоровна не разрешала даже самого легкого флирта (ВЫРУБОВА А. А. Ук. соч.— Новый журнал. Т. 130, с. 141).
28. Г. Е. Распутин (Новых) появился при дворе вскоре после взрыва, произведенного эсерами на даче Столыпина 16 октября 1906 г., в результате которого пострадала его дочь. Николай II писал ему в тот день: «Петр Аркадьевич! На днях я принимал крестьянина Тобольской губернии Григория Распутина, который поднес мне икону Св. Самсона Верхотурского. Он произвел на Ее Величество и на меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа. Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать вас и благословить вашу больную дочь иконою. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе. Адрес его следующий: СПб. 2-я Рождественская 4. Живет у священника Ярослава Медведя» (Возрождение, 1957, 63, с. 137).
29. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. Париж. 1933, с. 238—239. Покровительство Николая II черносотенным организациям, немало способствовавшим его политической дезориентации, стяжало ему репутацию антисемита. В. Л. Бурцев отчасти приписывает антисемитизм царя влиянию Александра III. Сильное впечатление произвела на Николая II фальшивка «Протоколы сионских мудрецов». Когда же экспертиза, произведенная по поручению Столыпина в Департаменте полиции, доказала подложность «Протоколов», а лидеры черносотенцев тем не менее добивались разрешения на их использование в своей пропаганде, царь написал: «Протоколы изъять. Нельзя чистое дело защищать грязными способами» (БУРЦЕВ В. Л. «Протоколы сионских мудрецов». Доказанный подлог. Париж. 1938, с. 106).
30. Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг. 1917, с. 156—158.
31. Кризис самодержавия в России, с. 249.
32. Воспоминания А. А. Спасского-Одынца находятся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.
33. По-видимому, именно эти деньги пытался получить у гитлеровских властей из банка Мендельсона глава русского «правительства» при вел. кн. Кирилле Владимировиче, а затем руководитель гитлеровского ведомства по делам русской эмиграции генерал В. В. Бискупский. Он ссылаясь при этом на заключенное им с генералом Людендорфом в начале 20-х годов соглашение о русско-германском разделе Европы, которому предшествовало получение Людендорфом денег из русских эмигрантских источников. И хотя Бискупский подчеркивал, что пакт Молотова — Риббентропа не противоречит этому соглашению, его ходатайства были отклонены (LAQUEUR W. Russia and Germany. Lnd. 1965, pp. 109, 340; WILLIAMS R. C. Culture in exile. Itaca — Lnd. 1972, pp. 349—350).
34. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 601, оп. 1, д. 1707, лл. 3—5; д. 1718, л. 3.
35. На 1 января 1903 г. «экономический капитал» составлял более 1484 тыс. руб., а на текущем счету Волжско-Камского банка находилось около 85 тыс. рублей (ГАРФ, ф. 601, оп. 1, д. 1732, л. 1—6, 9).
36. Фрейлина ее величества, с. 162.
37. ЛОПУХИН А. А. Отрывки из воспоминаний. М.-Пг. 1923, с. 73.
38. НИКОЛЬСКИЙ Б. В. Из дневника 1905 г.— Красный архив, 1934, № 2(63), с. 71—83.
39. В октябре 1905 — апреле 1906 г. Витте, будучи на посту председателя Совета министров, собрал коллекцию адресованных ему царских распоряжений, связанных с подавлением революции. Николай II потребовал («я бы вас очень попросил») у Витте, уходящего в отставку, вернуть адресованные ему свои записки. Витте «потом очень сожалел», что он это сделал, так как «там потомство прочло бы некоторые рисующие характер государя мысли и суждения» (ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 349—350).
40. См. ВИТТЕНБЕРГ Б. М. К истории личного архива С. Ю. Витте. В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л. 1985.
41. Археографический ежегодник. 1989. М. 1990, с. 296—299.
42. Цит. по: ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М. 1970, с. 144.
43. КОНИ А. Ф. Собр. соч. Т. 2, с. 355—359.
44. Дневники императора Николая II. М. 1991, с. 323.
45. ЧЕРМЕНСКИЙ Е. Д. Ук. соч., с. 408.
46. ВЫРУБОВА А. А. Ук. соч.— Новый журнал. Т. 130, с. 148.
47. ШАВЕЛЬСКИЙ (отец Георгий). Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. I. Нью-Йорк. 1954, с. 324.
48. Там же, с. 343—344.

49. СПИРИДОВИЧ А. И. Великая война и Февральская революция. Т. 1. Нью-Йорк. 1960, с. 208—209.
50. ВИНБЕРГ Ф. Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Мюнхен. 1922, с. 181.
51. АНДОЛЕНКО С. Клевета на императрицу.— Возрождение, 1968, 204, с. 111.
52. ШАВЕЛЬСКИЙ. Ук. соч., с. 328—330.
53. Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких.— Исторический вестник, апрель 1917, т. CXLVIII, с. 170—175.
54. Пожалуй, самой трагикомической стала женитьба брата царя Михаила на Н. С. Вульферт, дочери московского адвоката (по первому браку Мамонтовой). Николай II запретил этот брак, а властям было приказано оказать противодействие его совершению. В начале 1909 г. дворцовой комендатуре стало известно, что великий князь нашел священника, который согласился его обвенчать. Начальник Петроградского охранного отделения Герасимов вызвал этого священника и пригрозил сгноить его в Петропавловской крепости. Когда же великий князь и Вульферт отправились за границу, министр двора Фредерикс послал вслед за ними Герасимова. Ему было предписано в случае, если дело дойдет до венчания, подойти к Михаилу Александровичу в церкви, объявить его арестованным и потребовать немедленного возвращения в Россию. Тем же поездом, что и великий князь, Герасимов выехал в Париж, где в его распоряжение поступили филеры парижского отделения русской заграничной охраны. Но их усилия оказались напрасными. Узнав, что Михаил отправился в Ниццу, где собирается обвенчаться, Герасимов поехал туда, но там получил телеграмму, что великий князь выехал в другом направлении. Через несколько дней выяснилось, что венчание состоялось в Вене (ГЕРАСИМОВА. В. На лезвии с террористами. Париж. 1985, с. 179—180; Брак в. к. Михаила Александровича. Сыскной надзор за братом царя. Док. В кн.: Николай II и великие князья. Л.-М. 1925, с. 127—130).
55. Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких, с. 177.
56. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Док. Изд. 2-е, доп. Л. 1927. Репринт. М. 1990, с. 33.
57. Там же, с. 49—52.
58. Там же, с. 53.
59. Там же, с. 52.
60. Там же, с. 98.
61. Там же, с. 153.
62. Там же, с. 17—18.
63. Там же, с. 170.
64. МИЛЮКОВ П. Н. Воспоминания. Т. 2. М. 1990, с. 270.
65. Отречение Николая II, с. 183.
66. Февральская революция. Изд. 2-е. М.-Л. 1926, с. 44, 146—159.
67. АЛДАНОВ М. Третье марта. В кн.: П. Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929. Париж. Б. г., с. 31.
68. МИЛЮКОВ П. Н. Ук. соч., с. 317—318.
69. Там же, с. 319.
70. Дневники императора Николая II, с. 625.
71. SUMMERS A., MANGOLD T. The File of the Tsar. N. Y.— Lnd. 1976, p. 247.
72. Ibid., p. 250.
73. Ibid., p. 252. Когда вышли мемуары Керенского, они вызвали взрыв негодования. И бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд Джордж, и Бьюкенен возражали Керенскому, утверждая, что согласие на предоставление царю убежища никогда не отменялось. В 1927 г., в ответ на парламентский запрос, Форин оффис, обвинив Керенского во лжи, представило в качестве «не оставляющего сомнений опровержения» ранние телеграммы о предоставлении царю убежища, опустив поздние с отказом. Когда бывший секретарь британского посольства в Петрограде заявил, что помнит о получении из Лондона депеши с отказом, Форин оффис ответило, что ему изменяет память. Но в 1932 г. дочь Бьюкенена рассказала, что ее отец под угрозой потери пенсии должен был пойти в своих мемуарах на фальсификацию, чтобы скрыть истинную подоплеку дела.
74. Ibid., p. 245.
75. СОКОЛОВ Н. А. Убийство царской семьи. Берлин. 1925.
76. SUMMERS A., MANGOLD T. Op. cit., p. 300.
77. Ibid., pp. 218—219.
78. Одному из близких ему по партии людей Я. М. Свердлов сообщил, что убит только царь, а семья его переведена в Алапаевск (Письма из 1918 г.— Октябрь, 1982, № 11, с. 175).

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Поворот в отношениях с Китаем

В сложившейся к 1957 г. обстановке назрел вопрос созыва международного совещания коммунистических и рабочих партий. Стали вести подготовку. Договорились приурочить совещание к празднованию 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Была создана комиссия, которая готовила предварительные документы. Наступило время, и встретились мы в Москве.

Компартия Китая прислала очень солидную делегацию. Ее возглавлял сам Мао Цзэдун, а в состав делегации входили, по-моему, Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин, Кан Шэн и другие. Входила в нее и жена Сунь Ятсена Сун Цинлин. Признаюсь, мы были несколько озадачены этим, потому что я и тогда не знал, и сейчас не знаю, являлась ли она членом компартии. Мы-то полагали, что она беспартийная. Правда, она очень прогрессивный человек и в течение многих лет в ходе борьбы китайского народа против реакции всегда занимала коммунистические позиции. Нас особенно не беспокоило, является ли она формально членом компартии или не имеет партийного билета. Ведь по своим убеждениям она была близким к коммунистам человеком. Сун Цинлин вела себя по отношению к нам тоже хорошо, по-товарищески, по-братски.

Работа совещания в целом протекала на высоком идейном и политическом уровне. Особых разногласий между делегациями не возникало. Данное совещание представителей братских партий было самым широким и со времен Коминтерна. В Москву прибыли посланцы 80-ти с лишним партий. Мы обсуждали международное положение, возможности предотвращения мировой войны. Ракетно-ядерная война вообще всегда оставалась темой таких совещаний. Если разразится мировая война, не знаю, удастся ли воюющим сторонам удержаться на применении средств обычного, классического вооружения, или события перерастут в ракетно-ядерную войну. Ведь ту сторону, которая станет терпеть поражение, но имеет у себя резервы ядерно-ракетного оружия, трудно будет удержать от его применения: для своего спасения она захочет нажать «на все кнопки». Ну, пока что это вопрос будущего. Не хочу сейчас пророчествовать и говорю о прошлом.

Мао выступил на этом совещании по вопросам войны. Речь его носила примерно такой характер: войны не следует бояться. И не следует бояться ни атомных бомб, ни ракетного оружия. Какой бы такая война ни была, мы, социалистические страны, все равно победим. Говоря конкретно о Китае, он заявил: «Если империализм навяжет нам войну, а у нас сейчас 600 миллионов человек, и мы потеряем из них 300 миллионов, так что же, это ведь война, пройдут годы, мы вырастим новых людей и восстановим численность населения». Вот в такой

грубой форме он все это и сказал. После его слов наступило гробовое молчание. Никто не был подготовлен к такому подходу к мировой войне. Все думали, наоборот, о том, какие изыскать возможности, чтобы избежать ее. Главной темой служила именно борьба против мировой войны, за мирное сосуществование. И вдруг Мао выступает с лозунгом, что войны не надо бояться, она принесет нам победу, а если окажутся потери, так на то и война!

После этого заседания делегации начали обмениваться впечатлениями. Помню, как товарищ Новотный сказал: «Товарищ Мао Цзэдун говорит, что из 600 миллионов человек они готовы потерять 300 миллионов. А как нам быть? У нас 12 миллионов. Мы тогда потеряем всех, и некому будет восстанавливать численность нашего населения». Гомулка реагировал еще более резко. Однако критика со стороны представителей братских партий не произвела на Мао ни малейшего впечатления. Пока такая линия еще не стала постоянной нормой его поведения. Но уже чувствовалось, что он ставит себя выше остальных. Иногда же он позволял себе вещи, вообще недопустимые, и делал все это, не обращая ни на кого внимания. Так, однажды он сидел рядом с своей женой Цзян Цин и все время с ней заигрывал, говорил непристойности, и сам хохотал, и она смеялась. Вряд ли нужно было допускать такое поведение вообще, тем более на серьезном заседании. Это тоже говорило о том, что Мао себя не хочет сдерживать и ведет себя, не считаясь с окружающими.

Югославия тоже прислала свою делегацию, ее возглавлял Кардель. Ранкович также входил в ее состав. Он очень хорошо, по-дружески относился к нам, да и мы со своей стороны относились к нему с полным доверием. Но, когда мы стали согласовывать заключительный документ совещания, югославы поставили вопрос об изменении некоторых формулировок. Мы считали, что это невозможно. Другие компартии поддержали нас, заявив, что Декларацию нужно принять в тех формулировках, как это было уже записано и отработано членами комиссии из представителей братских партий. Тогда югославы сказали, что они такого документа не подпишут. Нам ничего не оставалось, как подписать его без Югославии. Мы долго ухаживали за ее делегацией, уговаривали, доказывали необходимость подписать Декларацию в таком виде, в каком она была подготовлена комиссией, но югославы остались неумолимы. У меня сложилось даже впечатление, что они нарочно придрались и настаивали на изменении формулировок потому, что просто не были еще готовы полностью нормализовать отношения с братскими партиями и подписать совместный международный документ. Подписав его, они как бы теряли свое лидерство среди так называемых «третьих стран», которые занимали особую, промежуточную позицию между империалистическими державами и социалистическими государствами. У меня, во всяком случае, сложилось именно такое мнение, потому что никакого разумного основания не подписывать текст у югославов вроде бы не существовало.

Мы обсуждали этот вопрос с китайцами, и Мао тоже сказал: «Ну, что же, не хотят, их дело. Давайте подпишем без них». И мы подписали Декларацию, не став обострять отношения с югославской делегацией. Мы все же надеялись, что впоследствии югославы присоединятся к общему документу, и делали все со своей стороны, чтобы нормализовать отношения с Югославией, строя их на базе братства и доверия. А наши беседы с китайской делегацией и лично с Мао были самыми дружескими, я бы даже сказал — интимно дружескими. Однако потом выяснилось, что со стороны китайцев это была игра. Когда у нас все же улучшились отношения с Югославией, кто-то из югославских товарищей рассказал, что, когда они беседовали во время совещания с Мао, он довольно пренебрежительно отзывался о нас. С нами он обсуждал вопрос, как уговорить югославов подписать совместное заявление, а им прямо заявил: «Что же, ну не подпишете вы заявление, дело ваше. Собственно говоря, тут никакой трагедии нет. Только наши хозяева, представители КПСС, немножко понервничают. А потом успокоятся». Одним словом, за нашей спиной Пекин провоцировал югославскую делегацию не присоединяться к общему документу и подал ей руку ободрения, чего мы тогда не знали.

При обсуждении текста Декларации возникли разногласия, хотя уже другие, и с китайцами. Тогда они казались нам незначительными. Но, как показали дальнейшие события, имели под собой глубокую основу. При подготовке проекта Декларации наша делегация по поручению Президиума ЦК КПСС внесла предложе-

ние исключить из текста все упоминания о лидерстве КПСС в мировом коммунистическом движении. Я считал, что после разоблачения ошибок Сталина подобные положения, да еще записанные в международной декларации, могут быть восприняты как попытка возвращения к сталинским методам руководства коммунистическим движениям, попытка возвращения нашей партии к тому, чтобы утвердить гегемонию над другими братскими партиями. Это могло быть воспринято как стремление пересмотреть новые взаимоотношения коммунистических партий разных стран, основывавшиеся теперь на принципах равноправного сотрудничества.

Почти все представители братских партий правильно поняли наше предложение и согласились с ним. Неожиданно стали возражать как раз китайцы. Они заявили, что КПСС реально возглавляет мировое коммунистическое движение и что это должно быть отмечено в документах совещания; необходимо иметь лидера, который направлял бы политику всех коммунистических и рабочих партий в борьбе против империализма. Мы не смогли согласиться с этим, тем более что предполагали (а последующие события подтвердили наше мнение), что это делается неспроста. Если все другие партии признают за собой роль лидера, то лидера можно ведь и заменить. Сегодня — один, завтра — другой. Мы считали, что китайцы готовят себе почву для будущих притязаний на такую роль. Поэтому мы поблагодарили китайских товарищей за признание заслуг КПСС перед мировым коммунистическим движением, но твердо сказали, что выступаем против подобной записи. Другие партии вновь согласились с нами. На этом обсуждение текста закончилось. Однако данный инцидент свидетельствует о том, что нынешняя политика КПК не возникла вдруг и на пустом месте, а исподволь готовилась ею уже давно.

Во время работы совещания у нас состоялись встречи со многими делегациями или даже со всеми. Много беседовал я с Мао и его товарищами, которые с ним прибыли. Эти беседы выглядели как самые дружественные и приятные. Мао, между прочим, при личных встречах давал характеристики членам Политбюро ЦК КПК. Меня его характеристики насторожили. О большинстве своих товарищей он говорил в мрачных тонах или даже, я бы сказал, грязно. Он все красил в черный цвет. О Лю Шаоци я сейчас не могу дословно повторить сказанное им: Мао отзывался о нем очень плохо, приводя какие-то «факты» в доказательство. Чжоу Эньлаю он тоже дал отрицательную характеристику. Даже о старом товарище, Чжу Дэ, говорил гадости. Казалось бы, Чжу Дэ — больше воин, чем политик, к тому же хороший воин, беззаветно сражавшийся за дело рабочих и крестьян Китая и оказавшийся хорошим коммунистом. Но нет! Столь же плохо характеризовал Мао и всех других, кроме Дэн Сяопина, который уже тогда был Генеральным секретарем ЦК Компартии Китая. Мао показал на него: «Вот этот маленький (мы с Мао беседовали во время приема, сидя отдельно) — очень умный человек, очень перспективен». И он на все лады расхваливал мне Дэна как будущего руководителя всего Китая и его компартии.

Дэна я почти не знал до той встречи. До победы Китайской революции его имя не фигурировало у нас в газетах. Зато имя Чжу Дэ гремело с самого начала гражданской войны в Китае. Полковник Чжу перешел на сторону коммунистической партии и возглавил вооруженную борьбу против Чан Кайши. Он одним из первых старых кадровых офицеров китайской буржуазной армии поднял знамя борьбы за дело народа. Я помнил и имя Гао Гана, тоже представителя прежней боевой гвардии, которая воевала за идеи коммунистической партии. Конечно, в то время уже не было Гао Гана, и о нем не могла идти речь во время нашего совещания. А Мао задним числом характеризовал его как самого плохого человека. Когда он давал такие характеристики людям из своего окружения, то невольно я сравнивал его со Сталиным.

Сталин тоже характеризовал таким же образом всех близких. Не знаю, кого он выделял в лучшую сторону. Причем он не только давал скверные характеристики, но и физически уничтожал тех людей, с которыми работал. Из тех, с кем он оставался рядом после смерти Ленина, большинства уже не было в живых. Тут сквозили нотки, сближающие Мао со Сталиным. Я увидел здесь какое-то родство их душ, правда, далекое. Тогда я не мог себе и представить, какими красками расцветится потом характер Мао, и к какой трагедии он приведет свой народ.

Мао спрашивал меня, как идут у нас дела? Я ему рассказывал, что дела у нас

идут хорошо, работаем мы дружно. Но сказал также, что среди наших товарищей поговаривают, что следует заменить товарища Булганина и передвинуть его на другой пост, а Председателем Совета Министров выдвинуть нового человека, поскольку товарищи не удовлетворены работой Булганина. Я это сказал ему потому, что считал: будет нехорошо, если после отъезда Мао у нас начнутся какие-то перестановки, о которых мы его не проинформировали. Он мог подумать, что мы что-то скрываем. И я ему рассказал откровенно и искренне о наших внутрипартийных вопросах, об отношениях среди членов руководства. «Кого же у вас думают выдвинуть взамен?» «Мы еще ничего не решили. Но я, хотя еще и не твердо, буду предлагать товарища Косыгина». «А кто такой Косыгин?» Я ему рассказал о Косыгине. «Вы меня познакомьте с ним!» Я познакомил их, и они удалились поговорить в какой-то уголок. Мне было приятно, что Мао хочет познакомиться с человеком, который станет возглавлять правительство СССР. Я расценил это как желание и в дальнейшем укреплять хорошие отношения между нашими государствами и нашими партиями.

Совещание закончилось. Китайцы уехали. Но много раз после него с официальными визитами или инкогнито к нам приезжал Чжоу Эньлай. И всегда его приезды оказывались приятными. Мы хорошо сошлись с ним, сами очень хорошо к нему относились, и эти встречи доставляли нам радость. Он информировал нас о положении дел в Китае, и мы были довольны, что все у них идет, как надо. К тому времени в Китае закончилась коллективизация деревни. Она прошла успешно, и мы были просто в восторге от этого. Когда я лично, бывало, думал о перестройке сельского хозяйства на социалистический лад, то заранее представлял себе те невероятные трудности, которые ждут каждого, кто возьмется за такое дело. Я-то знал, как тяжело проходила она у нас, Китай же был еще более бедной и разоренной страной, чем Россия, не имел почти никакой техники, везде господствовал ручной труд с сохой и лопатой. Не каждое тамошнее хозяйство имело плуг. Как проводить коллективизацию в таких условиях?

Ленин говорил, что объединение крестьян в кооперативы возможно только на базе механизации: если бы у нас было 100 тысяч тракторов, писал он, то крестьянин сказал бы, что он выступает за коммунию. В Китае же не только тракторов, керосина и кадров, а даже плугов почти не имелось. Но, несмотря на большие трудности, китайцы справились с коллективизацией. Видимо, это объяснялось небольшой их требовательностью: они довольствовались малым и, когда объединяли свои нищенские средства производства, это сразу дало им возможность лучше обрабатывать землю и больше извлекать выгод из вложенного труда, лучше обеспечивать крестьян. Мы радовались этому успеху Компартии Китая.

Я уже говорил о китайской промышленности. С нашей помощью они строили тракторный и автомобильный заводы, оборонные заводы по производству артиллерии, вооружения, самолетов. Мы гордились этим, и нам было приятно оказывать помощь Китаю, а Китай, соответственно, платил нам вниманием и дружбой. Так что внешне отношения были предельно хорошими. При встречах членов руководства мы говорили буквально обо всем, и хорошо, и плохо, что встречалось у нас, ничего не скрывая. Много шутили, смеялись.

Помню, когда были мы в Китае и ездили по стране, то видели примитивную организацию земляных работ, основанную на ручном труде, без механизации. Китайцы стояли цепью и передавали из рук в руки корзины, наполненные землей. Получился своеобразный конвейер. Некоторые тащили корзинки на плечах или спине. Наши доморощенные остряки придумали (не знаю, кому из наших принадлежит авторство этого выражения), что перед нами китайский шагающий экскаватор. Довольно метко, я бы сказал, брошено было сравнение. Как-то за общим обедом мы много шутили, а китайцы любят шутки и сами были часто их инициаторами. Тут я им и рассказал, как, на наш взгляд, в Китае работают эти шагающие экскаваторы. Они хохотали. Но я потом подумал: как бы это не обидело их, ведь китайцы очень обидчивы. Нет, они правильно поняли шутку и не обиделись. Или же обиделись, но не подали вида. Они хорошо умеют маскироваться, это тоже их особенность. Умеют носить на лице маску, которая не выражает их истинного отношения к делу, их чувств.

В 1958 г. китайцы обратились к нам с просьбой оказать им помощь оружием, так как они хотят провести новую военную операцию против Чан Кайши. Они

попросили авиацию прикрытия, дальнобойную и береговую артиллерию, что-то еще. Мы все это дали им. Думали, что они замышляют что-то решительное по ликвидации Чан Кайши. Мы их тогда не только не сдерживали, а, напротив, считали такие действия правильными, помогающими объединению Китая. И они начали проводить свою операцию. Конкретно она вылилась в нападение на два прибрежных острова, которые примыкали к берегам континентального Китая. Эта операция оказалась не из легких. Долгое время велась перестрелка, причем американцы активно помогали Чан Кайши. Однако перевес был на стороне сил Китайской Народной Республики. Мы, конечно, были всемерно заинтересованы в их победе, все наши симпатии были на стороне Мао. Надо было ликвидировать очаги чанкайшистов на этих двух островах, которые могли послужить трамплином для высадки десанта в континентальном Китае. Тогда Чан Кайши еще мечтал об этом, а американцы, по нашим сведениям, подталкивали его к нападению на континентальный Китай.

Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что стрелка склоняется в пользу КНР и эти острова можно занять, а Мао прекратил наступление. Бои затихли, и операция ничем не завершилась. Потом, при встрече с Чжоу Эньлаем, когда он как-то приехал к нам, мы его спросили: «Почему вы тогда так поступили?» «А,— говорит,— мы это сделали сознательно». «То есть как сознательно? Вы же не захватили островов, а ведь начинали операцию с тем, чтобы занять их? В чем же состоит ваша сознательность, и какая польза от такой вашей акции?» «А мы хотели показать наши возможности, но не хотели, чтобы Чан Кайши ушел от нас далеко. Мы желаем, чтобы он оставался в радиусе досягаемости наших военных возможностей. Мы можем ведь не только авиацией ударить по этим островам, но и достать их береговой артиллерией. Если бы мы заняли острова, то силы Чана оказались бы от нас на таком расстоянии, что мы были бы лишены возможности беспокоить его военными средствами в нужное для нас время». «Какая же тут выгода? Иметь острова, занятые противником у своих берегов, и ждать его десантной операции. Такая близость дает ведь лучшие возможности именно противнику?»

Но Пекин доказывал свое. Так мы и не поняли, почему там отказались от завершения операции. Зачем же тогда они нанесли большой ущерб островам? Они сильно побили их, с одного из них Чан Кайши эвакуировал даже свои войска. Надо было лишь занять опустевший остров. Мне и сейчас непонятно, почему не была окончена операция, на которую затратили много средств. Еще когда она готовилась, мы считали, что, может быть, необходимо помочь Китаю более активно? И предложили перебросить к ним нашу истребительную авиацию, дивизию самолетов или сколько понадобится. Они на это предложение вдруг реагировали очень нервно и дали нам понять, что такое предложение их обидело, оскорбило: им такой помощи не надо! Мы не стали навязываться. Мы-то думали о содействии, раз они сами прежде обратились к нам. Дали им самолеты, артиллерию, послали своих авиационных инструкторов, а также генералов в качестве советников. Но когда от присылки наших соединений они отказались, мы почувствовали, что это было ими плохо расценено, хотя мы не преследовали никаких иных целей, кроме желания помочь другу и брату в укреплении его государственных границ и в объединении страны. Мы ведь всегда поддерживали стремление Китайской Народной Республики, направленное на ликвидацию чанкайшистского правительства, присоединение прибрежных островов и включение Тайваня в состав КНР.

Когда проводилась эта операция, те два острова маячили на страницах мировой печати. Имели место и другие примечательные эпизоды, которые раскрывали нам истинное лицо Пекина в смысле дружеских отношений с нами. Над Китаем шли воздушные бои. Авиация Чан Кайши имела на вооружении американские самолеты с ракетами класса «воздух — воздух». Какие-то ракеты, пущенные чанкайшистами по самолетам Китайской Народной Республики, отказывали и потом падали на землю. Некоторые из них сохранились в довольно хорошем состоянии. Наши советники знали это и докладывали о том нам. Естественно, нас интересовали военные новинки США, особенно все, относящееся к ракетному делу. То были довольно маленькие ракеты «сайдуиндер», но весьма сложные по устройству.

Тут у нас появилась очередная возможность познакомиться с американской техникой. Как говорится, американцы сами послали нам свои образцы через Китай. И мы обратились к китайцам, написав им, что знаем: ими захвачены такие-то

ракеты, и мы хотели бы их изучить, а тем самым использовать потом американскую технику в наших общих интересах... Ответа нет. Проходит какое-то время, мы напоминаем. Ответа вновь не дают. Мы были удивлены: как же так? Мы дали Китаю все — нашу секретную военную технику, чертежи, технологические карты производства, образцы, напрямую вооружаем китайцев, а здесь попало трофейное оружие, которое они захватили в боях с Чан Кайши, и нам его не дают? Москве это было просто непонятно. Стали мы проявлять настойчивость. Тут они ответили, что сами сейчас изучают эту ракету, а так как у них есть всего один экземпляр, то дать его нам не могут. Вот когда изучат, то сами обменяются с нами информацией.

Мы не могли согласиться с этим. Ракетная техника сложна, а Китай еще не находился на таком уровне технического развития, чтобы быстро и грамотно справиться с изучением новой ракеты. Мы считали, что больше к тому подготовлены, потому что у нас уже и строились такие ракеты, и состояли на вооружении, так что американский образец был нужен нам для сравнения. Ожидали, конечно, что американцы могли придумать что-то новое, интересное, что можно было бы позаимствовать для нашей армии. Кроме того, такой ответ нас очень задел и обидел по существу. Полагаю, что каждый человек на нашем месте реагировал бы точно так же. Оно и понятно: мы от Китая ничего не держим в секрете, все им даем, помогаем и оборудованием, и советниками, и монтажниками, и инженерами, и конструкторами, делимся по-братски чуть ли не последним куском хлеба, а здесь они получили трофейное оружие и не хотят его нам дать!

Но делать нечего: оружие-то находится у них. И мы решили оказать на китайцев некоторое давление. В то время мы готовили для отправки им документацию на производство баллистических ракет среднего радиуса действия, и они нас очень торопили с поставками. Мы дали указание нашим военным советникам выразить при переговорах свое неудовольствие и, как бы лично от себя, в частном порядке, сказать, что мы-то поставляем Китаю нашу новейшую технику, а они не хотят дать нам даже трофейную ракету, это нас обижает. Советники должны были намекнуть, что у нас возникают «технические трудности» при передаче документации на производство ракет и что, возможно, мы не сумеем уложиться в оговоренные сроки. Мы были убеждены, что такой разговор дойдет до ушей тех, кому следует услышать. Действительно, в скором времени мы получили от китайцев согласие на передачу нам ракеты. Ее передали нашим советникам для отправки в Москву. Тут проявилась со стороны Пекина какая-то неразумная игра в секретность. Она, конечно, наложила некий отпечаток на наши отношения. Я сказал бы, что это подействовало на нас отрезвляюще: брат — братом, а денежки, как гласит русская пословица, врозь!

Получили мы эту ракету, и она поступила в научно-исследовательский институт неподалеку от Москвы. Наши конструкторы вскоре доложили, что ракета интересна и что мне следовало бы посмотреть на нее. Я поехал в этот институт. Мне продемонстрировали сборку и разборку ракеты. Она оказалась весьма интересной с точки зрения ее эксплуатации в условиях войсковых частей. Ее было легко собирать и разбирать при помощи одного только ключа. Наши ракеты были не хуже, но менее технологичны, более сложны при сборке, а по весу — тяжелее. По боевым же качествам наши ракеты не уступали американским. Но мы все же посчитали, что американская ракета сделана лучше. Именно так, вполне объективно, докладывали наши инженеры-конструкторы. И мы решили начать производство такой же ракеты с небольшими изменениями.

О ее изучении мне часто докладывали потом конструкторы. Я тогда довольно много занимался военной техникой, потому что вопрос вооружений стоял остро: мы полагали, что отстаем от США. Надо было наверстывать упущенное, главным образом в ракетах и в авиации, вооруженной ракетами. Противник, окруживший нас военными базами, обладал сильной бомбардировочной авиацией, и нам были жизненно необходимы истребительная авиация, вооруженная ракетами класса «воздух — воздух», и ракеты класса «земля — воздух» для обороны. Следовало как можно быстрее и лучше решить эти вопросы, чтобы вооружиться на случай неожиданного возникновения военной ситуации. Затем мне сообщили, что китайцы не отдали нам чувствительных элементов тепловой головки самонаведения, по размерам очень маленьких, в виде пуговицы. Без них ракета не являлась полноценной. Мы вновь запросили китайцев, но они нам ответили, что отдали все. Мы не стали

более настаивать. Или они утеряти детали, когда собирали и разбирали ракету, или не дали умышленно. Наши научно-исследовательские институты потом сами решили эту проблему, хотя потребовалось очень много времени, пока мы раскрыли технические секреты. И вот мне доложили, что задача решена.

Осадок от дела с этой ракетой лег на наши мозги и отравил наши чувства. Раньше мы буквально детскими глазами смотрели на наши отношения с китайскими братьями. Радовались, что у нас с ними такие хорошие контакты. Китай стал социалистической страной. Это сразу изменило соотношение сил в мире. Ведь Китай — это Китай! Главное, огромная континентальная держава, расположенная у наших границ. Теперь вся социалистическая система складывалась в едином лагере со сплошными границами, что представляло довольно большую силу. Образовались два мировых лагеря: капиталистический и социалистический. Постепенно наша идеология, наша марксистско-ленинская теория побеждали и закреплялись в головах людей. И вот произошел такой инцидент, который заставил нас призадуматься. Наши отношения продолжали развиваться в духе дружбы. Но стал назревать и конфликт. Наши пути начали расходиться. В тот момент в Китае явно обозначилось направление, которое сильно повлияло на прежнее течение наших взаимоотношений.

Мао поднял вопрос о «большом скачке». Могут сказать, что большой скачок — внутреннее дело Китая. Верно, но если придерживаться истинно дружеских отношений, сложившихся между социалистическими странами с такими тесными экономическими связями, то было бы полезно обменяться мнениями и заслушать точку зрения всех братских стран. Могут возникнуть особые мнения у отдельной страны или группы стран. Однако в любом случае надо хотя бы информировать друг друга. Мы считали, что такой метод укрепляет взаимное доверие и создает лучшие отношения между нашими государствами и партиями. И вдруг мы о «большом скачке» узнаем через органы печати.

Когда о чем-то узнаешь через печать, то замысел авторов не всегда раскрывается. Смысла лозунга «большого скачка» мы не понимали. Потом, опять же из печати, мы узнали о «малой металлургии», то есть о решении строить в Китае маленькие домашние доменные печи. Это была там какая-то буквально эпидемия. Отдельные коллективы или даже просто материально обеспеченные люди строили себе доменные печи. Никто не задумывался насчет качества такого чугуна и о том, сколько он будет стоить. Нечего было и думать о выпуске пригодного для промышленности металла в столь примитивных условиях. Уж и не знаю, к какому давнему веку относится такая металлургия. Нам казалось, что все это как-то несерьезно: и «малая металлургия», и «большой скачок». Мне рассказывали, что даже вдова Сунь Ятсена возле своего дома построила доменную печь. Не знаю, получала ли она чугун из нее. О ней рассказали мне люди, которые были ее гостями и перед которыми она похвалялась своей печью.

Появился в Китае лозунг: за несколько лет догнать Англию по выплавке металла, а потом догнать и перегнать в этом США. Мы, читая такие лозунги, не могли к ним относиться всерьез, потому что знали, что такое невозможно. Невозможно же в примитивных условиях решить столь сложную задачу, хотя и очень заманчиво. Китай тогда находился на сравнительно низком техническом и экономическом уровне развития. Даже мы, ставя ранее такую задачу перед СССР, не называли конкретных сроков. У нас действовал сугубо общий лозунг: догнать и перегнать Америку как самую развитую капиталистическую страну. Но мы тоже еще находились на такой стадии развития, что называть сроки, когда это совершится, не осмеливались. Потом в КНР началась организация коммун. Китайцы стали объединять всех крестьян, обобществляя даже средства потребления и бытовые вещи. Это совершенно невозможное дело, которое может привести к тяжелым последствиям.

Вообще в Китае люди на придумывание лозунгов довольно способны и могут такие лозунги хорошо подать населению. К нам поступали китайские газеты, наши люди читали их, и мы стали получать сведения, что и советские газеты в районах, пограничных с Китаем, тоже ставят вопросы перенятия опыта братского китайского народа в строительстве коммун. Появились даже предложения взять у них на вооружение «большой скачок». Нас это, надо признаться, испугало. Мы уже не могли сохранять долее нейтралитет по данному вопросу и были

вынуждены высказать свою точку зрения насчет применения такого лозунга в советских условиях, считая, что он нам абсолютно не подходит.

В Китай поехал тогда первый секретарь ЦК Болгарской компартии. Он не разобрался в данном деле и, приехав из Китая, разразился потоком нелепых статей в болгарской печати. Мы увидели, что Болгария тоже берет на вооружение лозунг коммун и «большого скачка». Эти идеи стали там практически претворяться в жизнь. В чем же это выразилось? Болгары начали укрупнять колхозы до невероятных размеров и вкладывать средства в тяжелую промышленность, себе не по карману. Через тех болгарских друзей, которые смотрели на это критически, мы получали тревожную информацию, свидетельствующую о том, что могут иметь место очень печальные последствия.

Мы вынуждены были пригласить к себе болгарских друзей и в ходе беседы высказать свою точку зрения. Заявили, что считаем применение китайских методов в условиях европейских и других социалистических стран Запада нереальным, что это к добру не приведет и вызовет большие сложности. Конкретно о самой Болгарии мы сказали так: «Товарищи! Вы знаете, какие у нас с вами добрые и братские отношения. И мы хотели бы, чтобы они такими сохранялись вечно. (А отношения у нас с Болгарией, действительно, были такими, что и желать лучшего нельзя.) Мы считали своим долгом предупредить вас, что если вы и дальше станете подражать Китаю в «большом скачке» и не по своим средствам развернете строительство, то тем самым поставите свою экономику в угрожающее положение. Сейчас вы вынуждены делать большие заказы в капиталистическом лагере. Придут сроки платежей, а у вас возможностей к оплате своих векселей не окажется. Мы полагаем, что вы обратитесь тогда к нам с просьбой о займе, мы же окажемся в затруднении оказать вам такую помощь. Это может поставить вашу экономику в очень тяжелое положение.

Теперь — вопрос о сельском хозяйстве. Сельское хозяйство Болгарии ведется на высоком культурном уровне. У вас не просто там полеводство или животноводство, нет, вы развиваете отраслевое огородничество, садоводство, осуществляете промышленную посадку роз, стали европейскими поставщиками овощей. А гигантомания в сельском хозяйстве приведет к краху, сделает хозяйства неуправляемыми и экономически нерентабельными. Обобществление же личных хозяйств просто отпугнет крестьян от коллективов, расплачиваться потом придется многие годы. Этот сложный вопрос надо решать постепенно и с большой осторожностью».

Я сам был большой поклонник болгар, просто преклонялся перед ними как овощеводами. Детство и юность я провел в Донбассе, который питался как раз овощами болгар. Из Болгарии к нам приезжали люди, арендовали землю и занимались огородничеством. Это были замечательные огородники. Работали, правда, на их огородах не сами болгары, а украинцы, но владельцы были хорошими организаторами и буквально заваливали рынок всевозможными овощами, очень дешевыми и всегда свежими. Бывало, рано утром приезжает болгарин на арбе, запряженной парой коней, и нараспев обращается к женщинам-шахтеркам: «Бабень, миленькая бабень! Вставайте, зелени покупайте!» Женщины просыпались, выскакивали из домов. Возчик останавливал свою арбу, начиналась торговля. Он по именам знал всех покупательниц, да и они, обращаясь к нему, тоже называли его по имени.

Когда я стал взрослым и заимел велосипед, то часто после работы переодевался, садился на него и ехал в поле к болгарам. А там любовался плодами их трудов: замечательными помидорами, баклажанами. Я уж не говорю о капусте, огурцах и прочем. Особенно привлекало меня просто поэтическое поле баклажан. Приедешь, глянешь на синенькие ряды: висят огромные кувшинообразные плоды, блестят своими боками. Так что болгар я давно знал и с уважением относился к ним, как отношусь и сейчас. Правда, когда они теперь поставляют в СССР помидоры, я иной раз в шутку говорю своим ближним: «Болгары нам присылают помидоры как братья, но сами таких помидоров не едят». Почему? Потому что они невкусные: срывают их рано, и они созревают не на корню. Такой помидор тоже красен, но нет у него того вкуса, которым обладает плод, созревший на плантации. Ну, это я несколько отвлекся.

Итак, высказали мы болгарам свои соображения. Они реагировали болезненно. Тогда мы сказали: «Мы не добиваемся, чтобы вы с нами согласились, а только хотели предупредить, что если вы будете обращаться к нам за золотым кредитом,

то, поскольку мы золота сейчас в резерве не имеем, оказать помощь вам не сможем. Как вы будете выходить из тяжелого финансового положения, когда наступит время платежей, думайте сами». На этом мы расстались. Правда, болгары предприняли кое-какие меры: провели разукрупнение коллективных хозяйств и пр. Но, конечно, всего, что они сделали, исправить полностью было нельзя, они не смогли вернуться к прежним организационным формам в деревне и у них все-таки остались многие укрупненные сельские кооперативы.

Вот я упомянул: «укрупненные». Не случайно. Люди, которые со мной работали, знают мою точку зрения на данный вопрос. В Советском Союзе именно я был инициатором укрупнения колхозов. На этой почве у меня возникли и радости, и неприятности. Я считал, что колхозы, которые у нас имели небольшие угодья и с малым количеством рабочей силы, не обладали перспективой. У них нельзя было использовать высокопроизводительную технику. Поэтому такие колхозы следовало перестраивать на другой основе, чтобы перевести их на более современную техническую базу, что и было нами сделано в свое время. Правда, мы тоже не обошлись без гигантомании, и это оказалось для нас накладно. Тут уже мой недосмотр. Увлекаясь, многие люди не могут порою реально соразмерить, что такое — крупное, что такое — крупнейшее, а что такое — мелкое хозяйство.

А вот китайцы чуть ли не целые провинции загнали в один колхоз. Только назвали его не колхозом, а коммуной. Получилось нечто вроде нашего района или даже побольше. Возникла неуправляемая хозяйственная единица, которая не могла быть рентабельной. Хочу закончить освещение вопроса, как применение китайского опыта повлияло на наших друзей-болгар. Спустя полгода они обратились к нам за помощью, когда использовали все предоставленные им кредиты, даже краткосрочный. А краткосрочные кредиты — самые дорогие, по ним платят чуть ли не 15% годовых (при 5—7% долгосрочных). Банки в таких случаях кожедерствуют. Все-таки пришлось нам вынуть кое-что из наших резервов и положить на стол друзьям, чтобы не допустить опротестования их векселей, по которым следовало платить. Получилась буквально кража. Вот как экономика ударила по тем, кто неоправданно увлекся в подражании китайцам.

Сами же китайцы решили этот вопрос очень просто. Там была волевая бесконтрольность, не опиравшаяся ни на какие хозяйственные и научные основы, не изученная заранее и непродуманная. Несмотря на кажущуюся очевидность дела, мы считали, что нам надо разъяснить несостоятельность опасного лозунга о коммунах. Тем более, как я уже говорил, у нас к тому возникла прямая причина, потому что ряд областных и краевых комитетов Сибири стал брать на вооружение китайский лозунг, выступать с пропагандой его в печати и растолковывать, как можно его применить в наших условиях.

В то время мы готовили решения XXI съезда партии по вопросу о семилетнем плане развития народного хозяйства и решили в отчетном докладе осветить данный вопрос, не ссылаясь прямо на Китай, но разобрать его по составным элементам. Как раз я был докладчиком от ЦК партии на XXI съезде по проблемам развития нашей экономики на предстоящие семь лет. Попутно разобрал и «большой скачок». Тем самым мы сделали прививку нашим партийным руководителям от слепого подражания, показали, что оно может больно ударить по СССР и нанесет непоправимый ущерб нашей экономике, следовательно, и нашей политике. Ведь политика очень зависима от экономики, поэтому надо внимательно следить за тем и другим, чтобы не допустить ничего, что может оказаться вредным для развития страны.

Китайцы присутствовали на XXI съезде КПСС. И когда они услышали мои слова и прочли текст доклада, им уже не надо было дополнительно разъяснять, что мы относимся отрицательно к «большому скачку». Это обстоятельство тоже, видимо, не послужило им поощрением для углубления наших дружеских отношений, а наоборот — охладило их. Мы разошлись здесь по коренному вопросу развития. Теперь, естественно, мы уже публично стали высказываться критически относительно мероприятий, которые развернулись в Китае. Еще до «большого скачка» там широко публиковался (об этом трубили во все трубы) лозунг «Пусть расцветут сто цветов». Когда мы познакомились с ним и изучили возможные его последствия, то не могли его ни понять, ни принять. Что это такое — пусть расцветут сто цветов? Каждый крестьянин знает, что одни цветы надо поддерживать и культивировать, а какие-то другие уничтожать, потому что, когда сорняки расцветут и дадут плоды,

они окажутся горькими или вредными для здоровья и посевов. Такой лозунг для нас неприемлем.

Наши пропагандисты поставили перед ЦК партии вопрос: как быть? Мы должны выразить наше отношение, советские люди читают газеты, и такой лозунг уже гуляет по советской стране. Тогда была дана установка для печати и пропагандистов специально не затрагивать данный вопрос, а обходить его. Ведь этот лозунг выдвинут китайцами для внутреннего потребления, поэтому, может быть, для них он имеет некое значение, а в наших условиях он не подходит, и мы его не принимаем. Конечно, нам было ясно, что китайцы сразу поймут нашу линию: раз у нас не пропагандируется их лозунг, стало быть, мы его не поддерживаем. И хотя он не осуждается и не отвергается, каждому ясно, что мы выступаем против него.

Во время одной из наших встреч (то ли это было в Москве, то ли когда я летал в Китай) Мао сам поднял данный вопрос: «Как вы относитесь к лозунгу „Пусть расцветут сто цветов?“» Я ответил, что такой лозунг нам непонятен, поэтому нам трудно применить его у себя, у нас его могут неправильно истолковать, и он не принесет пользы. «Да,— говорит,— мы понимаем ваше положение. Но у нас этот лозунг основан на изучении древних авторов». И стал приводить мне какие-то примеры из древней литературы, где впервые встречается призыв «Пусть расцветают сто цветов». Мао понял, что мы не разделяем его точки зрения, и это опять же не способствовало укреплению наших добрых отношений. В ходе того разговора мы легонько наступили Мао на мозоль, слегка дав понять, что он может выдумывать у себя любые лозунги и бросать их в печать, но далеко не всякие лозунги приемлемы для нас. Мао считал себя богом данным, а своего бога он сам себе выдумал. Поэтому то, что он преподносит, все, дескать, во благо человечеству. Естественно, наша реакция охлаждала дружеские отношения или хотя бы способствовала такому охлаждению. Однако он как умный человек делал вид, что ему не обидно: каждой партии вольно брать на вооружение только то, что ей полезно, и не брать того, что ее не устраивает.

«Большой скачок», организация коммун и прочие мероприятия, которые были начаты Мао, стали приносить свои отрицательные плоды. Экономика Китая ухудшалась. До претворения в жизнь этих лозунгов мы радовались тому, как быстро Китай поднимался, наращивались достижения его хозяйства, улучшался быт людей и рос уровень их жизни. Но «большим скачком» вся промышленность была дезорганизована. В первую очередь пострадали технические нормы, ибо китайцы заявили, что это лишь буржуазные выдумки. Например, для станка, который они купили в Советском Союзе, предельная норма выпуска изделий была точно установлена, а они увеличили ее в несколько раз. Возникло перенапряжение оборудования, станки изнашивались. Наступил период дезорганизации промышленности, появилась анархия, стало не хватать сырья, портилось оборудование. В Китае создалось тяжелое положение. Инженеров, которые придерживались технических норм, основанных на научных знаниях, обвиняли, что они буржуазные подголоски, вредители и т. п., и переводили их на работу простыми рабочими.

Через посольство мы получили запрос, что к нам хотел бы приехать Чжоу Эньлай; какова наша позиция? Мы сейчас же ответили, что будем очень рады принять его. Прилетел он. И какой же вопрос поставил перед нами? О тяжелом положении в китайской металлургии. Сказал, что Пекин просит нас прислать экономических советников. Там уже работали наши советники. Каких еще других советников можем мы дать кроме тех, которые имелись? Туда уже были посланы квалифицированные люди, в том числе в области черной металлургии. А Чжоу попросил прислать еще более квалифицированных людей, которые изучили бы вместе с ними сложившееся положение и помогли сделать должные выводы. Мы посоветовались и решили рекомендовать туда товарища Засядько — заместителя Председателя Совета Министров СССР по проблемам металлургии и угледобычи. Сам он инженер-угольщик, из шахтеров. Я хорошо знал его по работе на Украине, где он руководил крупнейшим угольным управлением в Сталинской области. Очень хороший работник, но с одним недостатком: он сильно пил и, выпив, не владел собой.

Послали мы Засядько в Китай. Он, безусловно, принес там пользу, ибо был прямым и, можно сказать, даже резким человеком. Пробыл у них несколько недель. Вернувшись, докладывал о результатах поездки. Я спросил: «Что же вы там

увидели, товарищ Засядько? И что рекомендовали китайским братьям?» «Да что там рекомендовать (голос у него грубоватый был), товарищ Хрущев, они сами во всем виноваты, сами дезорганизовали деятельность всей черной металлургии. Приехал я на Аньшаньский металлургический завод, все там запущено». И начал приводить конкретные примеры работы доменного, мартеновского и других цехов этого предприятия. «А кто там управляющий?» «Управляющий такой-то. Я познакомился с ним, и оказалось, что это по образованию ветеринарный врач».

Когда я встретился с Чжоу Эньлаем, который попросил меня рассказать о сложившемся впечатлении, я его спросил: «Товарищ Чжоу Эньлай, где те инженеры-металлурги, которые учились у нас и окончили институты? Говорят, что они у вас работают на селе, проходят так называемую боевую закалку. А металлургическим заводом у вас управляет человек, который не имеет никакого понятия о металлургии. Если бы у вас не имелось специалистов, такое было бы понятно. У нас тоже в первые годы после революции случалось всякое. Но сейчас вы можете свободно подбирать людей, соответствующих по квалификации делу, на которое они назначаются». Чжоу ничего вразумительного не сумел ответить. Я видел, что он и сам понимает допущенную глупость. Но ведь не он ее выдумал и не он в силах ликвидировать ее.

В других отраслях китайской промышленности тоже создалась неразбериха. Наши специалисты и даже простые рабочие, которые посылались туда налаживать пусковые предприятия, построенные с нашей помощью, стали нам сообщать о невероятных вещах: приходим мы с работы домой, все наши вещи перевернуты, чемоданы подверглись обыску. Обращаемся за разъяснениями, нам заявляют, что такого просто не может быть, видимо, сами не заперли дверей, все отрицают. Ну, тут возникло уже не недоразумение, а недоверие. Что они искали? И что могли найти в чемоданах инженеров или рабочих? Что там могло лежать? Сам не знаю, что искали.

Рассказали о таком случае. Наши инженеры помогали китайцам овладеть эксплуатацией ракет и собирали их для передачи китайцам, а по окончании сборки уходили домой. Назавтра видят, что ракета разобрана. Спрашивают: «Кто разобрал ее? Ее не должны были разбирать без нас. Это ведь наши ракеты, мы их сдаем вам». Никто ничего внятно объяснить не смог. Видимо, китайцы решили что-то проверить ночью, подсмотреть секреты (хотя неясно, для чего: ведь мы им передаем все эти ракеты) и для этого разобрали ракету. Однако у них не хватило знаний снова собрать ее. Много еще возникло инцидентов, основанных на недоверии и неуважении к нашим специалистам. Потом начались грубые оскорбления, особенно со стороны выпивших китайцев.

Они обвиняли наших людей, что те — «предельщики». Знакомая нам терминология! В былые годы, на каком-то этапе развития СССР, у нас тоже ходило такое ругательное слово. Не знаю, насколько оно вообще было разумным. Видимо, и у нас оно было необоснованным и отражало недоверие к инженерно-техническому персоналу. Тогда была сильно развита подозрительность в отношении буржуазных специалистов. Мы ломали их нормы, но не всегда разумно, хотя иной раз поступали правильно. Однако китайцам такого метода уже не рекомендовали. Они сами пришли к нему, повторяя нас. Это их дело. Но все-таки мы им говорили, что такое ведение дела не принесет хороших плодов.

Примерно тогда или немного раньше мы получили тревожную телеграмму от нашего посла из Пекина. В ней говорилось о резком недовольстве китайского руководства действиями Советского Союза. Послом там был Юдин. Сам он философ, и его послали в Китай с особым поручением. Он поехал туда именно как ученый, когда Мао Цзэдун обратился к Сталину с просьбой помочь ему привести в порядок его литературные труды: речи, статьи и пр., так как он хочет их издать. Пусть грамотный марксист просмотрит их и поможет в редактировании этих текстов, с тем чтобы не допустить каких-либо теоретических ошибок. Так и был послан Юдин. Мао всегда считал себя философом, очень любил философские темы и навязывал их всем смертным, с которыми беседовал. Поэтому Сталин решил послать Юдина, чтобы посол мог вести с Мао разговоры на общефилософские темы и одновременно оказался способен помочь ему в редактировании его трудов с подготовкой их к печати.

И при Сталине, и после смерти Сталина мы получали от Юдина телеграммы,

в которых он восторженно сообщал о Мао: живут они душа в душу, причем даже не Юдин ездит к Мао, а Мао сам приезжает к Юдину и просиживает у него ночи напролет, занимаясь не столько редактированием, сколько ведя беседы на вольные темы. Юдин просто захлебывался от восторга, описывая эти беседы. Мы радовались этому, потому что, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Нам было приятно, что Мао наладил хорошие контакты с нашим послом. Мы считали, что это свидетельствует о взаимном доверии и способствует еще большему улучшению наших отношений.

В тот же период наши военные обратились в ЦК партии с предложением направить просьбу китайскому правительству разрешить Советскому Союзу построить на юге Китая радиостанцию, которая могла бы поддерживать связь с нашими подводными лодками, патрулирующими в Тихом океане. Мы обсудили вопрос и пришли к выводу, что это предложение окажется в общих интересах социалистического лагеря. Как раз тогда мы развернули большое строительство подводных лодок на дизельных двигателях и уже приступили к созданию лодок с атомными двигателями. Естественно, нам нужна была прочная связь с подводным флотом, который будет действовать в Тихом океане.

Военные, безусловно, были правы, выбрав подходящую точку, из которой можно было бы наладить такую связь. Но теперь я полагаю, что мы тогда погорячились, преувеличив интернациональные интересы коммунистических партий и социалистических стран. Мы-то считали, что и наш флот, и китайский, и вообще все военные средства социалистических стран служат одной цели: быть готовыми к отпору, если империализм навяжет нам войну. Такие подводные лодки должны были действовать не только в интересах СССР, но также в интересах Китая и всех братских стран. Поэтому мы полагали, что в строительстве радиостанции Китай заинтересован не меньше, чем мы.

Но почему мы хотели сами строить радиостанцию? По тому времени китайцам трудно было бы построить сложное сооружение и в нужные сроки. Военные нажимали на нас, чтобы побыстрее начать строительство. Однако мы недоучли национальные чувства китайского руководства. Мао был задет нашим предложением, было затронуто его национальное чувство, затронут суверенитет Китая. Он считал, видимо, что таким способом мы как-то внедряемся в Китай, и очень бурно отреагировал на наше предложение, хотя сам раньше обращался к нам с просьбой помочь Китаю построить ракетные подводные лодки. СССР направил туда всю документацию. Китайцы выбрали нужную площадку и с помощью наших специалистов развернули строительство таких подлодок. Мы рассматривали это как само собой разумеющееся дело: в общих интересах надо создавать защитные средства и осуществлять эту работу общими усилиями.

Возникали и другие вопросы подобного же характера, когда мы вдруг получили от Юдина тревожную телеграмму. Мы посоветовались, и Президиум ЦК КПСС решил, что я должен вылететь в Пекин. Мы уведомили китайских товарищей и получили от них ответ, что нас примут. Со мной полетели, кажется, маршал Малиновский, потому что должны были обсуждаться военные вопросы, и заместитель министра иностранных дел СССР Кузнецов. Летели мы туда инкогнито, без объявления о поездке в печати.

В Пекине на аэродроме нас встречали Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, другие руководители Китая. Разместили нас в доме для почетных гостей. Большую часть времени мы проводили у бассейна. Там соорудили навес, где купался Мао, и мы вместе с ним. Мы, конечно, не могли соревноваться с ним в плавании на дальность. Ведь Мао побил тут какой-то рекорд, как сообщили в китайской печати. Но о нем мы узнали позже, однако и тогда, сразу же, мы как пловцы «подняли руки» и сдались Мао, признав его первенство. Обычно мы лежали, как тюлени, на теплом песочке или на ковре и беседовали. Потом лезли в воду. Опять вылезали и грелись на солнышке. Беседы протекали у нас в довольно спокойном, дружеском тоне, несмотря на те резкие высказывания Мао, которые были изложены Юдиным в его телеграмме.

Насчет радиостанции Мао сказал: «Мы не можем принять ваше предложение. Китай столько лет все рассматривают как несuverенное государство. Это нарушает наш престиж, бьет по нашей суверенности». Я извинялся, как только мог: «Мы ни в коей степени не хотим нарушать ваш суверенитет или вмешиваться в ваши дела,

внедряться в экономику Китая, вообще делать что-либо такое, что нанесет ущерб суверенности Китайской республики». «В таком случае предоставьте нам кредит, а мы построим вам радиостанцию». Я ему: «Так это самое лучшее. Пожалуйста, вот вам наше техническое руководство, наши чертежи, наши кредиты, наши поставки оборудования. Одним словом, дадим все, чтобы поскорее соорудить радиостанцию. Стройте!» «Хорошо,— сказал Мао,— мы согласны».

Казалось бы, мы быстро решили вопрос к обоюдному удовлетворению. Задача, которая ставилась нашими военными, будет выполнена. На деле оказалось все не так. Строительство никак не начиналось, китайцами выдвигались все новые и новые условия, они искали всякие зацепки для проволоочки. А после ухудшения наших отношений этот вопрос вообще был снят с повестки дня.

Приступили мы в бассейне к обсуждению и другого вопроса, и тоже о подводном флоте. Наши моряки поставили задачу о заходе ими в какие-то порты Китая для заправки наших подводных лодок и отдыха экипажей. Берег-то Китая большой, а мы, Советский Союз, находимся как бы на краю его берега, так что военные моряки и тут преследовали свои сугубо деловые цели. Однако китайцы опять выдвинули возражения престижного характера. Мао резко возражал. Я ему: «Товарищ Мао Цзэдун, я вообще тут не понимаю вас, это ведь в наших общих интересах». «Нет, мы с этим согласиться не можем, это затрагивает наш суверенитет, мы тоже создаем свой подводный флот». «Ну, что мы можем сказать? Если говорить о суверенитете, то давайте действовать на основе взаимности. К примеру, если вы хотите иметь свой подводный флот в Северном Ледовитом океане, то мы вам, пожалуйста, предоставим базу на нашей территории, а взамен будем иметь базу наших подводных лодок на берегу Тихого океана, на китайской территории». «Нет, мы и с этим не согласны. Вооруженные силы всех государств должны быть расположены только на собственной территории. Ваше предложение оскорбляет и задевает нас, мы не можем с ним согласиться». «Ладно, если так смотрите на дело, мы не хотим настаивать и обойдемся теми возможностями, которые у нас имеются. Станем укреплять дальневосточный флот. Мы хотим его перевооружить и значительно усилить, чтобы наш подводный флот был могучей силой на Тихом океане».

Опять мы затронули чувствительные струны государства, на территории которого долгое время господствовали чужеземные завоеватели. После этого я стал лучше понимать, чем руководствовался Мао в нашем разговоре. Да и вообще зря, видимо, обратились мы к Китаю с таким предложением. Если бы мы заранее знали, что возникнет такая реакция, то ни при каких бы условиях не вылезли с этим предложением, не стали бы создавать для себя трудностей и не обратились бы к Мао с просьбой. Но сделанного не вернешь. Я понимаю, что в подобных вопросах необходима большая щепетильность. Теперь-то я это обстоятельство особенно хорошо понимаю. Нельзя ущемлять национальное достоинство любой страны и любой нации. Существует суверенитет. Поступиться суверенитетом? Об этом можно говорить лишь при полном обоюдном согласии, да и то по возможности лучше избегать этого, если нет крайней необходимости, например, опасности войны для договаривающихся сторон. Вообще вопросы суверенитета еще долгое время будут являться предметом разногласий в мире и наносить при их неожиданном всплытии чувствительный ущерб взаимному пониманию между отдельными государствами.

Со своей стороны Мао, тоже однажды у бассейна, затеял беседу такого характера: «Товарищ Хрущев, давайте подсчитаем сейчас соотношение сил империализма и социализма. Я занялся арифметикой и вычислил: Китай имеет около 700 миллионов населения, следовательно, сможет сформировать столько-то армейских дивизий. Советский Союз имеет 200 миллионов и сможет сформировать столько-то дивизий». Да, существуют известные нормативы, и его арифметика была более или менее правильной. Он прикинул обычным способом, сколько смогут поставить под ружье все социалистические страны. Затем начал считать, сколько дивизий смогут выставить США, Англия, Франция, прочие натовские страны. Получилось несравненно меньше. «Вот,— говорит,— каково соотношение сил. Поэтому чего нам бояться?»

Такие рассуждения соответствовали его прежней точке зрения, высказанной на международном совещании братских партий в 1957 г., когда Мао заявил, что для Китая потеря 300 млн. человек, то есть половины населения, никакой трагедии не

представляет. А теперь он опять подбросил тот же вопрос, подкрепляя подсчетами свой тезис, что войны нам не надо бояться. Он прямо не говорил, что вообще не нужно вести борьбу за мир. Но если поразмыслить, то его аргументация сводилась именно к этому. Мао ставил во главу угла не вопрос о мирном сосуществовании, а вопрос подготовки к войне с целью разбить в ней наших противников, какие бы большие потери она ни принесла социалистическим странам.

Я сказал ему: «Товарищ Мао Цзэдун, то, что вы подсчитали, всем известно. Но надо также иметь в виду, что арифметический подсчет был бы справедлив, если бы мы жили в другое время, когда войны велись врукопашную или холодным оружием: пиками, штыками. Раньше было так, что у кого больше дубинок, тот и с перевесом. Теперь же мы живем в иное время. Когда пулемет только-только появился, он сразу несколько уравнивал силы; их соотношение затем менялось в пользу той армии, которая имела пулеметы в большем количестве. Когда затем появились танки и самолеты, соотношение сил вообще совершенно изменилось, и побеждал уже не тот, у кого больше населения, а тот, кто обладал лучшей военной промышленностью и мог обеспечить себя новым вооружением. Теперь мы имеем ракеты и ядерное оружие. Мировая война окажется ракетно-ядерной, а ракетно-ядерная война уравнивает все шансы. Одна бомба разметет несколько дивизий. Так что количество дивизий — это сейчас не признак силы, а, грубо говоря, человеческое убойное мясо. Поэтому мы иначе подходим к вопросам войны и не измеряем соотношение сил численностью населения.

Мы сейчас ускоренно развиваем нашу промышленность, особенно атомную и ракетную, с тем чтобы СССР не был застигнут врасплох. Мы должны иметь достаточное количество таких новейших средств, которыми, безусловно, противник будет вооружен. Наш вероятный противник — высокоорганизованный, с очень мощной промышленностью и обладающий высоким техническим уровнем». «Нет, я все-таки считаю, что вы ошибаетесь. В соотношении сил решающей по-прежнему является численность населения». В данном вопросе никакими средствами не удалось нам прийти к общему мнению. Он высказывал свою точку зрения, я — свою. Далее мы не стали повторяться, потому что это ни к чему бы не привело.

Мао затронул и еще одну проблему. В свое время мы опубликовали в печати заявление министра обороны СССР Жукова. Международная ситуация потребовала тогда от нас заявления во имя защиты социалистических стран. Мы подготовили такое заявление и поручили товарищу Жукову выступить с ним. Идея заявления заключалась в предупреждении империалистического лагеря насчет того, что если он нападет на одну из социалистических стран, то Советский Союз не останется нейтральным, а нанесет ответный удар по агрессору всеми возможными средствами, которыми располагают наши Вооруженные Силы. Мао, сославшись теперь на выступление Жукова, сказал, что считает это выступление неправильным. Я спросил его, почему? Это ведь была не личная точка зрения Жукова, а мнение нашего Центрального Комитета партии. Как раз тогда сложились напряженные отношения между Китаем и США: «Наша твердая позиция сдержит империалистов. Они будут знать, что нападение на одного из наших союзников, Китай ли это будет или Албания, не останется безнаказанным. Причем заявление Жукова касалось тогда прежде всего Германской Демократической Республики, которая граничит с капиталистическим миром».

«Неверно, — говорит Мао, — это не так». И начал развивать свою точку зрения, которая сводилась к следующему: «Если нападут на Китай, вы не ввязывайтесь в войну. Мы будем сами воевать, хоть 10, хоть 20 лет. У нас народу много, и мы имеем обширную территорию. Если противник ввяжется в войну с нами, то он обратно из нее добром не выйдет. Мы сами справимся и разобьем его. Ни одной стране не удастся победить нас. Японцы воевали с Китаем многие годы, а что от их агрессии осталось? Враги разрушат нашу экономику? Ну, и пусть. Самое важное, чтобы был сохранен Советский Союз. Если СССР останется и будет развиваться дальше как социалистическая страна, то все потом встанет на свои места. Китай расправится с противником и с вашей помощью восстановит свою экономику. Поэтому вообще не надо подвергать опасности войны с империалистическим лагерем Советский Союз». Вот как он повернул: вроде бы Китай готов принести себя в жертву, чтобы первая социалистическая страна мира, Советский Союз, сохранила себя.

Я говорю: «Если мы будем так относиться к своему интернациональному долгу и предоставим каждой стране опираться только на свои силы, то противник поодиночке расправится с нами. Такая позиция поощряет агрессию, а не сдерживает. Поэтому мы считаем, что наше заявление следовало сделать, и мы будем придерживаться его в своей политике. Это формулировка не министра обороны, а нашего правительства, нашего Центрального Комитета партии». «Неверная формулировка»,— отвечает Мао. На этом обсуждение проблемы закончилось, каждый остался при своем мнении. При следующей встрече продолжалась беседа на военные темы. Здесь она носила другой характер, и высказывания Мао, я бы сказал, стали противоположными. Тем не менее они имели общие корни с прерывающимися:

«Я думал о нашем прошлом разговоре и пришел к выводу, что если состоится нападение на Советский Союз, то я рекомендовал бы вам не давать отпора». Я сразу насторожился: как? Происходит нападение империалистических держав на СССР, а мы им не должны давать отпор? «И что же получится?» «Вы постепенно отходите, отступайте год, два, три. Растягивайте коммуникации своего противника и тем самым будете ослаблять его. Потом мы общими силами набросимся на него и разобьем». Я сказал ему: «Даже не знаю, как вам ответить. Для нас совершенно немыслимо такое понимание дела. Год отходить? Да год вообще вряд ли будет продолжаться следующая мировая война. Она окажется скоротечной». Мао продолжил: «Но вы же отступали до Сталинграда? Вы целых два года отступали, так почему же теперь вы не сможете отступить три года? Если тогда вы отступили до Сталинграда, то теперь отступите до Урала, до Сибири, а дальше в вашем тылу стоит Китай. Мы используем свои ресурсы, свою территорию и, безусловно, разобьем противника». Я ответил: «Нет, мы придерживаемся другой позиции, позиции немедленного отпора, и в случае агрессии такой отпор будет дан всеми средствами, которыми мы располагаем. Мы сейчас обладаем большими силами, большими техническими возможностями и с каждым годом наращиваем их. Неизбежность ответного удара заставит противника не раз подумать, прежде чем решиться на агрессию против нас. А может быть, агрессия будет вообще исключена». «Нет,— говорит он опять,— я считаю этот тезис неправильным».

Позднее я много раздумывал, на чем основаны его взгляды? Не знаю, как можно охарактеризовать подобные позиции и рассуждения. У меня вызывало удивление, как это Мао может так мыслить, и я не мог дать себе ответа. Если предположить, что это с его стороны провокация, то не думаю, чтобы Мао пошел на столь грубую и глупую провокацию. Не такие уж мы наивные. Он никак не мог допустить, что мы согласимся. Если же он сам верил в здравость своих рассуждений насчет военной стратегии, то трудно предположить, что умный человек в состоянии так мыслить. Это для меня и сейчас остается сплошной загадкой. Так я и не знаю, что там было — недомыслие или провокация? Однако такой разговор состоялся, и я полностью отвечаю за точность передачи мною выражений Мао и моих ответов, без всякого утрирования, без всякого передергивания. Боже упаси, зачем? У нас и так достаточно забот с Китаем, и я не хотел бы их увеличивать. Наоборот! Когда-нибудь я помру, и если человек может думать после смерти, то я думал бы о том счастливом времени, когда опять восстановятся братские отношения между народами Советского Союза и Китая, вообще между всеми народами социалистических стран.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Технология власти

А. Г. Авторханов

Часть четвертая (дополнительная). От Хрущева к Брежневу

I. Свержение Хрущева

Люди, которые отказали Хрущеву в похоронах у Кремлевской стены, все без исключения были личными выдвиженцами Хрущева. Если бы не Хрущев, то мы никогда не слышали бы имен нынешних членов Политбюро и Секретариата, кроме разве одного Косыгина (он был выдвиженцем Жданова). Но и его вернул из опалы Хрущев. Даже Сулов выдвинут Хрущевым (в 1929—1930 годах Сулов был преподавателем Промакадемии; Хрущев, начавший здесь свою карьеру, и рекомендовал Сулова в аппарат ЦКК).

В чем же причина того, что как раз эти люди отказали Хрущеву в посмертном почете быть похороненным в Пантеоне коммунистических апостолов? Причина только одна: Хрущев — убийца бога КПСС, Сталина. Хрущев физически уничтожил головку НКВД, он политически уничтожил сталинское Политбюро, он закрыл концлагеря, он на двух съездах партии и от имени партии разоблачил не только Сталина, но и всю преступную систему его властвования на протяжении трех десятилетий. Отсюда — раскол в мировом коммунизме и начало духовной эмансипации в СССР. За все это ему мстят его ученики.

Но я хочу писать не об этом, а о том, как было подготовлено политическое убийство Хрущева 14 октября 1964 года. События, предшествовавшие этому, лучше всего характеризуют моральный облик нынешних владык Кремля.

* * *

Только Фуше и Талейран умудрялись оспаривать друг у друга рекорды приспособленчества к быстро сменявшимся режимам и главарям революционной и послереволюционной Франции, но сталинцы побили все их рекорды в условиях, когда приспособление к очередному режиму зависело не только от способности менять цвет и вкусы, но и от готовности нового, как правило, скептического повелителя поверить, что вы не такой же хамелеон, каким был он сам при своем предшественнике.

Делать карьеру у Ленина было просто: надо было лишь признавать его верховенство и обладать талантом политика и деловитостью практика. При Сталине условия делания карьеры резко меняются. Преданность режиму личной власти Сталина, талант нерассуждающего исполнителя, принципиальная беспринципность в политике, жестокость, доходящая до бездушия, — таковы были главные требования. Исходя из этого, Сталин подбирал всю иерархию партаппаратчиков сверху донизу. В числе их был и Хрущев.

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—3, 6—7, 10—12.

При Хрущеве исчезли всякие критерии. При нем партийная бюрократия была озабочена не тем, чтобы делать карьеру, а тем, как бы удержаться на достигнутом уровне. На высшем уровне партийно-государственной олигархии это никому не удалось, кроме Микояна и Суслова.

Окружающие Хрущева имели дело утром — с одним, в обед — со вторым, а вечером — с третьим Хрущевым. Его постоянное непостоянство, его изумительный дар хаотического импровизатора, его болезненный зуд бесконечно организовывать и реорганизовывать, его властная безоглядность, умноженная на его незадачливость и беспечность, его опасная болтливость, его безосновательная амбициозность знать все, видеть все, делать все самому, его вероломство в дружбе и самоуверенность в политике,— это только некоторые черты столь богатого, красочного, динамичного характера Хрущева. Эти черты делали его исключительно опасным диктатором для окружающих.

Люди, которые великолепно умели делать карьеру у самого Сталина, растерянно оглядывались по сторонам и беспомощно разводили руками при Хрущеве: Сталину угодить было трудно, но карьеристы точно знали, как это сделать, а как угодить Хрущеву, не знал даже сам Хрущев. При случайной встрече он мог сделать из директора совхоза министра СССР, а из министра, в припадке гнева,— «пенсонера». На этом Хрущев даже еще зарабатывал политический капитал: «Хрущев — свой парень, мягкий правитель, он только снимает, а вот Сталин бы расстреливал!» Так оказались снятыми со своих постов все старые секретари обкомов, крайкомов и центральных комитетов партий республик, все министры СССР, руководители Министерства обороны и Генерального штаба, все секретари ЦК и все члены Президиума ЦК КПСС, кроме членов первоначального «триумvirата»,— Микояна и Суслова.

Из всех ошибок, которые привели его к катастрофе, вероятно, самой страшной надо считать то, что Сталин называл «головокружением от успехов», а самым главным его упущением то, что Сталин называл «идиотской болезнью»,— беспечность. Хрущев настолько стал самоуверенным, возомнил себя настолько незаменимым, что делал то же самое, за что он критиковал Сталина: он начал управлять партией и государством, минуя не только Президиум ЦК, но, что страшнее всего, через голову Секретариата ЦК.

Коммунистический диктатор может не считаться с Президиумом ЦК и не созывать пленумы ЦК и съезды партии, и с ним ничего не случится, пока он опирается на Секретариат ЦК, но если он начал действовать через голову Секретариата ЦК,— он уже погиб. Секретариат ЦК непосредственно управляет партией, политической полицией и вооруженными силами. Величие власти первого секретаря в том и заключается, что он — глава этого всесильного учреждения. Но Хрущев игнорировал не только Секретариат ЦК, но и тех, кто его, собственно, сделал Хрущевым: Микояна и Суслова.

Хрущева считали великим мастером народного юмора. Но иногда шутки Хрущева над его коллегами переходили границы дозволенного. Автору этих строк один западный дипломат, присутствовавший во времена Хрущева на очередном банкете в Кремле, рассказывал такой случай. В разгар банкета, при отличном настроении всех, исчерпав все свои бесконечные тосты, первый секретарь обратился к высокой публике с вопросом: знаете, почему мы до сих пор держим Микояна в составе руководства? На то есть важная причина: он отлично танцует лезгинку! Хотите убедиться? Разумеется, публика единодушно пожелала этого. Тогда Хрущев, недолго думая, заставил Брежнева накинуть на себя женский платок (лезгинку танцует пара — барышня и кавалер) и танцевать с Микояном лезгинку. Тут невольно припоминается жалоба Хрущева на Сталина, заставившего самого Хрущева танцевать гопак при совершенно оскорбительных обстоятельствах. Сталин, мастер читать душу человека по его глазам, вероятно, почуял в Хрущеве будущего предателя и поэтому публично унижал его. Неужели Хрущев, выучившись этому искусству у своего учителя, тоже увидел в Брежневе и Микояне будущих предателей, а потому и поступил с ними по-сталински? Увы, на коммунистическом Олимпе хорошо танцует тот, кто танцует последним!

Чем тщательнее засекречивают в Кремле то или иное событие, тем больше основания не верить официальному сообщению о нем. Отсюда множество версий о том, как произошло свержение Хрущева. Мы не хотим увеличивать число этих

версий, а постараемся проанализировать объективные факты. Детали свержения Хрущева до сих пор покрыты мраком неизвестности. Но одно абсолютно бесспорно: если Хрущев начал свое правление с правды — объявив своих коллег из первого «коллективного руководства» такими же преступниками, как и Сталин («антипартийная группа» — июнь 1957 г.), то новое, второе «коллективное руководство» начало свое правление с совершенно очевидной лжи: оно сообщило, что 14 октября 1964 года «Пленум ЦК КПСС удовлетворил просьбу т. Хрущева Н. С. об освобождении его от обязанностей первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК и председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья».

Вот эту партийную ложь в государственном порядке оформил Верховный Совет на следующий день. 16 октября советские газеты опубликовали официальное сообщение Президиума Верховного Совета СССР. В нем сказано: «15 октября сего года под председательством Председателя Президиума Верховного Совета СССР А. И. Микояна состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. Президиум Верховного Совета СССР удовлетворил просьбу тов. Хрущева об освобождении его от обязанностей Председателя Совета министров СССР в связи с преклонным возрастом и ухудшением состояния здоровья».

Эта официальная версия была настолько лжива и настолько смехотворна, что ей никто не поверил не только за границей, но и в СССР. Заговорщики, это тоже знали заранее. Если они, тем не менее, к ней прибегли, то это надо объяснить только тем, что насколько у них хватило мужества на риск переворота, настолько же у них не хватило мужества на риск правды. Сказать правду для них означало бы, во-первых, расписаться в собственной беспринципности по отношению к Хрущеву, а во-вторых, засвидетельствовать перед всей страной и миром, что все утверждения о восстановлении в СССР партийной и государственной законности — фикция.

Еще за шесть месяцев до смещения Хрущева главные заговорщики против него считали его возраст не «преклонным», а «средним», а самого Хрущева — воплощением «ленинской мудрости». Это было 17 апреля 1964 года, в день семидесятилетия Хрущева. В роскошном Екатерининском зале Кремля утром состоялась пышная церемония объявления Хрущева уже четвертый раз «Героем» Советского Союза (он трижды «Герой Социалистического труда»), а в 4 часа дня в не менее сказочном Георгиевском зале Кремля Президиум ЦК и Верховного Совета СССР и Совет министров СССР устроили торжественный обед в честь Хрущева. Главными ораторами были: на первой церемонии — Брежнев, а на второй — Микоян. Брежнев, тогда председатель Президиума Верховного Совета СССР и секретарь ЦК КПСС, сказал, между прочим, следующее: «Дорогой Никита Сергеевич! Не могу скрыть своей радости и волнения в связи с поручением ЦК и Президиума Верховного Совета СССР вручить вам в знаменательный день вашего 70-летия заслуженную награду — орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза (*бурные аплодисменты*)». Из далее сказанного Брежневым заслуживают внимания следующие слова: «Советские люди всегда будут вам благодарны за то, что, *став у руля партии, вы проявили мужественную инициативу в разоблачении культа личности Сталина... в стране были восстановлены ленинские нормы партийной и общественной жизни, возродился бессмертный дух Ленина...*»

Микоян высказался так: «Дорогие друзья! Мы сегодня собрались здесь, в стенах древнего Кремля, чтобы воздать должное Н. С. Хрущеву в связи с его 70-летием. *За крепкое физическое здоровье и ясный ум* должное воздаем родителям юбиляра... Раньше считалось у нас, что 70 лет — это возраст старика. Достижения нашей революции показали, что это неправильно. В России средний возраст человека считался 32 года. Естественно, что 70 лет — был возраст старика. Теперь же победа социализма в нашей стране так подняла благосостояние народа, что *средним возрастом теперь у нас является 70 лет*. Таким образом, мы сегодня отмечаем юбилей человека среднего возраста, находящегося, как сами видите, *в расцвете своих сил и способностей...* Каждый из нас, членов Президиума ЦК, кандидатов в члены Президиума, секретарей ЦК, питает одинаково хорошие, братские чувства к товарищу Н. С. Хрущеву. Позвольте поэтому мне огласить наше общее совместное слово по сегодняшнему случаю: «Дорогой Никита Сергеевич! Мы, Ваши ближайшие соратники, особо приветствуем и горячо поздравляем Вас, нашего близкого друга и товарища, в день Вашего семидесятилетия. Мы видим в Вашем лице

выдающегося марксиста-ленинца, виднейшего деятеля Коммунистической партии и Советского государства, международного коммунистического и рабочего движения, мужественного борца против империализма... Ваша кипучая политическая и государственная деятельность, огромный жизненный опыт и мудрость, неиссякаемая энергия и жизненная воля, стойкость и непоколебимая принципиальность снискали глубокое уважение и любовь к Вам всех коммунистов, всех советских людей. Мы счастливы работать рука об руку с Вами и брать с Вас пример ленинского подхода к решению вопросов партийной жизни и государственного строительства... От всей души желаем Вам доброго здоровья, много лет жизни и новых успехов в Вашей огромной и чудесной деятельности. Мы считаем, наш дорогой друг, что Вами прожита только половина жизни. Желаем Вам прожить еще по меньшей мере столько же» (весь курсив в этих цитатах мой.— А. А.). Идут 25 подписей членов и кандидатов Президиума ЦК и секретарей ЦК, то есть всех тех, кто сейчас сидит в Политбюро и Секретариате ЦК.

Вот эти самые «ближайшие соратники и друзья», считавшие, что Хрущев «в расцвете своих сил» и «среднем возрасте», мудрый и «выдающийся марксист-ленинец», через шесть месяцев «единодушно» объявляют его не только стариком «преклонного возраста», но и волонтаристом, субъективистом, то есть антиленинцем. В чем дело, что же произошло с Хрущевым за полгода?

Апогея своей власти Хрущев достиг на XXII съезде партии (1961 г.). Но как раз на этом съезде Хрущев продемонстрировал самым наглядным образом, как он мало считается со своими соратниками по Секретариату и Президиуму ЦК. Хрущев открыл съезд, произнес вступительное слово, Хрущев сделал первый доклад — о работе ЦК. Хрущев сделал второй доклад — о новой Программе партии. Хрущев закрыл съезд, выступив с заключительным словом (впрочем, эту «традицию» Хрущева целиком воспринял и нынешний генсек). Сталин, которого Хрущев разоблачает и на этом, XXII, съезде как узурпатора власти партии, однако, в таких случаях формально поступал корректно. Открывал съезд один член Политбюро, закрывал съезд другой член Политбюро. Сталин делал свой обычный отчетный доклад, а другие доклады на съезде делали соответствующие члены Политбюро или ЦК. После XXII съезда Хрущев вообще перестал считаться с Секретариатом и Президиумом ЦК.

На всех пленумах ЦК после XXII съезда (кроме одного, идеологического 1963 г.) единственным докладчиком бывал только сам Хрущев. Причем и пленумы он созывал не для обсуждения своих предложений, а для демонстрации своего величия и прокурорского допроса членов пленума, даже членов Президиума ЦК (так, на одном из пленумов ЦК он публично оскорбил члена Президиума ЦК Подгорного и даже велел это оскорбление опубликовать в печати). Пленум ЦК, избранный на XXII съезде, состоял из примерно 350 человек, а Хрущев созывал на пленум ЦК с правом голосования до 6 тысяч человек «актива». Предложения Хрущева, которые, вероятно, не проходили через Президиум ЦК, на таких «демократических» пленумах принимались при «бурных аплодисментах». Причем Хрущев считал себя настолько осведомленным не только в большой политике, но и в конкретных вопросах технологии, промышленности, сельского хозяйства, литературы, живописи, военного искусства, что вмещивался во все отрасли материальной и духовной жизни страны, давал личные советы, которые надо было понимать как директивы.

Сталин считался «корифеем всех наук», Хрущев претендовал на «корифея всех практик», а Брежнев, Косыгины, Подгорные уверяли его, что оно так и есть. Однако еще с древности известно: что подобает Юпитеру, не подобает быку! Сталин действительно был «корифеем» одной известной науки и одного известного искусства — науки и искусства властвования. Сталин создал аппарат личной власти и поставил его над аппаратом партийной и государственной власти (знаменитый «Личный Секретариат т. Сталина» во главе с генералом Поскребышевым).

Через этот личный аппарат власти Сталин не только контролировал партию, армию и политическую полицию, через его универсальную шпионскую сеть он следил за каждым шагом своих соратников. Чем ближе к Сталину стоял соратник, тем больше и основательнее он был окружен шпионами. Хрущев уничтожил этот аппарат личной власти первого секретаря ЦК, не создав ему никакой замены. Тем самым судьба Хрущева оказалась в руках высшего аппарата ЦК — Секретариата ЦК. Когда в 1957 году Президиум ЦК взбунтовался против Хрущева,

он, опираясь на Секретариат, разогнал этот Президиум ЦК. Однако теперь, когда против него восстал не только Президиум ЦК, но и Секретариат ЦК, Хрущев погиб.

Роковое решение о свержении Хрущева было продиктовано самим Хрущевым, правда, не ведавшим того, что он делает. Это произошло ровно за три месяца до его свержения — 15 июля 1964 года. В этот день на сессии Верховного Совета СССР Н. Хрущев выступил со следующим предложением: «Товарищи депутаты! Вы знаете, что товарищ Брежнев Леонид Ильич на пленуме ЦК в июне 1963 года был избран Секретарем ЦК партии. ЦК считает целесообразным, чтобы товарищ Брежнев сосредоточил свою деятельность в ЦК как Секретарь ЦК КПСС. В связи с этим ЦК вносит предложение освободить товарища Брежнева от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР. На пост председателя Президиума Верховного Совета СССР ЦК рекомендует товарища Микояна Анастаса Ивановича. Я позволю себе до голосования выразить сердечную благодарность товарищу Брежневу за его плодотворную работу на посту Председателя Президиума Верховного Совета, а товарищу Микояну от всей души пожелать больших успехов в его деятельности на посту Председателя Президиума Верховного Совета».

Сейчас нет никакого сомнения, что это решение было принято по настоянию заговорщиков, чтобы создать легальные и организационно-технические предпосылки для будущего переворота. Брежнев должен был «сосредоточить свою деятельность в ЦК» в качестве его второго секретаря, чтобы подготовить заговор и для этого взять под свое непосредственное руководство аппарат ЦК, вооруженные силы и политическую полицию, которые в отсутствие первого секретаря ЦК автоматически подчиняются второму секретарю ЦК. Тем самым создавались не только предпосылки, но и гарантия успеха заговора. Назначение Микояна Председателем Президиума Верховного Совета СССР было призвано легализовать государственный переворот от имени номинального верховного законодательного органа — советского парламента. Поскольку Хрущев был не только первым секретарем ЦК, но и одновременно председателем правительства и Верховным главнокомандующим вооруженных сил, то для узаконения переворота требовалась подпись председателя Президиума Верховного Совета Микояна под указом Верховного Совета об освобождении Хрущева от его постов. Уже одно это обстоятельство указывает на активную роль Микояна в свержении Хрущева, но Микоян, как обычно, создает себе и алиби в случае провала заговора: в конце сентября он выезжает в отпуск из Москвы вместе с Хрущевым, вместе с Хрущевым же проводит свой отпуск в Сочи, на даче по соседству с ним.

Последнее сведение о совместном пребывании Хрущева и Микояна в Сочи относится к 12 октября 1964 года, когда они оба разговаривали по радиотелефону из кабинета Хрущева с экипажем космического корабля «Восход». В эти часы, когда торжествующий Хрущев поздравлял космонавтов, а Микоян, как выражается сам Хрущев, «буквально вырывал» у него трубку из рук, в Москве заговорщики решали его судьбу. В свете последующих событий можно предположить, что Микоян был приставлен к Хрущеву с тем, чтобы, во-первых, держать его под постоянным своим надзором и по возможности в изоляции от Москвы, а во-вторых, держать заговорщиков в курсе поведения и местонахождения Хрущева. Эта роль вполне устраивала бы Микояна. В случае провала заговорщиков он невозмутимо мог бы сказать: «Никита Сергеевич, чего же ты от меня хочешь, я же ведь вместе с тобой здесь был, а не в Москве».

Классический мастер алиби, Микоян знал и на этот раз, какую роль на себя взять. Заговорщики и в другом отношении действовали более основательно, чем молотовцы 18 июня 1957 года. Когда молотовцы, сняв Хрущева, хотели опубликовать это решение Президиума ЦК КПСС в партийной печати и передать по московскому радио, то им, в полном согласии с существующей субординацией, идеологические чиновники ответили: мы подчиняемся не Президиуму ЦК, а первому секретарю и его аппарату. Предъявите распоряжение первого секретаря ЦК о напечатании вашего коммюнике! Заговорщики на этот раз, в 1964 году, такие трудности не ожидали: главный редактор «Правды» Сатюков и председатель Комитета радиовещания Харламов были заранее посланы в заграничные командировки, главный редактор «Известий» Аджубей и идеологический секретарь ЦК Ильичев были направлены во внутренние «командировки». Все более или менее ненадежные члены

ЦК и маршалы были тоже отправлены в провинцию для проведения разных праздников и кампаний, наоборот, надежные члены ЦК и маршалы были вызваны в Москву под разными предлогами.

Чтобы поддержать у Хрущева чувство полного благополучия, большинство членов Президиума и Секретариата ЦК находилось либо в официальных служебных командировках (Брежнев — в Восточной Германии, Подгорный — в Молдавии), либо на отдыхе (Сулов, Кириленко, Шверник). Однако утром, в понедельник 12 октября, все члены Президиума ЦК, кроме Хрущева и Микояна, по уже состоявшемуся сговору, собираются в Москве и открывают заседание Президиума ЦК для обсуждения только одного вопроса: снятие Хрущева. Свое единодушное решение снять Хрущева заговорщики выносят на формальное утверждение пленума тех членов ЦК, которые уже были заранее завербованы или критическое отношение которых к Хрущеву было вне сомнения. В этот же день в Москву прилетает и Микоян, подпись которого теперь и нужна для оформления снятия Хрущева через Президиум Верховного Совета СССР.

Обо всем этом Хрущев узнал не ранее утра 13 октября. Это устанавливается по дате и времени приема Хрущевым французского министра Гастона Палевского. Этот прием, назначенный на 11 часов, был внезапно перенесен на необычное для дипломатических приемов время — на 9 часов 30 минут. Палевскому было сообщено, что это вызвано тем, что Хрущев должен лететь по срочному делу в Москву. Если бы Хрущев знал, что речь идет не о «срочном деле», а о катастрофе; то едва ли он стал бы вообще разговаривать с французским министром. Однако Палевский заметил, что Хрущев, хотя и был в добром здоровье, но находился в несвойственном ему «нервном и угнетенном состоянии». Вероятно, уже во время этой беседы к Хрущеву начали поступать тревожные сигналы из Москвы (официальные или частные — неизвестно), так как он прерывает беседу на полчаса раньше и летит в Москву. Летел ли он один и добровольно — неизвестно, но надо полагать, что он улетел уже не в качестве первого секретаря и председателя правительства.

Совершенно неизвестно также, происходило ли оформление снятия Хрущева на пленуме избранных членов ЦК в присутствии самого Хрущева. Благоразумие и обеспечение максимальной гарантии успеха должны были подсказать заговорщикам полную изоляцию Хрущева, пока страна, партия и мир не узнают, что отныне первого секретаря ЦК КПСС зовут Брежнев, а председателя советского правительства — Косыгин. Все признаки говорят за то, что заговорщики так и поступили. Заговорщики, учитывая урок поражения молотовцев 18 июня 1957 года, пришли на пленум избранных членов ЦК не с динамичным и взрывчатым первым секретарем Хрущевым, а с кусочком бумаги, на которую была занесена вынужденная или фальсифицированная просьба Хрущева об освобождении его от занимаемых постов. Обычно хорошо осведомленные американские журналисты Стюарт Олсон и Эдмунд Стивенс писали в ноябрьском номере (1964 г.) «Сатердей ивнинг пост», что с пятичасовым обвинительным докладом на пленуме выступил тот, кто с таким же большим защитительным докладом за Хрущева против молотовцев выступал на июньском пленуме ЦК КПСС в 1957 году, — Сулов!

Хорошо ориентирующийся в советских делах корреспондент газеты «Монд» в Москве Мишель Тату приводил рассказ одного из членов ЦК КПСС о том, как произошло снятие Хрущева. Этот рассказ тоже подтверждает, что главным и единственным оратором на пленуме ЦК против Хрущева был Сулов. Согласно этому рассказу, Хрущев был на пленуме. Безмолвный и мрачный, он сидел не в президиуме пленума ЦК, а в стороне, на отдельной скамье. То была скамья подсудимого. В официальном коммюнике пленума ЦК бросается в глаза отсутствие обязательной дежурной фразы «решение принято единогласно», зато в коммюнике от имени Президиума Верховного Совета подчеркнуто, что «указ об освобождении т. Хрущева Н. С. от обязанностей председателя Совета министров СССР принят единогласно».

Организатором нового заговора против Хрущева явился тот, кого молотовцы и маленковцы выбросили из Секретариата и Президиума ЦК после смерти Сталина, а Хрущев после их ликвидации пригласил обратно — как своего старого друга — Л. Брежнев. Долго Брежнева считали именно учеником и другом Хрущева. Но новоявленному московскому Цезарю не дали даже крикнуть Брежневу — «И ты, Брут!»

II. Режим в движении

1.

Очень популярный не только на Западе, но и в Китае тезис гласит: в СССР марксизм-ленинизм либо терпит эрозию, либо Кремль его так основательно «реви-зует», что от него скоро останется только одно название. Чтобы выяснить данный вопрос, надо сначала уточнить определение: в чем сущность марксизма-ленинизма как общей идеологии и как специальной доктрины власти.

Что касается идеологии, то два ведущих постулата марксизма-ленинизма утверждали: 1. Коммунистическая революция, национализировав средства производства и ликвидировав классы, уже в переходное время создает новое гармоничное эгалитарное общество, где высший чиновник не будет получать большее вознаграждение за свой труд, чем средний рабочий. 2. На основе этого произойдет постепенное отмирание самого коммунистического государства, то есть «диктатуры пролетариата», следствием чего будет небывалый в истории человечества расцвет гражданских прав и духовных свобод.

Вот эти главные принципы коммунизма, опровергнутые жизнью как утопические, именно и подверглись ревизии в классической коммунистической стране — в СССР. Однако марксизм-ленинизм надо рассматривать не только как систему утопических догм, которые подверглись ревизии или обанкротились на практике («коммунистическая идеология»), но и как систему практических приемов по созданию, укреплению и расширению власти нового типа — партократии, основные принципы которой никогда не подвергались ревизии, но методы которой постоянно подвергались модернизации («коммунистическая доктрина»). В самом деле, что такое марксизм-ленинизм как доктрина коммунистического господства и каковы ее главные компоненты?

Марксизм-ленинизм как доктрина коммунистического господства есть такая система взглядов, согласно которой: 1) в области экономики — все богатства страны, все средства производства, в том числе и труд человека, национализированы, огосударствлены; 2) в области идеологии — вся культура и вся духовная жизнь проникнуты идеями «партийности», атеизма и огосударствлены и монополизированы коммунистической партией во имя создания новых коммунистических людей; 3) в области политики — установлена так называемая «диктатура пролетариата» (раньше как «государство рабочего класса», теперь якобы как «общенародное государство»), осуществимая, по Ленину, не иначе, как через диктатуру одной, а именно коммунистической, партии, которая не делит и не может делить власть с другими партиями. Самой партией руководит до взятия власти ядро профессиональных революционеров, после взятия власти — иерархия партаппаратчиков.

Такова была доктрина марксизма-ленинизма при Ленине и Сталине. Таковой она оставалась и при Хрущеве. Но такова она и сегодня. Ни один из названных выше компонентов ни Хрущев, ни его наследники не меняли и менять не собираются. Конечно, есть и изменения, но они касаются не содержания элементов (компонентов) системы, а их форм, не замещения элементов, а их перемещения, не изменения субстанции режима, а модернизации методов его правления.

Весь корпус режима, основанный на точных установках коммунистической идеологии и доктрины, остается в неприкосновенности, как и раньше, но вводятся два существенных «перемещения» элементов: по Ленину, власть служит инструментом идеологии, по Сталину и его преемникам, — наоборот, идеология служит инструментом власти. Это как раз и было результатом банкротства на русской земле коммунизма как формы гармоничного безгосударственного социального общежития. Цель обанкротилась, но осталось средство — власть. Вот эта власть и сделалась целью и самоцелью. В аппарате власти тоже произошло перемещение элементов: у Сталина — политическая полиция поставлена не только над государством, но и над партией, а террор носит групповой превентивный характер, у его наследников — партия (партаппарат) поставлена над политической полицией, а террор стал индивидуальным и применяется только за практическое проявление несогласия с режимом. Полиция перестала быть всемогущей, но государство не перестало быть полицейским. Поскольку как природа режима, так и его главные материальные и духовные компоненты, хотя бы и модернизированные и «перемещенные»

в рамках той же системы, остаются в силе, то всегда открытой остается и возможность рецидива классического сталинизма.

2

Состояние сегодняшнего советского общества характеризуется прогрессирующими, порою глубокими социологическими изменениями в структуре и культуре советского общества, с одной стороны, и все возрастающими усилиями аппарата власти не выпускать из-под своего контроля происходящие процессы — с другой. Новое советское общество не только по социальному положению, но и физически более чем на три четверти составляют люди, родившиеся и выросшие в условиях сталинского режима. Форсированная индустриализация и растущая на ее основе урбанизация населения, принудительная коллективизация сельского хозяйства вместе с механизацией, систематически убивая то, что Маркс называл «деревенским идиотизмом», а Ленин — всероссийской «обломовщиной», сопровождалась одновременно и широкой культурно-технической революцией в стране. Эта вторая социально-индустриальная революция коммунистов создала новое гражданское общество и нового гражданина: по паспорту советского, но по содержанию — отличного как от коммунистического идеала, так и от дореволюционного малограмотного русского рабочего и неграмотного русского мужика.

Ленин был совершенно прав, когда говорил, что человек неграмотный стоит вне политики. Тем легче удалось большевикам захватить власть над этим дореволюционным неграмотным человеком, тем легче было Сталину им управлять, пока неграмотный человек все еще учился. Но советское общество начала 50-х годов, да еще с его новым поколением победителей в минувшей Отечественной войне, было общество грамотное, требовательное, напористое. Новый, грамотный человек обеими ногами стоит в политике, с явными претензиями на соучастие в делании политики, если не на верхах, то в собственном окружении и в отношении собственных нужд. Сталин вовремя почувствовал опасность, и «заговор врачей» был, собственно, псевдонимом заговора Сталина против нового общества и новых граждан с действительными или потенциальными претензиями. Сталин готовил вторую «ежовщину», но не успел. Наследники Сталина решили, что разумнее идти навстречу требованиям и чаяниям нового общества: объявление сталинизма чужеродным явлением в организме партии («культ личности»), осуждение сталинских преступлений, курс на поднятие жизненного стандарта народа, курс на «сосуществование» с внешним миром, — все это было далеко не добровольными уступками Кремля в ответ на явное и скрытое давление народа.

3

В связи с изменениями в социальной структуре советского общества (и на их основе) происходило социальное перерождение самой партии. Из партии людей физического труда (по Ленину) она стала постепенно партией людей интеллектуального труда. Вчерашняя партия рабочего класса превратилась в партию бюрократической элиты. С точки зрения идеологии от этого партия проиграла, но с точки зрения деловой она выиграла. Весь политически мыслящий и государственно амбициозный слой советского общества объединился в партии. У вступающих в партию интеллектуалов лишь один ведущий мотив — делать карьеру, ибо вашему месту на ступеньках пирамиды власти прямо пропорциональна и высота вашего жизненного стандарта. Но сама бюрократическая элита, составляющая в общей сложности около 6 миллионов, или почти половину всей партии (остальные — «народный» фасад партии в лице рабочей и колхозной аристократии или так называемых передовиков производства), является более или менее однородной массой лишь в социальном отношении, но в правовом отношении ее можно разделить на две категории: 1) ведущая и командующая бюрократия — профессиональные партаппаратчики («партия в партии»); 2) вся остальная служилая, ведомственная бюрократия. Сама служилая, ведомственная бюрократия может быть разбита на ряд «социально-деловых групп»: генералитет армии, хозяйственная бюрократия, профсоюзная бюрократия, ученое сословие, техническая интеллигенция, административно-советская бюрократия, полицейский корпус, творческая интеллигенция.

Эти «новые классы», или «социально-деловые группы», не будучи как по происхождению, так и по идеологии чуждыми или враждебными для режима силами, требуют от «ведущей и направляющей силы» — аппарата КПСС — признания своего права на соучастие во власти. Да, партия, как и при Ленине, как и при Сталине и Хрущеве, не может делить власть с другими партиями, но партаппарат логикой развития может быть поставлен перед необходимостью делить свою власть с партией, то есть с «социально-деловыми группами» изнутри самой партии, которые — каждая в своей сфере — как бы являются «партиями» («партии внутри партии»). Партаппарат сам создал и эти группы, и это советское общество, но в своей самоуверенности в отношении незыблемости своей монополии на власть он не учел опасности: созданные им силы явно начинают превосходить возможность его контроля и управления не только физически, количественно, но и духовно, качественно. Таким образом, само высшее советское общество в лице «социально-деловых групп» начинает оказывать обратное влияние на «ведущую и направляющую силу» — на партаппарат — в той же мере, в какой жизнь выдвигает новые ситуации и новые задачи.

4

Все это приводит к тому, что монолит власти расшатывается. Расшатывается сама вера не только в его непогрешимость, но и в его правомерность и исключительность. Этим монолитом до сих пор был партаппарат. Он же был и монофактором власти. Стало быть, теперь впервые мы присутствуем при явно обозначаемом (но еще не оформленном) феномене: тенденции к образованию плюрализма факторов власти — партаппарат, с одной стороны, и вышеназванные «социально-деловые группы» — с другой. В отличие от сталинских времен, эти «социально-деловые группы» не хотят быть более объектами политики, а хотят быть ее субъектами. Они все смелее и смелее начинают, каждая группа в своей области, посягать на монополию власти партаппаратчиков. Особенность текущего этапа как раз и заключается в том, что идет скрытая и упорная борьба между партаппаратом (за охранение своей монополии власти) и этими группами (впрочем, весьма схожими, но не идентичными, с американскими «прешер группами») за легальное право участия в этой власти. Уже в самой партии количественное и качественное соотношение между группой партаппаратчиков и этими «социально-деловыми группами» таково, что партаппаратчикам с каждым днем становится все труднее и труднее выдерживать их напор: 300 тысяч партаппаратчиков противостоят более чем шести миллионам представителей интеллектуального труда из самой партии. Эти «социально-деловые группы», собственно, и есть партия, власть которой узурпировали партаппаратчики. Причем надо указать и на другое важное обстоятельство: сам партаппарат, хотя он и рекрутируется из среды этих же групп, но не из самых лучших их представителей, с точки зрения деловых качеств, а из политических карьеристов.

Невероятно усложнившаяся технология власти гигантского государства, которому приходится решать проблемы большой мировой политики наряду с бесчисленными внутренними проблемами вплоть до производства иголок, предъявляет теперь к партаппаратчикам такие высокие политические и деловые требования в области руководства, что они против собственной воли все чаще и чаще начинают «советоваться» не только с партией, но и с народом. Это обстоятельство как раз наносит удар тому священному принципу партаппарата, согласно которому партаппарат претендовал не только на монополию власти, но и на монополию мудрости. Вместе с тем во главе советской России за все время ее истории еще не стояли люди с такой ограниченной политической фантазией и с таким паническим страхом перед большими политическими решениями, как сегодня.

На высшем уровне руководства идет не только групповая борьба за власть (она всегда будет продолжаться, пока не появится новый диктатор), но, самое главное, все доступные нашему наблюдению признаки говорят за то, что борьба на этот раз идет не просто за власть, а за реорганизацию структуры, механизма власти как прямой результат все возрастающего давления вышеназванных «социально-деловых групп». Некоторые из этих групп сыграли выдающуюся роль при свержении Хрущева (армия), другие сыграли не менее выдающуюся роль при реабилитации капиталистических категорий в советской промышленности в виде сентябрьских реформ 1965

года (хозяйственники, техническая интеллигенция), третьи организованным напором предупредили реабилитацию Сталина на XXIII съезде (ученое сословие, творческая интеллигенция), четвертые добиваются даже восстановления советской власти в Советском Союзе (инакомыслящие). Конечно, ни одна из этих групп не является антисоветской. И все их требования бьют в двуединую цель: во-первых, лишить партаппарат его исторически сложившегося исключительного положения «партии в партии», поставив его под контроль партии; во-вторых, легализовать собственное право на соучастие как в общей политике на высшем уровне, так и отраслевой политике в сфере действия каждой из «социально-деловых групп».

5

Если вышеприведенный анализ состояния партии и советского общества хотя бы приблизительно правилен, то каков отсюда вывод? Другими словами, куда идет в своем внутреннем политическом развитии Советский Союз? Многие западные эксперты пророчат в области экономики «конвергенцию» (схождение) советского индустриального общества с западным на какой-то будущей стадии развития по единой «индустриальной модели». Можно ли эту гипотезу распространять и на политическое развитие СССР? Говоря точнее: идет ли СССР к деформации режима?

При любом ответе на этот вопрос надо принять во внимание исторический опыт: новая форма правления, как правило, появляется в результате революции снизу, как исключение — в результате революции сверху. Административные и хозяйственные реформы лишь модернизируют существующий режим, но не меняют его природы. Единственный тип реформ, который может оказаться в перспективе смертельным для тоталитарного режима, — это допущение свободы духовного творчества. Вот как раз этой реформы Кремль категорически не желает дать стране. Однако одно дело — субъективная воля Кремля («субъективизм» и «волютаризм!»), но другое дело — его объективные возможности и объективные условия. Если взять только один данный вопрос — вопрос о духовных свободах, то партаппаратчиков до конца поддерживает из «социально-деловых групп» только чекистский корпус, а ученая корпорация, техническая интеллигенция и творческая интеллигенция добиваются этих свобод, тогда как позиция групп (генералитет, хозяйственная бюрократия, советская бюрократия) более или менее нейтральна.

Но, как указывалось выше, проблема самим советским развитием поставлена шире, чем частный, хотя и исключительно важный, вопрос о духовных свободах: либо идти по старому, испытанному, до сих пор успешному пути диктатуры иерархии партаппаратчиков, либо, учитывая сложившиеся объективно условия, признать необходимость и неизбежность соучастия во власти представителей всех «социально-деловых групп». Партаппарат, игнорирующий или саботирующий такое развитие, лишь провоцирующе действует на рост центробежных плюралистических сил. Это именно и ставит по-новому ту судьбоносную проблему, которая совершенно отсутствовала при личной диктатуре, — проблему отношений между партаппаратом и партией, с одной стороны, между партией и государством — с другой. При личной диктатуре эти отношения ясны и просты. Диктатор управляет партаппаратом, партаппарат управляет партией, а партия — государством. Советское государство было превращено (скажем это, пользуясь терминологией «Коммунистического манифеста») просто в технический комитет, заведующий делами партии. «Социально-деловые группы», борясь за свое равноправие с партбюрократией в партии и полноправие в сфере своих действий в государстве, борются в то же самое время и за эмансипацию советского государства. Они хотят вернуть государству — государственное, партии — партийное. Странность положения заключается еще в том, что, согласно основному закону КПСС («Устав КПСС»), партаппарат — лишь исполнительный орган партии точно так же, как, согласно основному закону советского государства («Конституция СССР»), высшая законодательная власть в СССР принадлежит не партаппарату, даже не партии, а Верховному Совету СССР, формально избираемому всем народом. Отсюда вытекает, что стремления и чаяния «социально-деловых групп» не только вызываются социально-политическим развитием в партии и государстве, но они и вполне легальны, так как опираются на существующие основные законы.

В числе причин, способствующих общему развитию в таком направлении, надо

указать еще на продолжающийся структурный кризис высшего руководства. После разоблачения методов «культы личности» Сталина и «волюнтаризма» Хрущева Кремль ввел так называемые «ленинские нормы» коллективности в руководстве. Будучи сами по себе весьма серьезной брешью в системе всевластия партаппарата, они означают вместе с тем и первый допуск «социально-деловых групп» к ограниченному и условному соучастию во власти. Однако это создает на самой вершине пирамиды власти совершенно парадоксальное для диктаторского режима положение — безвластие его исполнительной власти. Мы только констатируем фактическое положение, если скажем: генеральный секретарь Брежнев, премьер Косыгин и президент Подгорный, вместе взятые, имеют меньше исполнительной власти, чем президент в США или премьер в Англии.

Западные конституции проводят ясные границы между прерогативами законодательной и исполнительной власти с точным указанием рамок прав и обязанностей глав государств и правительств. Советская конституция и Устав партии говорят о правах и обязанностях только органов власти, сознательно игнорируя права и обязанности их возглавителей. Отсюда — введение «ленинских норм» коллективности в руководстве на высшем уровне означает, что Брежнев, Косыгин и Подгорный в каждом отдельном случае проводят в жизнь только те коллективные решения, которые по каждому отдельному вопросу принимает заседание Политбюро.

Ненормальность положения и слабость советской исполнительной власти наглядно видна уже из того факта, что если при голосовании в Политбюро (15 человек) совместное предложение Брежнева, Косыгина и Подгорного будет отвергнуто большинством хотя бы в один голос, то ЦК КПСС, Совет министров СССР и Президиум Верховного Совета СССР лишены легальной возможности предпринимать какое-либо дальнейшее действие по данному вопросу, ибо большинство в один голос в Политбюро означает вето законодательной власти, обрекающее исполнительную власть на бездействие. Поэтому-то на нынешнем режиме лежит явный отпечаток бесцветных личностей «коллективного руководства», не обладающего инициативой для постановки больших внутренних и внешних проблем, не способного принимать по ним надлежащих решений, лишенного яркого волевого вождя. Самая сильная диктатура в истории имеет самую слабую исполнительную власть.

Выход? Либо новый и сильный диктатор на вершине власти, либо распространение принципа демократии с Политбюро на всю партию. Первого боится партия, второго не допускает партаппарат. Сейчас борьба идет вокруг решения этой альтернативы. Если бы она была решена в пользу партии, то это и могло бы быть прелюдией к демократизации советского общества и государства.

1967 г.

III. От Хрущева к Брежневу: проблемы и трудности коллективного руководства

1.

Как теоретические расчеты, так и исторический опыт самой партии говорили за то, что коллегиальность в руководстве при режиме диктатуры — явление противоестественное, а потому — временное. Логика вещей подсказывала, что на место коллегии диктаторов придет единоличный диктатор. Между тем коллективная диктатура, называемая коллективным руководством, существует, причем существует не как пропагандная фикция, а как реальность. Этот феномен имеет свои специфические причины. Важно отметить некоторые из них.

Коллективное руководство образовалось на основе отрицания и осуждения двух, следовавших один за другим режимов личной диктатуры — Сталина и Хрущева. Оба эти режима, хотя и в разной степени, были основаны на произволе, жертвой которого становились не только простые смертные, но и ведущие представители самих партаппаратчиков. Чтобы в дальнейшем избежать этого, новое руководство провозгласило так называемые ленинские принципы партийного руководства, согласно которым высшая исполнительная власть партии (Секретариат ЦК и генеральный секретарь) проводит в жизнь только те решения, которые приняты

большинством членов партийной законодательной власти (Политбюро ЦК), если даже против этого решения голосовали сами главы партии (Брежнев), правительства (Косыгин), государства (Подгорный). Так как Устав партии не знает права вето глав исполнительной власти или партийного арбитража при разногласии ее с законодательной властью (кроме апелляции к пленуму ЦК или съезду, что равнозначно расколу или даже перевороту), то майоризирование исполнительной власти со стороны рядового большинства Политбюро не только предупреждает произвол Секретариата ЦК, но одновременно парализует его текущую работу. Вместо былого незаконного произвола Секретариата получается теперь вполне законный произвол Политбюро. Такова одна причина.

Другую причину длительности существования коллективного руководства надо искать в его бесцветности. Члены коллективного руководства — это вчерашние руководители провинций. Они десятилетиями думали масштабами провинции и умом своих начальников из центра, а сегодня они оказались, более или менее случайно (таких, как они, в КПСС тысячи, если не десятки тысяч), во главе мировой державы с ее гигантскими проблемами. Они похожи друг на друга не только своей бесцветностью, но и своей безамбициозностью. Совершенно очевидно, что будущий единоличный диктатор в этом коллективе не находится.

Третья причина долголетия коллективного руководства лежит в его бездействии и как результат этого — в его беспримерном в истории режиме бесплодия. Никогда, пожалуй, перед СССР не стояло такое количество сложнейших внутренних и внешних проблем, как сегодня. Но коллективное руководство продлевает свою жизнь тем, что не решает их. Если оно в конце концов погибнет, то не из-за действия, а из-за бездействия.

Из внешнеполитических причин, способствовавших стабилизации коллективного руководства, надо указать хотя бы на две. Западная политика никаких «голомомных» проблем перед советской внешней политикой не ставила и не ставит. Скорее наоборот. Исходя из сомнительной теории выбора «меньшего зла» (Москва или Пекин) и из ложных предпосылок о якобы происходящем перерождении советского коммунизма, западная политика выдвинула программу умиротворения и конвергенции с Кремлем. Консолидации коллективного руководства значительно помог и Пекин. Яростная антисоветская кампания коммунистической партии Китая против «хрущевской клики без Хрущева» порой принимала форму явно антирусского, реваншистского похода. Китайские «культурные революционеры» на границах своих бывших земель от Владивостока до Алма-Аты бряцали не только «цитатниками» Мао, но и настоящим оружием. В вопросе китайской опасности интересы коллективного руководства, партии и страны оказались идентичными.

Нынешнее коллективное руководство не только бесцветно в политике, безынициативно в работе, нерешительно в действиях, но и бесперспективно физически. Средний возраст членов Политбюро, с которыми Ленин совершил Октябрьскую революцию, был 35 лет, только Ленину было 47 лет. Членам Политбюро, с которыми Сталин начал свою эру, было в среднем немного более 40 лет, самому Сталину было 50 лет. Средний возраст членов нынешнего брежневского Политбюро — 61 год, а самому Брежневу — 62 года. Люди в этом возрасте революций не делают и чудес в политике не совершают.

2

Один из самых распространенных предрассудков нашего времени — это утверждение, что со времени Хрущева в СССР началась эволюция, перерождение режима. Да, Хрущев уничтожил культ личности Сталина, но он не уничтожил и не собирался уничтожать то, что было первопричиной всех культов, — систему партийно-полицейской власти. Ведь культ Сталина был лишь внешней персонификацией этой постоянной системы власти. Поэтому через ряд либеральных реформ и неосталинистских рецидивов Хрущев самой природой власти оказывался вынужденным вернуться к тому же «культу личности», с уничтожения которого он начал свою новую карьеру, на этот раз — уже к собственному культу. Разница между двумя культами была не в принципе, а в методах. Новое руководство Брежнева — Косыгина, в свою очередь, осудив культ личности Хрущева самым оригинальным способом (тотальным умолчанием его имени), усиленно пропагандирует культ коллективного

руководства — культ Политбюро. Но, в отличие от Хрущева, коллективное руководство хорошо поняло, что просто противоестественно проклинать культ вообще и Сталина в частности, будучи вынужденным управлять именно по-сталински, хотя и без сталинских крайностей. Ведь что такое сталинизм как политическое учение? Сталинизм — это одновременно и наука и искусство о постоянных принципах управления однопартийной диктатурой и меняющихся методах управления партией и народом. Принципы диктатуры — постоянны, методы диктатуры подвержены изменениям — от кровавых чисток при Сталине до узаконенного беззакония при новом коллективном руководстве (суды над инакомыслящими, психотюрьмы). Таким образом, в сущности своей режим остается неприкосновенным.

Сталинская диктатура представляла коммунистический режим, так сказать, в его чистом, классическом виде. Поэтому весьма просто и ясно можно было проследить взаимосвязь и взаимодействие ее главных элементов. Таких элементов было два: ведущая и направляющая сила — политическая полиция, вспомогательная сила — партия, при массовом терроре против эвентуальных врагов народа.

Вся заслуга Хрущева перед историей и сущность его борьбы против культа личности Сталина заключались только в одном: он перевернул эту формулу властвования; иерархия партаппаратчиков стала ведущей силой, политическая полиция — вспомогательной силой, а террор перестал быть массовым. От всего этого, конечно, хрущевский, как и нынешний, режим не перестал быть полицейским, но полиция перестала быть всемогущей. Однако психологический выигрыш был колоссальным — нуждающийся в иллюзии внешний мир стал говорить о перерождении коммунизма. Но как раз свержение Хрущева показало, что существующий в СССР политический режим может существовать только как сталинский режим или он вовсе погибнет. Ленин успел лишь заложить основы диктатуры, но у него оставалось много марксистских утопических идей — вплоть до утверждения, что весь период «диктатуры пролетариата» от капитализма к социализму есть период медленного, но стремительного процесса самоликвидации диктатуры и государства вообще («Государство и революция») и что уже после ликвидации старых эксплуататорских классов в советской России автоматически снимется всякое ограничение гражданских прав и политических свобод («Программа партии» 1919 г.). Вот в этом кардинальном вопросе перспективы власти, ее объема, ее широты и глубины Сталин подверг открытой ривизии и Маркса и Ленина (январский пленум ЦК 1933 г., XVIII съезд партии 1939 г.). Сталин выдвинул «диалектический» тезис, который стал руководящей идеей коммунистического тоталитаризма, а именно: к отмиранию государства СССР придет не через ослабление органов диктатуры, а через их максимальное усиление. Это, собственно, и была новая глава в учении марксизма-ленинизма, связанная с именем Сталина. Не требуется много воображения, чтобы представить себе, что случилось бы с режимом, если бы Хрущев или кто-либо другой вздумал отказаться в этом судьбоносном вопросе от теории и практики Сталина и вернуться к теории (отмирание диктатуры) и к предполагаемой практике (снятие ограничения свобод) Ленина.

Объективная тенденция «волютаризма» Хрущева с его бесцеремонной расправой с именем Сталина грозила подрывом устоев, на которых держится режим. В окружении Хрущева начали думать, что логическим концом правления Хрущева может оказаться гибель режима. Не ненависть к Хрущеву, не любовь к Сталину, а инстинкт самосохранения подсказал хрущевцам бунт против Хрущева.

Нынешнее, второе коллективное руководство — это второе, ухудшенное издание первого, послесталинского коллективного руководства. По тем же причинам, по которым нынешнее, второе коллективное руководство реабилитировало имя Сталина, первое коллективное руководство сопротивлялось курсу Хрущева на разоблачение Сталина. Конечно, в Кремле знают, что после XX и XXII съездов невозможно управлять страной от имени Сталина, но знают и другое: чтобы управлять по-сталински, вовсе не надо апеллировать к его имени.

С внешней стороны как будто трудно провести грань между хрущевским и послехрущевским режимом. Пекин даже называет этот режим хрущевским без Хрущева. Однако при ближайшем анализе практики коллективного руководства выясняется довольно существенная разница. Она складывается из следующих элементов внутренней и внешней политики: во внутренней политике: 1) условная реабилитация Сталина; 2) новое осуждение антисталинских оппозиций — троцкистов, зино-

вьевцев и бухаринцев; 3) открытая реабилитация в духовной жизни методов ждановщины; 4) отмена решения XXII съезда о введении нормированного принципа систематического обновления партаппаратчиков сверху донизу; 5) восстановление сталинского принципа централизации; 6) восстановление примата развития военной индустрии и приоритета финансирования вооруженных сил. Во внешней политике: 1) революционизирование формулы «сосуществования» (вместо хрущевской одночленной формулы «мирное сосуществование — генеральная линия советской внешней политики» введена «пятичленная» формула, в которой элементами «генеральной линии» во внешней политике объявлены: а) оборона и единство социалистического лагеря; б) помощь мировому коммунистическому движению; в) помощь национально-освободительному движению; г) борьба с империализмом и колониализмом; д) мирное сосуществование как непримиримая классовая борьба идеологий); 2) эскалация военно-материальной интервенции в страны войн, восстаний, революций (Вьетнам, Куба, Ближний Восток), чтобы получить там политическое преобладание; 3) форсирование фактического раскола в мировом коммунистическом движении против Пекина, чтобы закрепить за Москвой роль центра мирового коммунизма; 4) перенесение в идеологической работе партии акцента от формулы «коммунизм в нашей стране» на формулу мировой революции (член Политбюро В. Гришин: «Наша партия свято выполняет наказ Ленина: добиваться максимума осуществимого в одной стране для продвижения и развития дела мировой социалистической революции». — «Правда», 23 апреля 1968 г.).

3

За внешним фасадом гармонии и благополучия в Кремле на деле происходит борьба двух явно выраженных во всей советской политике тенденций: неосталинистской, ортодоксальной, и «ревизионистской», реформаторской.

При нынешнем состоянии нашей информации отнести тех или иных членов коллективного руководства к той или иной из этих тенденций можно, конечно, лишь весьма условно. И все-таки, руководствуясь рядом критериев и косвенных данных как из прошлой карьеры, так и из текущей практики каждого из членов Политбюро, можно с большой степенью вероятности предположить, что неосталинистскую тенденцию возглавляют Сулов и Брежнев, а реформаторскую — Косыгин и Подгорный. Бросающееся здесь в глаза деление «великой четверки» на партаппаратчиков (Сулов, Брежнев) и госаппаратчиков (Косыгин, Подгорный) отнюдь не случайно. Догматики и ортодоксы сидят в партаппарате, а реформаторы и прагматики — в государственном и хозяйственном аппарате. Борьба этих двух тенденций, собственно, и есть борьба между ортодоксальными догматиками из партаппарата и прагматическими реформаторами из государственного аппарата. При жизни Сталина такая борьба «за сферы влияния» исключалась не только личной унией власти партийной и государственной, но и властной натурой самого Сталина. Когда такая борьба впервые началась при Хрущеве, то Хрущев решил прибегнуть к сталинскому принципу личной унии. Первый секретарь партии стал главой правительства. Но борьба продолжалась с переменным успехом для ее участников, пока дело не кончилось новым разделением «сфер влияния»: после свержения Хрущева, так же как и после смерти Сталина, правительственная власть (председатель Совета министров) была отделена от партийной (генеральный секретарь ЦК). Так не только предупреждалась возможность диктатуры одного человека (это было, конечно, решающей причиной), но это был и шаг навстречу тем, кто добивался эмансипации государственного аппарата от партийного.

Однако в основе борьбы двух рассматриваемых тенденций лежат не эти «ведомственные» споры. В широком смысле слова представители обеих тенденций — партаппаратчики, а их ведомственные выступления лишь отражают специфические и постоянные противоречия двух аппаратов. Вчерашний партаппаратчик, сделавшись сегодня госаппаратчиком, переносит сюда и свои суверенные методы партийного повелителя, что его приводит к столкновению с его младшими коллегами, которые остались в партаппарате и которые, по характеру системы, должны по-прежнему давать «руководящие указания» даже ему, вчерашнему старому партаппаратчику.

Борьба этих двух тенденций — явление более глубокое, отражающее

качественно новый этап в социологическом развитии советского общества. Создается такое положение, когда известное утверждение Маркса из предисловия «К критике политической экономии» может оказаться пророчеством как раз применительно к советскому обществу: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из формы развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (1949, стр. 7). Не приходится отрицать, что советский тип производственных отношений в начальный период развития советского общества способствовал развертыванию величайшей индустриальной и научно-технической революции. Но эта революция, переходя в новую, более высокую фазу своего развития, вступила в противоречие с создавшими ее производственными отношениями (партия, план, контроль), более того, она сама уже создала новые плюралистические силы, новые социальные классы (бюрократия, техническая интеллигенция, ученая корпорация, творческая элита), которым стало не только тягостно под старым планом и контролем, но и тесно в рамках старой догматической партии.

Хрущев хотел разрешить создавшееся противоречие в экономике бюрократическим путем — отсюда целая серия его ведомственных реорганизаций. Практика показала тщетность всех попыток вывести советскую экономику из тупика бюрократическими мерами. Наследники Хрущева подошли к делу с другого, более разумного конца. Они верно поставили диагноз: болезнь советской экономики, при которой 50% промышленных предприятий работает нерентабельно, — это болезнь социально-структурного порядка. Поэтому и лечение должно быть соответствующее. Отсюда — условная реабилитация стоимостных рычагов (прибыль) и рыночных категорий (цена, премии, кредит) в советской экономике. Убыточно работало большинство совхозов, нерентабельно — большинство колхозов. Поэтому партия приняла ряд постановлений, по которым принципы промышленной реформы распространяются на сельское хозяйство.

Поскольку реформы не только носят вынужденный характер. (председатель Госплана СССР Байбаков так и заявил: «Отчасти можно согласиться, что реформа носит вынужденный характер». — Ежегодник БСЭ, 1967, стр. 26), но и половинчаты и непоследовательны, они лишь смягчают действия, а не ликвидируют постоянные причины структурного кризиса советской экономики. Централизованное бюрократическое планирование и догматические постулаты социалистического хозяйствования становятся оковами дальнейшего успешного развития народного хозяйства СССР. Конечно, от этого состояния до «эпохи социальной революции» еще, может быть, далеко, но одно несомненно: логикой дальнейшего развития структурного кризиса, с одной стороны, и под угрозой проиграть пресловутое соревнование «двух систем», с другой, Кремль в конце концов будет поставлен перед сложной дилеммой: либо держаться и дальше нынешней системы и тогда рисковать потерей темпов развития и дальнейшим углублением кризиса, либо окончательно освободить народное хозяйство от догматических оков, получив в результате шансы на то, чтобы стать действительно серьезным противником Запада на международной экономической арене.

Особенно остро стоит эта дилемма в области развития сельского хозяйства. В Кремле с каждым днем все более начинает брать верх точка зрения, что причина перманентного кризиса недопроизводства сельскохозяйственной продукции — не бюрократического или даже не агротехнического порядка, как это думал Хрущев, а порядка социально-структурного. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 16 мая 1966 года о сельском хозяйстве доказывает это. «Кооперативный план» Ленина, по этому постановлению, начинает принимать форму «огосударствления колхозов» с гарантированной денежной зарплатой, страхованием, пенсией и даже перспективой принятия колхозников в члены профсоюзов (см. статью Д. Полянского — «Коммунист», № 15, 1967). Все это значительно меняет содержание сталинских колхозов, оставляя в неприкосновенности их форму.

В отличие от нынешних руководителей Кремля Хрущев все-таки имел волю к решению. «Волонтаризм» и «субъективизм» его сказывался как раз в бесконечных, порою противоречащих друг другу мероприятиях в поисках решений острых проблем. Он их решал, но не разрешал. Но их не разрешили и люди, свергнувшие его.

Разьедаемые внутренними противоречиями по вопросу о методах и путях собственной экономической политики, члены коллективного руководства вообще перестали что-либо менять. Две тенденции, пожалуй, даже две точки зрения — догматическая и реформаторская — в определении и установлении перспективной хозяйственной политики не находят себе компромиссного решения. Отсюда — вечное откладывание вопросов, по которым не могут достигнуть единодушия, по принципу — «спорных вопросов не решать».

4

Если мы перейдем из области общей политики к идеологии, то тут мы видим, что в последнее время ортодоксальная неосталинистская линия в руководстве явно взяла верх. Во многом объясняется это тем, что Хрущев во время чистки ЦК от соратников Сталина («антипартийная группа») оставил в неприкосновенности весь сталинский идеологический штаб ЦК во главе с Сусловым. Все его ведущие кадры, ловко приспособившись к «антикультовской» политике Хрущева, остались на своих постах как в ЦК, так и в главных идеологических учреждениях партии. Остались с тем, чтобы выйти на сцену, когда придет их время. Вот сегодня оно и пришло. Собственно, и приход этого времени организовали они сами. Пустив в ход все идеологические рычаги и пользуясь теоретической беспомощностью членов коллективного руководства, вчерашние ученики Сталина из штаба Суслова создали новую концепцию о Сталине. Согласно этой концепции, оказывается, вообще не было «периода культа личности». Сталин вовсе не был преступником, а всегда был ленинцем, который допустил некоторые нарушения советской законности. Его теоретические труды — вполне марксистские, и его роль во второй мировой войне — выше всякой критики. XX и XXII съезды перегнули палку в оценке Сталина из-за «субъективизма» Хрущева. В свете этой новой концепции советская пресса, видно, получила указание прекратить критику Сталина. Отныне разрешается пользоваться его произведениями, цитировать их в положительном плане.

Так оформилась неосталинистская линия на всем идеологическом фронте. Отдельных советских писателей и интеллектуалов, которые противились неосталинизму, подвергли преследованию (академик Сахаров, Солженицын, Якир, Литвинов), исключению из партии (проф. Некрич) или даже заключили в психотюрьмы (генерал Петр Григоренко, Тарсис, Есенин-Вольпин). С интеллектуальной оппозицией разговаривают уже не на совещаниях в ЦК КПСС, как при Хрущеве; а в кабинетах следователей КГБ и залах закрытых судов, инсценируемых по чисто сталинским рецептам (Синявский, Даниэль и др.). Тем не менее нет основания считать эту господствующую неосталинистскую линию единодушной линией всего коллективного руководства.

Вполне единодушные в вопросах сохранения и укрепления существующего режима, члены коллективного руководства могут иметь, как это часто бывало в истории данной партии, разные мнения о путях и методах достижения этой цели. Этим, вероятно, и объясняется, что победившая неосталинистская линия все еще не решается перейти в развернутое наступление на интеллектуальную оппозицию при помощи массовых чисток, хотя с каждым днем растут права, завоеванные интеллектуальной оппозицией в явочном порядке. К таким правам относятся: право не соглашаться с партией, право не признаваться на политических процессах, право на «самиздат», право составлять коллективные протесты с критикой официальной линии, право апеллировать к загранице, право слушать заграничные радиопередачи. В сталинское время каждое из этих «прав» считалось криминальным и за их осуществление наказывали. Конечно, власть старается предупредить подобные действия, но «явочные права» постепенно делаются «обычными правами» советских граждан. Круг таких прав будет расширяться. Их подтачивающие устои режима действия окажутся грозными.

Несмотря на очевидную победу неосталинизма в идеологии, все же до апрельского пленума ЦК (1968 г.) идеологическая линия Кремля не была ясной, последовательной и единой. Тут тоже обнаруживалась двойственность. Весь вопрос только в том, в какой мере эта двойственность отражала внутреннее состояние коллективного руководства, была ли она результатом двух тенденций и в области идеологии или мы имели дело с сознательной эклектической политикой «и вашим и нашим».

Поясним сказанное на двух типичных примерах как раз из области идеологии. 27 января 1967 года «Правда» напечатала известную редакционную статью под названием «Когда отстают от времени». Статья была посвящена двум журналам: догматическому «Октябрю» и «либеральному» «Новому миру». Указывая на существующее мнение о том, что в художественной периодике эти два органа представляют как бы «два полюса», «Правда» почти в одинаковых словах и одинаковой пропорции критиковала как догматизм «Октября», так и «либерализм» «Нового мира». «Правда» предписывала среднюю линию.

Второй пример. В том же «Октябре» (№ 1, 1968 г.) появилось стихотворение, в котором поэт превозносил культ Сталина, хвалил кинофильм «Падение Берлина» (этот фильм тоже был осужден на XX съезде как яркое проявление культа Сталина).

Главный редактор «Октября» Кочетов — идеологический функционер ЦК. И он знает, что он делает, печатая такие стихи. Но вот другой идеологический функционер ЦК — главный редактор «Литературной газеты» Чаковский — печатает ответ Синельникова «Октябрю»: «Недоумение и протест вызывает это стихотворение. Автор его, вступая в резкое противоречие с реальным течением жизни, запутывает ясные вопросы, по которым сказала свое убедительное слово партия» (20 марта 1968 г.). Заметим, что Кочетов и Чаковский не только идеологические функционеры ЦК, но оба они числятся в твердокаменных догматиках. Вот этой двойственности в идеологической политике партии кладет конец Брежнев в речи от 29 марта 1968 года на Московской городской партийной конференции. В этой речи Брежнев по существу объявил войну всей советской передовой, политически мыслящей интеллигенции. Брежнев заявил: «Буржуазные идеологи надеются еще как-то повлиять на мировоззрение *отдельных групп* советских людей, притупить их классовое сознание... В их сети иногда попадаются люди, падкие на саморекламу, готовые как можно громче заявить о себе, не брезгуя похвалами наших идейных противников» (курсив мой. — А. А.). И Брежнев кончает свою речь угрозой: «Отщепенцы не могут рассчитывать на безнаказанность» («Правда», 30 марта 1968 г.). Через два дня, 2 апреля, «Правда» прокомментировала речь Брежнева следующими знаменательными словами: «Партия всегда решительно выступала как против огульного недоверия, так и против народнических представлений об интеллигенции как единственной *«соли земли»!*» Смысл цитаты совершенно ясен — советская интеллигенция, которой до сих пор пели дифирамбы (см. «Программу партии»), отныне должна знать свое место и не должна думать, что она «соль земли». В то же время в комментарии «Правды» слышны нотки серьезнейшей тревоги. В «Правде» сказано: «В борьбе против социализма его враги прилагают все усилия, чтобы подорвать главную основу нашего общества — союз рабочего класса и крестьянства, *поссорить их с трудовой интеллигенцией*» («Правда», 2 апреля 1968 г., курсив мой. — А. А.).

Кульминацией похода против интеллигенции явился апрельский (1968 г.) пленум ЦК КПСС. Формально пленум был посвящен «Актуальным проблемам международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения» (так назывался доклад Л. Брежнева), но фактически он разбирал внутреннее положение, а именно — положение среди советской интеллигенции. Существование в СССР интеллектуальной оппозиции стало настолько грозным фактором в глазах коллективного руководства, что оно забыло о всяких внутренних распрях и вновь консолидировалось на основе организации борьбы против нее. Судьба Новотного и его клики в Чехословакии показала Кремлю, на что способна интеллигенция, если ее не обуздать вовремя. Поэтому центральный пункт постановления пленума ЦК гласит: «В этих условиях непримиримая борьба с вражеской идеологией, решительное разоблачение происков империализма, коммунистическое воспитание членов КПСС и всех трудящихся, усиление всей идеологической деятельности партии приобретает особое значение, является одной из главнейших обязанностей всех партийных организаций... Вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии, активно выступать против попыток протаскивания в отдельных произведениях литературы, искусства и других произведениях взглядов, чуждых социалистической идеологии советского общества» («Правда», 11 апреля 1968 г.).

Ничего принципиально нового в этом постановлении нет — оно буквально повторяет серии идеологических постановлений Сталина и Жданова после войны. Но принципиально нова сама обстановка, новые условия, новые люди, с которыми

имеет теперь дело Кремль. Ново то, что впервые после двадцатых годов оппозиционные течения появляются внутри самой партии. Ново, наконец, то, что впервые в истории СССР ведущей силой советского общества начинает становиться интеллигенция, явно противопоставляя себя официальной ведущей силе государства — партаппаратчикам.

5

История государственных образований не знает более совершенной машины тиранического властвования, чем советская. Ее управление доведено в своем совершенстве до абсолюта. В ней большевики и открыли тот искомый «перпетуум мобиле», который безотказно работает даже в условиях величайшего общенационального кризиса (гражданская война, вторая мировая война) или политического кризиса среди ее водителей на высшем уровне (оппозиции при Ленине и Сталине, «антипартийная группа» при Хрущеве). Безжалостная по отношению к народу, эта машина беспощадна и к собственным водителям, если те входят в противоречия с законами ее движения (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Берия, Молотов, Маленков, Хрущев). Она может быть модернизирована, но она не способна на деформацию и иммунизирована против эволюции. Всякие предположения, что она может эволюционировать, скажем, в сторону либерализма в правлении, основаны либо на полном непонимании ее конструкции, либо на дезинформации самой машины. Если в советском обществе все же произошли и происходят процессы в сторону либерализма, то они происходят не по воле машины, а вопреки ей. Происходит эволюция общества, а не режима. Режим лишь модернизируется. Модернизуясь, он старается идти навстречу обществу рядом самых неизбежных реформ, но такие реформы не касаются организации, а тем более природы власти.

Самой глубокой и доминирующей чертой развития советского общества и государства становится все растущее противоречие между официальной ведущей силой государства, партаппаратчиками, и неофициальной ведущей силой советского общества — советской интеллигенцией. Объективный ход развития советского индустриального общества, небывалый расцвет науки и техники, революция в управлении (автоматика, кибернетика, электроника) — все это выдвинуло во главу советского общества именно интеллигенцию. Формальная принадлежность большей части этой интеллигенции к партии толковалась раньше как доказательство «ведущей роли» партии и здесь. Но теперь с каждым днем становится ясным, что партаппаратчики желаемое принимают за сущее. В такой же степени растет ведущая роль советской творческой интеллигенции и в области духовной жизни советского общества. Советская интеллигенция, партийная или беспартийная (это лишь формальность), хочет быть тем, чем является интеллигенция в любом обществе, — именно ведущей силой нации, ее совестью, ее учителем. «Иные „творческие деятели“ претендуют на роль учителей народа», — жаловалась по этому поводу газета «Советская Россия» (13 апреля 1968 г.). Вот здесь она и приходит в глубокий конфликт с партаппаратчиками, которые действительно представляли собой ведущую силу, когда не было массовой интеллигенции. Против этой исторической претензии советской интеллигенции Брежнев не нашел аргументов, но зато нашел очередную цитату из Ленина. Брежнев сказал: «Весь опыт нашего строительства подтвердил справедливость слов В. И. Ленина, что «диктатура пролетариата невозможна иначе, как через коммунистическую партию»» («Правда», 30 марта 1968 г.). Хотя Брежнев и поспешил заметить, что у нас сейчас «общенародное государство», но многозначительно при этом прибавил: «...продолжающее дело диктатуры пролетариата». Словом, у нас как была, так и есть диктатура, и интеллигенция этого не должна забывать.

Только в этом конфликте между партией и интеллигенцией кроется причина и того, почему коллективное руководство до сих пор не удосуживается обнародовать проект новой Конституции СССР, над которым работают со времен Хрущева. Заранее было объявлено, что новая Конституция, по сравнению со старой, сталинской, будет Конституцией дальнейшей демократизации жизни советского общества. Политбюро явно отказалось от выполнения этого своего обещания. Причина яснее ясного: дать народу меньше, чем давал сам Сталин, невозможно психологически, но дать ему больше — невозможно политически.

В докладе от имени Политбюро по поводу дня рождения Ленина В. Гришин более или менее откровенно сообщил, что в партии существуют две тенденции: одна — ведущая к умалению роли партии, ликвидации всемогущества партии, другая — наоборот, стремящаяся к усилению бюрократической централизации партии. Линию Политбюро в этом вопросе Гришин изложил так: «Недопустимы как стихийность, безбрежная децентрализация, сведение роли партии до уровня *политико-просветительной организации*, так и бюрократическая централизация, означающая ликвидацию внутрипартийной демократии, подрыв коллективного партийного руководства» («Правда», 23 апреля 1968 г.; курсив мой.— А. А.). Конечно, Гришин не пожелал быть конкретным, он умолчал, в какой среде партии и на каком уровне ее руководства представлены эти две тенденции. Конкретной была его угроза в адрес интеллектуальной оппозиции. Здесь он просто привел слова Ленина: «Мы не обязаны идти рука об руку с активными проводниками взглядов, отвергаемых большинством партии» («Правда», 23 апреля 1968 г.). Он добавил: «В нерушимой идейной и *организационной* сплоченности партии — источник ее непобедимости» (там же; курсив мой — А. А.).

Из этого, конечно, нельзя делать вывод, что коллективное руководство переживает кризис единства, но можно и нужно делать другой вывод: партия переживает кризис идейного единства, а коллективное руководство — кризис доверия к его способности решить насущные проблемы страны.

1968 г.

IV. Проблемы смены и преемственности в кремлевском руководстве

Если не произойдет чрезвычайных событий, то в следующее десятилетие к власти в высшем и среднем партаппарате придет третье поколение большевизма, состоящее в основном из людей, вступивших в партию после смерти Сталина. Насколько вопрос смены поколений в аппарате КПСС уже сейчас становится актуальным, показывают следующие данные о возрастной динамике как самой партии, так и ее высшего органа — ЦК КПСС по состоянию на 1966—1967 гг.:

	в партии	в ЦК	в Политбюро
Коммунистов старше 50 лет, %	22,9	50,6	100,0
Коммунистов до 40 лет, %	77,1	11,1	00,0

Источники: «Ежегодник БСЭ», 1966, стр. 574—621; журнал «Партийная жизнь», № 9, 1967, стр. 15.

Вывод из этих данных совершенно очевиден: молодая партия и старческий ЦК.

Так как партаппаратчик, в отличие от государственного чиновника, не знает отставки из-за пенсионного возраста, то диспропорция между стариками и молодыми в их представительстве в ЦК имеет тенденцию увеличиваться в пользу стариков. Этот вывод в такой же мере относится и к руководству обкомов, крайкомов и центральных комитетов партий союзных республик, где средний возраст секретарей — 50—60 лет. Но в середине и к концу 70-х годов уже в силу естественных законов природы к власти придет названное третье поколение. Этому поколению предстоит дать окончательный ответ на кардинальные вопросы своего времени: по какому пути пойдет дальнейшее развитие СССР? В какой мере будет обеспечена преемственность политики, идеологии, власти? Возможны ли отклонения от прошлого исторического пути партии?

Методологически важно отметить, что, говоря о смене большевистских поколений и преемственности коммунистической власти, мы не можем оперировать обычными критериями и законами, свойственными открытому обществу и демократической форме правления. Индивидуальные качества кандидатов в представители власти, которые в западных демократических партиях играют решающую роль из-за свободы соревнования талантов и свободы выбора самой партии, в КПСС имеет только та личность, которая способна перестать быть собой во имя общей партийной машины, слиться с нею с тем, чтобы потом выступать как коллективная личность. Отсюда — большевизм выработал свои собственные партийные нормы и непреложные партийные принципы, которых строго придерживается партаппарат даже при необычной смене власти (ежовщина, переворот Хрущева в 1957 году,

переворот против Хрущева в 1964 году). Чтобы понять специфику как фиксированных законов, так и традиционных норм партии, соблюдаемых при смене партруководства, нужно обратиться к истории самого вопроса. Это поможет нам свести к минимуму и возможные ошибки при прогнозе на будущее.

Основные принципы организационной структуры партии и подбора ее кадров Ленин сформулировал еще на заре большевизма в своей знаменитой работе «Что делать?» (1902 г.). Положенные в основу работы партии в условиях царской самодержавной России, эти принципы остались и остаются незыблемыми даже тогда, когда большевистская партия стала государственной правящей партией. Они суть: во-первых, партия может завоевать, сохранить и расширить свою власть лишь при условии возглавления этой партии узкой группой профессиональных партаппаратчиков, ибо «без десятка талантливых, испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса...» (сегодня это — Политбюро); во-вторых, господство партии «не может быть прочным без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей» (сегодняшняя кадровая политика КПСС); в-третьих, «единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров» (сегодня это — принцип работы партаппарата и подготовки профессиональных партаппаратчиков) (Ленин, Соч., т. IV, стр. 454, 468—469).

При рассмотрении применения этих принципов к сегодняшней КПСС надо учитывать, что в партии существуют два руководства: одно — открытое, формально выбираемое и сменяемое руководство в лице партийных комитетов всей партийной иерархии — от первичного парткома до ЦК КПСС; другое — закрытое, назначенное, несменяемое руководство в лице наемной, но всецельной партийно-аппаратной бюрократии. Первое руководство доступно нашему наблюдению, второе — остается анонимным, состоящим из людей, совершенно не известных не только в стране, но и в самой партии. Между тем они составляют ту гигантскую партийную машину, которая управляет и партией, и государством. При смене официального выборного руководства партии эта постоянная партбюрократия, как правило, остается нетронутой, да и смена официального руководства всегда происходит при ее ведущем участии (ликвидация внутрипартийных оппозиций при Сталине, партийные перевороты после Сталина). Поэтому проблемы смены и преемственности руководства касаются не только Политбюро и Секретариата ЦК — они органически связаны со сменой ведущей партийной бюрократии вообще. Поскольку наемная партбюрократия в возрастном отношении принадлежит к тому же поколению, что и выборная партбюрократия, то смена там и здесь произойдет почти одновременно. Кто же придет на смену? На смену как раз и придут коммунисты, которые вступили в партию в условиях разоблачений преступлений Сталина. Поэтому весьма важно постараться определить хотя бы основные черты политического, делового и психологического облика этого третьего поколения по тем компонентам, которые поддаются нашему анализу.

Из истории партии мы знаем, что второе, сталинское, поколение осталось верным первому, ленинскому, поколению по главным и ведущим принципам структуры и работы партийной машины; как же поступит третье поколение? Какие черты оно унаследует от предыдущих двух поколений и от какого наследства оно откажется? Такая постановка вопроса требует, чтобы мы остановились на том главном, чем характеризовались и отличались друг от друга ведущие кадры этих поколений, тем более, что для каждого нового периода в истории большевизма характерен свой собственный тип руководителя-партаппаратчика. Если придерживаться схемы периодизации истории партии по ее вождям, то можно говорить о трех типах партаппаратчиков:

1. Ленинский «комитетчик»: «профессиональный революционер», обычно недочувствующий студент или самоучка-рабочий, участник подпольных марксистских кружков и подпольных революционных акций, многократно подвергался полицейским репрессиям, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку, был в эмиграции, активно участвовал в революции и гражданской войне, проявлял не только личное мужество, но и крайнюю жестокость к «классовым врагам», к тем классам, из которых нередко вышел сам. Все свои действия, так же как и свое понимание морали, справедливости

и долга служения обществу, рассматривал через призму пролетарской классовой целесообразности. Фанатик революции, он не обожествлял, однако, власти. На свою власть смотрел как на инструмент создания общества без власти, а потому отвергал постоянную профессиональную бюрократию. Мыслил критически даже по отношению к своему вождю — Ленину. В определенном смысле был альтруистом.

2. Сталинский партаппаратчик: «маленький Сталин» на своем участке. По своему образованию — обычно технический специалист, пропущенный дополнительно через Высшую школу при ЦК. Не участвовал ни в революции, ни в гражданской войне, но активно участвовал во «второй революции сверху» — в насильственной коллективизации, а также в бесчисленных чистках по превращению партии Ленина в партию Сталина. Был на своем месте ведущим участником уничтожения «врагов народа» (ежовщина), включая сюда многих своих друзей или даже родственников. Эта многолетняя практика преследования и уничтожения людей выработала в сталинском партаппаратчике черствость, бездушие, абсолютный иммунитет против эмоций. Бездумный винтик партийной машины, он знает лишь один критерий ценности: власть. Поэтому во имя власти, во имя карьеры он готов на все, даже на измену своему вождю и учителю — Сталину (XX съезд партии).

3. Хрущевско-брежневский партаппаратчик: «переходный тип». По воспитанию и по убеждению он чистокровный сталинист, но в нем произошло раздвоение личности, когда он на XX съезде вынужден был, по крайней мере внешне, отказаться от Сталина. Этот отказ происходил под лозунгом против «культа личности Сталина» и за возвращение к «ленинским принципам партийного руководства». Практически это означало, что сталинизм как партийная доктрина о методах правления бракуется и вчерашний авторитарный правитель над коллективом — этот «маленький Сталин» — отныне будет выступать как выборный правитель от имени и при поддержке коллектива («принципы коллективности в руководстве»). Это касалось и касается всех уровней партийной иерархии. Основоположник новой доктрины о коллективности руководства — Хрущев — сам стал и ее первой жертвой. Но как раз свержение Хрущева показало крайне беспринципное двуличие «переходного типа»: придя к власти через разоблачение Сталина (XX съезд), а затем укрепившись у власти тем, что открыто объявил Сталина врагом ленинизма (XXII съезд), «переходный тип» резко меняет политику: он реабилитирует не только имя Сталина, но и его методы (московские, ленинградские и украинские процессы интеллектуалов, интервенция в Чехословакии). Таким образом, «переходный тип» вернулся в свое первобытное состояние: он теперь тот же «сталинский партаппаратчик» в идеологии, но «коллективист» по методам правления.

Коммунист по названию, партаппаратчик весьма ограниченно знает историю и теорию коммунизма. Марксизм-ленинизм он изучил не по первоисточникам, а по школьным учебникам. Если ему иногда и приходилось читать отрывки из произведений марксистских классиков, то он их читал, как верующий читает Священное Писание: вдохновляясь изречениями, но не вдаваясь в их сущность. Поэтому партаппаратчик, хотя и проповедует диалектику, сам до мозга костей остается догматиком. Отсюда и его теоретическое мышление весьма примитивно (лучшие примеры этому — Хрущев, Брежнев и сам шеф-идеолог Сулов). Есть, однако, одна наука, которой его основательно учили и которой он в совершенстве овладел, — это наука управления народом, государством и партией. Партаппаратчик — это элита партии. Обычный путь его карьеры таков: десять лет средней школы (там он вступает в комсомол), пять лет высшей школы (там он вступает в партию). Получив профессию инженера, агронома или педагога, он начинает проявлять интерес к новой, более перспективной профессии — к партийной работе. Его скоро назначают секретарем первичной парторганизации, выбирают в состав райкома, горкома партии. После 4—5 лет его переводят на чисто партийную работу в аппарат райкома, горкома, обкома партии. Еще через 5—6 лет его направляют в Высшую партийную школу при ЦК КПСС на 2—4 года. Вот с этих пор он делается номенклатурным работником ЦК партии, независимо от того, в каком уголке СССР он работает. При его выдвижении на партийную работу руководствовались, как это требует «кадровая политика» партии, двумя критериями: политической преданностью и деловитостью. При одинаковых политических и деловых качествах предпочтение дается сильным, волевым натурам, которые способны направлять, руководить и командовать. Жертвенность партаппаратчиков в работе выше всякой похва-

лы. Работая почти 16 часов в сутки, они постепенно отходят от личной жизни (отрывочные исследования показывают, что в силу перегрузки работой преждевременная смертность среди партаппаратчиков гораздо выше, чем среди других категорий советских чиновников).

Характеристика партаппаратчика была бы неполной, если бы мы ограничились указанием только на его политические, деловые и психологические черты. Дополнительно к этому надо подчеркнуть, что партаппаратчик — представитель совершенно нового социального класса не только физически, но и духовно. Ленинский «комитетчик» был представителем пролетариата, а сама партия была преимущественно пролетарская, сталинский партаппаратчик — представитель нового класса — бюрократии и интеллигенции, а КПСС — преимущественно бюрократически-интеллигентская партия. Ленинские комитеты партии и до революции и после нее на девять десятых состояли из пролетариев и только на одну десятую — из представителей интеллигенции. У Сталина соотношение стало как раз обратное. В аппарате же партии при Сталине не было, как нет и теперь, ни одного пролетария по очень простой причине: чтобы быть принятым на работу в партаппарат, надо предъявлять вместе с партбилетом и диплом об университетском образовании. При Ленине надо было предъявлять, кроме партбилета, только еще рабочую книжку. Ленин называл большевистскую партию авангардом рабочего класса и придавал исключительное значение сохранению высокого удельного веса рабочих в партии. На одного интеллигента, вступавшего в партию, надо принять несколько сот рабочих — говорил Ленин (т. X, стр. 19). VIII съезд партии в 1919 году по предложению Ленина постановил усилить вербовку в партию рабочих и крестьян, но очень разборчиво принимать служащих, чиновников (КПСС в резолюциях..., ч. 1, стр. 441).

Сталин отказался от этого принципа. И по-своему был совершенно прав. Когда утопическая идея строительства социализма на русской почве окончательно обанкротилась, Сталин решил построить нечто более реальное и весомое: абсолютистское тоталитарное государство. Так было создано беспрецедентное в истории бюрократическое государство, в котором не только администрацией, но и всей политической, экономикой, культурой, мыслью, чувствами руководит вездесущая партия. Это в свою очередь потребовало превращения партии социалистов-мечтателей в партию бюрократов, в партию правителей, в партию мастеров власти. Разумеется, такая партия не могла иметь ничего общего с ленинской партией «пролетариев и кухарок», которые должны были, по Ленину, управлять государством. Поэтому Сталин на XVIII съезде партии (1939 г.) вполне резонно исключил из Устава партии все ленинские ограничения при приеме в партию для чиновников и интеллигенции. В результате резко изменилось социальное лицо партии, изменилось, надо сказать, в пользу дела. Если еще в 1932 году процент рабочих в партии составлял 64,5, а чиновников только 7,7 то уже в 1957 году рабочих было в партии 32,0%, а чиновников — 50,7%. Партия рабочего класса превратилась в партию бюрократов, но бюрократов совершенно нового типа — политических бюрократов. При приеме в партию бюрократии предпочтение давали не «канцелярскому пролетариату» (технические конторские служащие), а образованным руководящим чиновникам. Изменение социального лица партии в пользу бюрократии и интеллигенции хорошо характеризуют следующие официальные данные об образовательном цензе коммунистов:

	1927 г.	%	1967 г.	%
Число коммунистов	1212505	100,0	12684133	100,0
Имеют образование:				
высшее	9614	0,8	2097055	16,5
незаконч. высшее	—	—	325985	2,6
среднее	104714	8,6	3993119	31,5

Источник: «Партийная жизнь», № 9, 1967, стр. 14.

Таким образом, и по этим данным нынешняя КПСС на 50,6% состоит из бюрократии и интеллигенции, тогда как в 1927 году эти группы вместе составляли только 9,4% всей партии. Только одних лиц с высшим образованием в партии было

в 1967 году более двух миллионов человек, в четыре раза больше, чем вся партия при Ленине (1923 г.). Колоссальный рост партии с преобладанием в ней бюрократии и интеллигенции привел к разделению партии на две части: на элиту и партийную массу, на актив и пассив партии. Институт актива партии официально закреплен в Уставе партии. Но и члены актива между собою не равноправны. Актив тоже делится в соответствии с иерархическим построением партии на ранги: «районный актив», «городской актив», «областной актив», «краевой актив», «республиканский актив» (см. Устав КПСС, § 29). В масштабе всей партии института актива нет, его заменяет пленум ЦК КПСС. Актив периодически заседает. На его заседаниях члены ЦК и секретари партии докладывают о текущей внутренней и внешней политике партии. Заседания эти секретные и на них рядовые коммунисты («пассив») не допускаются. Из кого конкретно состоит «актив партии»? На этот вопрос ответ дает состав «комитетского корпуса» партии. В этот корпус входят: 1. Члены бюро и комитетов, секретари и заместители первичных партийных организаций — 2 650 000 человек (в том числе одних секретарей первичных парторганизаций — 360 000 человек). 2. Члены райкомов, горкомов и их ревизионных комиссий — 325 000 человек. 3. Члены обкомов, крайкомов, центральных комитетов республик и их ревизионных комиссий — 25 000 человек. 4. Члены и кандидаты ЦК и ЦРК КПСС — 439 человек («Ежегодник БСЭ», 1968, стр. 34).

Вот этот трехмиллионный актив «общенародного государства», «государства рабочих и крестьян» и состоит из людей, которые никогда не знали физического труда. Хотя власть в СССР не наследственная, но она вполне преемственная. Представители первого и второго звена этого актива будут руководить партией и государством к концу семидесятых годов. Если их отцы были по происхождению все-таки рабочими и крестьянами, а по положению чиновниками, то они уже будут потомственными чиновниками.

Из «комитетского корпуса» надо выделить отдельно его ведущий авангард — это, во-первых, «секретарский корпус», во-вторых, партаппарат. Численность «секретарского корпуса» легко определить по числу партийных комитетов. По состоянию на 1968 год «секретарский корпус» состоит: 1. Секретарей райкомов — 9459 чел. 2. Секретарей горкомов — 2241 чел. 3. Секретарей обкомов — 745 чел. (в том числе окружкомов, крайкомов). 4. Секретарей центральных комитетов союзных республик — 70 чел. 5. Секретарей ЦК КПСС — 11 чел.

Вот эти 12526 секретарей партии, собственно, и руководят «комитетским корпусом», а, стало быть, партией и государством. Это руководство они осуществляют через небольшой, но очень четко и оперативно работающий аппарат — партаппарат. Число штатных партийных чиновников в аппарате партии — это хорошо скрываемая тайна ЦК. С начала тридцатых годов перестали делать какие-либо публикации на этот счет. Ключ к приблизительному подсчету количества партийных чиновников дает выступление секретаря ЦК Украины Казанца на XXII съезде. Он сказал, что на Украине работают 55 тысяч нештатных партийных работников, и что это в четыре раза больше, чем всех платных работников партийных органов. Это означает, что на Украине в 1961 году было около 14 тысяч платных партийных чиновников (на 1 580 000 коммунистов). Если эту украинскую норму распространить на всю КПСС сегодня, то это дает около 130 тысяч платных партийных чиновников (на 13 180 000 коммунистов на 1 января 1968 г.). Сюда надо добавить количество нештатных партийных работников, являющихся кандидатами в платных чиновников, которых в 1961 году было 230 000 человек (XXII съезд КПСС, Стенографический отчет, т. III, стр. 24, 49; см. также «Ежегодник БСЭ», 1968, стр. 34). Таким образом, платных и неплатных партаппаратчиков вместе около 360 000—400 000 человек.

Партаппаратчик третьего поколения будет представителем тех коммунистов, которые теперь входят в «комитетский корпус» как секретари и члены партийных комитетов низовых партийных организаций. Специалист по образованию, партократ по профессии, выпускник Высшей партийной школы, он по своему политическому и деловому профилю ничем не будет отличаться от своего предшественника-сталиниста. Но общая атмосфера, в которой он вырос и определился как партийный чиновник, может наложить на него свой отпечаток. Есть основание предполагать, что он будет свободен от некоторых догматических оков сталинского поколения и политической шизофрении наследников Хрущева. Выросший и оформившийся

в условиях господства относительной «внутрипартийной демократии», не причастный ни физически, ни морально к сталинским преступлениям, подверженный постоянному давлению гуманистического влияния ученого сословия и творческой интеллигенции страны, не огражденный глухой стеной предрассудков от внешнего мира партаппаратчик третьего поколения может оказаться больше государственным человеком, чем догматическим бюрократом. Однако все сказанное не дает основания думать, что он откажется от каких-либо принципов диктатуры. Тем не менее он может отказаться от многих нелепых, обветшалых экономических догм, которые тормозят прогресс СССР. Уже однажды сама советская система доказала, что эффективная экономическая политика может быть проведена, сохраняя в неприкосновенности основы диктатуры (нэп).

В области социальной третье поколение должно дать ответ на главное утверждение Программы партии, которое гласит, что к концу 70-х годов и к началу 80-х годов «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет, т. III, стр. 276). Стоит только вспомнить основной принцип коммунизма («каждый работает по способности — каждый получает по потребности»), чтобы видеть, что на пути выполнения этой утопической цели третье поколение будет находиться на том же месте, откуда его предшественники начали строить коммунизм. Это не исключает того, что стандарт жизни народа значительно поднимется. Однако социальная дистанция между правящим классом и управляемыми останется та же, что и сейчас, ибо это неписанный, но железный закон советского общества — стандарт жизни советского человека прямо пропорционален высоте ступени, на которой он находится в иерархии общества вообще, в иерархии власти в особенности. Есть одна область, где третье поколение останется верным двум предыдущим: в наследовании принципов организации монопартийной власти. За это говорит не только исторический опыт, но и все воспитание третьего поколения.

В основе этого воспитания лежит новейшая доктрина из Программы партии (1961 г.) о партии. Согласно этой доктрине, партия останется и при коммунизме (что отрицал не только Ленин, но и Сталин), причем в роли более универсальной, чем сейчас (в силу перехода к ней и функций «отмирающего» государства). Однако эта же доктрина может привести к передвижке власти внутри самой партии. Партаппаратчики вынужденно будут делить власть с внутрипартийными социально-деловыми группами, генералитетом, государственной бюрократией, хозяйственной бюрократией, профсоюзной бюрократией, ученым сословием, творческой интеллигенцией. Вероятное развитие в этом направлении может, вопреки воле партаппаратчиков, привести к торжеству плюралистских, центробежных сил в партии, что поставит под угрозу «святая святых» партаппарата: монополию его власти. Поскольку в КПСС находится значительная часть интеллектуальной элиты СССР, то передвижка власти в партии означала бы победу прогрессивных сил над консервативными. Она означала бы также возвращение партии ее суверенитета над своим аппаратом, хотя бы в той мере, как это было при Ленине. Восстановление суверенитета партии над ее аппаратом не потребует ни внутрипартийной революции, ни даже реформ. Оно потребует лишь признания зафиксированных в Уставе партии партийных норм действующими законами в жизни партии (сейчас они — лишь декларативные права, прикрывающие произвол партаппарата). Это потребует, конечно, в свою очередь, восстановления подлинной внутрипартийной демократии со свободой партийного слова, критики, иного мнения, со свободой партийных выборов.

Вероятно ли такое развитие? На этот вопрос можно сразу ответить: при нормальной смене руководства в Кремле это невозможно. Партаппаратчики 70-х годов так же фанатично будут отстаивать свою монополию на власть, как их сталинские предшественники. Однако общая атмосфера в стране и рост плюралистских, центробежных сил названных выше внутрипартийных групп могут привести верховное руководство партии к политическому кризису с альтернативой: либо новый Сталин, либо последовательное распространение на всю партию того принципа демократии, который господствует ныне только на высшем уровне — в Политбюро. Партаппаратчикам будет импонировать новый Сталин, социально-деловым группам — расширение внутрипартийной демократии. Трудно предвидеть исход борьбы вокруг такой альтернативы.

При прогнозе в отношении перспектив внутрипартийного развития нельзя

абстрагироваться и от того влияния, которое на партию в целом оказывает окружающее ее советское общество. Интеллектуальная часть этого общества составляет 28,8 млн. человек, из которых только 6,6 млн. находится в партии. Такое общество невозможно перманентно опекать духовным мракобесам. Оно в конце концов потребует то, чем велик всякий мыслящий человек,— духовной свободы. Я думаю, что самое кардинальное противоречие 70-х годов будет противоречие между требованием духовной свободы со стороны советского общества и отказом партаппарата ее предоставить. Оно не может быть снято ни бюрократическими комбинациями, ни административными репрессиями.

Перейдем к оценке возможной внешней политики третьего поколения большевизма, какая она будет — великодержавно-национальная или революционно-интернациональная? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, напомним, что безошибочные прогнозы в политических науках — дело трудное, если не безнадежное. Достаточно вспомнить три общеизвестных, но классических примера ошибочного прогноза: предположение, что стоит сделать уступки Гитлеру в Мюнхенском соглашении (1938 г.), как Гитлер успокоится. Результат: развязка второй мировой войны. Предположение, что стоит пойти на уступки в подписании Ялтинского соглашения (1945 г.) — и будет возможно «перевоспитать Сталина в демократическом и христианском духе». Результат: дюжина новых коммунистических государств в Европе и Азии. Предположение, что Мао Цзэдун — всего лишь организатор аграрной революции в Китае. Результат хорошо известен.

Ныне в литературе делается новый прогноз в отношении будущего развития СССР. Прогноз гласит: СССР идет по пути «отмирания идеологии» («деидеологизация») и «конвергенции» с западным миром. Данный прогноз импонирует как альтернатива термоядерному вызову. Здесь у меня нет возможности подробно останавливаться на анализе этого прогноза. Только отмечу следующее: при всей своей соблазнительности и даже некоторой логичности в аспекте мировой научно-технической революции новый прогноз лежит, на мой взгляд, в том же ошибочном плане, что и все названные выше политические прогнозы. Причина не столь сложна: коммунизм — двуликий Янус, он всегда имел и имеет два лица: гениальная маскировка с чудовищным нутром. На путях к своей цели коммунисты действуют в маске; достигнув цели, они ее сбрасывают. Ошибочные прогнозы и есть прогнозы, основанные на принятии маски за подлинное лицо.

Какие факты говорят в пользу «деидеологизации» и «конвергенции»? Обычно ссылаются на прагматический «либерализм» в области советской экономики и на «сосуществование» в области советской внешней политики. Но даже для Либермана следующие принципы коммунистического хозяйствования являются аксиомами: тотальная государственная собственность, государственный план, «социалистическая прибыль». Советские «реформаторы» оперируют в рамках и на основе партийно-государственной монополии на средства производства и распределения, абсолютно исключая частную инициативу.

Отказ от монополии экономической власти означал бы для КПСС отказ от монополии политической власти. Сами советские теоретики, зная это, в бесчисленных статьях и книгах решительно отводят «конвергенцию» как «контрреволюционную утопию» западных «идеологических диверсантов». По существу они правы. Однотипность научно-технической революции на Западе и на Востоке не может привести к конвергенции в силу антагонистической разнотипности их социально-политических систем. Что же касается «сосуществования», то и тут картина мало утешительная. Прежде всего отметим новое явление в мировой политике, имеющее историческое значение,— актуальность проблемы «сосуществования» уже начала для СССР перемещаться с плоскости двух систем внутрь самой коммунистической системы (Китай, Чехословакия, Румыния, Югославия). Происходит то, что не предвидел никто из коммунистических пророков: войны возможны и даже могут оказаться неизбежными между самими коммунистическими державами как войны империалистические и идеологические. Трудно ожидать от коммунистических государств, которые не могут «сосуществовать» между собою, чтобы они «сосуществовали» с демократическими странами. Москва никогда не скрывала, что для нее «сосуществование» вовсе не цель, а средство к цели, оно лишь средство инфильтрации в тыл Запада, чтобы решить соревнование «двух систем» на путях революции, не рискуя самоубийственной термоядерной войной.

Может быть, новые люди, новое время, новые условия так повлияют на советскую политику 70-х годов, что «сосуществование» из средства действительно превратится в цель? Если бы это случилось, то мы действительно имели бы дело с переродившимся поколением большевизма. Но строить политику в надежде на это было бы более чем рискованно. Во всяком случае прогноз советской внешней политики должен основываться не на сомнительной гипотезе предполагаемого будущего, а на учете реального настоящего. Реальное положение, однако, таково, что внешняя политика партии наперед запланирована в действующей Программе партии, по крайней мере, до 1980 года. Эта Программа считается одновременно и Библией и настольной книгой третьего поколения. Чему она учит и что она предписывает? Вот соответствующие установки Программы: 1. По пути «социалистической революции и осуществления диктатуры пролетариата... рано или поздно пойдут все народы» (Программа КПСС, 1965, стр. 18, 19). 2. «Современная эпоха... есть эпоха борьбы двух противоположных систем... Эпоха торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе» (там же, стр. 5). 3. «Партия рассматривает коммунистическое строительство в СССР как великую интернациональную задачу советского народа» (там же, стр. 6). 4. Коммунистические государства «Европы и Азии — прообраз нового общества, будущего всего человечества» (там же, стр. 25). 5. «КПСС будет и впредь направлять свои усилия на укрепление единства и сплоченности рядов великой армии коммунистов всех стран» (там же, стр. 44) и т. д., и т. п.

Трудно допустить, чтобы люди, воспитанные на этих идеях, рассуждали и действовали иначе, как именно коммунисты. Даже больше. Коммунист третьего поколения по всем признакам будет представлять собой некий синтез между энтузиастом мировой революции ленинского типа и фанатиком власти сталинского типа. Поэтому не приходится говорить об «отмирании идеологии» или о «деидеологизации» этого поколения. Авторы такой теории упускают из виду, что идеология в СССР включает в себя два понятия: идеальное и материальное. Если «идеальное» есть не что иное, как совокупность идей и вытекающее из них мировоззрение, то «материальное» (я бы сказал «материализованная идеология») есть формы и методы правления нового типа власти — партюкратии. Ведь идеология есть не только то, что человек проповедует, но и то, что он делает. Поэтому советская идеология есть не только Маркс и Ленин, но и КПСС, тайная полиция, цензура, концлагеря, колхозы, короче: монопартийная диктатура. Если бы когда-либо в будущем в Кремле отказались от Маркса и Ленина, как в свое время отказались от Сталина, то это вовсе не привело бы к отказу от «материализованной идеологии». В свете данной проблемы мне кажется очень смелым и прогноз Милована Джиласа, который пишет: «В 1984 году (ссылка на книгу Орвелла.— А. А.) марксистско-ленинская идеология в СССР умрет и партия перестанет существовать или она будет в руинах. Партаппарат и секретная полиция будут находиться под контролем армии» (The New York Times Magazine, March 23, 1969, Section 6, p. 135).

Сегодня, через 17 лет после смерти Сталина, КПСС, как и ее идеология, та же, что была и при Сталине. Происшедшие изменения касаются не субстанции режима, а его формы, показывают его приспособление к новым условиям. Невозможно себе представить, чтобы иначе обстояло дело и дальше, кроме случая военного или политического переворота.

Когда мы ставим вопрос, что доминирует во внешней политике Кремля, идеология или великодержавно-государственные интересы СССР, мы забываем, что тут нет дилеммы «или — или», а есть «и — и». Идеология мировой революции и мирового господства не только не противоречит советской великодержавной политике, наоборот, она является ее глобальным и эластичнейшим инструментом. Конечно, конкретное направление, успех или поражение внешней политики третьего поколения в решающей степени будут определяться не только субъективными качествами этого поколения, но и теми силами и проблемами, с которыми они будут сталкиваться на мировой арене. В 70-х годах СССР будет иметь возрастающую конфронтацию одновременно с обоими мирами: с демократическим и собственным коммунистическим миром. В центре конфронтации будут стоять три силы: СССР — Китай — США, каждый враг каждого.

Второй раз на протяжении жизни одного поколения история делает США судьей смертельной борьбы между диктатурами — сперва между коммунистической

и фашистской диктатурами (СССР и Германия), а теперь между самими коммунистическими диктатурами (СССР и Китай). В первом случае США сделали выбор «меньшего зла», но кто может определить «меньшее зло» в нынешних условиях? Хотя китайские коммунисты объявили своей официальной политикой борьбу на «два фронта» — против «американского империализма» и советского «социал-империализма», но врагом № 1 они считают сегодня руководство СССР. Это и понятно. Между США и Китаем нет ни государственных границ, ни территориальных противоречий, тогда как между Китаем и СССР война возможна и, может быть, даже неизбежна из-за бывших китайских территорий (Амур, Уссури, Монголия, часть советского Туркестана). К концу 70-х годов китайский термоядерный и ракетный арсенал достигнет такого пополнения, который вполне позволит Китаю начать войну с обычным оружием на Дальнем Востоке, не боясь советского ответного удара атомным оружием. Тогда вполне может повториться история русско-японской войны 1904—1905 годов, когда поражение на Дальнем Востоке развязало революцию в России, заставившую царя объявить Манифест 17 октября 1905 года о свободах. В предвидении возможности такой войны с Китаем Кремль будет искать союза с США ценою уступок в сферах влияния за счет Китая в тихоокеанском и южноазиатском районах.

Еще четыре проблемы приобретут возрастающую актуальность: 1. Рост сопротивления восточноевропейских коммунистических государств в борьбе за независимость. 2. Рост противоречий Москвы и Пекина в борьбе за гегемонию в мировом коммунистическом движении. 3. Борьба как против Запада, так и против Китая за политическое влияние в странах «третьего мира» (особенно на Арабском Востоке) и за стратегическое влияние на морях, омывающих эти страны. 4. Проблема Германии.

Особенно важное место в «политике дальнего прицела» Кремля займет советский вариант разрешения германской проблемы. В отличие от западных правительств, обычно думающих конъюнктурно от выборов до выборов, большевизм планирует свою политику на целые периоды и даже эпохи. Он считает, что в перспективе заокеанская Америка и островная Англия либо уйдут из Германии, оставив лишь символические силы, либо не станут защищать Германию (Берлин), рискуя атомной войной. И вот тогда в образовавшийся вакуум двинутся под популярным лозунгом «воссоединения Германии» «добровольческие дивизии» восточногерманских коммунистов, поддержанных «интернациональными бригадами» во главе с советскими коммунистами. Если Бундесвер окажется сильнее «добровольцев», то на помощь им придет Советский Союз, который уже сейчас предусмотрительно обнародовал свое право на интервенцию в Германии в соответствии со статьей о «вражеских государствах» из статута Организации Объединенных Наций. Единственное препятствие на путях такого «воссоединения» Германии представляло бы владение Федеративной Республикой Германии атомным оружием, но Советский Союз опять-таки предусмотрительно заключил с Америкой соглашение о нераспространении атомного оружия с целью убрать это препятствие.

Неизменное и методическое воспитание русской молодежи в ненависти к Западной Германии как к стране «реваншистов, милитаристов и неонацистов» как раз и служит цели создания психологического «казус белли» запланированного коммунистического воссоединения Германии. В Москве великолепно понимают, что если когда-нибудь в Германии появится новый Гитлер, то именно из-за советской политики увековечения разделения Германии. Поэтому Кремль постарается предупредить его коммунистическим воссоединением Германии.

Органический недостаток западной «эволюционной теории» о Советском Союзе заключается в том, что Запад думает о большевизме рациональными и утилитарными категориями. Большевизму приписывают свойства, которыми он не наделен, и намерения, которых у него нет. За большевизмом отрицают право на действия, которые противоречат здравому смыслу западных людей. Внутренний иррациональный мир большевизма как был, так и остался неразрешимой загадкой. Вспышки прояснения и отрезвления наступают лишь тогда, когда Москва совершает очередной «иррациональный» шаг с точки зрения Запада, такой, как ракетная авантюра на Кубе или интервенция в Чехословакии. Между тем только в таких «вспышках» и проявляется истинная природа большевизма. Но дело «вспышками» не ограничивается. Большевизм сознательно и систематически готовит третье поко-

ление к общему и решающему поединку. Очень хорошо и наглядно об этом говорил на торжественном заседании в Кремле 22 апреля 1969 года в присутствии всего Политбюро секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов в докладе, посвященном 99-й годовщине со дня рождения Ленина. Он сказал: «Предметом особого внимания партии является воспитание подрастающего поколения, призванного продолжить и приумножить революционные боевые традиции своих отцов и старших братьев... Наша партия была и останется верной завету Ленина — делать «максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах (Аплодисменты)» (Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 304), («Правда», 23.4.1969, стр. 2). Таким образом, и в отношении международной политики третье поколение сохранит и, как выражается Капитонов, «приумножит революционные, боевые традиции своих отцов и старших братьев».

Как я уже оговаривал выше, преемственность в руководстве и общей политике Кремля может быть обеспечена лишь при условии нормального перехода власти из одних рук в другие. Однако не исключена возможность и других вариантов политического развития СССР в 70-х годах: появление русского Дубчека (эволюционный «переворот»), появление русского Наполеона (военный переворот) или революция (политический переворот). За и против каждого из этих вариантов есть свои аргументы. Анализировать их — значило бы выходить за рамки данной темы.

Я знаю, в глазах иных оптимистов мой общий прогноз об облике и делах третьего поколения выглядит довольно мрачным. К сожалению, история большевизма не учит оптимизму. Каждый раз трагедия происходила не из-за переоценки, а из-за недооценки динамизма и масштаба возможностей большевизма. Новой трагедией была бы вера в способность большевизма к перерождению. Даже в Кремле убеждены, что скорее в СССР возможна революция, чем перерождение большевизма. Орган ЦК КПСС — журнал «Коммунист» — с полным согласием цитирует друга-врага Ленина старого марксиста Потресова: «Неосновательна надежда, что большевизм можно причесать. Большевизм тем и характерен, что никогда не позволял себя причесывать. Он непоколебим. Его можно сломить, но согнуть нельзя» (№ 15, 1967, стр. 86). Так оно и есть.

1969

(Окончание следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том третий. Белое движение и борьба Добровольческой армии.
Май — октябрь 1918 года

Глава XX. Второй Кубанский поход: силы и средства сторон; театр; план операции

К началу 2-го Кубанского похода, т. е. в июне месяце 1918 г., состав Добровольческой армии был следующий: *Штаб армии*: Начальник штаба генерал Романовский. Начальник строевого отд. ¹ генерал Трухачев. Начальник снабжения полк. Мальцев. Инспектор артиллерии генерал Невадовский. Нач. санитарн. части Н. М. Родзянко. *1 дивизия* (генерал Марков): 1-й Офицерский пехотный полк ². 1-й Кубанский стрелковый полк. 1-й Конный полк ². 1-я отдельная легкая батарея (3 орудия). 1-я инженерная рота. *2-я дивизия* (генерал Боровский): Корниловский ударный полк. Партизанский пехотный полк. Улагаевский пластунский батальон. 4-й Сводно-кубанский полк (конный). 2-я отдельная легкая батарея (3 орудия). 2-я инженерная рота. *3-я дивизия* (полковник Дроздовский). 2-й Офицерский стрелковый полк. 2-й Конный полк ³. 3-я отдельная легкая батарея (6 орудий). Конно-горная батарея (4 орудия). Мортирная батарея (2 мортиры). 3-я инженерная рота ⁴. *1-я конная дивизия* ⁵ (генерал Эрдели). 1-й Кубанский казачий полк. 1-й Черкесский конный полк. 1-й Кавказский казачий полк. 1-й Черноморский казачий полк. *1-я Кубанская казачья бригада* (генерал Покровский). 2-й Кубанский казачий полк. 3-й Кубанский казачий полк. Взвод артиллерии (2 орудия). Кроме того: Пластунский батальон, одна гаубица и броневые автомобили «Верный», «Корниловец» и «Доброволец» ⁶.

Всего в армии состояло 5 полков пехоты, 8 конных полков, 5 1/2 батарей, общей численностью 8 1/2 — 9 тысяч штыков и сабель и 21 орудие. На первый период операции армии был подчинен отряд донских ополчений полковника Быкадорова силою около 3 1/2 тысяч с 8 орудиями; отряд этот действовал по долине Маныча.

Против нас на Северном Кавказе располагалась Северокавказская красная армия, плохо подчинявшаяся центру и непрочно связанная внутри, ввиду соревнования самостоятельных республик — Кубанской, Черноморской, Терской и Ставропольской ⁷. Главнокомандующим был Автономов, который за все время своего пребывания во главе войск, с 1 апреля по 10 мая, вел ожесточенную борьбу с гражданской властью Кубано-черноморской республики (ЦИК). Его поддерживали войсковые начальники, в том числе Сорокин. В начале апреля ЦИК, боявшийся диктаторских стремлений Автономова, отрешил его от командования и должность главнокомандующего заменил «чрезвычайным штабом обороны», в который вошло семь штатских большевиков. Автономов выехал в Тихорецкую и выступил открыто против своего правительства. Началась своеобразная «полемика» путем воззваний и приказов. В них члены ЦИК именовались «немецкими шпионами и провокаторами», а Автономов и Сорокин — «бандитами и врагами народа», на головы которых

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12.

призывались «проклятия и вечный позор». В распре приняла участие и армия, которая на фронтовом съезде в Куцевке постановила «сосредоточить все войска Северного Кавказа под командой Автономова., категорически потребовать (от центра) устранения вмешательства гражданских властей и упразднить «чрезвычайный штаб».

Спор решила Москва, дав 14 мая Автономову почетное, но бездеятельное назначение «инспектора и организатора войсковых частей Кавказского фронта» и назначив военным руководителем — Генерального штаба генерал-майора Снесарева. Снесарев осел в Царицыне, откуда и правил фиктивно, так как со взятием нами Торговой (12 июня) почти всякая связь его с северокавказскими войсками была утеряна. Фактически командовал Калнин¹ — латыш, кажется, подполковник, имевший свой штаб в Тихорецкой. После разгрома большевиков под Тихорецкой и Куцевкой, Снесарев был обвинен в «контрреволюции» и смещен; 21 июля, за несколько дней до падения Екатеринодара, главнокомандующим был назначен «бандит и провокатор» Сорокин, которого официальные «Известия» переименовали в «спасителя республики».

Силы северокавказских войск не поддавались точному учету. Их не знали точно ни мы, ни «Всероссийский генеральный штаб»⁸, ни даже штаб Калнина. Постоянно появлялись какие-то новые части, наименования которых через неделю исчезали бесследно; создавались крупные крестьянские ополчения, которые после неуспеха или занятия Добровольцами района их формирования рассасывались незаметно по своим селам.

Главнейшие группы красных сил располагались следующим образом:

1. В районе Азов — Куцевка — Сосыка стояла армия Сорокина в 30—40 тысяч при 80—90 орудиях и двух бронепоездах, имея фронт на север против Ростова (немцы) и на северо-восток против Донцов и Добровольцев. Эта группа состояла главным образом из бывших солдат Кавказского фронта отступивших весною с Украйны отрядов; отличалась более правильной организацией и дисциплиной и имела во главе начальника наиболее популярного. Часть войск Сорокина предприняла весною наступление против Добровольческой армии, 19 мая подступила к самой станице Мечетинской, но концентрическим наступлением двух колонн (из Мечетинской и Егорлыкской) я опрокинул большевиков за Гуляй-Борисовку. С тех пор до конца июня на этом фронте было покойно.

2. В районе по линии жел. дор. Тихорецкая — Торговая и к северу от нее располагались многочисленные, необъединенные отряды общей численностью до 30 тысяч со слабой артиллерией. В числе их находились получившие впоследствии боевую известность пехотная бригада, называвшая себя «железной», Жлобы и конная — Думенко¹¹. Состояли эти части главным образом из фронтовиков и крестьян Ставропольской губернии, остатков частей б. Кавказского фронта, отчасти из мобилизованных кубанских казаков. Эти войска тревожили постоянно наше расположение у Егорлыкской.

3. В углу, образуемом рр. Манычем и Салом, имея центром Великокняжескую, располагалось 5 отрядов силою до 12 тысяч при 17 орудиях, объединенных одно время под командой Васильева. Состав их — однородный с отрядами второй группы, только вместо кубанских казаков в них входили сотни донских — большевиков. На этом фронте происходили постоянные стычки с донскими отрядами Быкадорова.

4. Кроме этих трех групп, во многих крупных городах и на жел.-дор. станциях расположены были сильные гарнизоны из трех родов оружия⁹.

Снабжались оружием и боевыми припасами красные войска Северного Кавказа из остатков прежних военных складов Кавказского фронта, путем отобрания от населения, отчасти организацией производства в Армавире, Пятигорске, Георгиевске и подвозом сначала из Царицына, потом, с потерей железной дороги, кружным и тяжелым грунтовым путем из Астрахани через Святой Крест. Во всяком случае, нас поразило обилие снарядов и патронов у большевиков; ураганному подчас огню их приходилось противопоставлять только дисциплину боя и... доблесть войск.

В общей сложности, в предстоящей операции Добровольческую армию ожидала встреча с 80—100 тысячами большевистских войск — частью уже знакомых нам по Первому походу, частью еще неизведанной силы и духа. В состав их входило немало надежных в военном отношении и тяготевших всецело к советской власти

кадров тех отрядов, которые под давлением немцев отошли за Дон с Украины, Крыма и Донской области. Наконец, в то время как солдаты русских армий европейского фронта расплылись свободно по всему необъятному пространству России, войска Кавказского фронта, не попавшие в Черноморскую эвакуацию, были зажаты в тесном районе между Доном и Кавказским хребтом, став неистощимым и хорошо подготовленным материалом для комплектования Северокавказской красной армии.

Театр войны во Втором Кубанском походе обнимал Задонье, Ставропольскую губернию, Кубанскую область и Черноморскую губернию¹⁰. Этот край прорезывали две главных линии Владикавказской жел. дороги: 1) Ростов — Владикавказ и 2) Новороссийск — Царицын. Они связывали политические центры, отдельные армии и фронты большевиков; вторая, кроме того, была единственной железнодорожной артерией, соединяющей Кавказ с центром России. Это обстоятельство, в связи с сосредоточением военных действий почти исключительно вдоль железнодорожных линий, придавало особенное значение Владикавказской дороге и ее узловым станциям: Торговой, Тихорецкой, Куцевке, Кавказской, Екатеринодару.

Сила и расположение неприятельских войск и направление железнодорожных магистралей почти исчерпывали стратегические элементы операции; в остальном — преобладающее влияние имело политическое положение, которое являлось мощным орудием стратегии, но, вместе с тем, довлело над ее велениями.

Гражданская война подчиняется иным законам, чем война народов. Остановимся вкратце на политическом положении края.

Задонье, занятое большевиками, разделялось резко на две части. Ростовский округ, населенный сплошь иногородними и насыщенный пришлыми войсками Сорокина, остановившими в нем жизнь, давно уже пережил увлечение большевизмом. Отрицательно относившиеся к казачьей власти и до большевиков и после них ростовские крестьяне чувствовали еще менее влечения к власти Советов. Достоинно внимания, что многие крестьянские депутаты округа еще на съезде 5—12 мая в г. Ростове, окруженные штыками и пулеметами красногвардейцев, имели мужество проявить свои истинные чувства: по вопросу о мобилизации для борьбы против «белогвардейцев» 51 голос был подан за мобилизацию, 44 против при 9 воздержавшихся... Иное положение было на Маныче и Сале¹¹, где многолюдные и богатые крестьянские слободы¹² дали преобладающий контингент красных отрядов, где они сами были хозяевами своей жизни и вершителями судеб старинного спора с казаками. Там иногороднее население было почти сплошь настроено большевистски, казаки пали духом, и продвижение по округу донских ополчений с севера шло поэтому чрезвычайно вяло и нерешительно.

«Ставропольская республика» самоуправлялась с января 18 года, имея свой собственный «совет народных комиссаров», который просуществовал только до марта, когда был свергнут красноармейцами. Присланный из Петрограда для организации Красной армии бывший жандармский ротмистр Коппе совместно с матросом Якшиным и несколькими солдатами поставил свой «совет», отличавшийся исключительным невежеством и жестокостью. Всей своей тяжестью совет обрушился на город Ставрополь, не имея еще достаточной силы распространить свое влияние по губернии; только со второй половины июня в ней начали работать карательные отряды.

«Демократические земства» и «социалистические думы» были разогнаны и заменены советами, попавшими всецело во власть солдатчины. Они — бывшие фронтовики — были хозяевами положения; они законодательствовали, взимали сборы, мобилизовали население, на районных съездах решали вопрос о войне и мире. Губерния — исключительно земледельческая, богатая, в которой средний подворный надел составлял 20,6 десятины и 70% всей земли находилось во владении сельских обществ и крестьян. Остальные 30% только что были поделены, и крестьяне не успели еще воспользоваться плодами своего приобретения. Осязательные выгоды нового строя сталкивались с тяжестью отрицательных сторон безвластия и беспорядка, вторгнувшихся в жизнь. Съезд фронтовиков и представителей северного района губернии колебался. В мае шли переговоры с ним моего штаба при посредстве подполковника Постовского о «сохранении нейтралитета» и беспрепятственном пропуске армии на Кубань для борьбы с Красной армией.

В самом Ставрополе настроение было иное. Бессмысленная и жестокая власть

вооружила против себя всех, без различия убеждений, почти уничтожив политические и социальные грани и разделив население на две неравные части: угнетателей и угнетенных. Начавшийся в ночь на 20 июня особенно сильный террор уносил многочисленные жертвы, преимущественно из среды офицеров, зарегистрированных советом в числе около 900 человек. Под влиянием предстоящей неминуемой опасности уничтожения и ввиду слухов о приближении Добровольческой армии, которая к 27 июня подходила к селу Медвежьему¹³, в этот день состоялось вооруженное выступление тайной офицерской организации, возглавлявшейся полковником Ртищевым. Малочисленное по числу участников и совершенно неподготовленное выступление это было кроваво подавлено. Почти все участники были перебиты в уличной схватке или казнены после жестоких истязаний. Террор усилился.

Под влиянием этих событий город замер и в мертвой тревоге ждал просвета. Вырвавшиеся из Ставрополя обреченные, в том числе представители социалистических земств и дум, обращались ко мне с мольбой о помощи. Деревня волновалась, и многие села склонялись к миру с Добровольческой армией. Но представители съезда северного района в начале июня прервали переговоры со штабом, и армия принуждена была идти по Ставропольской губернии с тяжелыми боями, встретив на линии Торговая — Тихорецкая, наряду с пришлыми отрядами Красной армии, и многотысячное местное ополчение...

Жил еще в губернии народ, глубоко мирный, трудолюбивый и темный — калмыки. На них больше, чем на кого-либо, обрушились громы революции; они всеми своими помыслами были на стороне Добровольческой армии, но не могли дать ей ни силы, ни помощи.

Совершенно иначе сложилась обстановка в «республике Кубанской». Я не буду останавливаться на деятельности трех последовательно сменявшихся «циков» и «народных комиссаров», в основу которой положено было несложное коммунистическое откровение: «организация крестьянской, казачьей и горской бедноты для борьбы с кулацкими элементами крестьянства и казачества». При этом казаки и горцы поголовно причислялись к разряду кулаков.

Результаты такой политики не замедлили сказаться очень скоро и получили справедливую оценку в устах самих же большевистских деятелей. Так, комиссар земледелия Вильямовский докладывал ЦИК: «Идет сплошное уничтожение хозяйств, пропадает и живой, и мертвый инвентарь, приказы мои бессильны». Чрезвычайный съезд Советов в июле в своем постановлении высказал осуждение «по вопросу о грабежах, насилиях и убийствах трудового горского народа (черкесов), творимых отдельными отрядами и жителями некоторых станиц, благодаря чему стерты с лица земли целые аулы и остатки их обречены на гибель и голодную смерть».

Московский центр, приступая к «рассказыванию», делал это все же с некоторой осмотрительностью и постепенностью. Декрет от 30 апреля 18 года предусматривал, например, переход запасных, частновладельческих и других земель первоначально в руки войсковых комитетов, которые должны были, однако, распределить землю между всеми нуждающимися. Московское правительство допускало даже формирование казачьих частей Красной армии, «принимая при этом во внимание все бытовые и военные особенности казаков». Но правительства местных «республик», в том числе Кубанской, шли дальше, стремясь к немедленному и полному уничтожению казачества как сословия¹⁴. Земельная практика на Кубани приняла особенно тяжелые формы: «Казаков,— говорится в отчете комиссии¹⁵,— своими руками вспахавших и засеявших свои земли, заставляли под пулеметами собрать весь урожай, обмолотить хлеб и тогда зерно и солому разделить между всеми жителями станицы»¹⁶...

Сопrotивление вызывало «отъем», арест, застенки. Большинство иногородних принимало то или иное, хотя бы и косвенное участие в обездолении казачества. Унижаемые морально, разоряемые материально и истребляемые физически кубанские казаки скоро стряхнули с себя всякий налет большевизма и начали подниматься.

История казачьих восстаний трагична и однообразна. Возникавшие стихийно, разрозненно, без серьезной подготовки, почти безоружными массами, они сопровождалась первоначально некоторым успехом; но через 2—3 дня, после сосредоточения красных войск, казаки платились кроваво, погибая и в бою, и от рук палачей

в своих станицах. Так, 27 апреля вспыхнуло восстание в семи станицах Ейского отдела и было задушено в два дня... В начале мая были массовые восстания в Екатеринодарском, Кавказском и других отделах... В июне восстало несколько станиц Лабинского отдела, пострадавших особенно жестоко: кроме павших в бою с большевиками было казнено 770 казаков.

Отчет «Особой комиссии» полон описаниями потрясающих сцен бесчеловечной расправы. Вот, например, станица Чамлыкская: «12 июня партию казаков отвели к кладбищенской ограде... перекололи всех штыками, штыками же, как вилами, перебрасывали тела в могилу через ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли их в землю заживо. Зарывали казненных казаки же, которых выгоняли на работу оружием. Когда зарывали изрубленного шапками казака Седенко, он застонал и стал просить напиться. Большевики предложили ему попить крови из свежих ран зарубленных с ним станичников... Всего казнено в Чамлыкской 185 казаков... Трупы их по несколько дней оставались незарытыми; свиньи и собаки растаскивали по полям казачье тело»... С Кубани шел стон, болезненно отзывающийся в сердцах кубанцев, находившихся в рядах Добровольческой армии. Там ждали нас со страстным нетерпением.

В «Черноморской республике» не было крупных сил и серьезной военной организации. Когда начались восстания у северных границ губернии, а с юга — наступление грузин, «главнокомандующий черноморскими силами» Калдин¹⁷ доносил ЦИК: «Сдержать бегство солдат невозможно. Ради Бога, высылайте людей»... Комитет просил помощи у флота и получил отказ: Черноморский флот в то время решал на митингах вопрос своего дальнейшего существования. Половина ушла в Севастополь, в подчинение немцам, другая была затоплена на Новороссийском рейде. Это национальное бедствие имело только одно благоприятное для Добровольческой армии последствие: красный Новороссийск и Черноморье остались беззащитными. Они должны были неизбежно разделить участь Кубани.

В середине мая, когда решался план предстоящей операции, не было еще ни поволжского, ни чехо-словацкого движения. Внешними факторами, обуславливавшими решение политической стороны вопроса, были только немцы, Краснов и гибнущая Кубань. От того или иного решения вопроса зависела судьба армии и всего Добровольческого движения... Конечная цель его не возбуждала ни в ком сомнений: выход на Москву, свержение советской власти и освобождение России. Разномыслие вызывали лишь пути, ведущие к осуществлению этой цели...

Я в полном согласии с генералом Романовским ставил ближайшей частной задачей армии освобождение Задонья и Кубани. Исходили мы из следующих соображений:

1. Немедленное движение на север при условии враждебности немцев, которые могли сбросить нас в Волгу, при необходимости базирования исключительно на Дон и Украину, т. е. области прямой или косвенной немецкой оккупации, и при «нейтралитете» — пусть даже вынужденном — Донцов, могли поставить армию в трагическое положение: с севера и юга — большевики, с запада — немцы, с востока — Волга. Что касается перехода армии за Волгу, то оставление в пользу большевиков богатейших средств Юга, отказ от людских контингентов, притекавших с Украины, Крыма, Северного Кавказа, словом, отказ от поднятия против советской власти Юга России наряду с Востоком — представлялся совершенно недопустимым. Он мог явиться лишь результатом нашего поражения в борьбе с большевиками или... немцами.

2. Освобождение Задонья и Кубани обеспечивало весь южный 400-верстный фронт Донской области и давало нам свободную от немецкого влияния обеспеченную и богатую базу для движения на север; давало приток укомплектований надежным и воинственным элементом; открывало пути к Черному морю, обеспечивая близкую и прочную связь с союзниками в случае их победы; наконец, косвенно содействовало освобождению Терека.

3. Нас связывало нравственное обязательство перед кубанцами, которые шли под наши знамена не только под лозунгом спасения России, но и освобождения Кубани... Невыполнение данного слова имело бы два серьезных последствия: сильнейшее расстройство армии, в особенности ее конницы, из рядов которой ушло бы много кубанских казаков, и оккупация Кубани немцами. «Все измучились,— говорил ген. Алексею председателю Кубанского правительства Быч,— Кубань ждать

больше не может... Екатеринодарская интеллигенция обращает взоры на немцев. Казаки и интеллигенция обратятся и пригласят немцев»... Таманский отдел в конце мая после неудачного восстания сделал это фактически...

Ген. Алексеев, по окончании Первого похода, испытывал приступы глубокого пессимизма. В его письме от 10 мая Милюкову изложены мотивы такого настроения: «1) Армия доживает последние гроши»; 2) «немцы, их скрытые политические цели и намерения»; 3) «личность (Донского) атамана, ген. Краснова, его деятельность в октябре 1917 года, его отношение к Добровольческой армии; 4) беспомощность Кубани, невозможность и бесцельность повторения туда похода при данной обстановке, не рискуя погубить армию»...

Ген. Алексеев мучился гамлетовским вопросом: быть или не быть армии и «куда нам идти». «На Кубани — гибель», — писал он... «На Кавказе — мало привлекательного и делать нечего. Ген. Краснов, беря начальственный тон по отношению к армии, указывает ей путь — скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске до создания регулярной Донской армии. Цель — сунув нас в непосильное предприятие, на пути к выполнению которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону»*. Тем не менее, не видя другого выхода, ген. Алексеев присоединился к нашему плану — движения на Кубань.

15 мая, по моему приглашению, в станице Манычской состоялось совещание с ген. Красновым, в котором приняли участие ген. Алексеев, Кубанский атаман Филимонов, ген. Богаевский и другие. «Тильзит» — как острили в армии. Совещание, имевшее кроме разрешения насущных вопросов еще и скрытую цель — сближения с донским атаманом, не привело к существенным результатам; от начала до конца оно велось в тоне весьма официальном и неискреннем.

Ген. Краснов настаивал на немедленном движении Добровольческой армии к Царицыну, где «есть пушки, снаряды и деньги, где настроение всей Саратовской губернии враждебно большевикам». Царицын должен был послужить в дальнейшем нашей базой. Я, поддержанный ген. Алексеевым и атаманом Филимоновым, изложил наши мотивы и настоял на своем плане.

Второй вопрос о получении с Дона 6 миллионов рублей, следовавших армии по разверстке еще во время Каледина, вызвал неожиданный ответ Краснова: «Хорошо. Дон даст средства, но тогда Добровольческая армия должна подчиниться мне». Я ответил: «Добровольческая армия не нанимается на службу. Она выполняет общегосударственную задачу и не может поэтому подчиниться местной власти, над которой довлеют областные интересы». Прочие менее важные вопросы прошли удовлетворительно, и мы разъехались, унося с собой чувство полной неудовлетворенности.

С тех пор в письмах, речах, обращениях к ген. Алексееву и Эльснеру ген. Краснов просил, скорбел, негодовал, призывая армию бросить Кубань и идти на Царицын. Он рисовал отчаянное положение нашей армии, когда она, двинувшись на Кубань, неминуемо «попадет в мешок между немцами и большевиками»; обещал деньги, оружие, боевые припасы в случае решения моего идти на Царицын, где «Добровольческая армия приобретет возможность войти в связь с Дутовым или... переправиться на тот берег Волги»...

Каким образом немцы могли допустить снабжение Добровольческой армии, присоединившейся к Восточному — противонемецкому — фронту, я не мог понять. Из всех своих многочисленных бесед с Красновым Эльснер вынес весьма неопределенное впечатление: «Каковы тайные цели, которыми руководится Краснов?.. Может быть, он искренне желает оберечь Добровольческую армию от того тяжелого положения, в которое она может стать, столкнувшись с немцами. Может быть,.. ввиду худшего положения на Царицынском фронте, Краснов, хотя и уверяет, что может взять Царицын собственными силами, хочет все же привлечь помощь армии в этом направлении... Может быть, предлагая Царицын за освобождение области от большевиков, Краснов хочет избавиться одновременно и от Добровольческой армии, которая причиняет ему все же много беспокойства и волнений»¹⁸...

Вначале ген. Алексеев, переехавший в конце мая в Новочеркасск, отстаивал твердо наше решение. По поводу нареканий Краснова он писал мне 5 июня: «Мы должны сохранить за собою полную свободу действий, не смущаясь ничьим неудовольствием». Но уже к концу июня, под влиянием новочеркасских настроений и, главным образом, призрака германской опасности, М. В. все чаще стал напоминать

мне о Волге. Письмо его от 30 июня дышало вновь глубоким пессимизмом: «Углубление наше на Кубань может повести к гибели... Обстановка зовет нас на Волгу... Центр тяжести событий, решающих судьбы России, перемещается на восток. Мы не должны опоздать в выборе минуты для оставления Кубани и появления на главном театре». Я к этому времени взял уже Тихорецкую и не мог, конечно, бросить на полпути операцию, стоившую много крови и развивавшуюся с таким успехом.

Прошел месяц, и под влиянием развертывавшихся событий ген. Алексеев вернулся к прежней своей оценке положения: «Уничтожение большевиков на Кубани,— писал он ген. Щербачеву¹⁹,— обеспечение левого фланга общего стратегического фронта, сохранение за Россией тех богатств, которыми обладают Дон и Кубань, столь необходимых Германии для продолжения войны, являются составной единицей общей стратегической задачи на Восточном фронте, и Добровольческая армия уже в настоящую минуту выполняет существенную часть этой общей задачи».

Пройдет еще два-три месяца, и мы уже в некоторой перспективе будем в состоянии оценить пройденный путь... Мы узнаем о том, что готовил нам на Волге «дополнительный договор» немцев с большевиками; услышим, что подъем в населении Поволжья угас так же быстро, как и возник; что там нам предстояли бы еще более сложные отношения с черновским «Комучем». Увидим, что на Юге открывается близкий свободный путь к Черному морю и к победоносным союзникам, а армия растет на Кубани непрерывно в числе и силе.

Итак — на Кубань! Стратегически план операции заключался в следующем: овладеть Торговой, прервав там железнодорожное сообщение Северного Кавказа с центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северокавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Куцевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа. Для прикрытия со стороны группы Сорокина я оставил только один полк и два орудия ген. Покровского, который должен был объединить командование и над ополчениями задонских станиц.

Этот план был проведен до конца, невзирая на противодействие вражеской силы и сторонних влияний. Нас было мало: 8—9 тысяч против 80—100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство... В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее.

С.-д. Дан рассказывает, как летом 19 года где-то на Урале, живя возле красноармейского лагеря, он слышал с утра до вечера солдатскую песню, распеваемую большевистскими полками, перефразировавшими на советско-патриотический лад ее слова. Как толпа дезертиров, окруженных конвоем, оглушала улицы города все той же песнью: Смело мы в бой пойдем // За власть советов // И с радостью умрем // Мы за все это. «Так умела казенщина,— заключает Дан,— опозлать все, в чем когда-то сказывался порыв наивного, но, несомненно, искреннего энтузиазма (?)».

В Добровольческой армии умирали не... «за все это»... Там пели песню по-старому: Смело мы в бой пойдем // За Русь святую // И с радостью умрем // За дорогую. И это была не фраза, а искренний обет, запечатленный сознательным подвигом, для многих кровью и смертью.

Было еще одно обстоятельство: «Наша стратегия вполне согласовалась с качествами молодой армии, более способной на увлечение, чем на требующие терпения и выдержки медленные движения, могущей закалиться только победами, побеждающей только при нападении и одерживающей верх только в силу порыва»... Эти слова принадлежат историку Сорелю²⁰ и относятся к французской революционной армии времен Конвента. Но они с величайшей точностью воспроизводят облик и армии Добровольческой.

9—10 июня 1918 г. армия выступила во Второй Кубанский поход.

Глава XXI. Взятие Торговой. Смерть генерала Маркова

На 12 июня назначена была атака станции Торговой. Еще 9-го началось расхождение дивизий на широком фронте, причем конница Эрдели и дивизия Маркова с донскими частями Быкадорова должны были накануне (11-го) выйти к линии жел.

дороги Тихорецкая — Царицын, очищая свои районы от мелких партий большевиков, отвлекая их внимание и 12-го завершая окружение Торговой; две сильных колонны — Дроздовского и Боровского — направлены были с возможною скрытностью вдоль линии жел. дороги Батайск — Торговая и берегом р. Среднего Егорлыка для непосредственного удара на Торговую. Дивизия Боровского составляла вначале мой общий резерв.

В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия жел.-дорожного сообщения и обеспечения главного направления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю.

10-го июня после упорного боя ген. Эрдели овладел с. Лежанкой; часть красноармейцев была изрублена, другая взята в плен, остальные бежали на юг. 11-го конница с таким же успехом овладела с. Богородицким, выслав в тот же день разъезды для порчи и перерыва жел.-дор. пути от Тихорецкой.

Я со штабом шел при колонне Боровского и заночевал в с. Лопанском. На рассвете 12-го видел бой колонны. Побывал в штабе Боровского, в цепях Кутепова²¹, ворвавшихся в с. Крученобалковское, и с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в Первом походе, живет и в начальниках, и в Добровольцах.

Около 7 часов утра, разбив большевиков у Крученой балки, Боровский преследовал их передовыми частями в направлении Торговой, дав отдых главным силам. Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовского на рассвете, слышен был только редкий артиллерийский огонь. Мы с Романовским, несколькими офицерами и казаками, перейдя речку, поскакали к его колонне. Дроздовский, сделав ночной переход, с рассветом развернулся с запада против Торговой и вел методическое наступление, применяя тактику большой войны... В тот момент, когда мы въехали в хутор Кузнецова, части Дроздовского подготавливались там к переправе через р. Егорлык. Большевики от Торговой обстреливали нас редким артиллерийским огнем; с противоположного берега и хутора Шавлиева шел ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто в расстоянии 150 шагов, стреляло картечью наше орудие...

Прошло уже более пяти лет с того дня, когда я первый раз увидел Дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии... Суетливого, как насадка, собиравшего своих офицеров и бродившего прихрамывая (старая рана) под огнем по открытому полю Жебрака... Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия, с изрешеченным пулями щитом... И бросившуюся на глазах командующего через речку вброд роту — во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом — со смехом, шутками и криками «ура»...

Хутор Шавлиев был взят, и дивизия стала переходить через Егорлык и развертываться против Торговой, откуда из длинных линий окопов была встречена огнем. Дроздовский долго перестраивал боевой порядок; темп боя сильно замедлялся. Между тем со стороны Крученой балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, артиллерии — спасавшихся от Боровского. Я послал приказание всей колонне последнего продолжать немедленно наступление на Торговую.

Около 2 часов дня начал подходить Корниловский полк, и Дроздовцы вместе с ним двинулись в атаку, имея в своих цепях Дроздовского и Жебрака. Торговая была взята; захвачено три орудия, много пулеметов, пленных и большие интендантские запасы. На жел.-дор. станции, где расположился мой штаб, тотчас по ее занятии, Дроздовцы установили уже пулемет на дрезину и погнались за уходившими эшелонами большевиков; другие мастерили самодельный «броневой поезд» из платформ с уложенными на них мешками с землей и ставили орудие и пулеметы. Вечером «Первый бронепоезд» (!) Добровольческой армии двинулся к станции Шавлиевской.

В этот же день ген. Эрдели с кубанскими казаками захватил с бою с. Николаевское, станцию Крученскую и, оставив там полк для прикрытия со стороны Тихорецкой, двинулся к Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верст с несколькими боями; уставшие лошади еле двигались. Тем не менее Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей там конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в плен.

12 июня воссозданная Добровольческая армия одержала свой первый крупный успех. С 12 июня в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от центральной России, а центр страны от всероссийских житниц — Кубанской области и Ставропольской губернии и от грозненской нефти²². Это обстоятельство, несомненно, подрывало экономический базис советской власти, но в силу роковых переплетений интересов не могло не отозваться на общем состоянии народного хозяйства. Утешала меня надежда, что такое положение недолговечно и что штыками своими Добровольческая армия принесет вскоре северу освобождение, а вместе с ним хлеб, уголь и нефть. Мечты!..

Спускалась уже ночь, замирали последние отзвуки артиллерийской стрельбы где-то на севере, а от колонны Маркова не было никаких известий. Наконец, пришло донесение: «Станция Шаблиевская взята... Генерал Марков смертельно ранен»...

11 июня Марков очистил от мелких большевистских банд район между Юлой и Манычем и приступил к операции против Шаблиевки. Станция оказалась занятой сильным отрядом с артиллерией и бронепоездами. Взять ее в этот день не удалось. Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно, в связи с общей обстановкой, большевики начали отступать. Уходили и бронепоезда, посылая последние, прощальные снаряды по направлению к брошенной станции. Одним из них вблизи от Маркова был тяжело ранен капитан Дурасов... Другой выстрел — предпоследний — был роковым. Марков, обливаясь кровью, упал на землю. Перенесенный в избу, он мучился недолго, приходя иногда в сознание и прощаясь трогательно со своими офицерами-друзьями, онемевшими от горя. Сказал: «Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас»...

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк провожал останки своего незабвенного начальника дивизии. Раздалась команда: «Слушай на краул!»... В первый раз полк так небрежно отдавал честь своему генералу: ружья валились из рук, штыки колыхались; офицеры и казаки плакали навзрыд... К вечеру тело привезли в Торговую. После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй Добровольческих дивизий. В сумраке, среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный с крестом флаг, его флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя...

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей и отдался своему горю. Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый... Вспомнились последние годы — Галиция, Волынь, Ставка, Бердичев, Быхов, Первый Кубанский поход... Столько острых, тяжелых и радостных дней, пережитых вместе и сроднивших меня с Марковым... Но не только потерял друг. В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом, в поисках человека на фоне жуткого безлюдья, мы с Иваном Павловичем, точно угадывая мысли друг друга, говорили со скорбью: «Нет Маркова»...

В ту же ночь два грузовика со взводом верных соратников, с пулеметами по бортам везли дорогую кладь по манычской степи, еще кишевшей бродячими партиями большевиков, в Новочеркасск. Там — осиротелая семья покойного — мать, жена и дети, там «его» полк и десятки тысяч народа отдали последний долг праху героя, который когда-то учил своих офицеров: «Легко быть честным и храбрым, когда сознал, что лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной России»...

13 июня я отдал приказ по армии: «§ 1. Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 июня при взятии станции Шаблиевка пал смертельно раненый генерал С. Л. Марков. Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранными подвигам. Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борыней, Перемышлем, Луцком, Чарторийском... Добровольческая армия никогда не забудет горячо любимого генерала, водившего в бой части под Екатеринодаром, в Ледяном походе, у Медведовской... В непрестанных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки... Вечная память со славою павшему...

§ 2. Для увековечения памяти первого командира 1-го Офицерского полка, части этой впредь именоваться — «1-й Офицерский генерала Маркова полк».

Для обеспечения дальнейшей операции против Тихорецкой со стороны Царицына и для содействия Дону и освобождению Сальского округа я двинул армию на Великокняжескую. 2-я дивизия Боровского осталась в Торговой, имея два конных полка у Александровского и Николаевского, фронтом в сторону Тихорецкой. Остальные силы в ночь на 15 июня заняли исходное положение на левом берегу Маныча, с тем чтобы атаковать Великокняжескую на следующее утро.

Правый берег Маныча занимали отряды красных, усилившиеся значительно частями, отступившими в последние дни от Торговой и Шаблиевки — всего до 12 тысяч, причем в районе Великокняжеской из этого числа было около 6 тысяч с двумя бронепоездами и несколькими батареями.

В направлении жел.-дорожного моста двинут был Дроздовский; севернее его, на две переправы сменивший временно покойного Маркова Кутепов²³, которому, вместе с подчиненными ему Донцами, надлежало атаковать Великокняжескую с северо-запада; еще левее его должен был наступать Донской отряд Кареева. На правом крыле шел Эрдели через переправу у Ново-Манычской для охвата Великокняжеской с востока.

Утром 15-го начался бой. Я шел опять с дивизией Дроздовского, желая на первых порах присмотреться к ней и придать более быстрый темп и более широкий размах развитию боя: методизм европейской войны потерпел значительные изменения в добровольческом опыте войны гражданской. Часть сил Дроздовского развернулась против жел.-дорожного моста, часть пошла правее, найдя в укрытом месте брод по горло через два рукава речки и маленькую рыбацью лодку; под руководством Жебрака одна рота стала переправляться.

Гремела большевистская артиллерия, сосредоточив свой огонь преимущественно на полустанке, возле которого дымил наш знаменитый «Первый бронепоезд». Временами он подходил к самому мосту, обстреливая в упор большевистские цепи. Переправа длилась очень долго. Я приказал «надавить». Дроздовский поднял боевой порядок и двинул против моста; батарея, обогнав пехотные цепи, подскочила к самому берегу, снялась открыто и стала поливать неприятельские цепи шрапнелью. Огонь с того берега ослабел. Вскоре от Великокняжеской показался паровоз с большим белым флагом, издавая непрерывный свист...

«Очевидно парламентареры», — слышится в рядах. Но паровоз летел, не сбавляя хода, и наш «бронепоезд» лишь в последнюю минуту догадался дать почти в упор два-три выстрела, разбивших паровоз, успевший, однако, ударить по передней платформе «бронепоезда» и сильно покалечить нескольких человек. Паровоз оказался без людей, облитый нефтью, с бомбами, привязанными на буферах. Этот эпизод на несколько минут овладел вниманием всего поля боя: враги как будто забыли друг про друга...

Опять поднялись цепи 2-го Офицерского полка и пошли вперед безостановочно. Внушительная картина стройного наступления и на нас даже произвела впечатление; большевики заметно зашевелились в длинных бережных окопах, а когда появились на том берегу первые дозоры от переправившейся вброд нашей роты, все хлынуло в беспорядке к Великокняжеской; артиллерия и переправившиеся цепи преследовали противника огнем. На левом фланге цепи большевиков еще держались, когда роты Дроздовцев в колоннах, под огнем бросились к железнодорожному мосту и заняли его. Мы перешли на тот берег с головной ротой; артиллерийский взвод, обгоняя пехоту, ушел далеко вперед; на рысях проходил конный полк...

Картина отступления была полная. Влево, далеко на горизонте, показались также бегущие толпы, за ними какие-то конные лавы — как оказалось — донские сотни из колонны Кутепова, который, отбросив большевиков от северных переправ, шел наперерез к Великокняжеской. Дроздовский после переправы стал собирать свои части и развертывать вновь боевой порядок. Но надобности в этом уже не было — большевики уходили безостановочно. Подполковник Ряснянский с командой разведчиков, за ним штаб армии с конвоем и 2-й конный полк поскакали к станции. Через несколько минут мы входили уже в вымершую окраину ее; конники преследовали противника, мы расположились в одном из станционных зданий. Потери наши были ничтожны.

К сожалению, окружения не вышло: Эрдели, встретив упорное сопротивление

у с. Ново-Маньчского со стороны отряда Думенко, без артиллерийской поддержки — горные орудия, к несчастью, испортились — через Маньч не переправился. Маньчская группа противника была опрокинута, но не разбита. И долго еще потом в Ставропольской губернии висела она на фланге армии, отвлекая с главного направления наши силы для противодействия.

На царицынском направлении наша задача была окончена. В самой Великокняжеской сосредоточилось до 2½ тысяч Донцов; донские отряды продолжали сами очищение Сальского округа, продвинувшись затем верст на 80, к станции Зимовники. Только гнездо местных большевиков — слобода Мартыновка — держалось еще целых пять недель, осажденное со всех сторон донским ополчением.

Дав войскам отдых и передав район донскому командованию, 17 июня я повернул армию к Торговой, чтобы приступить к операции по овладению Тихорецкой. Спешить было тем более необходимо, что с 18-го началось сильнейшее давление со стороны войск Сорокина на слабый наш заслон по линии Кагальницкая — Егорлыкская, угрожая тем нашим сообщениям с Доном.

Очевидно, во исполнение общей директивы начиналось наступление большевиков по всему фронту: на с. Лежанку шел полк конницы от ст. Плоской; вдоль железной дороги из Песчанокского наступала сборная колонна оправившихся после поражения и усиленных мобилизацией частей силою до 6—8 тысяч; в районе Сандата — Башанта — Ивановское собирались большие отряды, частью вернувшиеся из-за Маньча, частью пришедшие из Медвежьего и окрестных сел; они атаковали Эрдели у Ново-Егорлыкского, но были отбиты.

Обеспечив Торговую одним полком конницы, к утру 19-го я приказал армии выйти на линию Богородицкое (Боровский) — Развильное (Дроздовский) — Ивановское (Эрдели, с подчинением ему частей Кутепова), с целью на следующий день атаковать Песчанокское. Это движение привело к упорному бою колонны Дроздовского за с. Николаевское, которое в ночь на 19-е оказалось в руках большевиков, выбивших оттуда наш конный заслон.

Бой этот продолжался весь день и стоил Дроздовцам потерь около 120 человек. На моих глазах проходили эпизоды, глубоко волнующие и трогательные: атака пехоты — 2-го Офицерского полка по открытому ровному полю, под ураганным огнем большевиков... Неравное единоборство нашего деревянного «бронепоезда» с двумя настоящими бронепоездами красных... С разбитым бомбой паровозом, убитым машинистом и перераненными офицерами, весь в пламени, он возвращался тихо к станции Крученой. За ним шли бронепоезда большевиков. Вдруг из-за насыпи неожиданно раздались по ним залпы роты Дроздовцев, нанешие серьезные потери растерявшейся команде головного бронепоезда... Оба дали задний ход и, преследуемые ротой, быстро уходили из глаз...

К 3—4 часам пополудни после боя на деревенских улицах дивизия овладела Николаевским и Поливянским и вышла на западную окраину; прошедшие ночь без сна, истомленные и голодные войска залегли тут же на привал. День клонился к вечеру. Развильное — цель сегодняшнего дня — еще в семи верстах; противник может устроиться и вновь оказать сопротивление... Я со штабом проехал цепи и двинулся в направлении Развильного. Попали под ружейный огонь. Остановились. Но пехота, увидев впереди флаг командующего, поднялась и двинулась вперед. В то же время Дроздовский лично повел пересоставленный «бронепоезд» к станции Развильной...

Село и станцию заняли без сопротивления. Большевики уходили поспешно, и только под утро мы узнали причину: Боровский занял с утра Богородицкое и выдвинул авангард к Песчанокскому; авангард к ночи после краткого боя ворвался в Песчанокское, оказавшись в глубоком тылу у противника.

Колонна Эрдели продвигалась также успешно вперед полковник Кутепов выбил последовательно большевиков из Сандатовского и Ивановского, а 3-й Кубанский полк, при содействии броневика «Верный», преследуя бегущих, захватил орудие и пулеметы и гнал большевиков до Красной Поляны; при этой лихой атаке понесена была тяжелая потеря: пал, сраженный пулей, командир полка, полковник Шкуратов...

Утром 20 июня дивизии Дроздовского приказано было продолжать движение на Песчанокское, Эрдели — занять Рассыпное. В Песчанокском обстановка между тем изменилась: слабый авангард Боровского был выбит из села отошед-

шими туда с северо-востока отрядами и восставшими жителями: Песчанокопское и Белая Глина — многолюдные богатейшие села (местечки) тихорецкой линии, привлекавшие агитаторов, пропаганду и всякие буйные элементы, считались очагами большевизма, наиболее враждебными Добровольческой армии. К Песчанокопскому подтянулись большевистские силы со всех сторон, устраивались, приводились в порядок. С утра 20-го Боровский вел на село наступление всей своей колонной от Богородицкого и не имел успеха; расстреляв последние свои патроны и снаряды, колонна его пополудни залегла в виду Песчанокопского.

Колонна Дроздовского медлила выступлением — от измора людей и отсутствия подвод²⁴. Я поднял дивизию по тревоге. Конница и артиллерия двинулись походом, пехота — поездом верст восемь, пока шедший впереди наш «бронепоезд», опять сильно пострадавший в этот день, не вступил в бой с бронепоездами противника. Уже перед закатом обе дивизии (2-я и 3-я) с севера и востока атаковали село. Конница Дроздовского ворвалась было в село, но была выбита. Шел немолчный гул орудий и ружейная трескотня; слева, словно отдаленное эхо, им вторила канонада: то колонна Эрдели вела бой в 12 верстах от нас у Рассыпного, которое Эрдели, разбив большевиков, занял к ночи.

Около 8 часов вечера Дроздовцы ворвались в восточную часть села, части Боровского в северную. Большевики уходили в беспорядке на Белую Глину; отдельные части, отряды их, блуждая в темноте, попадали в руки Добровольцев и были уничтожаемы. Бой в этот день отличался большой жестокостью.

Мы въезжали в полной темноте. Село совершенно вымерло: большинство жителей бежало вместе с отступавшими большевиками. Их гнали безумный страх перед Добровольцами, боязнь мести. Во время Первого Кубанского похода, когда армия возвращалась на Дон, часть тяжелораненых Добровольцев подлечилась и каким-то чудом попала в Песчанокопское; там они вначале благополучно скрывались, но потом были кем-то выданы; и сельский сход, на разрешение которого поступила судьба Добровольцев, постановил их казнить, что и было приведено в исполнение. На другой день после занятия нами села произведено было расследование, и в результате его дома нескольких отсутствовавших виновников предательства и казни, по выводе из них людей, были сожжены со всем скарбом. В Песчанокопском дал армии трехдневный отдых.

До сих пор мы били жестоко Красную армию, но не нанесли действовавшей против нас группе окончательного поражения. И теперь разбитые части тянулись к Белой Глине, составив 10-тысячный гарнизон, основанием которого служили называвшая себя «железной» бригада Жлобы и отряд матросов. Войска эти пополнились вошедшими чуть ли не поголовно в их состав жителями призывного возраста Белой Глины — частью добровольцами, частью мобилизованными Жлобой. Они поднялись не за советскую власть, а за свое село... Подступы к селению лихорадочно укреплялись и занимались передовыми частями; большевики проявляли уже некоторую организованность и тактическое понимание.

Операция наша подготавливалась тщательно и должна была привести к полному окружению Белой Глины. Еще 22-го колонна Эрдели (конная дивизия и 1-я див. Кутепова) была подтянута в район с. Павловского, а полк конницы — в Лежанку для обеспечения с севера. Всем колоннам приказано начать наступление с таким расчетом, чтобы атаковать Белую Глину на рассвете 23-го: Боровскому с севера, Дроздовскому вдоль жел.-дорожной линии и речки Рассыпной, Кутепову — с юга, от Павловского. Эрдели с кубанскими казаками должен был к вечеру 22-го занять станицу Новопокровскую и станцию Ею, разрушить жел. дорогу, прикрыть нас со стороны Тихорецкой и отрезать большевикам западные пути отступления из Белой Глины.

В ночь на 23-е началось наступление. Пехота Дроздовского двинулась с севера, под начальством полковника Жебрака, и около полуночи остановилась верстах в двух от окопов противника. Храбрейший и достойнейший командир — полковник Жебрак — вел полк искусно. Темной ночью один батальон пошел в дальний обход, другой с Жебраком во главе в походной колонне, без разведки двинулся в направлении хутора Христенко. Встреченный в упор залпом красноармейской заставы батальон смешался. Жебрак бросился вперед с криком «в атаку», но тотчас же упал, смертельно раненный пулей.

Дроздовцы, потеряв несколько десятков человек, добежали до хутора и опять

нарвались на жестокий огонь из расположенных за ним окопов противника; понесли тяжелые потери. В ночной тьме все перепуталось. Обходивший батальон Дроздовцев, услышав выстрелы, бросился в их направлении, был встречен огнем большевиков, остановился и открыл, в свою очередь, огонь по хутору, поражая и большевиков, и своих... Вскоре оба батальона отхлынули и залегли. Эта ночь стоила дорого 3-й дивизии. Кроме командиров полка и батальона (полковник Чернышев), она похоронила около 100 своих воинов.

Между тем на остальных направлениях наступление шло весьма успешно. Кутепов к рассвету подошел к южной окраине Белой Глины, атаковал село и вскоре ворвался в него; участвовавший в этой атаке 2-й конный полк колонны Дроздовского, севший вновь на коней, преследовал бегущих большевиков. Боровский взял с бою своим Партизанским полком станцию и входил в село с севера. По всему селу ходил броневик «Верный» и, в суматохе боя обстреливаемый и своими, и чужими, разгонял большевистские толпы.

Около 9 часов, почувствовав окружение, дрогнули и цепи, лежавшие против батальонов Дроздовцев. Нестройными толпами стали они метаться во все стороны, ища свободного выхода... Я стоял у жел.-дор. будки возле дороги в Лежанку. Эта дорога оказалась единственной, по недоразумению не прегражденной колонной Боровского. К ней хлынул человеческий поток — все, что осталось от Белоглинской группы. Артиллерия Дроздовского провожала его сильным огнем; броневик, эскадрон 2-го конного полка, мой конвой и штабные офицеры бросились в атаку...

Остатки красных войск спасались кружным путем через с. Горькобалковское на стан. Калниболотскую. В тот же день к утру Эрдели занял станицу Новопокровскую и станцию Ею, отбив двукратно контрнаступление со стороны Тихорецкой пехоты противника с бронепоездами.

Разгром большевиков под Белой Глиной, помимо общего стратегического значения, оказал большое моральное действие на Кавказскую красную армию и ставропольское население. Принес и материальные результаты: в наши руки попало около 5 тысяч пленных, много оружия, боевых припасов и другой военной добычи. Взятие первой кубанской станицы Новопокровской подняло настроение кубанских казаков, приблизив осуществление их заветной цели.

Когда батальоны Дроздовцев входили в село, глазам их представилось тяжелое зрелище: перед пустыми окопами лежали раненые, умирающие и обезображенные большевиками трупы их товарищей. На теле Жебрака зияло 17 штыковых ран... «До поздней ночи по всему полю подбирали раненых и свозили трупы убитых и замученных офицеров и Добровольцев», — говорится в истории Дроздовской дивизии. «Когда узнали, что все трупы Добровольцев обезображены издевавшимися над ними (заживо) большевиками, озлобление оставшихся в живых стало еще больше»...

На другой день я услышал, что Дроздовский расстрелял много пленных красноармейцев. Я вызвал его к себе и указал на недопустимость такой жестокой массовой расправы, наносящей к тому же явный вред армии. Он говорил о Жебраке, о замученных Добровольцах, о том, что большевики убивают и мучат всех... Мертвенно бледный, дрожащим голосом он вспоминал о «вчерашнем» — весь во власти чувства гнева и печали. Я потребовал, чтобы подобные факты не повторялись. И знал, что Дроздовский, другой, третий — если исполнит приказ, то только формально.

Многие из Добровольцев жили тогда теми же побуждениями, которые Дроздовец-поэт, под свежим впечатлением похорон своих друзей и соратников у Белоглинской церкви, выразил в словах «похоронного марша»: «И взором души мы стремились в даль // На новую славную битву, // Где жертвы погибших в бою роковом // Отмстить мы сурово решили. // И в тихом молчаньи со скорбным челом // Мы все от могил уходили».

Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми — и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В Первом походе мы вовсе не брали пленных. Во втором — брали тысячами. Позднее мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба и методов борьбы, но и эволюции духа.

А пленные? Я видел их тогда в Белой Глине — несколько тысяч. Вмешавшись в толпу их, пытался побеседовать, желая выяснить психологию этой оглушенной

революцией, то зверской, то добродушной, воюющей и ненавидящей войну массы. Напрасно. Звериный страх сковал их мысли и речь. С недоумением, не веря своему счастью, расходились они, отпущенные по домам. И мне думалось: «Пойдут ли эти люди, и с каким чувством, вновь на войну, когда их призовут по мобилизации мы или большевики?»

Глава XXIII. Тихорецкая операция

В то время, когда армия двигалась с боями в направлении на Тихорецкую, на крайнем правом фланге ее, начиная с 18 июня, шло наступление войск Сорокина против нашего Задонского заслона (Кагальницкая — Егорлыкская) с явной целью — ударом по сообщениям армии и выходом в тыл ее сорвать нашу операцию.

Я получил тревожные донесения от Покровского и сведения о крайнем недовольстве Новочеркаска. Покровский жаловался, что ему не дают с Дона боевых припасов, у него совершенно иссякших, и настойчиво просил подкреплений. Я еще 18-го послал в ст. Егорлыкскую Корниловский полк с двумя орудиями²⁵ для обеспечения ближайшего фланга армии и предоставил затем заслону справляться собственными силами: ослабление главного удара было недопустимо; только его успех решал судьбу армии, операции и всех второстепенных направлений.

На 42-верстном фронте от Кагальницкой до Егорлыкской войск было немного: у Покровского (Кагальницкая и Мечетинская) — полк кубанцев, 2 орудия и 6 сотен донских ополчений — в общем не более 1½ тысяч; у подполковника Постовского (Егорлыкская), до прибытия Корниловского полка, ополчение станицы — до тысячи человек с 2—3 орудиями.

18 июня колонна большевиков в 2½ тысячи с артиллерией и даже с 6-дюймовыми орудиями атаковала Егорлыкскую, но была отброшена и преследуема Постовским. С того же дня началось наступление крупных отрядов Сорокина (6—8 тысяч человек) на Покровского, достигшее высшего напряжения 23 июня. Большевики взяли с. Гуляй-Борисовку и подошли вплотную к ст. Кагальницкой. Покровский с трудом сдерживал напор противника; потери, понесенные его казаками, были значительны. Между тем 22 июня выступили на присоединение к армии отдохнувшие и пополнившиеся в Новочеркасске Марковский и 1-й конный полки: для атаки Тихорецкой я стягивал все силы. Ввиду тяжелого положения Покровского, я направил полки эти через мечетинский фронт, чтобы попутно они могли помочь Покровскому.

Подойдя к Кагальницкой, полки эти в ночь на 25-е вступили в бой с большевиками, окружившими уже полукольцом станицу. Командир Марковского полка, полковник Тимановский, атаковал большевиков. После крайне упорного и жестокого боя разбил их, захватив орудие и 11 пулеметов, и отбросил далеко на запад. В этот день получил боевое крещение и вынес доблестно главную тяжесть боя вновь сформированный третий батальон Марковского полка из офицеров, прибывших с Украины и Новороссии. Победа стоила, однако, Марковцам чрезмерно дорого: 31 убит и 280 ранено. На другой же день, 26-го, полк продолжал путь и, сделав в двое суток 110 верст, присоединился в Горькой Балке к армии.

Между тем новочеркасская политика продолжала вносить холодную струю в наши настроения и областной шовинизм в стратегию. По поводу событий на мечетинском фронте и требований Покровского от Дона боевых припасов и поддержки, ген. Эльснер вошел в сношения с донскими властями. «... Ген. Богаевский мне ответил, — писал он начальнику моего штаба, — что для атамана такая слабая численность группы Покровского была полной неожиданностью; что слухи о взятии (большевиками) Кагальницкой и Мечетинской сильно возмущают население Новочеркаска... Краснов прислал мне ответ (собственноручной запиской)... Ответ этот настолько резок по своему тону, так раздраженно критикует действия армии, что я его Вам не пришлю. Общий смысл таков, что армия легкомысленно предприняла настоящую операцию, обнажив свою линию сообщений, которая теперь находится под ударами противника; он предупреждал об опасности операции на Торговую и Великокняжескую без предварительной ликвидации Батайской группы, но его не послушали»²⁶...

29-го директивой ген. Денисова мечетинский район демонстративно включен был в состав Донского фронта, и туда направлен Донской пеший полк с 3 орудиями.

Вполне своевременно и безопасно, ибо Сорокин, после поражения, нанесенного ему 25 июня Тимановским, прекратил наступление, и на мечетинском фронте наступило полное затишье; советское командование оттянуло свои отряды с этого фронта на юг, к Тихорецкой линии, предчувствуя заносимый там нами удар.

Краснову я не ответил: доклад Эльснера получен был мною уже в Тихорецкой, когда «донское правительство приносило генералу Богаевскому как бывшему Добровольцу торжественное поздравление по поводу успехов Добровольческой армии»...

Наступление большевиков в эти дни велось на всем нашем фронте. 24-го передовые части большевиков атаковали Кубанцев Эрдели у станции Ея, но были отброшены; 25-го они возобновили атаку уже силами в 4—5 тысяч при 12 орудиях и двух бронепоездах. Развивали артиллерийский огонь давно уже не слыханного напряжения, израсходовав в этот день до тысячи снарядов... Но дух их был уже подорван, и конница Эрдели, усиленная броневиками, опрокинула противника и преследовала их далее в направлении Тихорецкой.

Таким образом, 23-го Добровольческая армия нанесла поражение большевикам под Белой Глиной, а через три дня Северокавказская красная армия, отказавшись от всяких активных планов, перешла уже к обороне на всем своем фронте. Только войска «Ставропольской республики» в районе Медвежье — Успенская проявляли еще некоторую активную деятельность.

В районе Белая Глина — Новопокровская армия простояла до 30 июня, подтягивая все свои силы, обеспечивая частными боями предстоящую операцию и свое развертывание. К этому времени группировка противника армейской разведкой определялась следующим образом: 1. Под непосредственным командованием «главковерха» Калнина в районе Калниболотская — Терновская и Тихорецкая располагалось 11—12 тысяч войск — по преимуществу тех, которые уже испытали наши удары — при 16 орудиях и большом количестве пулеметов; 3 бронепоезда. 2. На севере в Незамаевской стоял конный отряд, связывавший эту группу с армией Сорокина. 3. Штаб «главковерха» находился на станции Тихорецкой, в поездах. Вокруг станции и станицы укреплялась позиция, усиливаемая проволочными заграждениями. 4. Южнее нас на линии Успенская — Ильинская находился отряд Думенко (2—2 1/2 тысячи, 4 орудия, 20 пулеметов) и в районе Привольное — Медвежье несколько ставропольских отрядов общей численностью около 4 тысяч при 4 орудиях.

Подготовку операции пришлось начать с ликвидации этих южных групп, угрожавших при дальнейшем движении нашему тылу. Удар по ним, чтобы не задержать общего наступления, требовал от начальника большой решительности и стремительности. Этими качествами обладал в высокой степени начальник 2-й дивизии ген. Боровский. И кроме того еще одним: он никогда не вел речи о малочисленности своих войск, их переутомлении и т. д.

Разговор наш 27-го был краток: «Необходимо в три дня разбить большевиков у Медвежьего, Успенской и Ильинской, с тем чтобы 30-го сосредоточиться в районе Ильинской, так как 1 июля состоится общее наступление наше на Тихорецкую...» «Слушаю». «Александр Александрович, вы взвесили, что перед вами — 115 верст пути и 6 тысяч красноармейцев?» «Исполню». «Можете выступить завтра с рассветом?» «Выступлю сегодня к вечеру...» Мы простились; вечером я провожал колонну Боровского, вытягивавшуюся из Белой Глины; а 30-го пополудни к штабу, перешедшему в Новопокровскую, подъехал автомобиль: Боровский вдвоем с адъютантом, по дороге, по которой бродили еще разъезды большевиков, приехал с докладом из... Ильинской.

«Рейд Боровского», как называли этот поход, протекал с быстротой, поистине кинематографической. Утром 28-го у хутора Богомолова, в 45 верстах от Белой Глины, колонна встретила 4-тысячный отряд большевиков с 4 орудиями. Боровский атаковал противника. Корниловский полк, под сильным ружейным огнем перейдя вброд по горло речку, захватил хутор Богомолов, разбил противника и, преследуя его совместно с кубанским конным полком, овладел Медвежьим. В наши руки попало 2 орудия, 2 пулемета, много ружей и около тысячи пленных. В ту же ночь Боровский продолжал движение и на рассвете 29-го атаковал кубанским пластунским батальоном вторую группу противника под Успенской²⁷ (1 1/2 тысячи пехоты при 2—3 орудиях); разбил и ее; при этом наш удивительный броневик «Верный»

атаковал неприятельскую батарею и, перебив ее лошадей, завладел орудием, из которого тотчас же команда броневика открыла огонь по отступающим. 30-го Боровский, разбив в третий раз большевиков, овладел Ильинской. Остатки отрядов Красной армии частью рассеялись во все стороны, частью отошли на юг и к Тихорецкой. Поднявшиеся кубанские станицы Успенская и Ильинская могли уже своими силами охранить южное направление.

29 и 30-го произошла смена дивизии Эрдели в Новопокровской частями Дроздовского. После небольших стычек Эрдели занял станицу Незамаевскую, а Кутепов сосредоточил всю свою дивизию в станице Калниболотской. Таким образом, 30-го закончилось развертывание армии на 66-верстном фронте по линии Незамаевская — Калниболотская — Новопокровская — Ильинская. В тот же день отдан был мною приказ: «Завтра, 1-го июля, овладеть станцией Тихорецкой, разбив противника, группирующегося в районе Терновской — Тихорецкой». Колоннам предстояло сделать от 35 до 60 верст, по крайней мере, с двумя боями. Но утомление окупится сохранением многих жизней, а неожиданность парализует волю противника...

План операции предусматривал окружение Тихорецкой. Эрдели должен был, захватив станцию Леушковскую, прикрыть нас частью сил с севера от Сосыки, а с остальными выйти к железнодорожной линии Екатеринодар — Тихорецкая у станицы Новорождественской, чтобы затем ударить с запада в тыл Тихорецкой группе. Кутепову — содействовать взятию станции Порошинской и атаковать потом Тихорецкую с севера. Дроздовский был направлен вдоль жел. дороги; ему предстояло овладеть станцией Порошинской и станицей Терновской и атаковать Тихорецкую с востока. Боровскому — содействовать с юга атаке станицы Терновской, после чего, прикрывшись заслоном со стороны Кавказской, атаковать Тихорецкую с юго-востока. К Незамаевской был подтянут и Покровский. Бригада кубанских казаков Глазенапа охраняла наш правый фланг и тыл от Торговой до фронта и поддерживала порядок в северной части Ставропольской губернии.

В ночь на 1-е колонны выступили. Станица Терновская и станция Порошинская, занятые красноармейской дивизией, отрядом коммунистов и тысячью местных большевиков — иногородних с одним бронепоездом, были взяты почти одним маневром. Колонна Дроздовского двигалась ночью и после привала с рассветом продолжала наступление, ведя попутно бой с бронепоездом большевиков; около 8 часов утра она появилась в виду станицы; к этому времени колонна Кутепова прямым движением выходила уступом в охват Порошинской с севера, а Корниловский полк, выделенный Боровским, направлялся в тыл большевикам по западной окраине Терновской к жел.-дорожной станции. После краткого огневого боя большевики начали отступать на всем фронте, и около 9 часов утра Корниловцы²⁸ и Дроздовцы владели уже станицей и станцией.

К полудню положение было таково: Эрдели подходил к Новолеушковской; Кутепов, потеснив небольшие части противника, стал на привал в Новоромановской; Дроздовский — в Терновской; Боровский был на полпути между Ильинской и Тихорецкой. Большевики быстро отступали перед нами к Тихорецкой. Бой кончился. Поле опустело и смолкло. Казалось, что сегодняшний страдный день не будет уже свидетелем нового боя... Впоследствии пленные передавали нам, что впечатление «конца» всецело овладело штабом Калнина. Там ждали нашего наступления только на следующий день. Главковерх и штабные чины — после бессонной ночи и тревожных переживаний сегодняшнего утра — успокоились и легли отдохнуть. Их разбудит под вечер гром артиллерии на тихорецких позициях.

Пополудни наступление наше продолжалось. Дивизия Дроздовского²⁹, с посаженной вновь на повозки пехотой, шла вдоль полотна, отгоняя своей артиллерией бронепоезда большевиков. Около 5 часов пополудни закончилось ее развертывание верстах в шести от Тихорецкой. Цепи двинулись по высокому хлебу, дошли шагов на тысячу до окопов противника, и, встреченные сильным ружейным огнем, залегли. Артиллерия большевиков обстреливала нас временами ураганным огнем. Так прошло около часу. От 5-й железнодорожной будки, где расположились штабы Дроздовского и мой, мы увидели какое-то подозрительное движение и суету у южного выхода из станицы. Там метались люди, повозки, скакали конные... Нельзя было разобрать — свои или чужие, но все это текло с юга на север, что было для нас радостным предзнаменованием...

Я приказал дивизии Дроздовского продолжать наступление. Цепи поднялись и, встреченные ураганным огнем, залегли опять. Но это была уже последняя вспышка. Прошло несколько минут, и цепи большевиков, густо лежавшие в окопах возле полотна, поднялись и побежали — не к станции, а в северо-восточном направлении. Вероятно, узнали... Станция Тихорецкая, расположенная в тылу и в центре укрепленной позиции, была уже в наших руках... Боровский, наступая с юго-востока, вдоль железной дороги Ростов — Владикавказ, прорвал Партизанским полком расположение большевиков; Кубанский конный полк его дивизии пошел по тылам, внося повсюду сильнейшую панику; Корниловцы устремились к станции.

Через четверть часа мы с Романовским и несколькими офицерами штаба встретили Боровского на станции. Там было безлюдно. Добровольцы 2-й дивизии продолжали бой в поселке; станционные служащие попрятались. Все пути были загромождены поездными составами, стоял в полной неприкосновенности и штабной поезд «главковерха». Сам Калнин, как передавали потом железнодорожники, пешком, без шапки, в одиночестве, пробрался между составами и скрылся в направлении на Екатеринодар. Его начальник штаба, полковник Ген. штаба ³⁰, застигнутый на месте, заперся в своем купе. Когда потом чины инженерной роты взломали дверь купе, глазам вошедших представилась такая картина: на полу в луже крови лежал труп полковника и рядом с ним с едва заметными признаками жизни — его жена, в которую он стрелял перед самоубийством... Его помощник и адъютант были расстреляны.

По станции откуда-то вело огонь неприятельское тяжелое орудие; в железнодорожном поселке шла частая трескотня — ружейная и пулеметная, и Боровский озабоченно собирал своих Добровольцев, вышедших из рук во время стремительной атаки, чтобы организовать на всякий случай оборону станции. А на позиции все еще шел горячий бой. В тесном кольце судорожно металась люди, ища спасения и находя повсюду смерть. До поздней ночи гремела немолчно артиллерия и трещали ружья и пулеметы. Спускавшаяся тьма придавала какой-то особенно суровый и тревожный колорит картине боя.

Только против левого крыла дивизии Дроздовского противник побежал, не приняв атаки. На правом фланге Солдатский полк бросился на окопы и в ожесточенной штыковой схватке уложил много большевиков. Остатки их бежали на север и северо-восток, преследуемые ротами Солдатского полка и Кубанцами Боровского. Там они нашли конец, встретив войска Кутепова...

Дивизия Кутепова, заняв без боя станицу Тихорецкую, к 4 часам частями Марковского полка преградила большевикам северные пути отступления и жел. дорогу со стороны Сосыки. Наступая затем на станцию, Кутепов встретил отчаянное сопротивление. Перешедшие в контратаку против Марковцев большевики были опрокинуты ими обратно в окопы; левее — 1-й Кубанский полк, атакованный внезапно двумя броневиками, стал отходить, преследуемый красной пехотой. Наша артиллерия поддержала полк огнем, разбила один броневик, а 2-й конный полк, бросившись на выручку, атаковал пехоту противника, налетел на окопы и перерубил много большевиков, понеся при этом сам тяжелые потери.

На поле, покрытом высокой пшеницей, в ночной темноте связь между частями 1-й дивизии была совершенно нарушена. Части перепутались между собой и с большевиками. Происходил ряд недоразумений, иногда комичных, часто фатальных. В такой сложной обстановке Кутепов продолжал наступление, окончившееся полным разгромом и уничтожением противника.

Я видел на другой день это поле. Жуткое зрелище представляли длинные линии окопов — по обе стороны дороги в станицу Тихорецкую — сплошь заваленные человеческими трупами... Они — вчера еще вольные или невольные защитники окопов — прекратили огонь и подняли на ружьях белые флаги (платки); но когда Добровольцы и с ними верхом Кутепов со штабом подъехали к окопам, их встретили залпом. Перебили людей, ранили адъютанта начальника дивизии. Поэтому, когда окопы попали, наконец, в руки Добровольцев, пощады не было никому...

На ночлег войска расположились по квартирам в районе Тихорецкой, выдвинув авангард на север, запад и юг. Под утро получено было донесение от Эрдели, что дивизия его, пройдя в этот день с боем около 60 верст, обойдя Леушковскую с севера, к ночи подошла к Новорождественской и жел. дороге, довершив окружение

тихорецкого узла и случайных остатков спасавшегося бегством противника. Семь поездов успело, однако, проскочить в Екатеринодар.

Значение для нас победы под Тихорецкой было весьма велико. В стратегическом отношении мы 1) разгромили окончательно 30-тысячную группу Калнина; 2) приобретали обеспеченное сообщение с тылом (Тихорецкая — Торговая), свободу действий и возможность переброски войск по железной дороге в трех важных направлениях; 3) разъединяли отдельные группы красных войск и в частности ставили в весьма затруднительное положение армию Сорокина, которая должна была теперь держать фронт на север (немцы и Донцы) и на юг, имея под ударом свою линию сообщений³¹.

В материальном отношении Добровольческая армия приобрела огромные по нашим масштабам и неопределимые для нас трофеи: массу подвижного состава, три бронированных поезда, аэроплан, броневые автомобили, около 50 орудий³², в том числе морские дальнобойные, большое количество ружей, пулеметов и огнестрельных припасов; много различного интендантского имущества.

Наконец, в моральном отношении «Тихорецкая» еще более укрепила уверенность в своих силах в армии и ее престиж в глазах друзей и врагов. «Взятие Тихорецкой,— доносили из Новочеркасска,— произвело сильное, можно сказать, радостно ошеломляющее впечатление не только среди всех кругов населения, но и среди всех без исключения членов правительства»... Кубанцы начали поступать в ряды армии еще более интенсивно... Большевицкая пресса прекратила обычное глумление над «белогвардейскими бандами», но удвоила злобность. А военный комиссариат «ввиду серьезности момента и надвигающейся со стороны врагов революции на Северо-Кавказскую республику опасности» объявил вскоре «всеобщую мобилизацию»³³...

(Продолжение следует)

Примечания

1. В конце месяца строевой отдел был разделен на управление генерал-квартирмейстера и дежурного генерала, во главе которых стали полковник Сальников и генерал Трухачев.
2. Оставался временно в Новочеркасске.
3. Часть его с 2 орудиями оставалась в Донской армии.
4. Сформирована на походе.
5. Придана была к ней часть конно-горной батареи дивизии Дроздовского.
6. Последний в починке.
7. Внешнее объединение первых двух последовало 14 мая, прочих — в начале июня, когда образовалась «Северо-Кавказская советская республика».
8. Большевицские боевые расписания нам сообщали и из Москвы.
9. Тихорецкая, Екатеринодар, Армавир, Майкоп, Новороссийск, Ставрополь и др.
10. События на Терекке не отражались непосредственно на этой операции.
11. Сальский округ с центром Великокняжеской.
12. Особенно Мартыновка и Орловка.
13. Дивизия ген. Боровского 28 июня заняла с. Медвежье в 95 верстах от Ставрополя.
14. Некоторые отделы отвоевали право формирования чисто кубанских частей, которые и перешли к нам.
15. «Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков».
16. Иногородними.
17. Позднее сменил Автономова.
18. Разговор между Красновым и Эльснером 15 июня. Отчет № 228.
19. От 31 июля.
20. Сорель [Альбер]. «Европа и Французская революция».
21. Полковник Кутепов командовал бригадой во 2-й дивизии.
22. В районе Кизлярского и Петровского участков Владикавказской жел. дороги царил анархия и велась борьба между терцами, горцами и большевиками.
23. 1-я дивизия предназначалась ген. Казановичу, который должен был вскоре вернуться из Москвы, где он находился в секретной командировке.
24. В походе пехота передвигалась обыкновенно на подводах, совершая поэтому огромные марши.
25. Через несколько дней возвращены к своей дивизии.

26. Доклад от 3 июля, № 9.
27. В 34 верстах от Медвежьего.
28. Пошли затем на соединение со своей дивизией.
29. К этому времени состав ее усилился «Солдатским полком» (из мобилизованных и пленных) и Кубанским пластунским батальоном. См. ниже.
30. Фамилии не помню.
31. Кушевка — Тимашевская — Екатеринодар.
32. Более половины исправных или требовавших небольшого ремонта.
33. Из приказа Северо-Кавказского комиссариата.

Примечания редакции

- I. *Калнин (Калниньш) Фридрих Карлович* (1887—1938) — командир Красной Армии. Член РКП(б) с 1920 года. Участник первой мировой войны, штабс-капитан. В 1918 — начале 1919 г. находился в германском плену, по возвращении из которого добровольно вступил в армию Советской Латвии. С февраля 1919 г. командир 8-го Латышского стрелкового полка, затем 1-й бригады Латышской стрелковой дивизии. В октябре 1919 — июле 1920 г. начальник Латышской стрелковой дивизии в боях с войсками Деникина, одновременно в апреле — мае 1920 г. командующий Перекопской группой войск 13-й армии. В сентябре — октябре 1920 г. начальник 42-й стрелковой дивизии. Затем на командных должностях и на военно-преподавательской работе, комдив.
- II. *Думенко Борис Мокеевич* (1888—1920) — командир Красной Армии. Член РКП(б) с 1919 года. Участник первой мировой войны, вахмистр. Весной 1918 г. организовал кавалерийский отряд, влившийся в партизанский отряд Г. Шевкоплясова, который вел борьбу с донской контрреволюцией. С июля 1918 г. командовал 1-м кавалерийским Крестьянским социалистическим полком, развернутым затем в 1-ю Донскую кавалерийскую бригаду (сентябрь 1918 г.), а с ноября 1918 г. — 1-й Сводной кавдивизией 10-й армии, участвовал в обороне Царицына. С апреля 1919 г. помощник начальника штаба 10-й армии по кавалерийской части; в мае командовал группой войск 10-й армии, а с сентября 1919 по февраль 1920 г. Сводным конным корпусом. По ложному обвинению в убийстве военкома корпуса В. Н. Микеладзе и подготовке мятежа осужден и 11 мая расстрелян.

Сведения о В. Л. Покровском (Вопросы истории, 1991, № 7—8, с. 138, прим. IV) уточнил кандидат исторических наук, доцент Н. А. Ефимов: отчество Покровского не Леонтьевич, а Леонидович; год смерти — 1922-й (убит на границе Болгарии и Югославии).

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Мои заметки

Ю. В. Готье

1920 год

19 июля/1 августа. Несколько тихих дней в Пестове, проведенных в сенокосной работе. Моя специальность — подавать сено на возы. Кроме того, с С. К. Шамбинаго пилили и кололи дрова. Такие труды я перемежаю с небольшими занятиями и с заботами и попечениями о Володе. Все дни стояла тропическая жара.

27 июля/9 августа. Неделя, проведенная в Москве со всеми прелестями большевицкой столицы. Жара нестерпимая, тропическая, какой Москва давно не запомнит. При московской жаре ее обычная духота поднялась до небывалых размеров. Не двигаясь, можно было обливаться потом. А между тем, пришлось, по обыкновению, ходить довольно много, и прежде всего пропутешествовать на Введенские горы на могилу несчастной Лизы Рар, умершей на днях от заворота кишок. Я не запомню такого непрерывного ряда молодых смертей, которые сеют несчастье, горе, сирот и неутешных людей. Нина, Шура Граве, Лиза. Ведь и эти смерти стоят в связи с ужасной жизнью, на которую мы осуждены; все это в самой тесной и прямой связи одно с другим. Я пришел на Введенские горы в 7 часов, и все уже было заперто. Я пробрался задними воротами и был у своих могил и у Лизы. Какое запустение на этом, когда-то лучшем из Московских кладбищ! Обратный шел Гороховским переулком, мимо Межевого, где давно не бывал¹; каждый взгляд на давно не виденные улицы Москвы обливает сердце кровью и приводит в ужас от развалин, которые видишь везде.

В прошлый вторник тихо и скромно справили 10-летие директорства кн. Б.Д.Голицына в Музее; были Яковлев, Романов, Борзов и я. Выпили и вина, и водки, полбутылки коньяку и одну бутылку шампанского. Тепло и сердечно поговорили, высказав князю наши самые лучшие пожелания. Многие у нас в Музее до сих пор не представляют себе его истинного значения: а между тем, этот безукоризненно порядочный барин и джентельмен [так в подлиннике] является поистине живой совестью Музея — он 10 лет мешал нам ссориться, делать гадости и заводить интриги. В «революцию» это могло бы расцвести особенно пышным цветом, а именно при нем и с ним это невозможно. Дай ему Бог сил и здоровья на долгие годы, пока нас не вынесет на какую-нибудь мель и мы не отдохнем от пережитых бурь.

Среда — новая прогулка: я пошел участвовать в разгрузке баржи с дровами для Музея. Мы получили баржу с 600 сажень дров, пришедшую в Москву с Унжи. Ее надо разгрузить, иначе ее отнимут, а, между тем, в этой барже залог тепла и жизни в Музее. И вот все служащие принимают участие в этой работе, таская дрова с баржи и выкладывая их на берегу. Я работал два с половиной часа, и мне даже было весело, конечно, благодаря очень хорошей компании. Работа шла довольно дружно, под командой Д. Н. Егорова.

27 июля/9 августа (продолжение). Думается, однако, что разгрузки этой хватит еще очень надолго.

В четверг свидание с С. В. Бахрушиным и с Радое Ивановичем — снова, как и

¹Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, №№ 6--12; 1992, №№ 1--5, 11--12; 1993, № 1.

месяц назад весьма оживленный разговор, главным образом о будущих взаимоотношениях России и Сербии.

Пятница — отъезд из Москвы с заездом в Пушкино, где надо было устроить перевозку книг Е. Е. Арманд. Какой ужас и запустение там, где когда-то кипела жизнь! Дом Е. Е. обращен в клуб; все растащено, разваливается и течет; дом Ад. Е. под яслями, и ни одного предмета не осталось в комнатах. Две старухи впихнуты в дом стариков и печально доживают в нем век среди обломков минувшего. Сад зарос, везде бурьян, беседки поломаны. Ужас и мерзость.

Я продолжаю не читать газеты, ибо они вызывают во мне тошноту. Однако общее положение все же очень интересно, и, кроме того, оно меняется каждый день. Польша побита, и 6—7 [августа] русские красные были в 25 верстах от Варшавы; взяты Ковель, Тарнополь и Бучач, подходят к Седлецу². На это Европа не может не реагировать. В Лондоне разговоры с Каменевым-Розенфельдом и Красиным прекращены, но этого, конечно, мало. Европа накануне нашествия Батыев или гуннов в виде русских «освободителей», если она не справится с большевичьим гнездом. В этом и заключается интерес момента. На прежней мертвой точке дело стоять не может; что-то должно произойти.

28 июля/10 августа. Перелом лета. Свежо, много желтых листьев, хотя по-прежнему очень сухо. Лето проходит, но вокруг ничего не меняется. И оттого грусть, тоска и мрак души. Чувствую, что живу без своего я, а как какая-то пустышка.

31 июля/13 августа. Ездил в Сергиево, подготовлял принятие Лаврской библиотеки. Видел прелестную картину — вся площадь перед Лаврой, за исключением гостиницы, а теперь — совдепов, выжжена, рухнула также угловая Пятницкая башня и Святые ворота. Пожар начался оттого, что посадские товарищи, раскрыв товары, подлежавшие раздаче, подожгли ряды, чтобы скрыть следы. Это было продолжением того пожара, который был на Страстной неделе 1919 года. В Лавре все грустно и скучно, и трава забвения затягивает ее внутри. Товарищи вновь вопят, что Петербург в опасности — вероятно, из системы жидовского «гевалта». На Варшаву прут и, кажется, на Врангеля тоже. Будущего столкновения со всем миром все еще приходится ждать. Со всем этим тоска и мрак души овладевают совершенно; быть может, этому способствует и погода — немного осенняя, серенькая, после хорошего дождя, прошедшего ночью. Нет энергии для работы, нет желания жить и работать.

3/16 августа. Снова несколько дней отдыха. Небо хмурится. Жаркое лето прошло, и, может быть, оттого чувство прошедшего лета и грядущей зимы особенно гнетет. Я давно не чувствовал такого мрака души, как за последние дни. Все думается о невозвратном былом и тяжелом будущем. Думается и о себе, своей роли и значении в остающемся кусочке жизни. Мне кажется, что все мое теперешнее существование состоит в процессе личного отречения от себя и всего личного. Это тяжелый процесс, особенно для меня, любившего жизнь и свою личную волю. Все для Володи, ничего для себя, а как я еще плохо справляюсь с моими обязанностями относительно Володи! Для себя я смотрю только внутрь себя: чтение, воспоминания; внешне меня ничего не интересует, за исключением одного — уехать из Совдепии.

10/23 августа. Вновь Пестово после недели в Москве. Личных наблюдений мало; дни были спокойные. Вторник и среду (4, 5) разговоров в Москве было мало, склонность к слухам и сплетням испытывала угнетенное состояние, которое сменилось волной оживления в последний день моего пребывания в Москве — 8/21. В этот день (суббота) большевики напечатали военную сводку, из которой ясно, что они под Варшавой потерпели большую неудачу: упомянуто, что противник теснит их в Пултусском направлении, что они перешли на новые позиции в 35 верстах от Варшавы, а у Бреста перешли на правый берег Западного Буга. Это свидетельствует о больших переменах. Остается вопрос — что, эти перемены случайны и кратковременны или же это начало длительных отступлений и поражений, вроде того, как было с Деникиным и Колчаком³? Ответа надо будет подождать.

В процессе «Тактического центра» большевики решили быть милостивыми и, как думают некоторые, протягивают руку интеллигенции. Я не знаю, так ли это, но, во всяком случае, хоть то хорошо, что [нет] смертных приговоров. По-видимому, самая незавидная роль выпала на долю тех, которые виляли (Котляревский, Сергиевский, Виноградский, Устинов). Они скомпрометировали себя перед обеими сторонами. Кое-кому все-таки придется посидеть — из них мне вовсе не жалко Кишкина, Котляревского, Мельгунова — три жалких ничтожества, подражавших лягушке из басни «Лягушка и вол», и А. Л. Толстую⁴, у которой вместе с Чертковым и с папашей рыльце в пуху.

Я получил интересное письмо от Эммы Вилькен. Прилагаю его здесь как материал⁵. У меня и у всех читавших его впечатление, будто оно прислано из другого мира.

Вопросы академической жизни остаются очень и очень невыясненными. Встает вопрос, не

нужно ли постараться что-либо делать, чтоб идти вразрез с нарастающей разрухой? Нет ли в этом и нашей вины? Отдохнув, надо будет пристально об этом подумать. Уехал Яковлев с семьей в Симбирск; одним другом и умным собеседником меньше. Вернется ли он?

13/26 августа. Ездил в Сергиев Посад и принял окончательно Лаврскую библиотеку в ведение Музея. Ходил с визитом к наместнику ⁶, но его не застал; он уехал в Москву. В связи с процессом приемки случился маленький эпизод, который, если посмотреть на него с мистической точки зрения, может показаться имеющим значение. Приняв библиотеку, мы, т. е. Румянцевский Музей и я, его представитель, начали новое дело, а служащие в библиотеке вступили в новую полосу. Я попросил библиотекаря о. Алексия отслужить молебен, который он и отслужил для нас двоих — Мансурова и меня. Молебен был, конечно, преподобному Сергию. Затем я пошел к о. Диомиду, ризничему, с которым должен был просмотреть рукописи, находящиеся в ризнице. О. Диомид оказался в Троицком соборе, который закрыт, запечатан и куда пускают только по особым пропускам. Спросив у часового, там ли о. Диомид, и получив утвердительный ответ, я спросил, можем ли мы с Мансуровым туда пройти. Часовой и разводящие, молодые мальчишки, сказали — да; мы вошли в притвор и, постучав в железные двери, запертые изнутри, увидели, что в маленькое окошко выглянуло совершенно ошеломленное лицо о. Диомиды, который спросил нас в изумлении: «Как Вас сюда пустили? И меня ведь только по особым пропускам пускают!» Потом, обращаясь к нам, сказал: «Хотите приложиться?» Что мы и сделали. 12/25 августа 1920 г. мощи преподобного Сергия были в целости и сохранности. Таким образом вышло, что преподобный Сергий как бы отозвался на наш молебен и, дав возможность войти в Троицкий собор, благословил Румянцевский Музей блюсти его книжное достояние.

17/30 августа. Снова несколько дней в Пестове при чудной погоде и сносном настроении. Известия, которые до нас доходят, таковы, что красная армия действительно потерпела большой удар. Но «они» все-таки будут продолжать топорщиться, ибо другого выхода им нет. Я перечитал романы Маркевича ⁷. У этого, в свое время охаянного русской интеллигенцией, писателя много верных замечаний о русском обществе. В особенности ценны указания на его рыхлость и отсутствие крепких и твердых убеждений.

Нашел несколько стихов Anatole France'a. Записываю их, потому что они очень гармонируют с моим самым глубоким настроением, потаенным, скрытым ото всех: *Les mortes, en leurs temps jeunes et désirés, // D'un frisson triste et doux troublent nos sens rêveurs; // Et la fuite de jours, le retour des soirées // Nous font goûter la vie avec d'âpres saveurs...* ⁸.

Стараюсь не думать о том, что делается в Москве, все равно там предстоит много неприятностей.

18/31 августа. Сегодня я начал читать произведения Писарева ⁹. Какая бойкая фальшь и великая пошлость. В нем хорошо виден отец или дед современного сверхнигилизма. Свергаются все авторитеты, как и теперь; производятся первые попытки той «переоценки ценностей», с которой русские пошляки-интеллигенты не переставая носились с тех пор. Гоняясь за новым («мы миру путь укажем новый»), и Писарев и сменившие его поколения горилл, возомнивших себя обновителями человечества, т. е. самые опасные безумцы во всем роде человеческом, — смешивали с отжившими авторитетами вечное достояние и ценнейшие приобретения общечеловеческой цивилизации и переоценку ценностей превращали в нашествие гуннов или Батыя. Еже и бысть в дни наши!

19 августа/1 сентября. Полное уединение. Тоскливо на душе. Много еще терпеть придется тем, у кого достанет сил вытерпеть до конца.

20 августа/2 сентября. Думая о себе, я чувствую, что вся моя 46-летняя жизнь ушла в прошлое; между нею и настоящим нет никакой связи, кроме маленького Володи. Вся преемственная связь оборвалась с Ниной, и теперь надо строить что-то из обломков для того, чтобы дожить оставшуюся небольшую часть жизни. Выгода в этом только та, что действительно познаешь, что все — суета сует. Пройди жизнь нормально, и было бы ее жаль, что она прошла; а сейчас — не жаль.

21 августа/3 сентября. Бедная русская наука — никаких пополнений новыми силами и постоянные удары и потери. Уж зима была ужасна — а теперь, летом, такие две рядом стоящие смерти, как смерть Тураева и Шахматова ¹⁰. И на этой ниве останется, видно, одно пустое место!

Народники идеализировали народ *an und für sich* ¹¹. Народники и Толстой со своим враньем сытого барина призывали всех опуститься до низов. Идиоты разного вида старались развивать народ развлечениями и театром. Но ведь ни одна «развивающая» и прогрессивная душа не считала нужным внедрять в этот народ чувство долга, честности и чести. А теперь пожинаем — злонравия достойные плоды.

23 августа/5 сентября. День рождения Нины. Помянули с Леной Репман и Володькой. Пусто. Судя по доходящим сведениям, общее положение почти столь же серьезно [так в подлиннике], как год назад. Чем оно разрешится?

26 августа/8 сентября. До последнего времени я всегда знал, что я делал и что мне, по-моему, надо было делать. А теперь я не знаю, что мне предпринимать теперь, когда что-то нужно устраивать. К чему стремиться — к отъезду? Но Володя так мал. Отказываться от этой мысли? Значит погубить его и остатки себя, хотя на последнее наплевать. Верить, что что-то выйдет, что образуется нечто из сплошного погрома, называемого русской революцией? Но что же делать, когда этой веры нет, когда нигде и ниоткуда не видишь, чтобы выросло Доброе семя. Попытаться строить новую личную жизнь? Но невидимые узы неразрывно связывают с дорогим прошлым; обязанность и долг велят быть воспитателем дорогого обломка этого прошлого; да, наконец, и поздно, поздно. Жизнь кончилась в 46 лет — далее остается житие, сколько протянется, скрашиваемое несколькими редкими друзьями и своим делом, своей работой, которая при существующих условиях жизни — не нужна и результаты которой нельзя даже опубликовать.

Официальная работа в Музее тяжела и скучна. Боже, как она мне надоела! Направлять работу 200 интеллигентных и голодных лодырей, и во имя чего? Чтоб сохранить учреждение, зная, что этим его не сохранишь! Преподавание? Оно сведено к нулю. Мои заметки, помимо меня, приобретают характер субъективности, которой я им ранее старался не придавать. Но что же делать? Тон можно было выдержать, когда было что-то свое, а когда его нет, когда все исчезло, тогда невольно крик души доходит и до дневных заметок.

Последние дни в Пестове. Вчера, в качестве исключительного явления в сем году, шел дождь. Осень надвинулась быстрыми шагами.

29 августа/11 сентября. Последний день в Пестове, завтра в Москву. Думаю об этом с полным равнодушием, хотя устраивать что бы то ни было представляется трудным и тяжелым.

1/14 сентября. Москва обдала меня своим зловонием, физическим и моральным. Все опять полно слухами. На западном фронте фортуна переменилась. В то же время серьезное [так в подлиннике] внимание, по-видимому, обращается на Врангеля. Скучно и пусто. Были с Володей в монастыре, где все в порядке.

3/16 сентября. В Музей заявился товарищ Стеклов за книгой, и таким образом в моей небольшой коллекции личных большевических впечатлений прибавилось еще одно звено. Это плотный, высокий жид, которого выдает не тип, но акцент. Он был вежлив, даже подчеркнуто любезен. Во всяком его слове и жесте сквозит самодовольство разъявшегося семита, который чувствует себя хозяином.

Товарищей продолжают бить так, как не били еще никогда.

22 сентября. Не записывал, потому что было некогда. Невозможность держать записки дома очень вредно влияет на исправность их ведения. На общем фоне события развиваются в том же направлении. «Их» бьют, как никогда не били, но всего сделанного до сих пор мало, надо не только бить, но добить. Если сейчас будет найден выход, хотя бы временный, то они опять оправятся, и все пойдет по-прежнему, ибо это будут только удары по подушке, какими были до сих пор все удары по царской и советской России. Чтобы добиться гибели большевиков, надо подушку прорвать так, чтобы перья разлетелись. Если переговоры в Риге к чему-нибудь приведут, то большевики бросят все силы на Врангеля. Если кто-нибудь думает о свержении большевиков, то в Риге мира не должно последовать¹².

11/24 сентября. Общее положение все то же. Слухи растут и ширятся. Передают об огромных потерях, главным образом пленными и интернированными в Пруссии, и об эвакуации больших городов юга. При Народном Комиссариате Просвещения образовали комиссию по приобретению книг за границей. Что выйдет, не знаю. В остальном все без перемен, и все так же тоскливо.

13/26 сентября. Общее положение то же. Большевизия напоминает мне подушку, которую выколачивают: она вдавилась, но если ее бить перестанут, то она опять примет свою нормальную форму; вопрос в том, доколотят ли ее до того, что из нее полетит пух? Иду пилить дрова.

17/30 сентября. Три дня на пилке дров в Домодедове по Рязанско-Уральской железной дороге¹³. Дивная погода, очень хорошая компания из 9 представителей и представительниц Румянцевского Музея, хорошая пища и сравнительно удовлетворительный ночлег сделали эту экспедицию приятным, хотя и не легким пикником. Пилили дрова 5 профессоров Московского Университета, три барышни и один профессиональный пильщик, разделившись на 3 тройки. Я был с М. В. Сергиевским и Н. С. Воскресенской. Оба отличные работники и хорошие

компаньоны. Мы сравнительно легко выработали в три дня 3 кубических сажени. Я не чувствовал большой усталости, и мне наоборот казалось, что работать под дивным сентябрьским солнцем лучше, нежели сидеть в Музее и в течение 5 часов говорить с разными людьми не переставая. По вечерам сидели и болтали очень оживленно о путешествиях, о науке, и даже мы с Борзовым в последний день вывернули старые музейные сплетни. Ночевали в помещении старой чайной, на большом войлоке, расстеленном на соломе. Было жестко, но клопов не было, так что было вполне терпимо. Я вернулся в бодром и оживленном настроении. В Москве положение прежнее. Процесс натиска на большевиков еще не закончен.

21 сентября/4 октября. Общее положение то же. Опять отовсюду речи, что большевикам плохо, что они испуганы и т. д. Теперь, кроме того, настойчиво говорят о новом расколе среди них и о том, что более всего шансов имеет наиболее крайнее крыло, руководимое Бухариным. Конечно, если будет им очень плохо, то, вероятно, будет момент, когда они будут особенно больно жалить.

В товарищеской среде мы обсуждаем вопрос, нужно ли, должно ли и можно ли чествовать Соловьева по случаю 100-летия со дня его рождения. Бахрушин и я стояли за чествование. Богословский и Любавский — против. Так как не было единства, то пришлось вопрос счесть поконченным. Богословский уверял, что нельзя сказать того, что нужно, и поэтому надо молчать. Мы говорили, что о Соловьеве можно сказать многое, что полезно услышать и что не может быть даже ими признано за явно враждебный акт. Кто из нас прав? Я сам хорошо не знаю.

Опять в комиссариате устроилась комиссия для выписки книг из-за границы. Я стараюсь. Для чего — сам не знаю. Первый раз в жизни чувствую, что стал настоящим фаталистом. Пусть выйдет, что выйдет; не знаю сам, как строить остатки жизни.

23 сентября/6 октября. Они помирились нашими головами. Сегодняшнее известие о перемирии между большевиками и поляками повергло меня в уныние. Я не сильно надеялся, но подушку все-таки били, и пока ее били, тень надежды была. Теперь она опять распрямится; опять передышка, опять усиление и новая полоса безнадежности для рабов. Все прочее бледнеет перед этим сознанием.

24 сентября/7 октября. Узнал кое-что о том, как люди ездят в Ревель. Не все будет легко и хорошо, даже если удалось бы туда уехать. Один из трудных вопросов — как технически проехать, в случае удачи, дальше. Надежды мало, а пробовать все-таки нужно, особенно теперь, когда определяется, что в будущем ждать нечего.

26 сентября/9 октября. Вчера по делам выписки книг из-за границы ходил в коллегия Комиссариата Народного Просвещения, заседающую в доме Егорова в Александровском саду: управляющий делами Маркус ходил и выпрашивал у баб-уборщиц стоячую лампу. В его отсутствие одна баба не давала лампы, боясь, что ее украдут. Сегодня смятение по случаю сбора вещей; т. к. я имел глупость заменить на завтрашний день председателя домового комитета, то, что называется, влип в скучную историю. Читал «Berliner Tageblatt» за август. Отношение к нам холодно-корректное. Ясно, что вся Европа понимает, что [с] большевиками дела иметь нельзя. Но ликвидация войны — дело тяжелое, и у Антанты много и других дел на плечах. Разгром большевиков в Польше был особенно силен на заколдованном месте, где погиб в 1914 году Самсонов¹⁴.

28 сентября/11 октября. Без перемен. Дело мира застряло. В Университете обсуждаются кандидатуры двух профессоров, которых допускают в «президиум» Университета¹⁵. Решили наметить двух жертв. Анекдот: младшие служащие намечают в помощники ректора швейцара Утешева. Дальше идти нельзя.

29 сентября/12 октября. Разговор с Покровским о покупке книг за границей. Оказывается, что мы виноваты, что до сих пор дело стоит. Все, что мы приготовили, оказалось не так; завтра назначена новая аудиенция. Мирные переговоры опять затянулись. Что-то там хромает.

2/15 октября. Выяснилось, что тов. Покровский не желает, чтобы я ехал в Ревель или Ригу, и, по-видимому, здесь имеет какое-то значение моя французская фамилия. Практически можно было бы, может быть, настаивать, но что с Володей не пустят — это ясно; в таком случае, мне все равно. Однако и это, и то, что мир они какой-то все-таки заключили, ставит ребром принципиальный вопрос о выселении. Если не сейчас, то когда-нибудь. Сейчас все обращается, по-видимому, на Врангеля; что из этого выйдет? Во всяком случае, на время полоса слухов сменится полосой молчания. В четверг, 13-го, зашел на собрание профессоров и преподавателей Университета, которое выбрало двух манекенов в новый «президиум». Жалкая и грустная картина, но всего грустнее — наш последний ректор Новиков, жалкий трусишка и ничтожество, возвращенное кадетами!

4/17 октября. Съездил к Троице обыденкой; тускло и скучно там; нет более того, что мне было дорого там; нет и самой Лавры. С деловой точки зрения все благополучно.

Мир подписан; условия пока опубликованы только территориальные: отдают пол-Волыни, пол-Подолии, Гродненскую, Виленскую и часть Минской губернии ¹⁶. Если поляки взяли это взаправду, то в будущем союз России и Германии обозначается сам собой, и он будет направлен против Польши ¹⁷. Для украинцев петлюровского типа это тоже очень полезно: не дружи с поляками. Однако, быть может, все это будет в свое время пересмотрено. По сведениям, против красной армии на западном фронте стоят войска Савинкова и Балаховича ¹⁸ в количестве 50 [тысяч], а кто говорит и более человек. Значит, война с большевиками будет продолжаться, и каждый день может нас дарить новыми сюрпризами. Все же боюсь, что воссоздать единую и неделимую будет невозможно или, по крайней мере, очень трудно. Русские все потерпели крах: царская власть вылетела в трубу и всех в нее выпустила [?]; правящая бюрократия, потому что не умела устроить дворцового заговора; кадетоиды и кадеты во образе Львова и Милюкова, потому что не сумели устроить революцию и руководить ее [так в подлиннике]; с.-р., во образе Керенского, потому что братались с большевиками; большевики, потому [что] уничтожили и запятнали все, что оставалось ко времени захвата ими власти; весь народ, потому что он умел только громить, слушая подстрекателей, а потом умел только молчать, когда его обирали и заставляли воевать для жидов. Кто же может все это собрать вместе и исправить?

6/19 октября. Был приглашен в «Наркомат Внеш. Торг.» по вопросу о распределении книг, приобретенных в Англии «товарищем Красиным». Был в обществе Кауфмана, Леви, Френкеля и Капенеленбаума и еще одной Ривки. Это ли не Россия!? Нужно, впрочем, отдать им справедливость, что они рассуждают более здраво, нежели тов. Покровский. Сегодня был в Наркомпросе у жида Гринберга, который положительно произвел на меня хорошее впечатление. Толковый и благожелательный человек; петербуржцы недаром о нем хорошего мнения ¹⁹. Но, Боже, какой акцент! Сегодня вдруг объявлено что-то вроде военного положения и арестовано много военных. Чего же они испугались?

Получил письмо от Ерофеевых, адресованное собственно Вилькенам, а в случае ненахождения их — мне. Оно настолько интересно, что я прилагаю его сюда ²⁰.

8/21 октября. Идут аресты среди трех групп — с.-ров, бывших сановников и военных. Почему — еще пока никто не знает. Они говорят, что открыт новый заговор. Я думаю, что никакого заговора нет, а им почему-то нужно его создать. Длительного и прочного мира также не может быть. Да и сами они в него не верят. Что-то вокруг кипит, но мы здесь продолжаем быть совершенно слепыми. Более, чем когда-либо, я чувствую, что Россия есть вторая Мексика. Долго придется расхлебывать ту кашу, которую заварили Николай II, с одной стороны, русские интеллигентные преступники-мечтатели — с другой. На наш несчастный век хватит. Трагедия русских цивилизованных людей очень похожа на трагедию «Титаника». Ехали и неожиданно наехали на льдину. Теперь мы все — утлые обломки, плаваем на океане и тонем один за другим или уже сознаем себя утонувшими. Чем далее, тем более я причисляю себя к последним. Последняя мысль — хоть бы ребенка спасти.

Прилагаются письма Ерофеева, Л. Н. Красильниковой и Платоновой и неотосланное письмо Вилькенам ²¹.

11/24 октября. Положение, видимо, острое. Большая информация от В. И. П[ичеты] о его пребывании в Риге. Большевики заключили мир, чтобы удержаться во что бы [то] ни стало у власти. Поляки, устами Грабского ²², признали, что им удобнее иметь дело с большевиками, нежели с Врангелем. Для Белоруссии и Малороссии мир неприемлем, т. к. половину обеих областей отдает полякам. Впрочем, это я считаю для русских идиотов полезной педагогической мерой: авось вылетят от антипатриотизма и от самоопределения национальностей. Хотя, по правде сказать, полякам в выучку следовало бы отдать не одних бело- и малороссов, а саратовцев сакулинского типа и многих москвичей с.-р. и н.-с. толков.

Заседание в «НК Внешторге» в помещении облупленного Купеческого банка (Боже, во что они превратили этот излюбленный московский центр!) по поводу закупки книг за границей. Из 11 человек 5 жидов; двое — Кауфман и Лапиров-Скобло ²³ — толковые, остальные бледны и бесцветны.

В «Известиях» от субботы, 23-го, открытое письмо нашего музейного казначея Н. В. Козлова о выходе из партии с.-р. и о том, что он имеет в виду поступить в члены РКП. Он объясняет свой шаг тем, что ему надоело сидеть в тюрьме и что редакция «Известий» не хотела печатать заявление только о выходе из с.-р. Он, однако, на самом деле в РКП и не собирается вступать. О нравы русских хамов!!

13/26 октября. Слухи упали. Это обычное явление после особенно бурных моментов.

Писал проект декрета о порядке закупки книг за границей. Вот до чего приходится доходить. Сегодня объявлено о 25-летнем юбилее ученой деятельности тов. Покровского. Рептильные газеты полны рептильной лжи.

16/29 октября. «Они» полны буржуазных предрассудков. Большевицкий Аракчеев, тов. Покровский, празднует свой 25-летний ученый юбилей. Уже одно это есть буржуазный предрассудок! Но юбилей (25 лет назад он читал свою первую лекцию) празднуют даже, говорят, с банкетом. По этому поводу мелкий подлец Сторожев разразился в газете «Коммунистический труд» статьей, где обливает помоями Ключевского, говоря о его «алкоголическом пороке». Как и следовало ожидать, с заключением передышки — мира, слухи в Москве пали, как ключ ко дну.

20 октября/2 ноября. Забота дня — задержка академического пайка. Что скрывается за этим? Какой сюрприз? Надо думать, узнаем на днях. Общее состояние — опять зимняя безнадежная скука во всех отношениях. Так как у нас в доме топят, то сидение в зимней берлоге более терпимо. Долго беседовал вчера с инженером Переверзевым²⁴; оказывается, эта добродушная фигура — тоже старый революционер, ес-ер 1905 [года] и был председателем железнодорожного союза! *Ou la révolution va-t-elle se nicher*²⁵!

22 октября/4 ноября. Циркулируют разные слухи о положении на юге. Некоторые распространяют сегодня слух, что их уже побили. Очень интересно, что будет в ближайшие дни. Новая Марна, подразумеваемая под этим переход в наступление в разгаре отхода, или же эти слухи — ложь, и им действительно удастся затереть Врангеля? Сейчас вернулся от О. М. В[еселкиной], где были Грушки и Дав. И. Иловыйский²⁶, приехавший из Ростова. По дороге домой спросили «документы», но были вежливы.

23 октября/5 ноября. Первые напасти надвигаются на Румянцевский Музей. Говорят, что решено передать его в ведение «Глав-Полит-Просвета» (!)²⁷ — бедный русский язык! Говорят, что это учреждение состоит под главенством коммунистических баб-истеричек, вроде Лениной и особенно Мещеряковой²⁸. Сделано это якобы на предмет включения Румянцевского Музея и Публичной библиотеки в сеть библиотечного обмена. Если все это так, то, значит, мы явемся объектом ихнего строительства, что хуже всякого разрушения. Принес об этом известие нам А. К. Виноградов; но сегодня он уже ходит веселее. Зная его импульсивность, можно думать, что дело не так страшно. Хотя, кто знает? Возможно, что дело, которое мы берегли три года, лопнет от одного почерка [так в подлиннике] пера диктатора, который, говорят, зачеркнул оговорку об особом управлении Публичной библиотекой и Румянцевским Музеем.

26 октября/8 ноября. Напасть, кажется, действительно оказалась преувеличенной. Вышел декрет о централизации библиотечного дела²⁹, который, вероятно, будет наполовину не проведен в жизнь. Во всяком случае, у меня более нет особенного беспокойства. Большевицкий праздник прошел скромно; в самый день празднества они смогли напечатать касательно Врангеля только о «поисках разведчиков». Значит, завоевание Крыма сорвалось. В субботу приехал С. Ф. Платонов и остановился у меня. Как всегда, много приятных разговоров. Собрания у меня, у Бахрушина, у Богословского. С. Ф. читал лекцию о родовых чертах в потомстве имп. Павла и Марии Федоровны. Он не сказал ни одного пошлого слова о царской семье и почти ни слова о Николае II. Вероятно, ждавшие пикантностей были разочарованы.

28 октября/10 ноября. Красные опять теснят Врангеля. Видимо, прилагаются все усилия, чтобы задавить его до возможных новых осложнений. Всегда большевикам везет, потому что их противники всегда разобщены и никогда не могут согласиться. Сегодня притащил на себе 2 пуда картошки и пуд капусты. Капусту тасил вместе с М. А. Мензбиром; больной сердцем старик, волокущий капусту весом в 50 фунтов — зрелище, достойное Совдепии. Получил письмо от А. И. Яковлева, которое прилагаю³⁰. Думается, что в Москве увидим его не скоро.

1/14 ноября. Красные долбят Крым и, вероятно, его продолжают. Сила солому ломит, особенно, когда соломы не сноп, а жидкий пучок. Рушится еще одна попытка борьбы. Так и должно быть, когда весь антибольшевистский лагерь, поскольку он состоит из интеллигентов и из цивилизованных людей — весь изъеден раздорами, а «народ-богоносец» будет всегда повиноваться только тому, кто его умеет бить по морде. На днях слышал следующее: Главнокомандующий Каменев³¹ получил дом для жителя, Дом ему не понравился, он выбрал другой, но в первом ему понравилась мебель, и он приказал ее вывезти. Вот до чего дошли русские, в которых сочетается дух военных реквизиций и социализма. Читал Володе «Вокруг света на Коршуне» Станюковича³²: Боже, какой мертвящий дух шестидесятничества! Как превозносятся русские матросы и какое презрение к народам, ведущим колониальные войны, например, к французам в Индо-Китае. Посмотрел бы он теперь на русский народ и русскую «интеллигенцию».

3/16 ноября. И продолбили. Вероятно, то, что нам объявлено сегодня, на самом деле

подготавливалось уже несколько времени, потому что сам Врангель, видимо, уехал³³. Уехали и различные лица, его окружавшие. Осталась мелкая сошка и те глупые буржуи, которые думали, что укрылись в Крыму. С гибелью Крыма погибло последнее антибольшевицкое убежище в России. Борьба отныне может быть только извне; вся же внутренность бывшей России осуждена на разложение и дальнейшую гибель. Если кто-нибудь питал какую-нибудь иллюзию, то теперь у того одной иллюзией меньше.

Ездил к Троице. Спасение библиотек есть все-таки род какой-то созидательной работы, и потому что-то там устраивать доставляет какое-то удовольствие. По крайней мере, я чувствовал это вчера. В воскресенье были поминки по Л. М. Лопатине. В большой аудитории Психологического института была публика, похожая на старомосковскую. Поминали милого Л. М., олицетворявшего старый Московский Университет, старую цивилизацию, особняки между Арбатом и Пречистенкой. Это была настоящая панихида по навсегда умершей Москве.

4/17 ноября. Можно сказать одно — уход Врангеля был решен на месте гораздо ранее, чем мы об этом узнали. Это доказывается собственными полупризнаниями большевиков и фактом отъезда вождей. Луначарский прислал в Наркомпрос бумагу, пересланную в Музей, с предложением командировать опытного в библиотечных делах человека, который бы разобрал ему библиотеку, его собственную, находящуюся в беспорядке. Вот степень вотчинности наших хозяев.

8/21 ноября. Узнал, что Карахан занимает весь особняк Харитоненко; туда ему, между прочим, свезена вся очень хорошая библиотека из дома Готье в Машковом; там было до 4000 книг. Чуть-чуть не уничтожили Архив Министерства Иностранных Дел — потому что так было угодно тов. Покровскому. Реформа выразилась в конце концов в сокращении штатов и в увольнении профессорского элемента, в том числе Кизеветтера, которому они за это дали 2-й паек. Что за ерунда! В Университете начал действовать новый президиум; ректором сделался Д. П. Боголепов³⁴ — говорят, добрый, но весьма глупый человек и, притом, фанатик, т. е. худший тип из большевиков.

13/26 ноября. Все более и более говорят о внутренних несогласиях среди них³⁵. Нельзя только отдать себе отчета, что это — желанный отклик чувствам приунывшего буржуа или это действительно соответствует истинному положению вещей. Я думаю, что милые бранятся, только тешатся. Для того, чтобы измываться над населением, у них всегда хватит согласия. Все эти дни я был под влиянием навязчивой идеи — уехать, уехать во что бы ни стало, куда бы то ни было. Я дошел теперь до мысли о неизбежности денационализации, ибо из этого народа и этой страны, насквозь проеденных ложью и пороком, я не жду возрождения. Сегодня слышал сенсационную сплетню, будто бы Америка требует созыва учредительного собрания к 1-му марта. Если бы даже это была правда и если бы большевики пошли на это, то ведь некого было бы выбирать, кроме самих большевиков. Царство пало и не возродится.

15/28 ноября. По только что изданному декрету о концессиях можно скупить всю Россию. Если этот декрет осуществится, то иностранцы поглотят Россию³⁶. И вот вопрос — что это, желание, по обыкновению, надуть или это осуществление той феноменальной интриги, о которой чем дальше, тем больше говорят — поглощение России иностранцами? Кто кого надует и поглотит?

17/30 ноября. В Университете назначен «политком»³⁷. При наличности «президиума», эта мера кажется мне излишней. Сегодня в газетах прокламация, объявляющая заложниками всех эс-еров, врангелевских офицеров и сидящих в Бутырках и лагерях всех политических узников; их будут расстреливать, если будут делаются террористические покушения на «них». В общем, тупое и тяжелое состояние духа.

23 ноября/6 декабря. 1—5, поездка в Тверь для чтения лекций в местном институте народного образования — что-то вроде полууниверситета; баланс поездки: 30 фунтов хлеба и 22 000 рублей. Купил на них два с половиной фунта масла, 20 яиц, одну тетерку, что и привез. Читал археологию. Аудитория очень благодарная и восприимчивая. Прием хороший. Хорошо кормят; ночлег чистый. Город — очень похож на все остальные русские губернские города 2-го разряда. Из старины сохранился только собор, внутри, впрочем, очень изгаженный в XVIII веке; мощи Михаила Тверского не тронуты³⁸. Интересны остатки XVIII века, несомненно восходящие к Сиверсу³⁹: центральная Миллионная улица и часть набережной состоят из домов одного фасада, которые лишь отчасти искажены позднейшим строительством. Очень хороша восьмиугольная площадь с присутственными местами. Ободран город, как и все современные города России; за 3 дня видел несколько обычных большевицких переездов; в частности, из бывшей духовной семинарии возили книги в библиотеку — на дровнях, причем книги рассыпались веером по улице, а сопровождавшая их девица — ругалась.

За время моего отсутствия вышел декрет о преобразовании факультетов общественных

наук и о составлении списков лиц, которые могут вести на них занятия ⁴⁰. Это или полный разгром всех нас, или холостой выстрел. Я думаю, что это нечто среднее между тем и другим. Впрочем, говорили сегодня, что декрет этот уже отпал. О концессиях говорят много, но без достаточного основания. Сути дела, по-моему, еще не видно. Сегодня год со смерти Нины. Я все еще не опомнился от этой катастрофы. Утро в монастыре.

26 ноября/9 декабря. Именины, которые для меня навсегда упразднены с тех пор, как в этот день отпевали Нину. Моя прислуга уехала на несколько дней в деревню. Мы делаем опыт жизни без прислуги. Для начала сегодня вечером два с половиной часа ушло на всякую хозяйственную чепуху, и вечер оказывается потерянным. И так почти каждый день. Общее состояние неопределенное; новых фактов и явлений нет на моем горизонте.

1/14 декабря. Слышал анекдот о Тэне: увидав в Париже «Власть тьмы», он сказал: «Ces cochons mystiques me déplaisent» ⁴¹. Как это характерно для говорящего и для тех, о ком он говорил. Слышано от О. М. Веселкиной, которая слышала это от кн. А. Д. Оболенского (бывшего обер-прокурора Синода), тот — от Ю. Н. Милютин, Милютин от Anatole Leroy-Beaulieu ⁴². Сегодня большевики уничтожили Сухаревку. Посмотрим, каковы будут результаты. Кругом все течет и все непрестанно изменяется, впрочем, без осязаемой пользы для нас.

5/18 декабря. От нечего делать в Москве болтают теперь о разных переменах в составе большевицкого правительства. Говорят, уходит один, другой назначается на его место — точь-в-точь, как бывало говорили о том, как Николай II прогонял министров или как совершал свои подвиги Распутин. На днях я ходил к Гринбергу опять говорить о покупке книг за границей. Говорит, что этот вопрос скоро получит разрешение. После этой démarche ⁴³ я замолчу и заткнусь, т. е. если самый толковый и благожелательный из них ничего не сделает, то не сделают и другие. Вот уже 10 дней, как Маша-кухарка уехала, и мы, т. е. я и мои два мальчика (Володя и племянник Юра ⁴⁴) все делаем сами, кроме готовки пищи, которая происходит в соседней квартире.

11/24 декабря. След Маши отыскался сегодня: ее не пускают назад в Москву, потому что просрочен отпускной срок на бумаге, которая ей выдана; таким образом, «власть на местах», вместо того, чтобы содействовать скорейшему возвращению на службу (Маша числится на службе в Музее), задерживает такое лицо еще дольше. Пишу это как маленький курьер в нашей полной курьерской жизни.

Все эти дни у меня было очень смутное и переменчивое настроение. Положительно не знаешь сегодня, что ты будешь думать и чувствовать завтра. Приходишь к философскому выводу, что надо ждать, ибо все кругом тебя течет то быстро, то тихо, но ни минуты ничто не остается в покое, ни даже в сколько-нибудь устойчивом положении, и куда и когда вынесет нас эта бешеная скачка — кто знает. Известия от уехавших за границу не всегда хороши: говорят, что Дима Готье в Цюрихе продает какие-то машинки. Липа и Эмма Вилькен служат, получая каждая по 300 франков, которых не хватает. Счастливы только те, кто имеет деньги; или же кто найдет возбудителя денег. Вот и нужно ждать, ловить всякий случай, чтобы войти в сношение с заграницей и ставить себе жизненной задачей как-нибудь и когда-нибудь выбраться из этого ужаса, а пока — терпеть и брать от этой жизни все, что можно.

В их среде, говорят, несогласия; сплетни и слухи передают, что на 8-м съезде ⁴⁵ они ругаются, но ведь «милые бранятся — только тешатся». Факт только тот, что «Наркомпрос» разлетелся. К Луначарскому — канатный плясун, который составляет стыд даже для советской власти, — приставили няньку, интеллигентного латыша из фронтовых комиссаров ⁴⁶; говорят, что летит и наш змей-горыныч Покровский. Но ведь преемники будут еще хуже.

15/28 декабря. Продолжаю совершенно не интересоваться тем, что делают товарищи на своем съезде. Внешний вид Большого театра так же зловец; все такая же стража, через которую пропускают товарищей товарищи с одинаково важным видом у обеих сторон. Глупая, чванная чернь, которой можно внушить всякую чушь, и она будет верить. По-прежнему, ожидая возвращения моей кухарки, продолжаю мыть посуду и делать прочие хозяйственные приятности. Научился даже жарить картошку. Сегодня ходил пешком за 6 верст от Мытищ в детскую санаторию, где помещен племянник Дима Курдюмов; ходил с его матерью. За день пройдено более 20 верст; и такую прогулку приходится считать эпизодом, разнообразящим нашу действительность. Слухи и сплетни пали, как ключ на дно.

17/30 декабря. Опять какая-то полоса мрака душевного для окончания года; все кажется безразличным и ненужным. Орды гуннов исполняют свое дело, и приседающие прислужники делают еще больше. Сегодня мне передавали о какой-то конференции по вопросам искусства, где актер Мейерхольд и поэт Брюсов особенно отличались в своем гонении на индивидуальное творчество и на вдохновение — в желании все это заменить «производством» в деле искусства ⁴⁷. Сумасшедший публичный дом развивается все далее.

18/31 декабря. Еще один год большевизма истекает. Такая же пустота и безотрадность, как и год [тому назад]. Впереди ничего; прилагаю выписку из письма Эммы Вилькен, полученного Е. А. Готье⁴⁸.

(Продолжение следует)

Примечания

1. Межевой институт (теперь Институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии), где Готье работал по совместительству в 1907—1917 годах.
2. *Ковель* — уездный город Волынской губ., железнодорожный узел. Другие два города находятся в Галиции: *Тернополь* — с 1944 г. Тернополь; *Бучач* — теперь районный центр Тернопольской области. *Седлец* — город в Польше, административный центр воеводства.
3. О польском наступлении см. Davies N. *White Eagle — Red Star: the Polish-Soviet War, 1919 — 1920*. Lnd. 1972.
4. Суд по делу Тактического центра начался 15 августа и продолжался 5 дней. Председательствовал И. К. Ксенофонов (1884—1926), бывший рабочий, один из организаторов ВЧК, в описываемое время член ее коллегии, заместитель председателя, председатель Особого трибунала ВЧК и Верховного трибунала при ВЦИК; остальные четверо судей (кроме, может быть, одного) тоже были чекистами. Обвинял Крыленко (в то время главный прокурор при Верховном трибунале), явно плохо знакомый с делом. Обращение с подсудимыми было довольно мягким (из 27 обвиняемых только 8 были до суда в тюрьме, остальные на свободе), их защищали видные московские адвокаты; одним из свидетелей защиты был Троцкий. Приговоры были декларативно-политическими. См. второй том «Красной книги ВЧК» и воспоминания П. Е. Мельгуновой в книге ее мужа «Воспоминания и дневники» (вып. II, ч. 3. Париж, 1964).

Виноградский Николай Николаевич (?—?) — окончил Пажеский корпус; до Февральской революции чиновник для особых поручений при Главном управлении по делам местного хозяйства МВД. При Временном правительстве работал над проектом реформы местного управления на окраинах. К разработке проектов по тем же вопросам в 1918—1919 гг. привлекался Советом общественных деятелей, хотя его членом не состоял. На следствии давал «откровенные» показания.

Устинов Владимир Михайлович (1870—?) — правовед, специалист по государственному праву, преподавал в московских учебных заведениях, в том числе на Высших женских курсах и в университете Шанявского. Сотрудник московской прогрессистской газеты «Утро России». Член КДП, в 1917 г. один из ее представителей в Совете республики. Член Совета общественных деятелей, занимался вопросами образования, имел поручение написать общую политическую программу Совета. Амнистированный вскоре после суда, в том же году начал преподавать в Московском университете.

Толстая Александра Львовна (1884—1979) — младшая дочь Л. Н. Толстого, общественная деятельница. В 1921 г. член Комитета помощи голодающим. После пяти арестов в 1929 г. эмигрировала. Создала Толстовский фонд для помощи эмигрантам и долгие годы им руководила. Умерла в США. См. ее воспоминания «I worked for the Soviet» (New Haven. 1934).
5. Письмо в архиве не найдено.
6. Помощник настоятеля Лавры.
7. *Маркевич Болеслав Михайлович (1822—1884)* — писатель и публицист охранительного направления, сотрудник «Московских новостей» и «Русского вестника» М. Н. Каткова, автор «антинигилистских» романов.
8. France Anatole. *L'Auteur à un ami. Oeuvres complètes illustrées de Anatole France*. T. I. P. 1925, p. 396; «Покойные, когда-то молодые и желанные, // Тревожат наши дремлющие чувства печальной и нежной дрожью; // Пронесутся дни, возвращаются сумерки, // И жизнь ощущаем мы с привкусом горечи».
9. *Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868)* — один из виднейших литературных критиков и публицистов «нигилистического» направления 1860-х годов.
10. Академик Б. А. Тураев умер 23 июля. О нем см.: Вопросы истории. 1991, № 7—8, прим. 77. *Шахматов Алексей Александрович (1864—1920)* — языковед, текстолог и организатор науки (с 1906 г. председатель Отделения русского языка и словесности Академии наук); общественно-политический деятель, член ЦК КДП. Умер 16 августа.
11. Здесь: сам по себе (*нем.*). Первоначально — философский термин, введенный И. Кантом.
12. Речь идет о мирных переговорах с Польшей, которые начались в Минске 17 августа и продолжались в Риге. Предварительное соглашение об условиях мира было достигнуто 12 октября, военные действия прекратились 18 октября, но окончательный мирный договор был подписан только 18 марта 1921 года.
13. *Домодедово* — поселок к югу от Москвы по Павелецкому направлению.
14. Части Западного фронта Красной Армии (командующий Тухачевский) потерпели поражение к северу от Варшавы, близ границы с Восточной Пруссией. Генерал *Самсонов* был в 1914 г. разбит в соседней

местности на территории Восточной Пруссии. Готье называет это место заколдованным, вероятно, еще и потому, что почти там же в 1410 г. произошла Грюнвальдская битва, в которой польские войска совместно с литовскими и русскими разгромили Тевтонский орден.

15. 20 сентября Наркомпрос объявил, что вместо Совета Московского университета создается «временный президиум» в составе трех представителей от преподавателей (двух профессоров и одного от рабфака), одного представителя от других служащих, военного комиссара университета и трех представителей Наркомпроса. Этот президиум должен выбирать ректора. Профессоров назначает Главный ученый совет Наркомпроса. Таким образом уничтожилась автономия университета, хотя это и не привело немедленно к полному подчинению его Наркомпросу (см. Fitzpatrick Sh. Op. cit., pp. 84—88).
16. Эта граница была закреплена Рижским миром и просуществовала до 1939 года.
17. Готье оказался и здесь провидцем: так и случилось в 1939 году.
18. Во время советско-польской войны Савинков был председателем Русского политического комитета в Варшаве, одним из главных организаторов антибольшевистских русских добровольческих отрядов. В августе заявил о признании власти генерала Врангеля и готовности подчиниться ему, начал формировать Третью русскую армию. Булак-Балахович во время войны командовал крупными русскими добровольческими отрядами, сформированными с помощью Савинкова. После перемирия (18 октября) организовал Народно-добровольческую армию, которая продолжала действовать в Белоруссии до разгрома ее советскими войсками в ноябре.
19. *Гринберг Захарий Григорьевич* (1889—1949) — литературовед; в 1906—1914 гг. член Бунда, в 1917—1922 гг. в РКП(б). После Октябрьского переворота член Комиссии по просвещению, затем, после переезда правительства в Москву, член коллегии Наркомпроса, заведующий оргсектором; входил, по словам Луначарского, в «основную группу Наркомпроса». В 1921—1924 гг. в торгпредстве в Берлине, отвечал за покупку книг.
20. См. приложение № 9.
21. См. приложения №№ 9—12. *Платонова Нина Сергеевна* (1886—1941/1942) — старшая дочь С. Ф. Платонова; окончила Бестужевские курсы, работала в Художественном отделе Русского музея. В 1930 г. арестована по «делу» отца, последовала за ним в ссылку в Самару, после его смерти жила под Москвой, затем получила разрешение вернуться в Ленинград. Погибла во время блокады.
22. *Грабский Владислав* — Grabski Władysław (1874—1938) — экономист, историк и политический деятель; один из лидеров Национально-демократической партии, депутат первых трех Государственных дум. Неоднократно был министром финансов независимой Польши, в июне — июле 1920 и в 1923—1925 гг. премьер-министром.
23. *Ланиров-Скобло М. Я.* (?—?) — инженер, занимал ответственные должности в Наркомпросе, научно-технических и научно-общественных организациях. Участвовал в работе созданной в начале 1920 г. Государственной комиссии по электрификации России.
24. *Переверзев Владимир Николаевич* (1867—1944) — первый председатель союза железнодорожников, в 1905 г. один из руководителей Союза союзов.
25. Где гнездилась революция! (фр.)
26. *Иловайский Давыд Иванович* (1878—1935) — палеонтолог, с 1919 г. профессор Московской горной академии, с 1930 г. — выделившегося из нее Нефтяного института.
27. Решение создать такой комитет для «объединения всей политически-просветительной работы» содержится в декрете ВЦИК «О мерах к усилению деятельности Народного комиссариата просвещения», опубликованном 10 октября. 28 октября это решение рассматривалось на заседании Политбюро ЦК РКП(б), усмотревшего в нем возможность умаления роли партии. В проекте постановления (целиком вошедшем в окончательный текст) Ленин четко формулирует свою позицию: «Безусловно признавая необходимость такого объединения, Политбюро ЦК РКП устанавливает прежде всего, что это объединение возможно понимать только в смысле сохранения, укрепления и расширения не только самостоятельности парторганизации, но и ее руководящего, направляющего и главенствующего положения по отношению ко всем без изъятия областям работы НКПроса» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 397).
В окончательном виде Главный политико-просветительный комитет Республики был образован декретом СНК от 12 ноября 1920 года. Создавался он как структурное подразделение Наркомпроса на базе его Внешкольного отдела.
28. Состав Главполитпросвета — Главного политико-просветительного комитета Республики — был определен СНК еще 2 ноября. Председателем была назначена Н. К. Крупская, но ее первым заместителем, своего рода партийным комиссаром, был сделан посторонний Наркомпросу человек, секретарь ЦК Е. А. Преображенский. *А. И. Мещерякова* была знакома с Н. К. Крупской с середины 1890-х годов, когда обе они работали в воскресных школах для рабочих в Петербурге. В описываемое время она работала в библиотечном отделе Главполитпросвета.
29. Декрет о централизации библиотечного дела, подготовленный в Наркомпросе, был принят СНК 22 июня. Он предусматривал образование комиссии для создания централизованной библиотечной системы, подведомственной Наркомпросу.

30. См. приложение № 13.
31. *Каменев Сергей Сергеевич* (1881—1936) — полковник; с начала 1918 г. в Красной Армии, с июля 1919 по апрель 1924 г. главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член РВС.
32. *Станюкович Константин Михайлович* (1843—1903) — писатель радикального направления, в молодости морской офицер. Особенной популярностью пользовались его морские рассказы.
33. Врангель покинул Крым 14 ноября.
34. *Боголепов Дмитрий Петрович* (1885—1941) — большевик с 1907 года. Приват-доцент по финансовому праву на юридическом факультете Московского университета, позднее преподавал на факультете общественных наук. В 1914—1915 гг. работал (вероятно, как «сведущее лицо») при социал-демократической фракции Государственной думы; в 1917 г. сотрудничал в «Правде» и других большевистских газетах. После Октябрьского переворота член коллегии Народного комиссариата финансов, в 1918 г. заместитель наркома; работал также в комиссариатах финансов Украины и Туркестана. Был в числе «левых коммунистов». В ноябре 1920 г. назначен председателем президиума Московского университета. Показал себя ярким приверженцем рабфака в ущерб старым факультетам, занял резко враждебную позицию по отношению к профессуре, которую называл «хорошо организованным классовым врагом»; утверждал, что пришло время «самым определенным образом положить конец всякой университетской автономии и свободе преподавания». Восстановил против себя даже Покровского, и в мае 1921 г. был снят.
35. Готье имеет в виду так называемую дискуссию о профсоюзах, вспыхнувшую после выступления Троцкого 3 ноября на заседании коммунистической фракции V всероссийской конференции профсоюзов. Троцкий предлагал ужесточить партийный режим в профсоюзах, «завинтить гайки»; его поддерживали Крестинский, Рыков и другие видные большевики. Против были сторонники Группы демократического централизма, Рабочей оппозиции и, в меньшей степени, Ленин и его приверженцы.
36. 25 ноября в «Известиях» был опубликован принятый СНК двумя днями ранее декрет «Об общих экономических и правовых условиях концессий» (Декреты Советской власти. Т. 2). Реакция Готье на этот небольшой шаг в направлении установления нормальных экономических отношений с внешним миром показывает, до какой степени он опасался как большевиков, так и западных «империалистов».
37. Политический комиссар. Не ясно, что это — другое название для «военного комиссара», который должен был войти во «временный президиум» университета, или еще одна новая должность. Кто был назначен на эту должность, выяснить не удалось.
38. *Михаил Ярославич* (1271—1318) — князь тверской и великий князь владимирский. Был казнен в Орде и как мученик причислен Русской православной церковью к лику святых.
39. *Сиверс Яков Ефимович* (Sievers Jacob Johann, von) (1731—1808) — граф, администратор и дипломат, сенатор. С 1764 г. новгородский губернатор; разработал планы устройства и управления губернией, которые были приняты Екатериной II и распространены на другие губернии; в 1776—1781 гг. генерал-губернатор новгородский, тверской и псковский (эти губернии раньше входили в Новгородскую). Одним из его нововведений была перепланировка и новая застройка губернских и главных уездных городов, что способствовало их благоустройству, но вело к однообразию и разрушению многих памятников архитектуры.
40. Декрет СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» был принят 19 ноября. Наркомпросу предлагалось представить на утверждение СНК новые учебные планы, детально разработанные программы основных теоретических курсов, для чего при наркомате создавалась специальная комиссия; ему предписывалось также составить списки лиц, допускаемых к преподаванию на факультетах общественных наук.
41. «Эти мистические свиньи мне не нравятся» (*фр.*).
42. *Оболенский Алексей Дмитриевич* (1855—1933) — князь, правовед, тайный советник, шталмейстер, с 1901 г. сенатор, с апреля 1905 г. член Государственного совета (группа центра). В 1894—1897 гг. и в 1905 г. управляющий и Дворянским, и Крестьянским земельными банками; в 1897—1901 гг. товарищ министра внутренних дел, в 1902—1905 гг. — министра финансов; в 1903 г. член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (которое в значительной степени подготовило столыпинскую реформу); в октябре 1905 — апреле 1906 г. обер-прокурор Святейшего Синода. Ближайший сотрудник Витте в подготовке манифеста 17 октября 1905 г. и составитель его текста.
- Милютин Юрий Николаевич* (1856—1912) — журналист и политический деятель, один из руководителей партии октябристов.
- Leroy-Beaulieu Anatole* (1842—1912) — либеральный французский историк и публицист, автор одной из лучших книг о России «L'Empire des tsars et les russes» (Тт. 1—3. Р. 1881—1889). Опубликовал также исследование об отце Ю. Н. Милютине — деятеле «эпохи великих реформ» Н. А. Милютине (1818—1872), основанное на его личном архиве.
43. Меры (*фр.*).
44. Юрий Курдюмов, сын свояченицы Готье.

45. VIII Всероссийский съезд Советов, состоявшийся 22—29 декабря.
46. Луначарский вызвал раздражение Ленина тем, что поддерживал автономию Пролеткульта. В течение осени и зимы 1920 г. Наркомпрос неоднократно подвергался обследованию различными комиссиями, рекомендовавшими его реорганизацию. Автором одного из таких проектов был Евграф Александрович Литкенс (1888—1922), хороший знакомый Троцкого и Преображенского, большевик с 1919 г., незадолго до этого назначенный заместителем заведующего Главполитпросветом. Его проект в измененном виде был принят, и по предложению Ленина он 8 декабря пленумом ЦК РКП(б) был назначен помощником наркома просвещения с сосредоточением в его руках всей организационно-административной власти (21 января 1921 г. его должность была переименована — он стал вторым заместителем наркома). Луначарский и Покровский вынуждены были смириться и, лишившись власти, сохранили свои посты.
47. Возможно, речь идет о встрече в Доме печати 9 декабря. В. Э. Мейерхольд был летом 1920 г. назначен заведующим театральным отделом Наркомпроса и сразу же повел «революционное» наступление на традиционный театр. 11 октября он выдвинул лозунг «театрального Октября».
48. См. приложение № 14.

Приложения

9.

Милые, далекие друзья все Вилькены [!]

Знаете, где мы — в Кисловодске! Чего это стоило (то есть денег ни копейки, но усилий, волнений, нервов), и все-таки цель достигнута — мы на юге! Ехали мы 2 месяца без 5 дней, от Саратова сперва до Царицына в чудной каюте на пароходе, а потом с эшелонном в товарном вагоне в количестве 16 человек на вагон; 7 недель жили на нарах в вагоне. Сема — помощник начальника 220 военно-строительного отряда Кавказского фронта, я — табельщик этого же отряда (я — Гена Семен.). Прислан наш отряд ремонтировать все здешние санатории. Нас сперва послали из Тихорецкой в Ростов-на-Дону, оттуда опять в Тихорецкую, потом в Пятигорск и, наконец, Сему во главе, с половиной отряда, послали в Кисловодск. Особенно много мы натерпелись в дороге от воды. Останавливались в Нальчике на неделю, иногда приходилось пить Бог знает какую воду, пополам с песком и илом, например, мы пили воду из Кубани совсем коричневую, как кофе. В Ростове-на-Дону мы стояли 10 дней на товарных путях; всюду лежали человеческие извержения, а там была в то время холера. Нередко находили мы на себе и вшей, а мыться в общем вагоне нелегко. Ну, да все это прошло, и все приехали в Кисловодск здоровыми, даже бабушка, которая никогда не выходила из товарного вагона.

Что Вам рассказать про города, которые мы проезжали? Царицын, например, совершен но мертвый город; на весь Царицын там один плотник и ни одного архитектора. Сема там в три дня заработал 8000. Ростов — веселый, шумный город, все нарядные, цветы, музыка, свободная торговля всем открыто, даже мукою. Медикаментов сколько угодно. Когда мы проезжали через Армавир в первый раз, то все было; мука-крупчатка в лавке стоила 1000 р. пуд, а на базаре 800. Когда через 2 недели опять попали в Армавир, то свободная торговля была запрещена.

В Кавказской, Тихорецкой, в Армавире, всюду предлагали Семе место архитектора за 14—15 тысяч и даровая квартира и дрова, но нас неразумных тянуло в Кисловодск, и совсем напрасно — тут переизбыток интеллигенции, цены очень дорогие: французский хлеб 1 фунт 100 рублей, мука-крупчатка 5000, мука кукурузная 2000, манная 100 руб. 1 ф., гречневая — 100 р., рис — 200, ячневая крупа и кукурузная 15 р.; творог 60 р., масло сливочное 400, сало баранье — 200, говяжье 280, молоко — 50 руб. бутылка, мясо говядина — 100 руб., баранина — 120, картофель 600 р. за пуд, яблоки 50 руб. десяток, капуста 1 ф. — 20 руб., арбузы 100 р., вишня 60 р., смородина 50, кабачки по 10 руб. за штуку, большие, огурцы 50 р. — 100, мед 300 р., сахар 1200 р., сыр голландский — 300, колбаса 200 р. Мы, конечно, не можем тут свести концы с концами, хотя Сема получает 7000, а я — 6000; кроме того, мы оба получаем по 1/2 фунта хлеба в день и обед лазаретный: суп и кашу; ужин — одну кашу; по 1 фунту сахару в месяц; по 1 фунту постного масла, иногда мяса. Мама и Маня тоже получают по 1 фунту хлеба в день, а остальные по 1/2 фунта; так что хлеба нам хватает, и мы его не печем; готовим на керосинке или на плите, которую дети сами сложили в саду; готовить приходится мало, потому что супу и каши получаем всегда очень помногу, молоко покупаем уже кипяченое, берем всегда варенец, или простоквашу, или творогу. Вода проведенная, канализация, прекрасная уборная. Белье стирает на нас лазаретная паровая прачешная [так в подлиннике]. Все это делает жизнь очень легкой и приятной. Поселили нас, конечно, даром, в прекрасной даче, дали нам 2 комнаты с балконами, вид божественный на Эльборус [так в подлиннике], сад весь в розах, калитка прямо в парк.

Наш отряд ремонтирует все лазареты и санатории Кисловодска: здесь Сема начальник отряда, но, к сожалению, его через неделю делают начальником отряда всего 220, не только Кисловодского, но и Эссентукского [так в подлиннике] и Пятигорского, и ему придется разъезжать, а жалованья только на 500 р. больше. В Кисловодске жизнь приятна: улицы моют каждый день; симфонический оркестр играет каждый день даром от 6 до 9 часов; на каждом углу кафе, рестораны, продают баранки, булочки, сухарики, кефир, простоквашу на каждом углу улицы; вечером все залито электричеством, пахнет Убиганом и Коти; каждый день базар, на котором все можно достать, запасов не надо никаких, даже химическая чистка и красильня есть.

Вы спросите, почему мы недовольны этим раем — потому что единственно разумная вещь в данный момент это осесть на землю, и мы твердо решили это сделать; дети этого тоже хотят, их силы растут, они очень окрепли за последнее время — всегда босые, полуголые, они стали выносливее, чем были раньше; но осесть в Кисловодске невыгодно, потому что здесь не родится пшеница. Лучшими местами мы считаем Кубанскую область и Ставропольскую губ.; будем опять стремиться туда, а перезимовать, может быть, придется и здесь — это неплохо, так как ниже 2° холода здесь не бывает. Здесь мы встретили Екатерину Евгеньевну Констан и Рябовых; Надя Рябова — учительница музыки в народной консерватории, Екатерина Евгеньевна — председательница союза безработных. Здесь доктор Алексинский, Отто, Савель-Могилевич, Сперанский, Полонский и многие другие московские знаменитости.

Очень часто мы спрашиваем себя, где Вы все; может быть, уже Вы уехали в Бельгию. Маня наша все ждала ответа от Иры, но, по всей вероятности, многие письма не застали уже нас в Саратове. Пишите, если получите это письмо, очень хочется знать про Вас. Пишите, не забывайте нас. Пишите и про всех общих знакомых, и про матушку Москву. Часто бывает нестерпимо больно и грустно, нелегко оторваться от всего в такие годы, как наши, а все-таки хорошо, что мы здесь, а не в Москве. Адрес наш: Кисловодск, Ребровская Балка, Раевская улица, 37, дача Лаповиц, Началь. 220 Военно-строит. отряда С. М. Ерофееву.

Мама и Сема Вас всех целуют. Мама чувствует себя хорошо, даже пополнела, но во сне все видит Москву; дети же говорят «у нас в Саратове» так же часто, как «у нас в Москве». Недавно наш техник пригласил Маню и Ньюру на «Дядю Ваню» (был здесь Худож. театр), а у меня при их разговорах вся душа на другой день разорвалась от воспоминаний. Целую всех, всех. Передайте мой привет Репман, Юрию Владимировичу, Рарам и Елизавете Андреевне.

10.

Н. Л. Красильникова
10-го июня [1920]

6 июня

Дорогой Юра, печальную весть о постигшем тебя несчастье услышали мы от С. В. Гиацинтовой (артистки Студии художественного театра). Нечего и говорить о том, как мы были поражены и как глубоко и сердечно сочувствуем тебе; очень скорбим, что лично не можем передать тебе нашего искреннего участия, но ты, конечно, его чувствуешь. Не написали тебе тотчас же потому, что С. В. не знала, в Москве ли ты, да и мы не знаем твоего адреса. Помогни тебе Господь вырастить и воспитать Володю!

Как грустно, что П. Мингалев в таком ужасном положении; как странно, что богатство Анны Сергеевны никому впрямую не пошло.

Об себе и мы многого сказать не можем: стареем, слабеем и от лет, а главное от ужасных условий жизни. Работаем мы очень много и в поте лица зарабатываем хлеб, но он стоит так дорого, что приходится продавать не только лишнее, но даже необходимое. Живем, как и все теперь, очень стесненно во всех отношениях, но пока не унываем, все надеемся на лучшее будущее. Об семье Лишаревых хотел ты знать: Ольга Михайловна уже несколько месяцев не встает с постели, слаба, хотя болезни никакой нет. Сережа давно уехал, и где он — неизвестно. Леля здесь; дочери ее служат, а сын учится. Она же сама дает уроки английского языка, ибо средств к жизни весьма мало; продает тоже все, что можно. Вава с мужем давно уехали куда-то за границу; об них никаких вестей не имеем.

Где Ляля? Мы об нем ничего не знаем. Если он в Москве, то передай ему наш сердечный привет. Тебя же и Володю мы обе крепко целуем. Будь здоров и бодр духом. Да хранит тебя Господь! Не забывай искренно тебя любящих старинных друзей. Ольге Михайловне передай наш сердечный привет. Знакомого твоего мы, к сожалению, не видели. Нас не было дома, когда он зашел с твоим письмом, а затем визита своего не повторил.

26.VIII.1920.

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович! Обращаюсь к Вам с большой просьбой: дело касается книги, которой нельзя достать в Петербурге и приходится искать в Москве. По нынешним обстоятельствам это вещь рискованная, я знаю, и заранее готова извиниться перед Вами за смелость моей просьбы, но папа находит, что попросить Вас можно и, ободренная его поощрением, я решаюсь Вас беспокоить. Для моей работы, биографии М-me Roland, заказанной мне издательством Гржебина, мне необходимо было бы иметь под руками издание ее мемуаров, вышедшее в Париже в первых годах нашего столетия; выпущено оно парижской Société de l'histoire de la Révolution Française¹ в 2-х томах in octavo² с примечаниями. Этой книги нет здесь ни в Публичной библиотеке, ни в академической, ни в университетской, ни в библиотеке Высших женских курсов; тех лиц, у кого она могла бы быть, нет сейчас в Петербурге, и мне остается только попытаться счастья в Москве.

Если бы Вам не трудно было найти экземпляр этой книги, который бы не жаль было подвергнуть случайностям путешествия из Москвы к нам, я бы очень просила Вас переслать ее сюда с верной оказией, которая, вероятно, опять будет от нас в скором времени. Я же, со своей стороны, обещаю бережное обращение с книгой и возврат ее в начале зимы не по почте, а опять-таки с оказией, в которой мы будем уверены. Предвидя заранее, что в Москве этого издания так же может не оказаться, как и в Петербурге, я обращаюсь к Вам с моей просьбой только в расчете на счастливую случайность и на Вашу доброту; простите мне хлопоты, которые я могу Вам доставить моей просьбой, Юрий Владимирович; за исполнение ее я Вам буду очень благодарна.

Лето пролетело быстро, и со времени Вашего пребывания здесь прошло уже много времени, но кажется, что Вы уехали всего на позапрошлой неделе, и это впечатление, быть может, облегчает мне обращение к Вам с такой смелой просьбой, как моя. Надеюсь, что Ваш мальчик здоров, и лето прошло для Вас гладко и настолько покойно, насколько это теперь возможно. Наташа не застала Вас в Москве, когда была там в начале июля, моя же поездка в Москву расстроилась, о чем теперь я очень жалею: когда представилась возможность проехаться, так захотелось вдруг сняться с места и посмотреть на мир и на людей. Майковы тоже побывали в Москве, привезли оттуда много рассказов, но Вас не видали, так что мы о Вас ничего не знаем. Шлем Вам наш общий привет, от души желаю Вам всего хорошего.

С искренним к Вам уважением, Нина Платонова

10 oct./27 sept. 1920

Chère Emma,

Je profite d'une occasion inattendue pour te faire parvenir ces lignes par voie privée. J'ai écrit trois lettres. Vous sont elles parvenues? J'endoute. De vous — pas un mot. Ni pour moi, ni pour qui que ce soit. J'ai vu hier «la générale»; avanthier j'ai vu Саша³. Personne ne sait rien de vous. Nous vivotons comme par le passé. Toujours les mêmes angoisses, la même torpeur d'âme. On parle de paix, mais fait on guerre — c'est exactement la même chose pour nous qui sommes sur le gril en permanence. Ceux de Pestovo se portent bien; Юра est chez moi — j'ai comme une ученическая квартира. Je crois que cela fait l'affaire de Лена et de Юрочка. Cela fait aussi la mienne, car cela rend ma tanière moins triste. Il a fait continuellement beau jusqu'ici mais je crois que les froids approchent et que Лена va passer dans le детский (?) дом. Tante Lize vient de rentrer avec les petits. Je ne l'ai pas encore vue. J'espère le faire [...] — jour de naissance de Лева⁴. Pauvre petit garçon! Une fête bien triste. Pauvres enfants, les Rahr et le mien. Quel triste sort que perdre des mères comme l'étaient Нина et Лиза. Nous avons eu des nouvelles d'Emile par les Buchheim⁵ — il se trouve qu'il est en Suisse; les détails me manquent pour te dire dans quelle situation il se trouve. Voila je crois tous ce que je puis te dire nous concernant. C'est toujours le même état de mort que de votre temps dans le «товарищество на пайках» où nous habitons. D'aucuns disent que dans quelques jour nous serons au paradis; il y a une «collecte» d'effets chauds pour l'armée, alors on dit que quand cela sera effectué nous revêtirons le costume paraidisiaque tout on continuant de manger des pommes (il y a une quantité tout à fait extraordinaire, tout le monde en mange).

Si cette lettre te parvient cela ne résout pas la question de la réponse. J'espère tout de même qu'un jour j'aurais quelques lignes de vous, pour savoir ce que vous devenez. Quant à venir vous voir, je ne l'espère pas de sitôt.

Je vous embrasse tous. Юра.

Je sais en outre que Vera Михайловна Рындина t'a écrit deux fois; maintes personnes en ont fait, je suis sur autant. Au moins on va nous chauffer — c'est déjà quelque chose.

Encore une foi au revoir, je voudrai bien dire à bientôt ... mais.

Y. G. 6.

Письмо не послано, т. к. его не приняли.

13.

Симбирск, 23 октября н.с. 1920

Милый и дорогой Юрий Владимирович, Ваше письмо от 26/VIII с.с. получил только на последних днях, но все равно чувствую свою вину за свое 2-месячное молчание. Сначала я рассчитывал вернуться сам в Москву около 1 сентября с.с., а потом на меня нагрянули столь сложные и острые заботы по устройству здешней жизни, что пришлось откладывать отъезд с недели на неделю. Я и по сей день не знаю, когда удастся выехать отсюда.

Мне пришлось принять в заведывание сложное полуразрушенное школьное хозяйство и стать лицом к лицу с топливным кризисом. По ходу дел я вынужден даже взяться за физически очень приятное, но отнимавшее много времени дело рубки леса своими руками. События (в природе!) надвигались быстро: здесь уже дня 4 стоит настоящая зима, зевать было нельзя, и я с головой ушел в борьбу за существование с фронтом не в московские 5 комнат, а имея за собой целое учреждение, в котором и около которого существует человек 300. Вы можете себе представить, какой это сложный и запутанный узел отношений и задач... Физически мы находимся здесь в условиях несравненно более благоприятных, чем в Москве. Вы знаете, как нам там трудно приходилось, но не без грозных опасностей и здесь: дров у нас пока все-таки нет на месте, а при центральном отоплении это очень страшно, ибо одну свою квартиру мы отопить не в состоянии, надо топить весь большой трехэтажный дом.

Не стану говорить много, как трудно было перехватить московские дружеские связи и отношения, как часто я обращался мыслью к Вам и нашим милым сотоварищам по музейскому делу-безделью. В душе не умирает надежда, что в близком будущем, когда главные затруднения будут ликвидированы, я опять буду в Москве, хотя временно, *pour prendre une tasse d'aig*⁷. Здесь жить можно, и я питаю дерзкую надежду, если удастся выхлопотать симбирский университетский вагон, привезти сюда для эпизодического курса Вас. Пока, впрочем, «Симбирский университет» только bluff.

Мы живы и здоровы. Ольга шлет привет Вам и Володе. Обнимаю Вас искренно и сердечно. Ваш *Ал. Яковлев*. Мой низкий поклон Б. И. Л., А. А. Б., О. И. Ш., М. М. Б., Е. В. Ч., Н. Я. Ч., М. С. Щ. и милому кн. В. Д. Обнимите Сергея Владимировича за меня.

14.

20 ноября 1920

Bruxelles, 8, Avenue Galillée

Милый Юра! Пишу, кажется, все без надежды на то, что получите что-нибудь. Несколько моих писем вернулись ко мне после долгих скитаний. Из Москвы получили 2 письма: одно от Жюльеты, без новостей, и одно от Лены. Я не представляла себе, что похоронили Ниночку, придется еще переживать смерть моей Лизуши. Здесь как-то еще тяжелее переживается, потому что уж очень я стремлюсь к детям и Е. А. Бедные, как они справятся со своим горем. Я не представляю себе, как наладится их жизнь без Лизуши. Из Лениного письма заключаю, что вы были тогда здоровы, надеюсь, что в этом отношении все продолжает быть благополучным. Мы все здоровы. Приехали очень благополучно 7 августа, но еще до сих пор не устроились. Все как-то выходит, что живем пока в ожидании решения разных вопросов. Мы с Линой обе служим в конторах помощниками бухгалтера. Никогда в жизни не имела с этим дела, но помогает быстрый счет и с делом справляюсь; рада, что его много; чем меньше времени думать, тем лучше; занята от 8—12 и от 2—6.

Мы живем все врозь. Мама с Линой в маленькой уютной квартирке (2 комнаты и маленькая газовая кухня); мне пришлось бы спать на полу, так как третьей кровати никак не поставишь. Слоссы меня от себя не отпускают, и я живу пока у них; находится масса причин меня не отпускать; главная, что живут они на расстоянии 20 минут ходьбы до моих занятий и им легче меня баловать. Люди здесь за войну переродились, стали отзывчивее; мы от всех видим столько ласки и баловства, все готовы помочь; но пока, слава Богу, обходимся, так как получили кое-что от правительства. Жорж с Ниной ездили в Париж, там Лева и Лиза; Жоржу удалось выхлопотать получку страховки. Живут они сейчас у Мишелей, наши бельгийцы.

Детей отдали на полный пансион к воспитательнице, где их 16; оттуда ходят в школу. С французским языком справились, они два месяца прожили у Слоссов на даче и напрактиковались. Маленькая очень хорошо учится; по годам они отстали, но догонят.

В начале нашего пребывания я путешествовала, была у Гюстава в Льеже, им живется весьма трудно; затем я гостила у своих юных друзей, сыновей Слоссов, которые оба успели удачно жениться. У одного завод в Répinster, другой жил в Спа; наслаждалась прогулками и природой. На службу поступила 1 октября, совсем отдохнувши. Мы получаем с Линой по 300, но вчера мне уже обещали прибавку. Жизнь здесь дорогая: пансион можно найти только от 13 фр., дешевле снять квартиру меблированную и столоваться дома, что весьма не сложно, имея почти везде газовые плитки. Дома еда обходится по 5 фр., получить можно все просто и удобно; надеюсь найти квартиру франков в 200—250.

Твоя дядюшка с тетушкой в Швейцарии, в Цюрихе, куда попали после долгих мытарств и сравнительно недавно, скитались по Румынии, где им пришлось очень трудно. Оба занимаются представительством, она, по-моему, работает больше, чем он. Получаю письма от Анны Александровны, она живет в Германии, жизнь там очень трудна. Наташа живет врозь с мужем; у него место в Берлине, где он содержать семью не может, так что ей приходится жить у его родителей в Дрездене. Погода стоит дивная, с половины сентября установилась ясная сухая погода и держится до сих пор, днем бывает до 15 градусов тепла, ночью 0. Я все четыре конца хожу пешком, хотя трамваев сколько угодно во всех направлениях. Напиши, как наши музейские; всех вспоминаю и всем шлю сердечный привет. Службу свою жалею каждый день. Как живут родители? сестры? Пиши обо всех, так хочется знать про всех. Наши все кланяются. Тебя и сына крепко целую. Твоя Эмма.

Примечания к приложениям

1. *Общество истории Французской революции (фр.)*.
2. *Ин-октаво (лат.)* — В восьмую долю бумажного листа.
3. А. А. Рар.
4. *Лева* — Рар Лев Александрович (1913—1980), сын А. А. Рара, двоюродный племянник Готье. Впоследствии инженер-строитель, деятель Народно-трудового союза, главный редактор журнала «Посев» (1970—1974), затем руководитель издательства «Посев». Умер в Германии.
5. *Семья Л. Э. Бухгейма*. Бухгейм Лев Эдуардович (1880—1942) — книговед и библиограф. В 1904—1905 гг. служил в книжном магазине Вольфа в Москве; в 1909—1917 гг. имел собственное издательство. В описываемое время (с лета 1919 г.) сотрудник библиотеки Румянцевского музея.
6. Дорогая Эмма, 10 окт./27 сент. 1920 г.

Пользуюсь неожиданной возможностью, чтобы переслать тебе эти строчки частным путем. Я написал три письма. Получили ли вы их? Сомневаюсь. От вас — ни слова, ни мне, ни кому-нибудь другому. Вчера я видел «генеральшу»; а позавчера — Сашу³. Ни у кого нет вестей от вас. Мы живем потихоньку, как раньше. Все те же печали, та же тупость в душе. Говорят о мире, но делают войну — это точно так же, как у нас, все время находимся как на угольях. Пестовцы здоровы. Юра со мной. У меня, похоже, ученическая квартира. Мне кажется, что Лену и Юрочку это устраивает. И меня тоже, потому что делает мою берлогу менее угрюмой. До сих пор погода хорошая, но думаю, что приближаются холода, и что Лена уйдет в детский (?) дом. Только что приехала тетя Лиза с детьми. Я ее еще не видел. Надеюсь это сделать [...] — Левин⁴ день рождения. Бедный мальчик! Праздник довольно грустный. Бедные дети, Рары и мой. Какая печальная судьба — потерять таких матерей, как Нина и Лиза. Через Бухгеймов⁵ получили известие об Эмиле. Оказывается он в Швейцарии; у меня не хватает сведений, чтобы сказать тебе, в каком положении он находится. Вот все, что могу тебе сказать о нас. Это все то же мертвое состояние, как и при вас в «товариществе на пайках», в котором мы живем. Некоторые говорят, что через несколько дней мы будем в раю: идет «сбор» теплой одежды для армии, соответственно говорят, что когда он будет завершен, мы снова оденемся в райский костюм и будем продолжать кушать яблоки (их сейчас необыкновенно много, все их едят).

Даже если это письмо дойдет до тебя, это не решит вопроса об ответе. Тем не менее, надеюсь как-нибудь получить от вас несколько строчек, чтобы узнать, что с вами происходит. Что касается поездки к вам, то на это в ближайшее время не надеюсь.

Обнимаю вас всех. Юра.

Знаю, между прочим, что Вера Михайловна Рындина написала тебе два раза; [...] уверен, так сделали многие. По крайней мере, будут нас отапливать. Это уже хоть что-то. Еще раз до свидания, я бы хотел сказать до скорого, но... Ю. Г.

7. Чтобы вдохнуть глоток воздуха (фр.).

Место России в мире накануне первой мировой войны

А. И. Степанов

Сравнительно-исторический анализ природно-демографического и военно-экономического потенциала Российской империи накануне первой мировой войны дает возможность по количественным и качественным параметрам выявить то реальное место, которое она занимала в мире.

В литературе эти вопросы, традиционно находясь в центре идейно-политической борьбы, получили противоречивую интерпретацию.

В дореволюционной историографии, когда над исследователем довлел тезис о «единой и неделимой» России, основное внимание уделялось объемным, количественным показателям, сравнимым с соответствующими данными о других колониальных империях — Великобритании, Германии и Франции. Благодаря искусственному завышению роли России в мировом сообществе создавалась легенда о «русском паровом катке» — огромных вооруженных силах России, которые уже одной своей количественной мощью могли, подобно паровому катку, раздавить передовую в техническом отношении германскую армию. Этот миф в немалой степени способствовал вовлечению страны в оказавшийся губительным для нее мировой конфликт. Недооценка потенциала вероятных противников России в предстоящей войне явилась одной из причин дезориентации верховной власти, рассчитывавшей на кратковременную победоносную кампанию. Мировая война истощила военно-экономический потенциал страны, вызвала развал хозяйства, подорвала стабильность общества, что в конечном итоге привело к двум социальным революциям и последующей гражданской войне.

В советской историографии конца 20-х — середины 50-х годов приоритет отдавался анализу качественных, преимущественно среднестатистических показателей Российской империи при сравнении их с данными метрополий ведущих европейских держав, что выявляло существенное, на порядок и более, качественное отставание общероссийских показателей; тем самым подкреплялся тезис о ее «полуфеодальном» и «полуколониальном» положении, преодоленном благодаря большевистской революции. В последующие годы произошел пересмотр этих вопросов, и советские историки стали вновь прибегать к выборочному сравнению количественных показателей — теперь уже в доказательство тезиса о зрелости российского общества для социалистических преобразований. Этот подход совпал по времени с распространением в западной историографии 50—60-х годов представления о модернизационном характере революции в России.

В конце 80-х годов в СССР развернулись дискуссии о целесообразности исторического выбора 1917 г., поскольку в итоге более чем 70-летнего «социалистического строительства» он хотя и стал ядерной сверхдержавой, но по уровню жизни оказался на одном из последних мест. В то же время выходит, по утверждению таких разных людей, как Р. Пайпс, С. С. Шаталин или «великий князь» Владимир Кириллович, что в 1917 г. прервалось движение народов России

Степанов Александр Игоревич — младший научный сотрудник Института российской истории РАН.

к высокоразвитому индустриальному и гражданскому обществу западного типа. Прodelала же этот путь Финляндия, осколок Российской империи, обладавшая среднероссийскими показателями по степени индустриализации. В 1990 г. Финляндия заняла второе (после Швейцарии) место в мире по уровню жизни, обогнав такие высокоразвитые государства, как США, Япония, Германия, Франция, Италия и Великобритания.

Все эти сравнения, необходимые ранее исследователям для подкрепления диаметрально противоположных, априорно установленных положений, проводились на основе некорректного использования объемных и среднестатистических показателей Российской империи в целом в сравнении с соответствующими параметрами Великобритании, Германии и Франции, без учета их огромных (свыше 1/3 обитаемой суши) колониальных владений. При анализе количественных показателей, преимущественно по объемным параметрам, этот подход приводил к искусственному завышению потенциала Российской империи, а акцент на качественных показателях (среднестатистические нормы), наоборот, занижал уровень социально-экономического развития России.

Для решения столь сложной задачи следует попытаться выяснить по максимально возможным сопоставимым показателям реальное место Российской империи среди ведущих мировых держав, что не только поможет в определенной степени выявить ее военно-экономический потенциал, уровень социально-экономического развития, но и облегчит решение вопроса, почему из всех воюющих держав Россия первая потерпела крах в 1917 году.

*Состав и структура Российской империи*¹. В отличие как от старых колониальных держав классического типа — Британской империи и Франции, так и от новых — Германской, Итальянской и Японской империй, у которых можно четко выделить метрополию и колониальные владения по всему миру, Российская империя имела относительно слабо выраженную центральную часть, что в определенной степени уподобляло ее Австро-Венгрии и США с их полицентрической структурой.

Центральная часть метрополии Российской империи в начале XX в. состояла из 29 европейских губерний с преобладанием русского населения (так называемая Великороссия). С запада к ней примыкали 15 губерний, населенных преимущественно родственными восточнославянскими народами — украинцами и белорусами, имеющими с русскими общие историко-этнические корни и религию — православие. В совокупности эти 44 губернии составляли ту часть Российской империи, которая выполняла роль ее европейской метрополии. С востока к Великороссии примыкали 10 сибирских и дальневосточных, а с юга — три северокавказские губернии, где абсолютное большинство населения составляли переселенцы и их потомки из метрополии. Это были так называемые переселенческие колонии, аналогичные британским доминионам, но в отличие от них они образовывали единое этнотерриториальное пространство с метрополией.

На окраинах империи, в остальных 39 губерниях (кроме Уфимской и Казанской в Европейской России) проживало несколько десятков народов и народностей, причем некоторые из них имели полную внутреннюю автономию (Финляндия, Бухарский эмират, Хивинское ханство и Урянхайский край), а другие ранее были независимыми государствами (Польша, Литва, Татария и т. д.), присоединенными силой или присоединившимися добровольно (Казахстан, Грузия).

В этническом отношении население империи состояло из 80 млн. русских (43,4% всего населения Российской империи), 33 млн. украинцев (18,1%) и 7,4 млн. белорусов (4,0%), которые вместе составляли свыше 120 млн. человек (65,5%), а численность других народов и народностей империи составляла 64 млн., или одну треть ее населения.

В соотношении центр — периферия (национальные окраины), Российская империя по этническим показателям приближалась к сравнительно молодым колониальным империям — германской, итальянской, японской и старой французской, где население метрополии численно доминировало над народами колоний. Кроме Российской империи полиэтнической по составу метрополией, как известно, были Великобритания (англичане, шотландцы, уэльсцы и ольстерцы), а также Австро-Венгрия (австрийцы, немцы и венгры) и США (различные группы евро-американцев). Роль центра метрополии в Великобритании исторически играла Англия, в Германии — Пруссия, в Австро-Венгрии — Австрия, в Италии — Пьемонт (Сев. Италия), в США — штаты промышленного Севера, во Франции — Иль-де-Франс (Сев. Франция), в Японии — Токайдо (Киото-Токийский район).

Как и в Британской империи, в Российской имелись четыре самоуправляющиеся территории, а кроме того 13 казачьих округов, имевших, подобно британским доминионам, широкую внутреннюю автономию.

Поэтому по своей этно-территориальной структуре Российская империя представляла

сложную систему, состоявшую из полиэтнической метрополии с моноэтническим центром — Великороссией, огромного пространства переселенческих районов Сибири, Дальнего Востока и Северного Кавказа с преобладанием русского населения и национальных окраин, заселенных несколькими десятками народов и народностей, иные из которых имели в прошлом какой-либо тип государственности, а часть сохранила внутреннюю автономию.

Для суждения о действительном положении России в системе других держав необходимо, следовательно, сравнивать ее по сопоставимым параметрам с соответствующими имперскими, метропольными и центрально-метропольными структурами, то есть сравнивать Российскую империю с Британской, Германской и т. д.; Европейскую «Россию» с Великобританией, Германией и т. п.; Великороссию — с Англией, Пруссией и другими аналогичными образованиями, а в качестве основных и дополнительных критериев использовать расчетные среднемировые, среднеимперские, среднеметропольные и средне-центрально-метропольные показатели.

*Социально-экологический потенциал*². По размеру своей территории — 22,2 млн кв. км. (16,8% обитаемой суши, то есть исключая территорию Антарктиды) — Российская империя занимала второе место после Британской империи (31,9 млн. кв. км, 23,5%), значительно (в 2,3 раза) превосходя следующие за ней владения США (9,7 млн. кв. км, 7,1%). Среди метрополий Европейская Россия — 4,6 млн. кв. км (3,5%) — также находилась на втором месте, в данном случае после США (9,4 млн. кв. км, 6,9%), но она в 10 раз превосходила по территории Францию (0,5 млн. кв. км, 0,4%), занимавшую третье место. Среди центров метрополий Великороссия — 3,7 млн. кв. км (2,8%) — превосходила по площади все центры остальных метрополий вместе взятые (3,2 млн. кв. км): Север США, Пруссию, Англию, Северные Италию и Францию, Австрию и Токайдо.

Геостратегическое положение Российской империи, ввиду ее материкового расположения на севере и в центре Евразии, было очень уязвимым, особенно по сравнению с другими державами. Так, США были отделены от возможных соперников двумя океанами — Тихим и Атлантическим, территории Великобритании и Японии и представляли собой острова, что делало их практически недостижимыми для чужих сухопутных армий, основного вида вооруженных сил в начале XX века. Италию с севера защищала труднодоступная горная система Альп. Франция имела только одну открытую границу — на севере с Германией. Австро-Венгрия — тоже одну — на востоке с Россией. У Германии было два реальных противника: на западе — Франция, на востоке — Россия. Россия же непосредственно граничила на западе с Германией и Австро-Венгрией, на юге — с их потенциальным союзником Османской империей; на Дальнем Востоке из-за экспансии США и Японии — она уже потеряла Южный Сахалин и влияние в Северной Корее и Манчжурии, на юге, в районах Ирана и Афганистана, происходили постоянные трения с Великобританией, которая считала эти страны своими форпостами на подступах к ее главной колонии — Индии. Из-за своего геостратегического положения Россия была вынуждена содержать в мирное время самую большую по численности армию. Наличие большого числа нерусских районов внутри империи и на ее окраинах усложняло также и внутреннее положение. В силу этих обстоятельств она была «фатально» обречена оказаться в центре назревавшего глобального военного конфликта, когда встал вопрос о переделе мира. Отсутствие спорных вопросов с Францией ставило Россию в положение ее «естественного» союзника, а в отношении к Германии и ее союзникам — в положение наиболее вероятного противника.

По численности населения (185,2 млн. человек, 10,0% общемирового) Российская империя находилась среди мировых держав на втором месте после Британской империи (434 млн.). (Китай, имея около 400 млн. жителей, фактически являлся тогда полуколонией мировых держав.) По численности же населения своей метрополии — 117 млн. человек — Российская империя превосходила прочие; Великороссия по численности населения (74 млн.) также лидировала среди других центров метрополий.

По такому качественному показателю, интегрирующему территориальный и демографический потенциалы, как плотность населения (8,3 человек на кв. км.), Российская империя, имея только 63% среднемирового показателя, находилась на предпоследнем месте, опережая только владения Франции, а по сравнению с лидирующей Японской империей имела в 7,6 раза меньший показатель. Это объясняется тем, что значительную часть Российской империи (около 80%) составляли малопригодные для заселения пространства тундры, тайги, гор, пустынь и болот. Даже метрополия Российской империи занимала предпоследнее место среди других, опережая только США; ее показатель (25,8 человек на кв. км) в 2 раза превышал среднемировой. Этот показатель отражает также относительно небольшую степень хозяйственного освоения территории, превосходя только США, подвергавшиеся интенсивному заселению мигрантами из Европы, как и огромные пространства Сибири и Дальнего Востока.

Среди центральных частей метрополий, Великороссия находилась тоже на последнем месте (19,8 человек на кв. км).

По такому важному качественному показателю, который наиболее верно отражает процесс перехода общества от аграрного к индустриальному, как степень его урбанизации (доля городского населения), Российская империя находилась на предпоследнем месте наряду с Японской (18%), и лишь на 3% опережая Британскую: все эти империи только сравнительно недавно стали интенсивно развивать крупное машинное производство, которое вызывает быстрый рост городов. Европейская часть Российской империи и Великороссия находились на последнем месте, имея в 3—4 раза меньший показатель урбанизации населения, чем метрополии индустриально развитых Великобритании, Германии, Франции и США, даже не достигая среднемирового уровня (23%).

По уровню грамотности (28—30%), как и по степени урбанизации, Российская империя в целом, как и ее центральные части, занимала последнее место. Поскольку грамотность и урбанизация связаны определенной зависимостью, это опять-таки показывает, что Россия все еще находилась в самом начале пути к полной индустриализации общества, когда подавляющее большинство населения связано с обслуживанием в той или иной степени промышленной деятельности, что невозможно без достаточного квалификационного и образовательного уровня работников.

О том же свидетельствуют общее число фабрично-заводских рабочих и их доля среди самодеятельного населения. По их числу (2,7 млн. человек или 6% всех рабочих в мире) Российская империя в 3 раза уступала Германской империи и США, в 2 раза — Британской империи и в 1,5 раза — Франции. Хотя по степени пролетаризации самодеятельного населения Российская империя превосходила Британскую на 0,6%, имея 2,9%, но она не достигала даже до среднемирового показателя — 4,7%, а по сравнению с владениями США, Франции и Германской империи имела в 3—5 раз меньший показатель. Аналогичные показатели были у Европейской России и Великороссии. Хотя доля фабрично-заводских рабочих среди самодеятельного населения и увеличилась, даже в Великороссии она достигла лишь среднемирового показателя (4,3%); отставание от метрополий индустриально развитых держав не сократилось, российские показатели были меньше, чем даже у наименее развитой в промышленном отношении Японии.

Это подтверждает и профессионально-классовый состав трудящихся. Около 75% самодеятельного населения Российской империи и ее центральных частей составляли крестьяне. Между тем даже в Австро-Венгрии их доля не превышала 60%, не говоря уже о Великобритании (8,5%). В российской промышленности, торговле и на транспорте было занято 15% самодеятельного населения, а вместе со сферами услуг, управления, науки и культуры — только 25%. Таким образом, степень индустриализации общества, судя по профессионально-классовой структуре самодеятельного населения, колебалась в пределах 15—25%, то есть составляла около 20% — число, соразмерное со степенью урбанизации населения России (18%). По сравнению с аналогичными показателями Великобритании, Германии, Франции и США, Россия в 3—4 раза уступала им по уровню занятости населения в индустриальном секторе народного хозяйства, в 1,5—2 раза уступала таким государствам с развитой промышленной структурой, как Италия и Австро-Венгрия, и была близка к уровню Японии — развивающейся промышленной державы.

*Финансово-экономический потенциал*³. Обладая большим национальным богатством — 160 млрд. руб. (или 8,6% мирового богатства), значительную часть которого (90 млрд. руб.) составляли различного рода природные ресурсы, Российская империя тем не менее находилась на третьем, после США (400 млрд. руб., 21,6%) и Британской империи (230 млрд. руб., 12,4%) месте, разделяя его с Германской империей и ненамного превосходя владения Франции (140 млрд. руб., 7,5%). Качественный же показатель — среднедушевое распределение национального богатства в России (900 руб.) едва приближался к среднемировому (1 тыс. руб.), превосходя в 1,5—1,8 раза лишь японский, но в 3—5 раз уступая американскому, британскому, французскому и германскому, и в 1,5—2 раза австрийскому и итальянскому.

То же вытекает из данных, характеризующих роль финансового капитала и его место в формировании национального богатства. Обладая финансовым капиталом в 11,5 млрд. руб. (4,6% мирового финансового капитала), из которых 7,5 млрд. руб., или 2/3 составляли иностранные капиталовложения, Россия по абсолютным показателям превосходила только державы второй величины: Австро-Венгрию (8,9 млрд. руб., 3,5%), Италию (5,1 млрд. руб., 2%) и Японию (4,5 млрд. руб., 1,8%), но в несколько раз уступала ведущим мировым державам: в 4,5 раза США и Британской империи (по 52,5 млрд. руб., 21%), в 4 раза Франции (47 млрд. руб., 18,8%) и в 3 раза Германии (35,1 млрд. руб., 14%). Если же взять только собственно

российский национальный финансовый капитал, без учета иностранных инвестиций, то абсолютные и относительные показатели уменьшатся еще как минимум в 3 раза.

Доля финансового капитала в национальном богатстве России, которая соразмерно отражает процесс капитализации народного хозяйства, по всем ее структурам от имперских до центрально-метропольных колебалась, составляя 7,1%—11,6%, то есть была по крайней мере вдвое меньше всех средних показателей: среднемирового — 13,5%, среднеимперского — 17%, среднеметропольного — 19% и средне-центрально-метропольного — 23,4%. По всем этим важнейшим качественным показателям Россия в 2,5—4,5 раза уступала не только ведущим, наиболее развитым французским (33,5—43,7%), британским (22,8—36,2%), германским (23—24,5%) параметрам, но и в 1,5—2,5 раза австрийским (15,3—37,8%), американским (13,1—14,8%), итальянским (12,1—17,9%) и даже наименьшим — японским (12,5—15,5%).

В конечном счете из всех ведущих мировых держав, вставших на путь капитализации народного хозяйства, по всем имперским структурам Россия занимала последнее место, и только Великороссия едва дотягивала до среднемирового уровня. Хотя по размеру национального дохода (16,4 млрд. руб., 7,4% общемирового) Российская империя занимала четвертое место после США, Германской и Британской империй, среднедушевые ее показатели находились на предпоследнем месте, опережая только Японию, но не достигая среднемирового значения.

По валовому промышленному производству (5,7 млрд. руб., 3,8% общемирового) Российская империя уступала даже Франции, находясь на пятом месте в мире. Все российские качественные показатели (объем промышленного производства на человека и годовая выработка одного рабочего) составляли только половину среднемировых значений, превосходя лишь японские и итальянские имперские данные, но значительно, в 5—10 раз, уступая США, Германии и Великобритании.

По объему внешнеторгового оборота (2,9 млрд. руб., 3,4% мирового) Российская империя превосходила Австро-Венгерскую империю, Италию и Японию, но значительно, в 7 раз, отставала от Великобритании, в 4 раза — от Германии, в 3 раза — от США и Франции. По среднедушевым параметрам контраст был еще более разительным. Все российские показатели в 2—12 раз были меньше, чем у других ведущих держав.

По длине железных дорог (79 тыс. км в однопутном исчислении) Российская империя занимала второе место в мире, уступая, правда в 5 раз, только США. По таким качественным показателям, как длина железных дорог на 100 кв. км., российские имперские показатели (0,3) приближались только к данным Франции (0,4) и Британской империи (0,1), но в 6 раз были меньше, чем у США, в 20—50 раз меньше метропольных структур европейских государств. По длине железных дорог на 10 тыс. жителей (4,2—5,2) Российская империя опережала только традиционные морские державы — Японскую и Британскую империи, но по сравнению с США этот показатель был в 8 раз меньше. Только у Великороссии этот показатель (5,2) приближался к среднемировому (5,9).

Хотя формально под российским флагом находилось 2,5 млн. регистровых тонн грузо-пассажирского флота, фактически ей принадлежала только пятая его часть, остальные были собственностью французских судовладельцев. Поэтому по тоннажу ее торговый флот находился на уровне Австро-Венгрии — традиционно сухопутной державы — и значительно (в 60 раз) уступал британскому торговому флоту. Этот разрыв объясняется преимущественно сухопутным характером Российской империи, а также относительно слабым развитием ее морского флота в целом. По количеству регистровых тонн на 1 тыс. жителей (2,7—4,1) российские показатели были наименьшими и составляли лишь 10—20% среднемировых (24,3), в 5—100 раз меньше, чем у других ведущих держав.

Хотя по объемным показателям Россия занимала промежуточное положение между ведущими индустриальными державами (США, Германская и Британская империи), с одной стороны, и индустриально развитыми (Австро-Венгрия, Италия и Япония) — с другой, и имела в целом потенциал, близкий к французскому, по качественным показателям она делила последнее и предпоследнее места с Японией. В этом отношении, Россия отставала от ведущих индустриально-развитых стран в 3—8 раз, от Италии и Австро-Венгрии — в 1,5—3 раза.

Этот разрыв можно объяснить только тем, что если Англия встала на путь индустриализации с середины XVII в., США и Франция — с конца XVIII в., Германия, Италия и Австро-Венгрия — с 1805—1815 гг., то Россия и Япония — только с 1860-х годов. Поэтому положение догоняющей державы стало характерным для России во второй половине XIX и в XX в., когда стали очевидны преимущества нового индустриального общества, особенно в экономической сфере. Разрыв между традиционным (феодальным) и индустриальным обществом приобрел качественный характер, что особенно заметно при сопоставлении среднедушевых показателей, которые стали отличаться на порядок и более.

*Военно-технический потенциал*⁴. Геостратегическое положение Российской империи, чьи границы затрагивали сферы интересов пяти ведущих мировых держав при наличии большого числа национальных окраин, вынуждало ее содержать даже в мирное время довольно значительные вооруженные силы. Только в кадровой армии находилось около 1,4 млн. солдат, что составляло около четверти всех военнослужащих в мире. И хотя по численности вооруженных сил Россия и находилась на первом месте в мире, по таким важным качественным показателям, как количество солдат в строю и в запасе на 1 тыс. жителей (7,5—8,2), она уступала, соответственно, Франции (10,1—25,0), Германии (10,0—12,5) и Австро-Венгрии (7,6—16,6), из которых две последние державы были наиболее вероятными противниками в близившейся войне, а Франция — союзником.

По величине военных расходов (без скрытых статей финансирования) — 826 млн. руб. — Россия занимала второе место в мире после Германии (925 млн. руб.), ненамного опережая Великобританию (729 млн. руб.), США (570 млн. руб.) и Францию (568 млн. руб.). По уровню финансовых затрат на содержание одного военнослужащего (590 руб. в год) Россия опережала Японию (390 руб.) и Италию (566 руб.), но в 2 раза уступала Германии, в 1,2 раза Франции, в 3 раза Великобритании, в 4,8 раза США, где финансирование шло преимущественно на закупку и модернизацию систем вооружений.

Как показал опыт ведения боевых действий в русско-японской войне, сила армии стала определяться насыщенностью войск новыми, наиболее совершенными видами вооружений — пулеметами, скорострельной артиллерией, аэропланами, мототехникой, подводками и линкорами. Недостаток финансовых средств для модернизации русской армии сказывался на уровне ее технического обеспечения даже по штатам мирного времени. Если по оснащенности артиллерией она находилась почти на среднемировом уровне (7,9 тыс. орудий, 22,5% общемирового парка), то по количеству пулеметов (4,1 тыс., 11,7%) имела в 2 раза меньшие показатели, чем среднемировые, а по сравнению с германской армией — в 3 раза. Даже винтовок (5 млн. шт.) не хватало в случае полной мобилизации военнообязанных первой очереди в количестве 7 млн. солдат, включая запасных и кадровый состав. Артиллерийских снарядов (6 млн. шт., 15%) явно не хватало даже для среднемирового уровня обеспечения артиллерии, но патронов имелся достаточный запас (2,8 млрд. шт., 28%).

Новейший вид вооруженных сил России — военно-воздушные силы — насчитывал всего 150 аэропланов, используемых в качестве средств воздушной разведки и связи, что, учитывая протяженность вероятного театра боевых действий от Балтики до Черного моря, было явно недостаточно. В Германии аэропланов было в 2, а во Франции в 3,5 раза больше. Основной объем внутриармейских перевозок из-за почти полного отсутствия автомобилей приходился на гужевой транспорт. Военно-морские силы России (0,4 млн. рег. т, 5,7%) находились на уровне второразрядных военных держав — Италии, Австро-Венгрии и Японии.

В целом военно-технический потенциал Российской империи своеобразно отражал ее общую отсталость. По всем основным показателям оснащения вооруженных сил как традиционным, так и новейшим вооружением, Россия не дотягивала даже до среднемирового уровня, значительно уступая армиям не только высоко развитых индустриальных держав — Германии и Франции, но и стран второго и третьего эшелона развития — Италии, Австро-Венгрии и Японии.

Российская промышленность даже в мирное время могла обеспечить в лучшем случае только текущие нужды вооруженных сил в основных типах вооружений — артиллерии, винтовках, снарядах и патронах, а что касается стратегических резервов, как видно на примере с винтовками и новейшими видами вооружений, то их недоставало, а таких современных ударных систем, которые, собственно, и определяли боевую мощь вооруженных сил, — пулеметов, аэропланов, автотехники, новейших типов боевых кораблей — было в 2—5 раз меньше, чем в германской и французской армиях.

Как показывает анализ военно-технического потенциала ведущих держав, Россия по качественным показателям занимала последние места наряду с Японией, Италией и Австро-Венгрией. Военно-технический потенциал Великобритании и США в силу преимуществ их географического положения был относительно невелик. Их военная доктрина соответственно уделяла основное внимание развитию военно-морских сил и небольшой, профессиональной армии. Но в силу своего большого экономического потенциала, высокого уровня грамотности и урбанизации населения они имели реальную возможность в довольно сжатые сроки развертывать массовую сухопутную армию, располагающую новейшими видами оружия.

Геостратегическое положение обрекало Россию держать оборону на всех направлениях, с учетом наибольшего числа вероятных противников. Это вынуждало ее, в отличие от Великобритании, Японии и США, которые в этом отношении имели наиболее благоприятные

условия для внутреннего развития, отвлекать значительные ресурсы на содержание вооруженных сил даже в мирное время, что значительно сдерживало социально-экономическое развитие страны. По уровню милитаризации социальной структуры населения Российская империя занимала ведущее место в мире, если учесть казаков, которые являлись военно-крестьянским сословием с высоким уровнем боеготовности.

Неслучайно во всех глобальных конфликтах в Евразии в последние два века Российская империя принимала самое непосредственное участие, поскольку они в той или иной степени затрагивали ее территориальные интересы. Поэтому в военном отношении, как и в социально-экологическом и финансово-экономическом, Российская империя по количественным показателям представляла ведущую мировую державу, но по качественным находилась в третьем эшелоне индустриально развитых стран, наравне с Японией, после Италии и Австро-Венгрии.

*Обобщенная оценка положения России среди ведущих держав*⁵. По структурному (внутри имперских, метропольных и центрально-метропольных систем) количественному показателю (10,0% общемирового совокупного природно-демографического, финансово-экономического и военно-технического потенциала) Российская империя занимала четвертое — пятое места в ряду с владениями Франции, после владений США (15,7%), Британской империи (15,7%) и Германской империи (12,1%), значительно, в 3—4 раза, опережая Австро-Венгерскую (3,9%), итальянскую (3%) и Японскую (2,5%) империи. Европейская часть страны и Великороссия соответственно занимали пятое место среди метропольных и центрально-метропольных структур, после Франции и Севера Франции, обладая соответственно 7,5% и 4,2% общемирового потенциала.

По общему количественному показателю (среди всех государственных структур) Российская империя занимала восьмое — девятое места, после имперских и метропольных структур США, Германии и Великобритании, в чьих метрополиях располагался основной индустриальный потенциал. Европейская часть Российской империи находилась на 12-м месте, уступая центру британской метрополии — Англии (9,4%) и Франции (7,6%). Великороссия занимала 15-е место после центра германской метрополии — Пруссии (7,4%) и центра французской метрополии — Северной Франции (5,4%), опережая Австро-Венгерскую, Итальянскую и Японскую империи.

Таким образом, по количественным показателям российские структуры занимали достаточно высокое положение, ненамного (в 1,5 раза) уступая лидерам — владениям США и Британской империи и значительно, в 3—5 раз превосходя аналогичные структуры Австро-Венгерской, Итальянской и Японской империй. Поэтому по своему месту в мировом потенциале (10,0%) Российская империя входила в первую пятерку великих держав наряду с владениями США, Британской и Германской империями, наравне с владениями Франции.

По качественным показателям все российские структуры занимали одно из последних мест: седьмое — восьмое среди имперских и метропольных структур и 21 — 23-е места среди всех структур. Так, общероссийский показатель (0,86) был меньше не только среднеимперского (1,16), но и среднемирового (1,0), превосходил только показатель Британской империи (0,63) и был в 3,5 раза меньше, чем у лидера среди имперских структур — Германской империи. Европейская часть Российской империи и Великороссия, обладая индексами 1,03 и 1,10, среди своих структур — метрополий и их центров — также находились на последнем месте. Хотя их показатель и превышал среднемировой уровень, но в 2 раза был ниже средних метропольных (2,35) и центрально-метропольных (2,97) показателей; в 5 раз ниже показателя Великобритании (5,01), наивысшего среди метрополий, и в 6 раз ниже, чем у северных штатов США (6,37) — максимального среди центров метрополий.

В этом отношении Россия значительно, в 4—6 раз, отставала от передовых промышленных держав — США, Великобритании, Германии и Франции, особенно от их метрополий, в 2—3 раза уступая показателям индустриально развитых стран второго эшелона — Австро-Венгрии и Италии. Ее показатели были соизмеримы только с общемировым уровнем и имперскими структурами Британской и Японской империй. Это значительное качественное отставание по степени индустриализации российского общества объяснялось историческими и геостратегическими причинами. Япония, которая одновременно с Россией перешла к развитию крупного промышленного производства, используя свое выгодное островное положение, тратила на военные цели в 3—6 раз меньше средств как на душу населения, так и в объемных показателях, форсируя промышленное развитие.

Таким образом, Россия по качественным показателям, характеризующим степень ее индустриализации, являлась развивающейся аграрно-индустриальной державой, обладавшей огромными потенциальными возможностями. По природно-демографическому потенциалу она занимала одно из ведущих мест в мире после Британской империи, значительно превос-

ходя (в 1,5—6 раз) все остальные державы. По уровню индустриализации общества и экономическому потенциалу в целом Российская империя, включая ее центральные части, наряду с Японской империей входила в третью группу индустриально развивающихся стран, в которых были созданы основы крупного машинного производства, имелся значительный отряд фабрично-заводских рабочих, но они существенно уступали не только ведущим промышленным странам — США, Германии, Великобритании и Франции, но и второму эшелону промышленно развитых государств — Австро-Венгрии и Италии, где процесс индустриализации общества еще не вполне завершился.

Примечания:

1. В этом и последующих разделах приводятся данные, являющиеся результатом исчислений, которые основаны на слишком громоздких для воспроизведения здесь таблицах. Источником исходных цифровых данных служат следующие статистические и справочные издания: Военно-статистический ежегодник армии за 1912 г. СПб. 1914, с. 506—509, 511—514; Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг. 1915, с. 63—65; Ежегодник Министерства финансов. Пг. 1916, с. 2—3; Атлас Великий Октябрь. М. 1987, с. 25; Демографический словарь. М. 1985; Этнографический словарь. М. 1988; БРАЗОЛЬ Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894—1917 гг. в цифрах и фактах. Минск. 1991, с. 4; Советская Историческая энциклопедия. Т. 2, стб. 871; т. 15, стб. 640.
2. Таблица, характеризующая социально-экономический потенциал России в сравнении с другими державами по их имперским, метропольным и центрально-метропольным структурам, содержит 630 цифровых показателей. Источники: те же, что в прим. 1; кроме того: The Cost of the War and its Financial Effects during the Year 1915. — The Economist, 18.XII.1915, War Supplement. Vol. 81; KENNEDY P. The Rise and Fall of the Great Powers. N. Y. 1989, pp. 199—203, 258, 274; The Times Atlas of World History. Lnd. 1978, pp. 250—254; Труды ЦСУ. Т. 1, вып. 1. М. 1921, с. 37—38; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М. 1925, с. 18, 19, 48, 88, 92, 93, 97; Мировая война в цифрах. М. 1934, с. 12, 22, 55, 64, 68, 94; ШИНГАРЕВ А. И. Война и финансы. В кн.: Ежегодник «Речи». Пг. 1916, с. 323; КАЦЕНЕЛЕНБАУМ З. С. Война и финансово-экономическое положение России. М. 1917, с. 60, 79; ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А. Мировая война 1914—1918 гг. Т. 2. М. 1938, с. 270; ЛЯЩЕНКО П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1952, с. 618, 735; ВАЙНШТЕЙН А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М. 1960, с. 383, 403, 444; е го же. Народный доход России и СССР. М. 1969, с. 71—74; е го же. Статистика народного богатства, народного дохода и национального счета. М. 1967, с. 47; Календарь коммуниста на 1925 г. М. 1924, с. 636, 634, 693; Демографический словарь. М. 1985, с. 9, 55, 57, 147, 165, 419, 435, 513, 553; БОВЫКИН В. И. Россия накануне великих свершений. М. 1988, с. 67, 114.
3. Источники те же, что в прим. 1—2. Таблица, отражающая финансово-экономический потенциал семи ведущих держав, содержит 1 тыс. цифровых данных, составлена с учетом 10% погрешности, как и предыдущие таблицы, и всех необходимых поправок при сравнении общероссийских данных с показателями других государств.
4. Источники те же. Таблица содержит 1 тыс. цифровых показателей, отражающих военно-экономический потенциал семи ведущих мировых держав.
5. Таблица содержит 240 показателей, отражающих суммарный потенциал и уровень социально-экономического развития семи ведущих держав. Составлена на основе данных вышеупомянутых таблиц.

Челночные операции бомбардировщиков США с советских аэродромов

В. Р. Котельников, О. Ю. Лейко

Одной из ярких страниц боевого сотрудничества советских и американских вооруженных сил в годы второй мировой войны явились челночные операции. Сбросив бомбы на территорию, занятую фашистами, американские летчики не возвращались на свои базы в Англии, Италии или Северной Африке, а садились на украинские аэродромы, откуда вновь поднимались с боевым грузом и, нанеся новый удар, возвращались домой. Такие полеты производились летом и осенью 1944 года. В появлении союзных летчиков на нашей земле к тому времени уже не было ничего необычного. Еще в сентябре 1941 г. под Мурманском вместе с советскими летчиками сражались пилоты 151-го крыла (полка) английских королевских ВВС, а в 1942 г. там же появились две эскадрильи торпедоносцев «хэмпден», помогавшие при проводке конвоя PQ-18. Базировались на нашем Севере и английские самолеты-разведчики, которые наблюдали за немецким флотом в норвежских фьордах ¹.

В сентябре 1942 г. союзники предложили СССР сформировать и перебросить в Закавказье соединение англо-американской авиации в составе 11 английских эскадрилий и двух американских авиагрупп (полков). Но ситуация на Кавказе стабилизировалась, и потребность в иностранных авиачастях отпала. В декабре 1942 г. президент США Ф. Д. Рузвельт предложил разместить на советском Дальнем Востоке 100 американских тяжелых бомбардировщиков, а в январе 1943 г. повторил предложение. В обоих случаях И. В. Сталин предпочел самолеты без экипажей и в другом районе ². В сентябре 1943 г. в штабе ВВС армии США появился конкретный проект челночных операций. Тогда англо-американская бомбардировочная авиация вела «воздушное наступление» в Европе. Тысячи бомбардировщиков (американских — днем, английских — ночью) бомбили объекты на территории Германии и ее союзников. Основными целями служили аэродромы истребительной авиации, базы и верфи подводных лодок, авиационные, подшипниковые, нефтеперегонные и химические заводы.

Но существовали цели, недостижимые с английских и американских баз: на территории Польши, Чехословакии, Венгрии и Восточной Германии. Там располагались стратегически важные предприятия, включая заводы синтетического бензина. Не могли их уничтожить и советские ВВС. К тому же объекты, находившиеся в пределах досягаемости, не всегда могли быть эффективно поражены. Бомбовая нагрузка самолетов при максимальной дальности полета резко падала, а радиус действия американских истребителей сопровождения P-47 «тандерболт» был меньше радиуса действия бомбардировщиков. В октябре 1943 г. в Англию прибыли истребители P-38 «лайтнинг», но и их дальности не хватало. В результате только за октябрь 1943 г. американцы потеряли над Европой 9,1% своих бомбардировщиков и еще 45,6% были повреждены ³. Ни применение плотного строя, ни усиление оборонительного вооружения не меняли кардинальную ситуацию, что ограничивало дальние рейды.

Котельников Владимир Ростиславович — кандидат технических наук, старший преподаватель Московского авиационного института; *Лейко Олег Юрьевич* — главный редактор авиационного журнала «Ас».

Использование же баз на территории СССР позволило бы увеличить бомбовую нагрузку ввиду экономии бензина на обратный путь и уменьшало потери за счет меньшего пребывания над территорией противника и совместной с советскими ВВС организации истребительного прикрытия. Ранее американские летчики уже летали подобным способом из Англии в Италию и обратно. Американский генерал Дж. Дин выдвинул на совещании министров иностранных дел в Москве в октябре 1943 г. соответствующее предложение. Оно было подкреплено личным посланием Рузвельта Сталину от 29 ноября 1943 года. Государственный комитет обороны СССР распоряжением от 4 февраля 1944 г. начал подготовку к реализации идеи. В Москве развернулись конкретные переговоры.

Американцы попросили предоставить им шесть авиабаз для бомбардировщиков и два аэродрома для самолетов-разведчиков⁴. Предполагалось участие 360 тяжелых бомбардировщиков В-17 «флайинг фортресс» (летающая крепость), В-24 «либерейтор» и до 200 истребителей. Это намного превышало масштабы операций англичан на советском Севере. Для посадки американских самолетов нужны были полосы длиной более 1 км и с твердым покрытием⁵. Для их технического обслуживания при подготовке боевых операций требовались мастерские, склады, узлы связи, казармы, штабы. Имелось в виду создать также некоторые политические прецеденты боевого содружества⁶. В дальнейшем планировалось разместить до 1 тыс. американских бомбардировщиков и на Дальнем Востоке⁷.

В свою очередь СССР предложил организовать советскую авиабазу в Бари (Италия) для поддержки действий Народно-освободительной армии Югославии и стремился получить различное авиаоборудование, ранее союзниками ему не поставлявшееся. Новые условия США выполнили⁸. В феврале — марте 1944 г. развернулось конкретное планирование задуманной операции. 6 марта в Москву прибыл будущий начальник американских баз на Украине генерал А. Кесслер, 24 марта — представители ВВС армии США П. Гуллен и Дж. Гриффит. Были согласованы требования к будущим аэродромам, сигналы связи, формы и методы взаимодействия. Советская сторона передала американцам данные о потенциальных целях на территории противника, его противовоздушной обороне, о советской авиации и противовоздушной обороне на прилегающих участках фронта. Позднее американцы стали регулярно получать метеорологическую и разведывательную информацию.

СССР почти не использовал в войне тяжелые бомбардировщики и имел их лишь несколько десятков. Поэтому и аэродромы под них не строились. Украинские полевые грунтовые аэродромы были непригодны для базирования «летающих крепостей», а американские самолеты можно было заправлять только высокооктановым импортным бензином. Нужны были иные боеприпасы, запасные части, инструмент, специальное оборудование. Размещение большого авиационного соединения требовало огромных усилий военных строителей, аэродромных служб и служб тыла. Украину выбрали по той причине, что это позволяло использовать и соединения 8-й воздушной армии США в Великобритании, и соединения 15-й воздушной армии США в Северной Африке и Южной Италии. Американцам предложили несколько аэродромов на удалении от фронта до 500 км, что уменьшало риск ударов по ним немецкой авиации. Три из них — в Полтаве, Миргороде и Пирятине — могли быть приспособлены к приему тяжелых бомбардировщиков. Их и избрали.

Аэродромы в Полтаве и Миргороде ранее использовались немцами, но их сооружения были разрушены. В Полтаве планировалось расположить главную базу и разместить штаб авиасоединения. Аэродром под Пирятином был самым близким к фронту. Там решили посадить истребители сопровождения. Первоначально намечалось, что последние будут эскортировать бомбардировщики до условной точки, где их будут сменять советские. Но пока операция готовилась, американцы в Англии освоили более совершенные Р-51В «мустанг», которые с подвесными баками могли преодолеть весь маршрут вместе с бомбардировщиками. Поэтому советские истребители стали встречать американцев уже на рубеже вдоль Днепра. Там наша авиация связывала боем и отгоняла немецкие самолеты, преследовавшие американское соединение. Вызов наших истребителей осуществлялся по радио. При этом американцы следовали сквозь «ворота прохода» в нашей системе ПВО. Советские истребители обеспечивали такжекрытие посадки американцев⁹.

Оборудование для баз, топливо, запасные части, авиабомбы везли с баз в Англии. К 23 апреля 1944 г. в мурманском порту разгрузили пять американских судов, доставивших более 25 тыс. т различного груза, включая разборные металлические взлетно-посадочные полосы, которые в СССР не производились. Строительные работы на базах вела советская сторона¹⁰. Самая длинная полоса, в Полтаве, была покрыта щебенкой, остальные были грунтовыми и недостаточной длины. Систему взлетно-посадочных полос строили заново. Для совместной работы сформировали 169-ю авиабазу особого назначения под командованием генерала

А. Р. Перминова. Общее руководство контактами с американскими авиаторами осуществлял отдел (затем управление) штаба ВВС во главе с генералом С. Т. Левандовичем. Работу на базах контролировали американские инженеры. 15 апреля в Полтаву прибыл Кесслер, организовавший там свой штаб. Под него отвели единственный уцелевший в округе дом, но и тот, как выяснилось, оказался заминированным ¹¹.

В мае 1944 г. из Ирана пришли эшелоны с горючим и обслуживающим персоналом баз. Там разместились более 1200 американских военнослужащих. Были оборудованы узлы связи, налажено воздушное сообщение с Ираном. Американские транспортные самолеты регулярно летали из Тегерана в Полтаву и обратно ¹². Противовоздушная оборона и охрана баз обеспечивались советскими частями ¹³. Основные сооружения были готовы к середине мая. В Полтаву прибыл заместитель командующего американской авиацией в Европе генерал Ф. Андерсон, осмотревший новые базы ¹⁴. 24 мая там приземлились первые американские самолеты из Англии. Честь первого полета была предоставлена 15-й американской воздушной армии генерала К. Эккера. Операция получила кодовое название «Фрэнтик». 2 июня самолеты поднялись в воздух. Каждый В-17G нес 10 бомб по 227 килограммов. Дополнительным грузом были подвесные баки с бензином для истребителей сопровождения. Челночный рейд проводился в рамках общей операции, в которой участвовало 750 самолетов США. Целью послужил железнодорожный узел в г. Дебрецене (Венгрия). Сбросив бомбы и не встретив вражеских истребителей, 128 бомбардировщиков и 64 истребителя приземлились на Украине ¹⁵.

6 июля американцы полетели назад, во взаимодействии с советской авиацией нанеся удар по Галацу (Румыния). Там их встретили немецкие истребители. После налета часть американских машин вернулась в Полтаву ¹⁶. Следующей целью явился Берлин. В рейде участвовало около 2500 машин. Затем часть самолетов направилась в СССР, где приземлилось 137 бомбардировщиков и 62 истребителя ¹⁷. Вскоре активизировалась авиаразведка противника ¹⁸. Немцы стали готовить массированный налет на места дислокации американских бомбардировщиков. Этой операции придавалось не столько военное, сколько политическое значение. Для нее были стянуты все четыре эскадрильи дальних ночных бомбардировщиков «хейнкель-III», имевшиеся на советско-германском фронте. 22 июня немецкие бомбы обрушились на полтавский аэродром. Используя аэрофотосъемку, немецкая разведка заранее выявила цели и распределила их между отдельными подразделениями. На подходе к Полтаве немецкие самолеты шли разрозненными группами, совершая ложные маневры, а специально выделенные машины блокировали близлежащие аэродромы советских истребителей. Над полтавским аэродромом сбрасывались осветительные бомбы.

Навстречу немецким самолетам поднялись три истребителя Як-9 из 802-го истребительного полка, но затем были разрушены взлетные полосы, что помешало выпуску в воздух остальных машин. К тому же был уничтожен командный пункт зенитчиков. Через полтора часа налет закончился ¹⁹. Эффективность действий ПВО оказалась низкой: зенитчики сбили два немецких самолета, а истребители — ни одного. В Полтаве было уничтожено 44 В-17, два транспортных С-47, один Р-38, повреждены 24 В-17, семь Як-7Б, 15 Як-9, два У-2, взорван склад боеприпасов ²⁰. На следующую ночь удару подвергся аэродром в Миргороде. Там успехи немцев были меньшими, ибо истребителям ПВО удалось пресечь попытки разведчиков проникнуть к базе, и вражеские самолеты отбомбились по окраинам аэродрома. Эффективнее работала и зенитная артиллерия. В Миргороде сгорели один Як-1 и один УТИ-4, были повреждены 13 «эйракобр» ²¹. Потери в личном составе всюду были небольшими ²². Общие потери удалось бы снизить, если бы американцы помогли в организации системы наведения истребителей, но этот вопрос не был решен. А ночной перехват немецкого соединения над линией фронта для советской фронтовой истребительной авиации был трудной задачей ²³.

После налета 22 июня 1944 г. американцы предложили усилить прикрытие баз с воздуха, перебросив из Великобритании 427-ю эскадрилью ночных истребителей на новейших специальных машинах Р-61 «блэк уидоу» и три батареи зенитных орудий с радиолокационными станциями. Но сложности их размещения перевешивали преимущества. Поэтому в июле 57-й гвардейский авиаполк был заменен лучше укомплектованным 66-м гвардейским на тех же Р-39, а 310-ю авиадивизию пополнили материальной частью ²⁴. Вскоре челночные операции возобновились. Теперь использовали двухмоторные истребители-бомбардировщики Р-38 «лайтнинг». В операции «Фрэнтик III» участвовали 72 Р-38 и 41 Р-51. Они бомбили нефтеперегонные заводы в Плоешти ²⁵. Затем 33 Р-38 и 34 Р-51 поднялись с советских аэродромов для удара по аэродрому авиазавода в г. Мелец (Польша). Итог: уничтожено девять вражеских самолетов, четыре паровоза и 13 автомобилей. На обратном пути в Пирятин «мустанги» разгромили группу пикировщиков «юнкерс» Ю-87, сбив 15 самолетов.

26 июля Р-38 и Р-51 полетели в Италию, по пути «навестив» Плоешти. 29 июля туда же

последовали еще 14 самолетов. 5 августа началась операция «Фрэнтик V». В ней участвовали В-17G и Р-51. Затем согласно плану «Фрэнтик VI» был осуществлен налет на заводы в г. Хемнице (Восточная Германия), а в ходе «Фрэнтик VII» сбрасывались грузы для восставших варшавян²⁶. Это была последняя челночная операция. 5 октября началась эвакуация американских военнослужащих из Полтавы. Всего со 2 июня по 19 сентября 1944 г. в челночных операциях участвовали 1030 американских боевых самолетов, совершивших 2207 самолето-вылетов и сбросивших 1995 т бомб. Американские самолеты-разведчики, помимо полтавского аэроузла, использовали и другие аэродромы. При этом американцы потеряли двоих убитыми, 10 ранеными и 41 пропавшими без вести²⁷. Все советские военнослужащие, участвовавшие в челночных операциях, были награждены орденами и медалями США²⁸. Но американцам на этих базах запрещалось знакомить советских людей с газетами и журналами, поступающими из США. А на местах некоторые «ретивые люди» шли еще дальше. 68-й район авиабазирования стал готовить даже план возможных боевых действий против американцев. Эта «деятельность» была пресечена только вмешательством Сталина²⁹.

Примечания

1. *Авиация ВМФ в Великой Отечественной войне*. М. 1983, с. 24; GREEN W., SWANBOROUGH G. *RAF Fighters*. Vol. 2. Lnd. 1976, pp. 21, 30; Hampden... *Defender of Liberty*.— *Air International*, 1984, № 11, p. 40.
2. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (далее — *Переписка*). Т. 1. М. 1986, с. 84—85, 88—89; т. 2, с. 31, 41, 43, 45, 47.
3. *История второй мировой войны 1939—1945*. Т. 8. М. 1982, с. 257—258.
4. *Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны*. М. 1984, с. 108, 367; *Переписка*. Т. 2, с. 112; КОЖЕВНИКОВ М. Н. *Командование и штаб ВВС Советской армии в Великой Отечественной войне 1941—1945*. М. 1985, с. 187.
5. DAVIS L. *B-17 in Action*. Carrolton. 1976, p. 47.
6. INFELD G. *The Poltava Affair*. N. Y. 1973, p. 26.
7. *Переписка*. Т. 2, с. 112.
8. ГРОМОВ М. М. *Через всю жизнь*. М. 1986, с. 148—150; INFELD G. *Op. cit.*, pp. 27, 34.
9. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО), ф. 20271, оп. 1, д. 16, лл. 9, 16; д. 27, л. 185.
10. Там же, ф. 32711, оп. 13137, дд. 8, 10, 12.
11. НИКИТИН А. «Челночные» операции.— *Военно-исторический журнал*, 1975, № 11, с. 42; КОЖЕВНИКОВ М. Н. *Ук. соч.*, с. 186; БОРИСОВ А. Ю. *СССР и США: союзники в годы войны 1941—1945*. М. 1983, с. 162; INFELD G. *Op. cit.*, p. 37.
12. *Америка*, 1987, № 11(372), с. 9; НИКИТИН А. *Ук. соч.*, с. 4; БОРИСОВ А. Ю. *Ук. соч.*, с. 162; INFELD G. *Op. cit.*, p. 37.
13. ЦАМО, ф. 20271, оп. 1, д. 26, лл. 2, 6, 9, 11; д. 27, л. 155.
14. КОЖЕВНИКОВ М. Н. *Ук. соч.*, с. 187—188.
15. Там же, с. 188; INFELD G. *Op. cit.*, pp. 55, 59, 68; DAVIS L. *Op. cit.*, p. 43; e j u s d. *P-51 Mustang in Action*. Carrolton. 1976, p. 33.
16. ЦАМО, ф. 20271, оп. 1, д. 29, л. 120; DAVIS L. *P-51*, p. 188.
17. КОЖЕВНИКОВ М. Н. *Ук. соч.*, с. 188; НИКИТИН А. *Ук. соч.*, с. 44; KŁOSIŃSKI P. *Samolot myśliwski P-38 Lightning*. Warszawa. 1989, s. 87.
18. ЦАМО, ф. 20271, оп. 1, д. 29, л. 120.
19. *The Classic Heinkel*.— *Air International*, 1987, № 10, p. 186.
20. ЦАМО, ф. 20271, оп. 1, д. 29, л. 121; INFELD G. *Op. cit.* p. 155.
21. ЦАМО, ф. 20271, оп. 1, д. 29, л. 112.
22. НИКИТИН А. *Ук. соч.*, с. 44; *Америка*, 1987, № 11, с. 9.
23. ЛОБАНОВ М. М. *Развитие советской радиолокационной техники*. М. 1982, с. 156; ПЕРВОВ А. Г., ГУСЬКОВ В. Н. *Ночные действия фронтовой авиации*.— *Военно-исторический журнал*, 1986, № 6, с. 33; INFELD G. *Op. cit.*, p. 28.
24. ХОРОБРЫХ А. М. *Главный маршал авиации А. А. Новиков*. М. 1989, с. 209; ЦАМО, ф. 20271, оп. 1, д. 30, л. 58; д. 26, л. 215; INFELD G. *Op. cit.*, p. 173.
25. STAFFARD G. В. *P-38 Lightning in Action*. Carrolton. 1976, p. 35; KŁOSIŃSKI P. *Op. cit.*, s. 13—14.
26. НИКИТИН А. *Ук. соч.*, с. 46; INFELD G. *Op. cit.*, pp. 177—178, 180, 188.
27. INFELD G. *Op. cit.*, p. 227.
28. КИНЬДЮШЕВ И. *Так это было*.— *Авиация и космонавтика*, 1985, № 9, с. 18—19; БОРИСОВ А. Ю. *Ук. соч.*, с. 163.
29. ВОЛКОГОНОВ Д. *Триумф и трагедия*. Кн. II, ч. 1. М. 1989, с. 372—373; INFELD G. *Op. cit.*, p. 38.

Загадочный диск из Феста

А. А. Молчанов

Наверное, никакой другой памятник древней письменности не доставил в XX в. столько волнений дешифровщикам, как этот. Керамический диск диаметром 15,8—16,5 см и толщиной 1,6—2,1 см был найден 3 июля 1908 г. при раскопках царского дворца в древнем городе Фест на острове Крит. На обеих сторонах диска виден текст, выполненный неизвестными дотоле письменами¹. Необычной являлась и техника нанесения письменных знаков на поверхность глиняного предмета до его обжига посредством отдельных штампов-матриц. Датировка памятника (около 1600 г. до н. э.) была произведена по сопровождавшим его археологическим материалам — керамике среднеминойского IIIB периода и табличке с критским линейным письмом. Таинственный диск сразу стал объектом повышенного внимания и специалистов, и дешифровщиков-любителей. В версиях, часто фантастических, не было недостатка².

Исследователи пытались несколькими путями достичь заветной цели. Старались обнаружить сходство между знаками на диске, имевшими рисуночный характер, и другими, в лучшем известном системах письма (например, древнеегипетскими иероглифами). Но корректность подобных отождествлений выглядела проблематичной. Поэтому многие дешифровщики подкрепляли иконографические сопоставления сравнительной статистикой употребления знаков на диске. Однако объем текста (241 графема при 45 разных) оказался мал для того, чтобы получить на этой основе достоверные данные о частотности и дистрибуции графем. Дешифровщики прибегали и к иным приемам, но и они не принесли успеха. Стало ясно, что применявшиеся методики непригодны для решения проблемы, как это наглядно показал Г. Нойман³. Получить достаточно надежные результаты можно было, как выяснилось, только комбинаторным путем, посредством углубленного формального анализа текста. Только тем ученым, которые поняли это, удалось продвинуться вперед в его изучении.

Предметом дискуссии оставалось и происхождение диска. Высказывалось предположение, что он привезен на Крит. Но со временем появлялось все больше свидетельств местного изготовления памятника. При раскопках пещерного святилища в Аркалохори (Центральный Крит) нашли бронзовую секиру с выгравированной надписью, которая содержит рисуночные знаки, идентичные встречающимся на диске; затем среди археологических материалов из Феста обнаружился оттиск на глине еще одного совпадающего знака⁴. Нанесение на поверхность глиняного предмета до обжига изображений с помощью штампов вообще достаточно часто использовалось мастерами Крита. А иконографические сопоставления, опирающиеся на новые археологические материалы, позволили установить именно критские истоки даже тех знаков на диске, для которых раньше подыскивались лишь иноземные прототипы⁵. Выявилась принадлежность диска к памятникам минойской цивилизации первой половины II тыс. до н. э. Минойцы, населявшие Крит до прихода туда греков в середине XV в. до н. э., первыми в Европе создали государственность и собственную письменность.

Молчанов Аркадий Анатольевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Сейчас известны четыре вида письма, употреблявшиеся критянами бронзового века: словесно-слоговая иероглифика, бывшая в ходу примерно с XX до середины XVII в. до н. э.; преимущественно слоговое и с упрощенными знаками линейное письмо А, развившееся еще в XIX в. до н. э., потеснившее иероглифику из административно-хозяйственной сферы и функционировавшее до конца существования Крито-Минийской державы; священно-декоративный шрифт Фестского диска, пришедший на смену иероглифике; созданное по образцу А, но предназначенное для передачи не минойского, а микенского греческого языка линейное письмо В для ведения документов в дворцовом хозяйстве после установления на Крите господства материковых греков-ахейцев. Теперь ясно, что текст диска составлен на минойском языке, а его письменность генетически и хронологически принадлежит к догреческому пласту критской культуры. Этот памятник находился в подсобном помещении царского дворца вместе с табличкой линейного письма А.

Для минойского языка, родство которого с иными языками пока не прослеживается, была характерна фонетика, при которой слова состояли из открытых слогов «согласный плюс гласный» и «чистый гласный»⁶. Поэтому набор знаков в линейном письме А оказался невелик (около 60 графем) и достаточно удобен для усвоения и широкого употребления. Примерно столько же силлабограмм входит в репертуар знаков Фестского диска. Надпись на нем скомпонована в виде двух спирально закрученных лент. В каком же направлении, справа налево или наоборот, ее читать? Особенности размещения графем и обеих половин текста, а также наблюдения относительно процесса наложения на глину матриц с изображениями позволили установить, что нанесение знаков на обеих сторонах диска шло от правого края единой спиралевидной строки влево, и читается текст так же⁷.

Он делится на группы знаков, от 2 до 7 графем в каждой, заключенные в рамки-ячейки, которые распределены минойским каллиграфом по обеим сторонам предмета: соответственно 31 и 30. Эти группы должны передавать отдельные слова. То есть, там уместилось 61 слово. Смысл некоторых улавливается. Имеются в виду слова, начинавшиеся со знака «человеческая голова с петушиным гребнем». Он встречается 19 раз и только вначале. Это позволяет предположить, что налицо детерминатив, при чтении не произносимый, но поясняющий смысл сопровождаемого слова.

Изобразительное содержание знака заставляет видеть в нем детерминатив личных имен⁸. Отсюда намечается путь к созданию желанной дешифровщику искусственной билингвы (двухязычного текста). Если удастся отыскать среди остаточной лексики Эгеиды личные имена, которые сопоставимы с изображенными на диске, можно будет узнать фонетические значения части слоговых знаков, что даст ключ к прочтению всего текста⁹. Однако подобные сопоставления остаются за пределами возможностей ученых из-за неполноты данных о древней ономастике Балкан и Эгейского архипелага. Тем не менее использовать билингву для дешифровки текста диска все-таки смогли. Удалось построить искусственную билингву благодаря углубленному формальному анализу и использованию свидетельства одного из античных авторов, восходящего к древнекритской традиции. В сочинении Павсания «Описание Эллады» (II в. н. э.) содержится сообщение о том, что критские владыки — потомки Миноса и его супруги Пасифаи, дочери бога Солнца Гелиоса, — считали петуха (птица, посвященная Гелиосу) своей родовой эмблемой¹⁰.

Данное обнаруженное нами и не учтенное ранее никем свидетельство получает особое звучание в свете тех выводов, к которым пришел в свое время Грумах¹¹. Опираясь на археологические материалы, он доказал, что упомянутый знак передает образ человеко-петуха. А раз прототипом знака послужил священный династический символ, то в качестве антропонимического детерминатива он предваряет личные имена минойских владык. Так проясняется частичное содержание текста диска: в его основу положено перечисление династов, правивших около 1600 г. до н. э. Всего в тексте насчитывается 19 царских имен. Но только трижды встречаются два идущие друг за другом антропонима. Поскольку первое имя во всех трех случаях совпадает, можно предположить, что вторые имена служат патронимиками, то есть как бы отчествами, добавленными для различения перечисленных рядом одноименных правителей.

Текст диска распадается на 16 частей. Каждая начинается с упоминания некоего династа. В семи случаях за именем следует только одно слово, дающее главное пояснение относительно названного лица. Слова, стоящие непосредственно за антропонимами, могут быть титулами. Но для этого они слишком разнообразны и потому скорее являются иными определителями. Для этого более подходят названия территорий, подвластных поименованным владетелям. А выявление в тексте топонимов дает возможность построить искусственную билингву¹². Ведь ряд названий древнейших критских городов в минойскую эпоху известен по литературным памятникам античности. Дешифровка линейного письма В позволила прочесть такие топонимы в транскрипции, соответствующей их исконной, догреческой форме. Особое внимание

привлекают города: Кносс, Амнис, Тилисс и Фест, поскольку археология подтверждает их существование для времени изготовления диска, причем в качестве столь важных центров, что их обязательно включали бы в любой пространственный перечень политико-административных величин на Крите. По-минойски их имена звучали: Ko-no-s., A-mi-ni-s., Tu-ti-s., Pa-i-t.¹³

Здесь в трех топонимах последний слог одинаков. Если названия этих городов имеются в тексте диска, то среди слова, выделяемых как топонимы, обязаны оказаться отвечающие определенным требованиям: в них один из слоговых знаков должен не менее двух раз встретиться в конце трехсложного слова и хотя бы единожды — в конце четырехсложного, другие же графемы повторяться не могут. Среди топонимов диска как раз обнаруживаются три таких, которые отвечают указанным требованиям. При этом один из двух трехсложных стоит в перечне городов на первом месте, что приличествует Кноссу, который на рубеже XVII—XVI вв. до н. э. играл на Крите роль ведущей политической силы.

Обнаружение названий городов Кносса, Амниса и Тилисса выявляет фонетические значения сразу группы слоговых знаков. Подстановка этих значений по всему тексту позволяет прочесть и другие слова: топонимы Дави, Лато, Фест, Аптара, Кидония, Миноя — эти города с догреческими названиями тоже существовали как важные центры во времена изготовления диска; личные имена (Sa-tu-ti — известное царское имя), титулы (mi-ni и ku-mi-ni, сопоставимые с греческим Минос, в котором ученые видят титул царей древнего Крита). Текст диска, таким образом, можно интерпретировать как сообщение об акте религиозно-политического характера типа священного договора, в котором приняли участие 16 правителей и соправителей 12 критских городов во главе с царем Кносса¹⁴. Форма диска тоже выбрана не случайно. Она ассоциируется с вышеупомянутым символом Солнца. Изготовление дисков с памятными надписями широко практиковалось в Элладе на протяжении всего I тыс. до н. э., а со временем распространилось на Сицилию и Италию¹⁵. По свидетельству Павсания, в олимпийском храме Геры в Олимпии хранился диск с записанным на нем по кругу текстом священного договора о перемирии, объявлявшемся каждое четырехлетие с 776 г. до н. э. на время проведения Олимпийских игр, имевших, по мнению эллинов, критское происхождение¹⁶.

Вывод, что на Фестском диске запечатлен государственно-политический договор, объясняет и то, почему в данном случае применен необычный прием штамповки знаков: такой способ отвечал задаче тиражирования текста ради получения аутентичных экземпляров для каждой из сторон — депозитариев документа.

Примечания.

1. Последние публикации памятника: OLIVIER J.-P. Le disque de Phaistos: édition photographique.— Bulletin de correspondance hellénique, 1975, t. 99, pp. 5 suiv.; DUHOUX Y. Le disque de Phaistos. Louvain. 1977.
2. Библиография зарубежных работ по проблеме: GRUMACH E. Bibliographie der kretisch-mykenischen Epigraphik. München — Brl. 1963, Suppl. I (1962—1965). München. 1967; DUHOUX Y. Op. cit.
3. НОЙМАН Г. К современному состоянию исследования Фестского диска. В кн.: Тайны древних письмен, проблемы дешифровки. М. 1976.
4. MARINATOS S. Ausgrabungen und Funde auf Kreta 1934—1935.— Archäologischer Anzeiger, 1935, Hf. 1—2; PINI I. Zum Diskos von Phaistos.— Kadmos, Bd. IX, 1970, Hf. 1.
5. ГРУМАХ Э. К происхождению Фестского диска.— Вестник древней истории, 1968, № 2.
6. НЕРОЗНАК В. П. и др. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М. 1988, с. 167—176.
7. DELLA SETA A. Il disco di Phaistos.— Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei, Classe di Scienze morali, storiche e filologiche, ser. V, vol. XVIII. 1909.
8. ИПСЕН Г. Фестский диск. В кн.: Тайны древних письмен, с. 55.
9. КОНДРАТОВ А. М., ШЕВРОШКИН В. В. Когда молчат письмена. М. 1970, с. 107—109.
10. PAUS. V, 25,9.
11. ГРУМАХ Э. Ук. соч., с. 23—28.
12. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: лингвистика, история, археология. М. 1984, с. 107.
13. Всюду, где в конечном слоге показаны точки, опущен неизвестный конечный гласный, искаженный на греческий лад при его записи линейным письмом В (ср: II Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры», 3—5 июня 1991 г. Сб. м-лов. Вып. 2. М. 1991, с. 113—114).
14. Письмена древней Эгеиды. М. 1992, с. 108—158.
15. JAKOBSTHAL P. Diskoi. In: 93. Winckelmannsprogramm der archäologischen Gesellschaft zu Berlin. Brl.—Leipzig. 1933, S. 22—32.
16. PAUS. V, 7,6—10; 8,1; 20,1; PLUT. Lyc., 1.

Наше отечество. Опыт политической истории.
М. Терра. 1991. Т. 1. 390 с.; т. 2, 620 с.

Рецензируемый труд сами авторы¹ его склонны считать первым шагом «к написанию действительно нового учебника» (1, с. 7) по отечественной истории. Однако по своему жанру это скорее собрание серьезных научных очерков о важнейших периодах политической истории нашей страны. Авторы попытались освободить изложение от традиционных схем, присущих ранее выходившим учебникам, положив в основу проблемно-исторический подход и сосредоточив главное внимание на наиболее острых вопросах отечественной истории.

Стремясь по-новому взглянуть на исторический опыт России, они широко используют достижения русской дореволюционной историографии (С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, В. О. Ключевский и др.), методологические принципы школы «Анналов», социологические и философские построения М. Вебера и Н. А. Бердяева, некоторые выводы Л. Н. Гумилева и др.

Важной особенностью двухтомника является то, что основой очерков служат не теоретические схемы, а исторические источники и исторические факты. Многие документы (особенно во втором томе, посвященном послеоктябрьскому периоду) впервые введены в научный оборот. Авторы придерживаются принципа, который они сформулировали следующим образом: «Пусть факты, извлеченные из ранее не доступных или замалчиваемых источников, говорят сами за себя» (2, с. 620). Характерно, что каждый из образующих его 21 очерка в значительной мере самостоятелен. В целом же они охватывают время от возникновения Древней Руси до выборов первого президента России.

Свою задачу авторский коллектив видит в том, чтобы заполнить «явные пробелы нашего исторического образования и просвещения» (1, с. 7) в области политической истории, изучающей роль госу-

дарства, общественных движений, партий и организаций, политические институты, общественно-политическую мысль на всех этапах развития страны. Жаль только, что не выделена авторами такая линия, как народ и власть, хотя они и не могли пройти мимо нее.

В своем изложении авторы в большинстве случаев стараются отстраиваться от деятельности конкретных исторических личностей, их взглядов и отношения к действительности. Они стремятся возможно шире показать разнообразие мнений и общественных позиций в их столкновениях и взаимодействиях. В книге обрели свой голос многие исторические лица, в том числе и те, которые долгое время были искусственно вычеркнуты из отечественной истории. Это — цари и их приближенные, министры и сановники, представители разных течений и партий, ученые, лидеры противоположных политических направлений и взглядов — от реакционеров до революционеров. Важно и то, что авторы стремятся раскрывать реальные альтернативы исторического процесса.

В первом томе очерков уделено много места борьбе передовых сил общества с деспотизмом за гражданские и политические свободы. Причем авторов интересует больше именно противодействие деспотизму, чем складывание и функционирование его системы. Даже царствованию Ивана Грозного посвящено буквально несколько строк. Думается, что в первом томе явно не хватает главы о становлении и утверждении самодержавия и крепостного права, что позволило бы сделать изложение политической истории более выпуклым и наглядным.

Авторы отошли от традиционной характеристики царизма как преимущественно реакционной силы. Деспотизм в политике у них больше связан с влиянием консервативного дворянства

и господством чиновничьего аппарата. Сама же монархия предстает как центр переплетения общественных, классовых сил и интересов, как та высшая инстанция, которая не только заботилась о дворянстве, но и в силу своего положения выступала в известной мере как арбитр в решении споров о путях развития страны. Авторы — и вполне обоснованно — отводят весьма существенную роль личности монархов. Либеральные усилия Александра I и реформы, проведенные в царствование Александра II, определяются ими как вполне естественное стремление двинуть страну по пути прогресса в соответствии с требованиями времени. Характеризуя российских самодержцев, авторы стремятся конкретно разобраться в сложности и противоречивости их личности. Даже Николай I показан не просто как оголтелый реакционер, но как монарх, который многое оценивал вполне реалистически и что-то пытался сделать для блага страны, хотя и оказался неспособным на ее серьезное реформирование. В то же время отмечается неспособность Николая I к реальной оценке ситуации в России, к тому, чтобы поступиться принципами неограниченной монархии в интересах развития страны. Такой подход раскрывает новый аспект весьма актуальной сейчас проблемы «революции сверху».

В связи с рассмотрением роли самодержавия можно было бы коснуться и более широкой проблемы — особенностей русского менталитета, специфики психологии и национального характера. Почему, в частности, самодержавная идеология фактически стала формой общественного сознания? Чем объясняется характерная для России амбивалентность, когда безграничное доверие к монарху сочеталось со страхом перед ним? В чем тайна веры в царя и, если угодно, обожания самодержца? Эти вопросы важны и потому, что в советское время эта вера в «доброе царя» трансформировалась в культ вождя, оказавшийся весьма живучим. Почему стала возможной бессовестная и безудержная эксплуатация лучших человеческих качеств в целях подавления народа? Почему надежды его, никогда не воплощаясь в реальность, постоянно возрождались со сменой царей, а затем и вождей, которые в свою очередь, круто меняя политический курс, меньше всего согласовывали его с народом?

Эти и многие другие вопросы в хорошем смысле слова «спровоцированы» книгой.

Проблема массового сознания, общественного мнения также лишь затронута авторами. Между тем оторванность «верхов» от народа — характернейшая черта нашей истории, которая заслуживает специального внимания.

Думается, нельзя понять нашу историю вообще, и политическую в частности, без изучения роли христианства и вообще религиозных отношений. Мы убеждены, что речь здесь идет не только о церкви как организации, но о вере как образе мыс-

лей и чувствований, как об определенной системе нравственности. Извечная проблема соотношения нравственности и политики, конечно, присутствует в книге, однако специально она не поставлена и не исследована.

Описывая историю создания и расширения Российской империи, авторы рассматривают этногенетические аспекты развития народов, вошедших в ее состав. Учитываются при этом геополитические факторы. В книге отмечается, что огромные возможности освоения новых земель веками способствовали использованию преимущественно экстенсивных способов земледелия, а это в значительной мере предопределяло утверждение в психологии людей таких черт, как консерватизм, стремление «к стабильности, всяческого рода компромиссам», боязнь и нежелание перемен (1, с. 42). Складывание сословного строя, сословно-представительной монархии рассматривается авторами с точки зрения достижения общественного консенсуса, необходимого для решения внутри- и внешнеполитических задач.

Нам кажется, что авторы склонны недооценивать остроту классовых противоречий и их влияние на внутрисполитические процессы. Справедливо отказавшись от абсолютизации классового подхода, они впали в другую крайность: в книге даже не упомянуто о крестьянских движениях под предводительством С. Разина и Е. Пугачева. Это тем более странно, что изложенные по-новому сюжеты, связанные с борьбой рабочих и крестьян против угнетения уже в советское время, звучат достаточно сильно.

Удачно охарактеризован в книге процесс складывания государственного аппарата и кардинальные изменения в нем в результате петровских реформ, когда была осуществлена «унификация, централизация и дифференциация функций аппарата управления, а также известная (мы бы подчеркнули — очень сильная! — Е. И.) его милитаризация» (1, с. 57). Мысли Петра I об идеальном государстве оказались утопией, зато Россия получила бюрократический аппарат, который, не решив проблем модернизации страны, все более превращался в консервативную силу, мешавшую историческому прогрессу. Достигнутый же в XVII в. общественный консенсус был нарушен. В XVIII в. дворянство получило самые широкие права и привилегии, другие же сословия, особенно крестьянство, испытывали на себе растущий гнет, поддерживавшийся господством бюрократии, армии и полиции. Вот почему, по мнению авторов, не удалось попытки продолжить модернизацию страны на путях просвещенного абсолютизма. Высокие идеалы вступали в непримиримое противоречие с политической практикой. Передовые идеи наталкивались на консерватизм дворянства, социальный эгоизм других сословий, апатию масс. Государство все более отчуждалось от общества. Но это же и готовило почву для роста освободительного движения.

В очерках показан так и не пройденный до конца длительный и тяжелый путь обновления России посредством ограничения или ликвидации абсолютной монархии и отмены крепостного права. В XIX в. даже самодержавие «выступило в качестве участника процесса гражданского раскрепощения» (1, с. 77). Успехи здесь имели место тогда, когда устанавливалось единство усилий правительства и передового общества. Отсутствие достаточного числа толковых людей и споры в обществе не дали возможности Александру I осуществить действительное реформирование страны (опереться на декабристов царь, естественно, не мог). Когда такие люди и такая опора, пусть и слабая, появились при Александре II, стала возможной эпоха великих реформ 1860—1870-х годов.

В книге дается заслуженно высокая оценка деятельности М. М. Сперанского и справедливо отмечается, что значение его не только в том, что он разработал проект государственных реформ, предвосхитил и судебную реформу 1864 г., и манифест 17 октября 1905 года. Влияние идей Сперанского на современников было гораздо большим, чем его проектов и предложений (1, с. 83). Отдается должное в книге и другим крупным сановникам, в том числе Н. Н. Новосильцеву и П. Д. Киселеву. Эта «либерально-бюрократическая линия» продолжена затем в описании деятельности и оценке К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, Н. А. и Д. А. Милютиных, К. К. Арсеньева, В. А. Гольцева, а на рубеже XIX и XX веков — С. Ю. Витте и П. А. Столыпина, внесших немалый вклад в историю России. В то же время в книге подчеркивается трагизм их положения, а в большинстве случаев — и личной судьбы.

Заслугой авторов является восстановление исторической справедливости в оценке либерального движения. Не раз отмечается в книге узость социальной базы этого движения, которая все же заметно расширилась после земской реформы и появления земской интеллигенции. До недавнего времени освободительное движение у нас ассоциировалось прежде всего с революционным. Из книги же видно, что либералы сделали больше для России, чем кто-либо другой. Несомненен их вклад в формирование политического сознания, утверждение идеалов свободы, правовых норм, альтруизма как морально-психологической черты передовой интеллигенции (1, с. 146).

Значительно изменен взгляд на революционное движение, а также оценка его как фактора общественно-политической жизни. Авторы подчеркивают внеклассовый характер выступлений оппозиционного дворянства, борвшегося за всеобщее благо. Если рассматривать движение декабристов в общем контексте освободительного движения, то видно, что по сути дела оно явилось истоком не только революционного, но и либерального направления. Революционная же перспектива преобразования страны не выступает как единственно пра-

вильная и возможная. Напротив, иногда революционное движение приводило к трагедии, и не только потому, что, например, после восстания декабристов были разгромлены лучшие силы передовой России, но еще и потому, что углублялся раскол между правительством и обществом. Эта конфронтация привела к усилению ожесточения с обеих сторон, а менталитет интеллигенции дополнился требованием борьбы с государственной машиной как одним из главных свойств передового человека. Нетерпимость к инакомыслию была подкреплена затем В. Г. Белинским. Фактически уже декабристы поставили перед будущими участниками освободительного движения вопрос о соотношении целей и средств борьбы, о перспективе перерождения революционной власти в бонапартизм и деспотизм.

Убийство народовольцами Александра II принесло вред стране, поскольку способствовало усилению реакции. Однако реакция, подобная николаевской, оказалась невозможной после эпохи великих реформ 1860—1870-х годов. Страна уже прошла великую школу «гражданственности и новой политической культуры» (1, с. 161). Это, в свою очередь, сделало возможным появление плеяды русских философов — В. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого и др. — отразивших новый уровень нравственного самоосмысления русских людей по сравнению, например, с П. Я. Чаадаевым.

Излагая платформы А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, П. Н. Ткачева, М. А. Бакунина, авторы вызывают из исторического забвения многие их идеи. Говоря о Лаврове, они изложили не только его программные взгляды и их эволюцию, но и высокие требования к нравственному облику революционера, а также мысль о необходимости строгого соблюдения принципов внутрипартийной демократии. Вспомнили они и критику Бакуниным марксистской модели государственного устройства при социализме и опасность появления господствующего сословия «красной бюрократии», соединения «социализма с абсолютизмом». В книге подробно изложены взгляды народников-либералов Н. К. Михайловского, Н. Ф. Даниельсона и В. П. Воронцова, их полемика с марксистами.

Развитие политической истории представлено в книге во взаимодействии и взаимообогащении взглядов, позиций и действий представителей различных направлений и тенденций. Интересен приведенный авторами факт встречи революционеров и либералов в декабре 1878 г. в Киеве, когда была предпринята попытка объединить усилия в борьбе с царским правительством. Не взаимоисключающей была и полемика народников и марксистов в 1880—1890-х годах. Народники многое сделали для объяснения конкретной экономической ситуации в России, и это было использовано марксистами. В свою очередь, К. Маркс и Ф. Энгельс не исключали

народнической идеи некапиталистического пути развития России и потенциальную способность общины к социальному прогрессу.

Результатом взаимодействия народничества и марксизма была оригинальная попытка В. М. Чернова «совместить марксистский подход к социальным законам как объективной реальности с субъективным методом Михайловского и на этой основе сконструировать нечто третье» (1, с. 197). Он предлагал не надеяться на творческую работу капитализма, а создать социалистический уклад через «обобществление снизу», таким образом предвосхитив появление теории кооперативно-рыночного социализма А. В. Чаянова. Авторы делают убедительный вывод: марксизм и народничество длительное время влияли друг на друга, сосуществовали, стимулируя поиски социалистической перспективы. Определения народнической теории как «мелкобуржуазной», «несоциалистической» несправедливы. Идеи русского крестьянского социализма являлись весомым вкладом в цивилизацию.

В заключительных очерках первого тома освещены проблемы политической истории начала XX в., вплоть до Октября 1917 года. Эпохальную роль в развитии политической жизни России сыграли революционные события 1905—1907 годов. В это время возникают политические партии, был сделан серьезный шаг к конституционному строю. В книге хорошо показана поляризация сил в годы первой мировой войны (Прогрессивный блок и Союз монархических организаций), постоянные колебания царя, отказ его от сближения с оппозицией, нежелание и неспособность поделиться с кем бы то ни было властью. Все это в сочетании с военными неудачами, экономическими и продовольственными трудностями привело самодержавие к кризису, из которого оно уже не вышло.

Подробно изложены в книге либеральные взгляды и концепции, методы деятельности либералов, легальные и нелегальные. Авторы приводят данные о динамике численности важнейших партий, в том числе кадетов и октябристов, социалистов, рисуют политические портреты их лидеров. Исправлено догматическое положение о том, что РСДРП являлась будто бы в основном партией большевиков, а меньшевики были лишь фракцией. В книге отдается должное и меньшевикам и эсерам. Обнажено существо споров между этими силами по коренным проблемам революции и судеб страны. Показана и позиция Л. Д. Троцкого, пользовавшегося поддержкой среди части социал-демократов. Авторы описывают эволюцию эсерской партии, в тактике которой террор постепенно сходил на нет, а важнейшим средством борьбы становилась пропагандистско-агитационная работа в массах. Интересны приводимые в книге факты, относящиеся к совместным действиям левых сил в период первой русской революции и в 1917 г., особенно — на уровне низовых ячеек.

В главе «1917 год: почему Февраль? Почему Октябрь?» представлена сложная расстановка социально-классовых и партийных сил в тот период. При этом отмечено, что ни одна из них, в том числе и большевики, вплоть до осени не могла претендовать на руководящую роль. В сложной обстановке революции наметилось сближение различных сил левого толка, решительно прерванное В. И. Лениным после его возвращения в Россию. Под воздействием трудностей военного времени страна быстро левела. Изложив сложные перипетии политической борьбы в 1917 г., авторы объясняют победу большевиков тем, что они выдвинули самые понятные и привлекательные для масс лозунги и вели энергичную и эффективную пропаганду.

Обращено внимание на важнейший момент II съезда советов, когда после выступления меньшевика Ю. О. Мартова, левого эсера С. Мстиславского и большевика А. В. Луначарского стало возможным создание многопартийного социалистического правительства. Однако невыдержанные и резкие выступления некоторых делегатов и уход со съезда фракций меньшевиков, эсеров и бундовцев разрушили эту возможность. Из реально существовавших между Февралем и Октябрем перспектив развития: буржуазно-демократической (Керенский), генеральско-диктаторской (Корнилов), «однородной социалистической» (Мартов) и большевистски-леворадикальной (Ленин) победила последняя. Но победили большевики не под социалистическими, а под демократическими лозунгами. Фактически народ не сознавал, что делает «социалистический» выбор.

Оценивая исторический путь, пройденный Россией к октябрю 1917 г., авторы убедительно показывают, что страна в начале XX в. переживала чрезвычайно динамичный период развития. Хотя она и относилась ко второму эшелону капиталистических государств, но уверенно и быстро догоняла наиболее развитые страны. В российском обществе сложилась реальная многопартийность, существовала, хотя и ограниченная, свобода печати, действовала выборная Государственная дума. Потенци страны были огромными.

Если история России в первом томе изображается как постепенное, хотя и проходившее с большими трудностями, отступление расширение политических и гражданских прав и свобод, то во втором, наоборот, внимание авторов сосредоточено на том, как шло установление тоталитарного режима. В томе показана и история идейного противостояния и сопротивления диктатуре большевиков, начиная с времен гражданской войны, затем — в 1920—1930-х годах, в том числе история диссидентства — от М. Н. Рютина и Ф. Ф. Раскольникова до А. И. Солженицына и А. Д. Сахарова.

Первые главы второго тома воссоздают процесс утверждения диктатуры личной власти. Придя к власти, большевики утратили идеалы революции. Брестский мир был заключен «вопреки воле боль-

шинства революционных партий» (2, с. 6—7), которые к этому времени были уже оттеснены от власти. Этот мир в значительной мере спровоцировал борьбу с большевиками левых эсеров, апогеем которой стало их вооруженное выступление 6 июля 1918 г., после чего они были изгнаны из правительства и установилось единовластие большевиков. Ликвидация трех оппозиционных сил (кадетов; эсеров и меньшевиков; левых эсеров и анархистов) была лишь следствием этого единовластия. Гибель же оппозиции сыграла роковую роль в дальнейшем развитии страны.

В утверждении административно-командных методов управления огромную роль сыграла политика военного коммунизма, которую авторы называют российской моделью «немецкого военного социализма или госкапитализма». Осуществили ее большевики «железом и кровью», при этом плотно окутав пеленой коммунистической идеологии, да еще используя «более масштабно, как инструмент перехода к новому общественному строю» (2, с. 41—42). Практически же это была политика подавления и принуждения, да к тому же в самых крайних формах. Чрезвычайные продовольственные меры большевиков, вооруженный поход за хлебом означали разжигание гражданской войны, так что введение продразверстки в 1919 г. явилось фактически «не ужесточением продовольственной диктатуры, а ее формальным ослаблением» (2, с. 60). Неудивительно, что так и не получился союз с середняком.

Закономерным итогом политики военного коммунизма были разруха, топливный, транспортный и продовольственный кризис, восстание в Кронштадте, подъем крестьянского движения. Все это заставило советское правительство перейти к нэпу. Нетрадиционно изложена в книге история нэпа: это политика представлена как реформизм, допускаемый партией большевиков «лишь настолько, насколько он укреплял ее монополию на власть» (2, с. 166). Сохранение политической диктатуры параллельно с попыткой осуществить экономическую демократию были чреваты новой гражданской войной. Рядовым коммунистам трудно было понять и принять «экономический Брест». Попытки введения предпринимательства (и государственного, и частного) оборачивались на практике нарождением «элементов паразитического, спекулятивно-бюрократического капитализма, не имевшего ничего общего с теми образцами государственного капитализма, которые существовали в развитых капиталистических странах Европы» (2, с. 170). Для честных же предпринимателей не существовало никаких юридических гарантий, охраняющих их от произвола бюрократического аппарата.

Рассмотрев взгляды разных партий, авторы отмечают, что переход к нэпу никак не ограничил политический террор РКП(б). К тому же монополизм и бесконтрольность большевиков привлекали в партию карьеристские и уголовные элементы.

Предложения же Ленина о совершенствовании руководства, изложенные им в последних статьях и письмах, тоже имели аппаратный характер и не могли изменить существа складывавшихся в партии и стране отношений.

В борьбе за власть победил И. В. Сталин, использовавший самые грязные и коварные методы против своих оппонентов. Рассчитанная на развитие ленинских идей кооперации, рыночных отношений и т. д. «доктрина» Н. И. Бухарина требовала коренного изменения политического и экономического механизма управления, чего Сталин никак не мог допустить, боясь потерять власть. Сталинское руководство, прикрываясь высокими идеями и ленинским знаменем, насаждало в партии административно-командные порядки. По мнению авторов, начинавшийся в 1928 г. поворот в политике был вызван не столько хлебозаготовительными трудностями и «кризисами нэпа», сколько неумным стремлением Сталина укрепить свое положение.

В книге проводится мысль, что не столько объективные обстоятельства (необходимость ускорения индустриализации, нескорректированность производства, изношенность оборудования, внешнеполитическая опасность и т. д.) обусловили становление и развитие административно-командной, тоталитарной системы, сколько факторы субъективные, связанные с целями Сталина и ходом внутрипартийной борьбы. В книге показаны те перспективы, которые вырисовывались в случае развития страны по пути расширения сферы рыночных отношений, укрепления демократических основ общественной жизни и т. д.

Трудно, впрочем, согласиться с тем, как авторы, не утруждая себя доказательствами, расценивают расправу Сталина с делегатами XVII съезда ВКП(б): «Вряд ли можно считать, что это поражение большевистской гвардии было исторически неизбежным» (2, с. 308). Ведь в 1934 г. альтернативы сталинской диктатуре уже не было. О неприятии же сталинской линии народом убедительно говорят впечатляющие примеры борьбы против сплошной коллективизации (только в январе — середине марта 1930 г. в стране произошло более 2 тыс. крестьянских восстаний, в подавлении которых участвовали органы ОГПУ, армия и даже авиация) (2, с. 259—260).

Чрезвычайщина как основное средство «социалистического» строительства, стремление сталинской группы к абсолютной власти обусловили, по мнению авторов, «худшие формы и методы осуществления политики индустриализации и политики коллективизации, правильнее сказать, — сталинской политики большого скачка» (2, с. 263). Нещадно эксплуатировался энтузиазм и искренняя вера советских людей в социализм. Создание мощной индустрии досталось им слишком дорогой ценой. Да и нельзя забывать, что с началом войны большая часть этих достижений была утрачена

в связи с оккупацией огромной территории фашистскими войсками.

В книге рассмотрены многие проблемы сталинского тоталитаризма, его сути, методов и идеологического обеспечения. Впечатляет приведенный авторами материал о еще слабо изученном сопротивлении сталинизму (платформа «Голос масс», «Союз марксистов-ленинцев» и др.). Авторы поднимают вопрос о социальной основе режима, о роли бюрократического аппарата. Опору культа личности они видят в маргинальных, люмпенизированных массах, воспринявших лозунг уравнилельного перераспределения накопленных страной богатств. Эти слои поставляли и кадры партийно-советской бюрократии. Подбор же Сталиным кадров по принципу личной преданности обеспечил ему поддержку аппарата. Особое положение, привилегии, роль вели к отрыву носителей бюрократической системы от народа, а партийной верхушки — от рядовой массы членов партии.

По мнению авторов, созданный к концу 30-х годов тип государства можно определить как «не имеющий аналога в истории тип антинародного государства, враждебный интересам свободного и творческого развития человека общественный уклад» (2, с. 333, см. также с. 334 и далее). Истоки культа личности нужно искать и в сфере социальной психологии. Свою роль здесь сыграли и религиозность, и «царистские иллюзии», трансформировавшиеся в слепую веру в вождя, а одновременно и народная доверчивость и неспособность своевременно разглядеть социальный обман, недостаточная образованность, политическое невежество и многое другое.

Интересна характеристика авторами идеологических основ тоталитаризма. В этом отношении весьма поучительна история создания «Краткого курса истории ВКП(б)» — этого краеугольного камня сталинской идеологии, влияние которого сохранилось и до наших дней. Большая ложь, извращение и политизация науки — неперемьнные черты сталинской идеологии. В книге содержится материал о беспардонном вторжении сталинизма в литературу и искусство, о том тлетворном влиянии, которое он оказал на эти тончайшие отрасли человеческой деятельности.

Уделено в книге внимание и начальному периоду второй мировой войны, участию СССР (в сговоре с фашистской Германией) в разделе Польши, войне против Финляндии. Авторами показан колоссальный вред, который принесла деятельность Сталина и его окружения в годы Великой Отечественной войны. Читатель убеждается в том, что Германия к началу войны не имела подавляющего превосходства, в том числе и в вооружениях. Причины же наших огромных потерь лежат прежде всего в снижении боеспособности Красной Армии из-за массовых репрессий, просчетов в подготовке ее к боевым действиям и оценке военно-стратегической обстановки в мире. Верхом цинизма являет-

ся попытка Сталина переложить свою вину на народ, на воюющих солдат, офицеров и генералов. Авторы справедливо утверждают, что война обнажила корни того режима, который утвердился в СССР в 30-е годы.

Сталинский режим не мог, однако, совершенно заглушить разум и стремление людей к свободе. Об этом свидетельствует приводимый в книге материал о процессах по делам молодежных групп, имевших место в стране начиная с 1946 года. Эти немногочисленные по составу антисталинские группы не представляли серьезной угрозы огромному репрессивному аппарату. Но с их разгрома начинается поход против инакомыслия в самых широких масштабах. Поднимается новая волна репрессий, подавивших всякую оппозицию и продолжавшихся вплоть до смерти Сталина.

Послесталинский период отмечен попытками реформировать страну. Авторы нарисовали достаточно колоритные портреты Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, М. С. Горбачева. И все же попытки реформ не изменили главного — той системы государства-партии, которая была создана в 30-х годах. И в этом причина их неудачи. Административно-командная система израсходовала в то время последние ресурсы своего существования. Первый приступ к реформам был связан с разоблачением культа личности Сталина и решениями XX съезда КПСС. Дальнейшее сохранение диспропорций в экономике (гипертрофированная тяжелая промышленность, отставание сельского хозяйства) требовали решительных государственных мер. Жить на энтузиазме трудящихся было уже нельзя, нужны были материальные стимулы. Очень обострились продовольственные проблемы. Все это, пишут авторы, объясняло попытки демократизации и экономических реформ, предпринятых при Хрущеве. Но в условиях «сохранения однопартийности, идеологического монизма и единомыслия» они зашли в тупик (2, с. 471). Кроме того, политические и личностные возможности Хрущева в начале 60-х годов оказались исчерпанными. Аппарат, который поддержал его в середине 50-х годов, оттолкнул Хрущева в начале 60-х, тем более, что «зараза» культа личности не миновала и его самого.

В книге дана убедительная характеристика руководителей «третьего поколения», зародившегося во время кровавой «кадровой революции» конца 30-х годов. Окончательно оторвавшийся от народа и многомиллионной массы рядовых коммунистов аппарат был не способен обновить страну. Возможности экстенсивного развития экономики были израсходованы полностью. Господство внеэкономического принуждения при монопольной государственной собственности, отсутствие собственных экономических интересов у номенклатуры (в том смысле, что она лишь распоряжалась собственностью, юридически ею не владея), нарастание в народе апатии и равнодушие к работе как результат уравниловки и «выводиловки» при оплате

труда, полная отчужденность трудящихся от собственности, затратный характер экономики — эти и многочисленные другие проявления застоя убедительно отражены в книге. Показана авторами и социальная база политической линии, проводившейся в тот период: ее составляли довольно многочисленные слои управленцев, полуобразованных служащих и инженерно-технического персонала, квазиученые, люмпенизированные рабочие и т. д. Внес свою лепту в углубление развала нравственности растущий алкоголизм. Нормой поведения многих людей становится конформизм.

Неудачу горбачевской перестройки авторы связывают с сохранением господства командно-административной системы. Авторы предвидели крах политики М. С. Горбачева еще до его ухода с поста президента страны. Предвидели они и крах КПСС, и разрушение СССР. Зафиксировали они и начало реальной многопартийности, предприняв попытку дать анализ тех движений и партий, которые появились в самые последние годы. Обстановка в стране, однако, с момента издания книги значительно изменилась. Пересмотр кардинальных проблем нашей истории, в том числе и политической, продолжается. Некоторые наблюдения, оценки авторов уже не отвечают потребностям сегодняшнего дня. Впрочем, не следует увлекаться сиюминутными оценками. Это дело политиков и социологов, а не историков.

Появление двухтомника «Наше отечество» совпало с началом нового этапа российской историографии и в какой-то мере знаменует его. В первую очередь это связано с той методологической свободой, которую исповедуют авторы, и коренным изменением подхода к источнику. Авторы многое сделали для возвращения правды о политической истории России. Вместе с тем книга вскрывает и насущные потребности нашей историографии, связанные с необходимостью изучения глубинных основ национального духа и бытия и на этой базе — углубления анализа взаимоотношений власти, общества и широких слоев населения.

Е. П. ИВАНОВ

Примечания

1 С. В. Кулешов — руководитель авторского коллектива, О. В. Волобуев (зам. руководителя), Е. И. Пивовар (зам. руководителя), Ю. Н. Афанасьев, В. В. Зверев, Е. Ю. Зубкова, Г. З. Иоффе, Н. А. Кирсанов, С. А. Кондратьев, Б. Н. Кочерга, В. С. Лельчук, М. В. Мапютин, Н. Н. Маслов, А. Н. Медушевский, А. Г. Осипов, С. А. Павлюченков, С. С. Секиринский, Н. С. Симонов, Б. А. Старков, С. А. Степанов, Ю. Г. Фельштинский (США), Т. А. Филиппова, А. Ю. Чиковани, В. В. Шелохаев, В. Н. Шостаковский.

М. И. СЕМИРЯГА. *Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941.*

М. Высшая школа. 1992. 302 с.

В ходе дискуссий 1988—1989 гг., развернувшихся вокруг вопроса о советско-германских договорах 1939 г., четко выявились две полярные точки зрения. Сторонники первой, опираясь на документы, утверждали, что этим договорам сопутствовали секретные протоколы о разделе владений и сфер влияния в Восточной Европе; они напоминали, что сговор с гитлеровской Германией принес Советскому Союзу огромный моральный ущерб. Вторые продолжали твердить о положительном значении этих договоров и упорно отрицали существование секретных протоколов (хотя их факсимиле было известно уже десятки лет).

Среди сторонников первой точки зрения заметное место принадлежит доктору исторических наук М. И. Семиряге. Его книга на указанную тему опирается в большой степени на архивные, до этого никем не использованные материалы. Хотя Семиряга ограничивается только некоторыми аспектами темы, это действительно узловые ее сюжеты: путь Сталина и Гитлера к пактам 23 августа и 28 сентября 1939 г., катынская трагедия и ее виновники, советско-финская война 1939—

1940 гг., присоединение к СССР прибалтийских стран и Бессарабии.

С особым интересом читаются те главы книги, где речь идет о сближении Советского Союза с фашистской Германией, заключении обоих пактов и секретных соглашений (составлявших, как справедливо подчеркивает автор, единое целое с договорами), а также о дальнейших этапах советско-германских отношений. Одним из них явилась поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г., в ходе которой Гитлер получил принципиальное согласие СССР на присоединение к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии. Существенно важны постановка Семирягой вопроса о том, существовала ли альтернатива пакту с Гитлером, и аргументированный утвердительный ответ на этот вопрос. Это сводит на нет все попытки апологетов пакта доказать, будто у Сталина не было иного выхода, как броситься в объятия Гитлера и поделить с ним Восточную Европу.

Семиряга рассматривает и правовые вопросы, связанные с советско-германскими договорами, и приходит к обоснованному выводу, что они

нарушали внутригосударственное законодательство и, что еще важнее, противоречили международному праву. Освещение правовых аспектов тех или иных международных актов в исторических работах обогащает исследование, но является пока редкостью. Одно из наиболее грубых нарушений международного права Семиряга справедливо видит в том, что СССР согласно пакту от 23 августа 1939 г. с Германией помогал ей в войне против Польши, не соблюдая декларированного нейтралитета.

Автор приводит доказательства того, что вступление советских войск в Польшу 17 сентября 1939 г. произошло в результате предварительной договоренности Германии и СССР. Он сопоставляет факты прямого сотрудничества советских и германских войск с утверждением Молотова и других советских деятелей намеренно искажавших происходившее. В книге приведены данные о взаимопомощи ведомств безопасности двух стран в борьбе против «банд» — так именовались поляки, выступавшие против оккупантов. Прямым следствием советско-германского сговора стал раздел Польши. Автор, анализируя это событие, в то же время ставит вопрос об оценке объединения западных и восточных областей Украины и Белоруссии в пределах одного государства. Объективно это событие имело историческое значение для судеб обоих славянских народов. Но основа и методы его осуществления были порождением империалистического сговора, что и наложило на воссоединение неизгладимый отпечаток.

Страшным последствием агрессии против Польши было «катынское дело», которому посвящена одна из глав книги. Семиряга не повторяет предшествующих работ наших историков на эту тему, он привлекает новые, малодоступные источники, в значительной мере польского происхождения, что позволяет нарисовать картину расчетливого уничтожения тысяч ни в чем не повинных польских офицеров, которых и военнопленными-то нельзя было считать — ведь СССР и Польша официально не были в состоянии войны. В книге разоблачаются неуклюжие ухищрения, предпринятые Сталиным и его подручными, чтобы под шумок переложить ответственность за катынский расстрел на фашистских оккупантов. Хотя убедительных опровержений этих попыток имелось достаточно, практически до 1989 г. продолжала существовать лживая версия, что постоянно омрачало отношения СССР с Польшей. Автор подчеркивает, что должны быть выявлены имена всех виновников этого преступления.

Одна из глав книги касается советско-финской войны 1939—1940 гг., правда о которой упорно искажалась в советской пропаганде, а для истори-

ков являлась одной из самых запретных тем. Семиряга является практически первым в нашей стране профессионалом, начавшим ее разработку на основе документальных источников, главным образом архивных. В результате их исследования в корне меняется представление об этой войне. Приводимые в книге свидетельства говорят о том, что на деле имела место спланированная и подготовленная агрессия против малой страны, не подчинившейся диктату. На вопрос, почему советское руководство прибегло на этот раз к военной силе, автор отвечает, что в данном случае замаячила угроза потери Советским Союзом престижа из-за отказа Финляндии выполнить выдвинутые им требования. Правда, потеря престижа в итоге войны оказалась гораздо большей: запланированный «молниеносный бросок» на Хельсинки превратился в затянувшуюся войну, в которой СССР лишь с большим трудом одолел ничтожно малую по сравнению с ним страну. Семиряга реконструирует практически никому не известный ныне эпизод этой войны — создание марионеточного «демократического правительства» Финляндии. Целью этой акции по существу было лишение Финляндии независимости, как это позднее произошло с республиками Прибалтики.

Истории их присоединения к СССР посвящена специальная глава книги. обстоятельно раскрыт в ней закулисный механизм, при помощи которого советское руководство манипулировало своей агентурой в Литве, Латвии и Эстонии, инсценируя «революции», для которых в действительности там не было необходимых условий. Семиряга показывает несоответствие донесений советских представителей в этих странах истинному положению дел в них. В книге суммированы данные о репрессиях против населения прибалтийских республик, как это было также в Западной Украине и Западной Белоруссии, в том числе о его депортациях. Эти преступные действия СССР сыграли определенную роль в событиях начала 90-х годов в Прибалтике.

Автор рассматривает также вопрос о Бессарабии и Северной Буковине, которые Румыния вынуждена была передать СССР летом 1940 г. по его требованию. В книге отмечается, что в международно-правовом плане притязания СССР на отторгнутую у него Бессарабию были оправданны; методы же ее возвращения были обычными для сталинского режима, действовавшего к тому же в согласии с фашистской Германией.

Историки пока не имеют доступа к некоторым (подчас существенным) архивным материалам о рассматриваемых событиях. Их освоение еще впереди. Семиряга выполнил роль первопроходца, и в этом прежде всего его заслуга.

Л. И. ГИНЦБЕРГ

M. RAEFF. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939*. Oxford University Press. New York — Oxford. 1990. 239 p.

М. РАЕВ. *Русское зарубежье. Культурная история русской эмиграции*

Марк Раев принадлежит к младшему поколению историков русского зарубежья. Родился он в России, образование получил в Германии, Франции и США. Известны его труды по социальной и политической истории России.

В рецензируемой книге речь идет об условиях жизни разбросанных по разным странам русских послереволюционных эмигрантов, приведены соответствующие статистические данные (с. 202—203). В книгу включены очерки об организации образования подрастающего поколения русских эмигрантов, об издательской деятельности, Русской православной церкви за рубежом, о творчестве писателей, музыкантов, артистов, художников, о русских философах и ученых. Раев использовал для написания своей книги широкий круг источников: архивы, мемуары, эмигрантскую прессу различных направлений, наконец, труды русских зарубежных историков и философов.

Автор стремится раскрыть преемственность в духовной жизни русского зарубежья и серебряного века (этапа в истории русской культуры, пришедшегося на начало XX века). Затронуты в книге и проблемы связей русской зарубежной культуры с западной, а также и с культурными процессами, протекавшими на покинутой родине. Впрочем, эти последние аспекты не получили самостоятельного развития.

Как показывает Раев, культура русского зарубежья была проникнута тоской по утраченной родине, надеждой на возвращение. Ностальгические мотивы были, пожалуй, даже сильнее, чем повседневные заботы о преодолении материальных лишений и трудностей. Эмигранты стремились и в этих условиях продолжать заниматься наукой и искусством, сохранять и развивать русские культурные традиции, передавать их следующему поколению. Созданные с помощью зарубежной общности и некоторыми правительственными кругами научно-культурные центры в Берлине, Праге, Париже, Софии, Белграде, Харбине и других городах объединяли крайне пеструю по своим идейно-политическим воззрениям, национальному составу и социально-политическому положению массу людей, связанных единством религии, морали, традиций, языка.

Думается, что наибольший интерес в книге представляет тема — историческая наука и историки в русском зарубежье. Автор освещает роль историков-профессионалов в создании упомянутых научных центров, организации исторического образования эмигрантской молодежи, воссоздании Русского Исторического общества, публикации трудов, научных периодических и серийных изданий и, особенно, в собирании мемуаров и других источ-

ников. По наблюдениям автора, эмигрантская общественность в определенной мере «устала от истории», однако мемуары участников событий недавнего прошлого пользовались большой популярностью. Особенно интересны воспоминания, написанные профессиональными историками, которые не только стремились сохранить в памяти общества пережитые им события, но и осмыслить их в более или менее длительной исторической ретроспективе. Упоминая многих историков русского зарубежья и их труды, автор, к сожалению, не счел нужным отметить работы такого историка, как С. П. Мельгунов, ограничившись беглым упоминанием о нем как о продолжателе издания сборников «Былое».

На главный вопрос — о причинах революции — историки русского зарубежья, пишет Раев, отвечали по-разному. Одни видели в ней колоссальную, порожденную мировой войной и заговорщической деятельностью «разрушителей Великой Руси» «историческую случайность», нарушившую естественное и гармоничное продвижение страны к полному процветанию и благоденствию. Для других (в основном либерально мыслящих) она явилась неизбежным результатом того, что консервативная бюрократия и реакционная монархия не были в состоянии разрешить проблемы, вставшие перед страной после реформ 60-х годов XIX века.

Говоря о методологических позициях зарубежных историков, Раев исходит из того, что в основном они сформировались как профессионалы еще до революции, когда, по его мнению, в русской историографии преобладала позитивистская методология. Критике последней, раскрытию ее ограниченности автор уделяет большое внимание, хотя, как нам представляется, эта критика имеет достаточно общий характер, не учитываются ни специфика российского обществоведения, ни различия в методологических позициях и методологических подходах российских историков. Раев считает, что революция в России поставила историков-позитивистов в очень трудное положение. Они, казалось бы, должны были приветствовать слом ненавистного старого порядка, тормозившего модернизацию страны. Однако разрушительные последствия происшедшего не могли не отразиться на оценке ими предреволюционной России. Историки же, склонные рассматривать революцию как неотвратимую и непредвиденную «случайность», фактически освобождали себя от необходимости исследовать истоки катаклизмов, постигших Россию.

Автор утверждает, что единственной историософской новацией, выросшей и оформившейся в кругу философов и историков русского зарубежья,

была евразийская теория, которая, однако, по его мнению, не смогла оказать серьезного влияния на историографию (с. 167). К тому же, указывает Раев, само евразийство в начале 30-х годов разделилось на две фракции: одну — сторонящуюся политических дискуссий и сосредоточенную на теоретических проблемах — «консервативную», и другую — «левую», живо реагирующую на политические события, близкую к сменовеховству и склонную воспринимать происходящее в советской России как естественный результат процессов, «присущих самому характеру евразийской цивилизации» (с. 84—85).

«Доктрина евразийства,— пишет Раев,— делала ударение на культурной уникальности населения территорий, расположенных между Центральной Европой и Тихим океаном, истоки которой коренятся в общих структурных характеристиках, связанных с климатическими условиями, географическим положением, языковыми особенностями и, в конечном счете, с тем, что мы ныне именуем менталитетом народа» (с. 107). Евразийцы утверждали приоритет духовных составляющих исторического процесса. Еще в период серебряного века сложилось представление о том, что Евразия должна рассматриваться не как простая комбинация европейских и азиатских культурных компонентов, а как особая евразийская целостность, в основе истории которой лежит «борьба Леса и Степи».

«Следовательно,— продолжает Раев,— чтобы понять прошлое России, надо уделить должное внимание ее степному наследству и не забывать, что на протяжении веков она была обращена лицом скорее к Азии, нежели к Европе. И тем не менее от Европы она получила главный элемент своей самоидентификации — христианство, но, что характерно,— христианство восточное. Это объясняет, почему столь чуждыми русской культуре оказываются западные элементы, перенесенные на русскую почву... Большевицкая революция, помимо всего прочего, была революцией Евразии против этих чужеродных институтов. Она снова доказала, что по своей специфике культура России — антизападная, хотя с ней уживаются современные наука и технология» (с. 167). В этом Раев видит суть евразийских исторических концепций.

По заключению автора, евразийцы не сумели предложить сколько-нибудь серьезной альтернативы позитивистским схемам русской истории, поскольку и их интерпретации исходили из детерминистского подхода, который, как полагает автор, неизбежно приводит к выводу о закономерности большевицкой революции и о долговременном существовании советского режима. Раев замечает, что подобный телеологический подход, как и вытекающие из него выводы, никак не устраивали эмигрантов, лишая их всякой надежды на будущее. К тому же, отмечает Раев, в изложении евразийцев (как и позитивистов) эпохи, события, исторические

деятели лишались своей индивидуальности и неповторимости. Самым крупным историком-евразийцем Раев считает Г. В. Вернадского.

Камнем преткновения и для позитивистской компаративистской историографии, заимствовавшей, по словам Раева, свои критерии из западноевропейского исторического опыта, и для евразийцев оставались труднейшие и вместе с тем важнейшие проблемы — что есть Россия, что включается в ее историю, как соотносятся между собой ее основные периоды: петербургский (имперский), московский, удельный, киевский, как надо трактовать историю составных частей Российской империи — Украины, Белоруссии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, в чем — в свете исторического опыта — заключалась сила и слабость российской государственной системы, возможно ли возвращение России к дореволюционным порядкам?

Несколько особняком стояла группа историков-эмигрантов, живших в Югославии, которые, как считал Раев, отличались сугубо консервативным подходом и склонны были воспринимать русскую историю исключительно как воплощение идей и институтов православного христианства. Впрочем, это течение не оказало большого влияния на зарубежную русскую историографию.

Автор обращает внимание и на такую особенность, как явное стремление русских историков-эмигрантов рассматривать прошлое России не столько с точки зрения преемственности эпох и периодов, сколько прежде всего как серию глубоких и радикальных переломов в развитии (в первую очередь культуры) (с. 170). Отсюда и определенная избирательность в выборе тематики исследований. Однако, и это обстоятельство в книге подчеркнуто особо, историки-эмигранты продолжали и в чем-то углубляли начатые дореволюционной историографией исследования социального и экономического развития России, аграрного вопроса, судеб крестьянства, роли бюрократического аппарата и других тем, относящихся к этой проблематике. Характерны в этом отношении труды В. А. Мякотина, А. В. Флоровского, С. Г. Пушкирева, В. Б. Эльяшевича, П. Б. Струве, С. В. Сватикова, Б. Е. Нольде, В. А. Рязановского¹.

Важное и заметное место в русской зарубежной историографии занимала история православия. Здесь, по мнению Раева, особенно сильно ощущалась связь с религиозно-духовным ренессансом серебряного века, когда светские мыслители все больше вовлекались в дискуссии о «моральных и метафизических измерениях церковной жизни, в то время как духовенство (во всяком случае, его наиболее влиятельные представители) стало признавать, что и официальной церкви необходимо больше интересоваться социально-экономическими проблемами народной жизни, устанавливать более тесные связи с интеллигенцией» (с. 176). Следует учитывать и то, что в начале 20-х годов ряд выдающихся представителей философского

религиозно-духовного ренессанса был изгнан из Советской России и оказался в русском зарубежье. Раев подробно рассматривает основные труды таких историков, как Г. О. Флоровский и Г. П. Федотов.

Обобщая свои наблюдения над культурной жизнью русского зарубежья, автор пишет: «Существование русского зарубежья... уникальный феномен XX века. Благодаря своему живому и творческому характеру его культура повлияла и на страны, давшие прибежище эмигрантам, а ныне его культурные достижения стали известны и в СССР» (с. 193—194). Культура русского зарубежья в определенной степени послужила каналом для взаимобмена ценностями и достижениями культур —

русской и западной. История русского зарубежья, его культуры, включает Раев, пример того, как изгнанное из своей страны меньшинство может не только способствовать сбережению национальной культуры, но и внести свой — и притом достаточно весомый — вклад в мировую культуру.

К. РОГАЧЕВ

Примечания

1. К этому списку можно добавить и самого Раева (см., напр., «Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи». Лондон. 1990 — перевод французского издания, вышедшего в 1984 г.).

Г. Д. АЛЕКСЕЕВА. Народничество в России в XX в. Идеинная эволюция.
М. Наука. 1990. 246 с.

У историографии народничества сложная, можно сказать драматическая судьба. Эта проблематика всегда была подвержена политической конъюнктуре. Решающее значение при этом имело то, что народничество (как идеология) долгое время пыталось оспорить у марксизма роль единственно правильного — в русских условиях — учения о социальном и политическом освобождении народа.

Политическая победа марксизма предопределила и некоторую тенденциозность исследований о народничестве. Его идеи и течения начала XX в. оставались вне поля зрения, а основное внимание было сосредоточено на так называемом классическом народничестве первых пореформенных десятилетий. Впрочем и здесь многие историографические споры так и остались нерешенными. И если для одних авторов народничество — это заложенная А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским идеология крестьянской демократии, то для других — это общественное течение, начавшееся только с 70-х годов XIX в., когда активную роль в революционном процессе взяла на себя интеллигенция. Спор о понимании народничества не разрешен и поныне, он просто затих на рубеже 60—70-х годов XX века. В научной и учебной литературе до сих пор существует мнение, что революционное народничество фактически исчерпало себя царевубийством 1 марта 1881 г. и в 80—90-е годы на смену ему пришла либеральная разновидность народничества. Переход же от революционности к либерализму трактуется как упадок и даже распад народничества. Процесс такой деградации завершается идейным разгромом народнических доктрин, осуществленным В. И. Лениным и большевиками. Иной раз, впрочем, отмечается, что в начале XX в. народнические идеи как бы возрождаются, но дальше этих глухих признаний дело в отечественной историографии так и не пошло.

В монографии доктора исторических наук Г. Д. Алексеевой фактически впервые в отечественной историографии содержится попытка анализа народничества начала XX в., его сложной и трудной судьбы. Автор справедливо подчеркивает, что «в истории русской национальной демократической культуры народничество стало целой эпохой, деятели которой впитали передовые устремления своего времени, прогресс духовной культуры, пропагандировали национальные традиции. Они защищали идеи служения народу, необходимости самоотверженной борьбы за его освобождение, показывали его выдающуюся роль в создании материальных и духовных ценностей, в защите национальной независимости» (с. 4).

Привлекает внимание стремление Алексеевой определиться с самим понятием «народничество». Она подчеркивает, что в литературе это понятие отличалось большой неопределенностью: в разное время оно наполнялось неодинаковым содержанием. Алексеева рассматривает народничество как идеологию крестьянской демократии, подчеркивая, что и в начале XX в. оно отражало борьбу крестьянских масс за победу демократической революции.

Основную свою задачу автор видит в том, чтобы раскрыть содержание народнической доктрины начала XX в., выявить ее исторические и гносеологические корни, а также ведущие тенденции и закономерности развития в последний период ее истории. В книге исследуются роль народничества в революции 1905—1907 гг. его историческая судьба в связи с Октябрьской революцией. Внимание автора привлекла социологическая концепция народничества в XX в., а также роль его духовного лидера Н. К. Михайловского.

Ряд разделов книги написан весьма убедительно, глубоко и хорошо аргументирован. Это относит-

ся, в частности, к анализу политической деятельности и идеологии эсеров-максималистов, социологии Михайловского, исторических взглядов народников начала XX века. Однако многие положения, высказанные в книге, не могут не вызывать возражения. Так, в ней неоднократно подчеркивается, что научное осмысление народничества возможно только с позиций пролетарской идеологии, марксистской концепции классовой борьбы. На протяжении всей книги сопоставляются «подлинно научные», классовые, марксистско-ленинские взгляды с народническими идеями.

«Изучение этой темы,— утверждает автор,— позволяет показать, что народники, как и другие деятели мелкобуржуазной демократии (например, анархисты), не могли быть серьезными конкурентами пролетарским революционерам, ибо их программа и тактика основывались на утопических теориях и ошибочных оценках действительности» (с. 7). Но ведь исследование этой темы говорит как раз об обратном. Народническая, в первую очередь эсеровская, демократия была весьма серьезным конкурентом большевизму, о чем свидетельствует опыт гражданской войны и первых лет советского строительства. Нелишне отметить, что, актуализируя свое исследование, Алексеева неоднократно проводит аналогии между народничеством начала века и популистскими и демократическими движениями времени перестройки, причем противостоящие коммунистам силы демократической ориентации характеризуются автором негативно (с. 29).

Нарастание реформизма в эсеровском движении после революции 1905—1907 гг. расценивается в книге как идейно-политический кризис народничества, как признак сдачи им своих общественных позиций. Между тем революционность «во что бы то ни стало» означала на деле приоритет упрощенных перераспределительно-конфискационных решений и отражала скорее не классовое, а люмпенизированное отношение к стоявшим перед Россией социально-экономическим проблемам. Это хорошо понимали многие деятели народнического движения, резко осудившие неправовые методы разрешения аграрного вопроса накануне и после Октября. Переход части народников на позиции контрреволюционного лагеря Алексеева характеризует как их полный разрыв с движением, к которому они себя причисляли. В этот момент, считает автор, они перестали отражать интересы крестьянства, выражая отношение к революционным событиям «интеллигентских групп всяческого толка» (с. 212).

Думается, однако, противостояние большевизма и народничества нельзя сводить к проявлению политиканства и злопыхательства у носителей последнего. Злопыхательства с избытком хватало в ту пору всем противоборствующим силам, да и от интеллигентских амбиций лидеры большевизма были не свободны. Суть противостояния гораздо

глубже. Народничество при всей своей интеллигентской природе и социальной противоречивости всегда стояло за сохранение и укрепление крестьянского хозяйства, видело в нем залог стабильного развития страны. Большевики же всегда, а в годы гражданской войны особенно, подчеркивали буржуазную природу мелких крестьянских хозяйств, видели в многомиллионной массе крестьян-собственников угрозу для своих социалистических экспериментов. Если народники свои социалистические надежды связывали с развитием и свободным кооперированием крестьянских хозяйств, то большевики опирались в деревне на бедноту, тяготившую не столько к развитию сельскохозяйственного предпринимательства, сколько к перераспределению собственности.

Поэтому едва ли можно согласиться с утверждением автора, что для концепции эсеров (главных носителей народничества в XX в.) было характерно «сильное преувеличение социально-экономической отсталости России, которую они усматривали в слабой степени развития промышленности и городов, в низком культурном уровне страны» (с. 184). Опыт истории показал, что опасения идеологов эсеровской партии имели вполне реальные основания. Неразвитая социальная структура и низкая политическая культура населения обусловили быстрое распространение в России упрощенных представлений о путях улучшения экономического положения народа, поиск «простых решений», что получило концентрированное выражение в тезисе о классовой борьбе как универсальном средстве решения всех сложных социальных проблем, аграрного вопроса в том числе.

Многим в России казалось, что ликвидация помещичьего землевладения (или «черный передел») способна радикально улучшить положение крестьянства. На самом деле это был мнимый, в лучшем случае паллиативный путь. Без колоссальных усилий всего общества и его властных структур по развитию сельского хозяйства, повышению культуры земледелия, формированию современной структуры сельскохозяйственного производства и иных вроде бы неспешных мер решить аграрный вопрос в России было невозможно. Разумеется, такой путь требовал и времени, и терпения, и компетентности, и правовой культуры. Чего проще — сделать ставку на пролетарские слои деревни, на их естественное стремление разом улучшить свое положение. Увы, жизнь скоро опровергла подобного рода иллюзии, а утрата в ходе столь грандиозного эксперимента наиболее предприимчивых и жизнестойких слоев крестьянства ощущается по сей день. Вот почему трудно принять основной тезис автора, что народничество проиграло свой спор с большевизмом еще в начале XX века. Время для окончательного приговора, как это на первый взгляд не удивительно, пока еще не пришло.

М. Д. КАРПАЧЕВ

C. MERRIDALE. *Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital. 1925—1932.* Macmillan Press. Houndsmill — Basingstoke — Hampshire. 1990. 328 p.

К. МЭРРИДЕЙЛ. *Московская политическая жизнь и возвышение Сталина: организации Коммунистической партии в столице, 1925—1932*

Английская исследовательница Кэтрин Мерридейл, прослеживая эволюцию и роль организаций ВКП(б) в политической жизни Москвы в конце 20-х — начале 30-х годов, стремится раскрыть внутреннюю противоречивость становления сталинизма как в верхних эшелонах партийного и государственного аппарата, так и на региональном уровне. Она стремится проанализировать взаимоотношения между политическими руководителями и рядовыми членами партии, а также описать воздействие быстро меняющихся политических условий на жизнь коммунистов и всего населения Москвы.

Мерридейл использовала материалы местной и центральной партийной прессы, западных и советских архивов. В книге рассмотрены такие вопросы, как структура и организация партии, прием новых членов, пропаганда и агитация, влияние московской партийной организации на работу промышленности, политическая активность рядовых коммунистов. Охарактеризована в книге и борьба партийных фракций вплоть до консолидации московского партийного руководства, возглавленного Л. М. Кагановичем.

Значительное место в книге занимает описание споров в партийных верхах. Восприятие же этой борьбы массой рядовых партийцев показано менее отчетливо. Особое внимание Мерридейл сосредоточено на судьбе отдельных деятелей московского партийного руководства (Н. А. Угланова, К. Я. Баумана и др.). Рассказывая о партийных собраниях в низовых партийных ячейках, она пишет, что многие коммунисты в ходе партийных дискуссий лишь повторяли спущенные сверху лозунги, не понимая сути текущих споров, да к тому же пользовались совсем другим политическим языком, чем партийные лидеры (так, на одном из собраний, состоявшихся после июльского пленума ЦК 1928 г., один из выступавших спросил, какой же из двух уклонов опасней — «уклон Рыкова или — Сталина»). Думается, однако, что описание внутрипартийной фракционной борьбы все же не достаточно для характеристики все время меняющейся политической атмосферы в Москве в рассматриваемые годы.

В книге содержится информация о росте рядов московской партийной организации за счет вовлечения рабочих «от станка» (этому особенно сопротивлялись текстильщики, сплошь и рядом еще сохранявшие тесную связь с деревней). Партийное руководство стремилось заинтересовать рабочих вопросами производства и сделать их активными проводниками политики индустриализации, не выпуская при этом из рук центра контроль над всей

партийной жизнью. Лишь в 1928—1930 гг., после того, как осенью 1927 г., в рамках «Октябрьского призыва» на фабрики были посланы специальные «тройки» партийных работников, московские показатели вербовки новых членов превзошли другие регионы. Теперь на первое место вышла политико-воспитательная работа со слабо подготовленными молодыми членами партии, многие из которых были к тому же неграмотны (фактическое число их среди новых членов партии намного превышало сведения официальной статистики). Однако для организации интенсивной политической учебы часто не хватало квалифицированных пропагандистов и средств.

Усиление влияния партийных организаций на сферу производства и привлечения рядовых партийцев к выработке и принятию решений, касающихся производства, пишет Мерридейл, приходится на период, начиная с 1928 года. Это совпало с преследованиями «буржуазных специалистов» после Шахтинского процесса. Нередко они вызвали хаос на предприятиях. Часто было не ясно, кто же, собственно, — директор завода или партийная ячейка — несет ответственность за принимаемые решения. То, что новые кадры явно не справлялись со своими обязанностями, убедительно показано автором на примере заводов «Красный пролетарий» и «Серп и молот». В конце 1930 — начале 1931 г. по московским фабрикам прокатилась волна забастовок (во многом вследствие указанной причины). Лишь в конце 1931 — в течение 1932 г. удалось наладить управление производством, передав его директорам и техническим работникам. Однако роль старых специалистов в организации производства так и не была восстановлена.

Массовое пополнение партийных рядов, указывает Мерридейл, в значительной мере изменило облик партии, что, однако, не означало еще безраздельного господства сталинского аппарата. Те, кто вступил в партию во второй половине 20-х годов, отнюдь не составляли, как полагал Л. Д. Троцкий, тупую массу карьеристов; в большинстве своем это были сознательные участники революции и гражданской войны, поэтому и левая и правая оппозиции могли найти среди них множество сторонников.

Мерридейл отвергает как своего рода миф тезис, будто «чисто пролетарская партия» могла бы предотвратить развитие сталинской диктатуры. Фактически Сталин получил вполне реальную поддержку в лице новых партийцев. В 1928 г. его в основном поддержали именно кадровые фабрич-

ные рабочие. Напротив, «правые», типа Угланова, опирались преимущественно на государственных служащих, а также рабочих, еще сохранивших связь с деревней. Впоследствии рабочие, озлобленные тяжелыми жизненными условиями и од-

новременно уверенные в «скором приходе» социализма, поддержали «ритуальные нападки» на мнимых «врагов народа».

М. ВЕНЕР (ФРГ)

S. RAMET. *Social Currents in Eastern Europe. Sources and Meaning of Great Transformation*. Duke University Press. Durham — Lnd. 1991. 434 p.

С. РАМЕТ. *Социальные перемены в Восточной Европе. Источники и значение Великого преобразования*

Книга профессора Вашингтонского университета Сабрины Рамет посвящена более чем десятилетнему периоду истории восьми стран, входивших в социалистический лагерь. В ней рассматриваются зарождение диссидентского движения, роль религиозных и этнических факторов в социальных переменах, готовность нового поколения граждан этих стран к коренным социальным преобразованиям, история последних, противостояние гражданского общества государственным структурам.

Автор стремится показать, что революционные изменения готовились в недрах прежнего общества. Революции конца 80-х — начале 90-х годов предстают как события, назревшие уже в сложившихся социальных структурах, а их синхронность обусловлена сходством и взаимосвязанностью развития указанных стран. В то же время Рамет показывает значение разнородных процессов, протекавших в глубинных слоях социальной жизни каждой из этих стран.

Автор подчеркивает, что требования изменений в Восточной Европе накапливались на протяжении многих лет, что выразилось в постоянных кризисах, имевших место с самого начала послевоенной эры. К концу 80-х годов эти кризисы создали комбинацию таких процессов, как экономическая разруха, политический упадок, растущее влияние «параллельного общества», готового заменить общество «официальное». С началом перестройки в Советском Союзе ослабло давление на эти страны извне. Однако, подчеркивает Рамет, само «Великое преобразование» наступило все же довольно неожиданно, и социалистическая система рухнула почти обвально, обнажив при этом новые опасности, связанные с межэтническими антагонизмами в одних странах и с социальной фрагментацией — в других, а также и конфликты между государствами бывшего социалистического лагеря.

Еще в 80-е годы, пишет Рамет, обнаружилось, что лидеры восточноевропейских стран не в состоянии воспринять необходимость назревших социальных преобразований. Между тем урбанизовавшееся крестьянство восприняло новые образцы социального поведения, избавилось от страха перемен, как и подрастающее поколение, не жела-

ющее признавать авторитет лидеров, пришедших к власти после разгрома фашизма. Избавилась от страха и интеллигенция. Лишь часть ее была интегрирована реформаторами, вышедшими из руководства коммунистических государств. Не прекращалось падение темпов роста валового национального продукта (к концу 80-х годов этот рост наблюдался лишь в Болгарии), что привело к «экономическому стрессу». Быстрый экономический рост сменялся спадом. На фоне неэффективности управления росли некомпетентность и коррупция, усиливая недоверие к власти, что, как замечает Рамет, создавало взрывную ситуацию, когда само признание правительством своих ошибок усугубляло и усиливало напряженность.

Силы, способные создать новое общество, указывает Рамет, выросли в среде диссидентства. «Коммунизм порождает разочарование и диссидентство, подобно тому, как их порождает отчуждение и досоциалистические формы сознания» (с. 35). В течение 80-х годов диссидентство по-разному проявлялось в различных странах. В ГДР его источниками и ускорителями были тяга молодежи к официально непризнаваемым культурным образцам, недовольство милитаризацией образования, нарушениями прав человека. Усилилась ориентация на ФРГ. Важный источник диссидентства — недовольство уровнем жизни. К началу 80-х годов торговый дефицит ГДР поглощал 40% валютной прибыли. Ухудшались условия жизни рабочих, росло недоверие к партнерам с Востока, особенно усиливались антипольские настроения. «К 1988 г. Восточная Германия, занимавшая ранее место в десятке лидирующих промышленных стран, опустилась на 26 место» (с. 58—59).

Диссидентство консолидировалось. В январе 1988 г. власти арестовали группу из почти 70 активистов и выслали их в ФРГ. Движение было деморализовано, но ненадолго; перестроечные процессы в СССР, равно как и демократические движения в Польше и Венгрии, возродили его с новой силой. К августу 1989 г. было уже около 500 оппозиционных групп, а то, что 225 тыс. немцев переместились на Запад, показало, что это лишь верхушка айсберга. 13 августа диссидентские груп-

пы объединились в общенациональное движение — «Новый форум» с 4 тыс. приверженцев, к середине октября их было уже 25 тысяч (с. 60). Крах режима стал неизбежным.

В Польше «параллельное общество» укреплялось благодаря растущему взаимопониманию части рабочих и интеллигенции, которое началось еще с конца 70-х годов. С усилением независимого профсоюза «Солидарность» углубляется дезинтеграция политической структуры. «Параллельное общество» обрывает своими независимыми изданиями (500 газет в 1983 г.), «подпольными университетами», театрами и т. д. Периодически арестовывавшиеся лидеры «Солидарности» почти сразу заменялись другими, не менее активными; возникали комитеты социального сопротивления, забастовочные комитеты и т. п. В 1987 г. возникает независимая студенческая ассоциация, а в дальнейшем — различные политические клубы, которые власти вынуждены были регистрировать. После забастовок в Гданьске, Новой Гуте и других городах правительству пришлось в апреле 1989 г. легализовать «Солидарность». «Итак, постепенно параллельное общество достигало легального статуса, официальное общество сжималось, и вследствие этого параллельное общество стало обществом в собственном смысле этого слова» (с. 98).

В Чехословакии, пишет Рамет, общество как будто бы усвоило уроки 1956 и 1968 г. и отказалось от попыток свержения коммунистической системы. Была выбрана «оборонительная» стратегия в борьбе за права человека и дискредитацию правительства. В отличие от Польши, независимые активисты не смогли здесь мобилизовать большие массы людей. Но тенденция к «реплюрализации» общества проявилась и здесь достаточно ярко. Диссидентс-

кое движение развивалось, как отмечает Рамет, «в серой зоне экстралегальности», добиваясь, по словам В. Гавела, «власти безвластных» и «неполитической политики». Писатели, ученые, журналисты, бывшие партийные деятели, инженеры и даже несколько рабочих, не отказавшиеся от своих подписей под «Хартией 77», продолжали бороться за демократизацию страны. Общее число подписавших ее достигло к 1987 г. 1300 человек (с. 103). «Хартисты» постоянно подчеркивали свою готовность к диалогу с правительством и стремились действовать лишь в рамках закона. Одной из ключевых функций «Хартии — 77» провозглашалось, по словам Рамет, сохранение исторической памяти. Этой теме был полностью посвящен релиз 1984 г. «Право на историю», в котором правительство обвинялось в забвении 1918 г., в сокрытии архивов, подчеркивалось, что изъятие исторической памяти разрушает морально-исторические устои общества, стирает черты его культурного облика.

Будущее стран Восточной Европы автор связывает в первую очередь с восстановлением частного предпринимательства и последующим включением в европейские интеграционные процессы.

Естественно, что не все в книге достаточно взвешено и в полной мере доказано. Рамет часто и не всегда обоснованно оперирует термином «преторианское общество». Для историков этот термин ассоциируется скорее с обществом, в котором доминирует военная сила. Рамет провела многочисленные интервью, опросы, но сплошь и рядом без достаточных оснований вкладывает в высказывания некоторых своих собеседников тот политический смысл, которого они явно не содержат.

Э. Г. ЗАДОРЖНИК

Я. В. КОВАЛЬСКИЙ. *Папы и папство.* 1991. 236 с.

Книга польского историка церкви Яна Веруша Ковальского — биографический словарь 261 римского папы, начиная с евангельского апостола Петра до Иоанна Павла I¹. Приведены также персоналии 42 антипап, последним из которых был Феликс V (герцог Савойский, XV в.). Наличие среди них женщин, Иоанны (IX в.), автор считает досужим вымыслом (с.81). Как пишет он в небольшом, но емком по содержанию введении, своеобразном путеводителе по историографии и традициям папства, хронология и нумерация пап заимствована им из официального реестра — «*Annuario Pontificio*», ежегодно публикуемого в Ватикане. При этом подчеркивается, что историю папства нельзя отождествлять с жизнеописаниями отдельных пап, а также, что

Пер. с польского. М. Политиздат.

большинство первосвященников проявили себя скорее «глашатаями», чем творцами эволюционировавшей на протяжении столетий идеологии католицизма.

Предлагаемая Ковальским периодизация истории папства не требует особых разъяснений. Номинация периодов, а их девять, достаточно корректна в контексте почти 20-векового развития европейской цивилизации. Стоит упомянуть эти названия, поскольку они служат и заголовками разделов, на которые разбит словарь: Раннее христианство в Риме (середина I в. — 313 г.); Под опекой Римской империи (314—483 гг.); В орбите ранневизантийской империи (483—752 гг.); Возникновение Папского государства (752—999 гг.); Папство и Западная империя (999—1303 гг.); Авиньонские папы и «вели-

кий западный раскол» (1303—1417 гг.); Папы эпохи Возрождения (1417—1534 гг.); Папы времен Реформации и Просвещения (1534—1775 гг.); Папы и социальные революции (1775—1978).

Повествуя о деятельности некоторых римских епископов, автор не замалчивает неприглядных сторон их жизни, таких, как nepoтизм, стяжательство, распутство, — явлений, присущих, разумеется, и властителям, исповедующим атеизм.

Ковальский сетует на то, что недоступность секретных ватиканских документов мешает дать полнокровную оценку деяниям ряда пап, особенно средневековых. Касаясь первородства апостола Павла в генезисе папства, автор с полным основанием утверждает: «Традиция о пребывании и мученичестве Петра в Риме до сих пор еще не доказана бесспорными свидетельствами» (с. 7). По той же причине отличаются недомолвками персоналии таких одиозных пап, как Александр VI. Источники не говорят, сколь велика ответственность этого «совершенно безвольного» человека за преступления его сына Чезаре Борджа. Именно Александр VI весьма оперативно в 1493 г. во время второго плавания Колумба буллой «*Inter caetera*» провел разграничительную линию, идущую от полюса к по-

люсу, согласно которой узаконивались приобретения новых земель — к западу от линии — Испанией, к востоку — Португалией (с.171).

Наибольшую познавательную ценность имеют биографии понтификов после «Авиньонского пленения».

Отметим в заключение некоторые достаточно серьезные упущения автора. Бенедикт XIV, по праву считающийся истинным сыном века Просвещения, оставил о себе добрую память еще и тем, что за год до кончины в 1757 г., вняв аргументации выдающегося ученого создателя теории динамического анатомизма Руджера Бошковича (1711—1787), исключил из пресловутого «Индекса запрещенных книг» сочинения, поддерживающие концепцию гелиоцентризма. Русскому читателю небезынтересно было бы узнать, что Пий VI в 1783 г. направил первого нунция в Петербург, а известный своим крайним консерватизмом Григорий XVI в 1845 г. принимал у себя Николая I.

Г. К.ЦВЕРАВА

Примечания

1. KOWALSKI J. W. *Poczet papiezy*. Warszawa. 1985.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНЫХ ЖУРНАЛОВ

ИСТОРИЯ СССР: ИСТОРИЯ ДИКТАТУРЫ?

Obóz. Kwartalnik społeczno-polityczny (Warszawa), № 21. Zima 1991/92.

Журнал «Лагерь», посвященный проблемам Центральной и Восточной Европы и Советского Союза, а также коммунистической идеологии в целом и национального вопроса в особенности, начал издаваться в 1981 г. по инициативе группы политически и научно активной польской молодежи. За первые десять лет его существования увидело свет 20 номеров. В настоящее время в нем публикуются результаты изучения национальных проблем, осуществляемого в рамках Института востоковедения Варшавского университета.

Проф. Ромуальд Война (Институт истории Польской АН) в открывающей этот номер статье «История СССР или история диктатуры» показывает, что после гражданской войны советский строй был лишь ширмой диктатуры одной партии. Критикуя советскую историографию, автор пишет, что принятая в ней схема периодизации (революция 1917 г. — гражданская война — нэп — коллективизация и индустриализация — первые пятилетки — вторая мировая война) смешивала политическую историю с хозяйственной, создавала мифы (например, о переломном значении пятилетних планов), полностью замалчивая самое существенное в истории СССР — борьбу за диктатуру.

Автор предлагает следующую схему периодизации советской истории: революция и захват власти большевиками (1917—1918 гг.) — борьба за централизованную власть (1918—1921 гг.) — формирование диктатуры компартии с одновременным процессом создания и укрепления диктата вождя и партийной олигархии (1921—1923 гг.) — начало борьбы за власть (смерть Ленина), состояние относительного равновесия и развития государства (1923—1925 гг.) — система дуумвирата, феномен «оппозиции», дискуссия об индустриализации (1926—1928 гг.) — перепутья 1928/1929 г., первая большая сталинская провокация (так называемый продовольственный или хлебный кризис), конец дуумвирата, чрезвычайные решения и чрезвычайные меры (1928—1929 гг.) — Сталин у власти, начало так называемого культа личности или диктатуры и идеологии вождя, псевдореволюция сверху (1929—1934 гг.) — перепутья 1934 г. (нормализация или обострение?) — убийство Кирова, введение террористской диктатуры, расправа с диктатурой партии, возникновение развитой тоталитарной системы (1934—1939 гг.) (с. 8—9).

Автор считает, что основы тоталитарной системы создал Ленин. Сталин развил ее и довел до

массового истребления людей. Главные направления будущей сталинской диктатуры можно обнаружить уже в ленинской политике (например, признание государства единственным собственником, диктатура как единственная форма государственной власти, крайняя централизация, придание большого значения насилию и террору). Большинство из черт сталинской диктатуры можно найти в зародышевом виде в ленинской диктатуре партии.

Значительная часть статьи посвящена национальному вопросу в теории и практике большевизма. Автор считает спекулятивным ленинский тезис о наличии у каждого народа связанных с классами и классовой борьбой двух культур — прогрессивной и реакционной. Исходя из него, Ленин способствовал варварскому уничтожению искусства православной церкви в 1921—1922 годах.

Увязывание национального вопроса с политикой и вульгаризированной теорией классовой борьбы мешало его решению. То обстоятельство, что на практике победила сталинская концепция автономизации, привело к созданию в рамках империи искусственных национальных образований. В теории же политика игнорирования нации как исторического субъекта нашла отражение в формуле — национальная по форме, социалистическая по содержанию культура.

Все прежние революции, пишет автор, боролись, даже применяя насилие и террор, за демократические цели. Но в октябре 1917 г. насилие, террор, лишение гражданских прав впервые в истории стали главной целью. В результате большевистская диктатура не смогла решить ни одной национальной проблемы. /

И. С.

СТАЛИНСКИЕ «ЧИСТКИ» В КОМПАРТИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Heidelberg — Berlin). 1992, № 8.

Научный сотрудник Центра социального исследования Европы при Маннгеймском университете (ФРГ) Ян Фойцик на материале периодики, а также работ немецких, советских, польских и чехо-словацких историков показывает, что чистки в компартиях стран Центральной и Восточной Европы преследовали цель не только избавления от «нечестивых» ради единства партийных рядов, но и подчинения сталинскому диктату и запугивания самостоятельно мыслящих лиц. Особую роль сыграли показательные судебные процессы 30-х годов в СССР.

По мнению автора, обнаруживается определенная общая закономерность, присущая этим странам: вначале в ходе борьбы за власть уничтожалась элита бывших революционеров (в странах народной демократии ликвидировались прежние фашисты и коллаборационисты), затем уничтожали «отступников от социализма» и иностранных «шпионов» под различными фальшивыми предлогами (объявляя их троцкистами, титовцами, буржуазными националистами, вредителями, космополитами, сионистами, зарубежными агентами и пр.). Одновременно уничтожались в гораздо больших масштабах целые группы населения: землевладельцы, предприниматели, духовенство, кадровые военные, либералы, резмигранты, инакомыслящие и т. д. Чистки коммунистов превратились в неотъемлемый атрибут так называемых рабочих партий нового типа и инструмент формирования номенклатуры, удобной Москве и ее сателлитам. Впрочем, некоторые

облыжно обвиненные (Тито) либо подвергшиеся репрессиям (Гомулка, Кадар, Гусак) партийные лидеры позднее сами применяли те же репрессии.

В Восточной Германии с середины 1945 г. по 1950 г. было репрессировано свыше 122 тыс. человек (из них 43 тыс. погибли в лагерях) и депортировано в СССР 200 тыс.; в Польше в 1944—1948 гг. было репрессировано примерно 300 тыс. человек, в Чехословакии в 1948—1954 гг. — около 150 тысяч человек. Только треть польских коммунистов в Польше и СССР избежала репрессий к 1945 г., депортированы были 2 млн. поляков и убиты свыше 15 тыс. польских офицеров. Из 6 тыс. немецких коммунистов, бежавших в СССР от Гитлера, погибли от сталинских репрессий 60%. В ПНР полицейско-репрессивный аппарат в 1953 г. состоял из 325 тыс. человек (вдесятеро больше, чем до второй мировой войны). Один осведомитель приходился в ПНР на каждые 250 жителей, в ГДР — на каждые 80 жителей. В ЧССР к 1954 г. пострадали от чисток 53% членов КПЧ, в первую очередь бывшие социалисты и социал-демократы. Одновременно сокращался удельный вес собственно рабочих в этих партиях.

Чистки в ПОРП и КПЧ продолжались и после смерти Сталина. Видную роль в их организации и проведении играли присланные из Москвы политические советники, а также функционеры МВД — КГБ, внедренные в компартии этих стран.

Я. М.

Slavic Review (Los Angeles), 1991, vol. 50, № 3.

Статья американской исследовательницы К. Евтуховой посвящена дискуссии на московском Поместном соборе по вопросу о восстановлении в России патриаршества. Материалы закрытых заседаний Комитета (т. е. секции Собора) по высшему церковному управлению, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, до последнего времени не были доступны историкам. Между тем они, как пишет автор, «проливают свет на более крупную проблему взаимоотношений между церковью и стремительно изменявшимся государством». Комитет подготовил для пленарного обсуждения проект решения о восстановлении патриаршества.

Сторонники данной меры первоначально использовали доводы из области православной догматики, канонического права, церковной истории: речь шла о толковании принципа соборности, природы св. Троицы, христианской любви, божественного откровения и т. п., о решениях Никейского и последующих соборов, однако «все время держали в поле зрения политическую обстановку». Политические заботы постепенно выходили на передний план. Выступавшие говорили, что патриарх во главе церкви будет ближе и понятней народу, чем навязанный Петром I Синод. «Были ли такие утверждения о чаяниях народа чем-то большим, нежели лишь перлами красноречия,— это вопрос, на который и дальнейшие исследования едва ли смогут дать ответ,— считает автор.— Успех же большевистских лозунгов о земле, мире и власти показывает, что восприятие народных чаяний церковью и собором страдало недостаточной практичностью... Возможно, участники собора были правы, выражая неутоленную потребность в руководительстве; более сомнительно, однако, чтобы эту роль мог исполнить патриарх».

АДЕНАУЭР И КЕННЕДИ

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Heidelberg — Berlin), 1992, № 4.

Профессор университета штата Калифорния (Лос-Анджелес) Фрэнк А. Майер, анализируя взаимоотношения президента США Дж. Ф. Кеннеди и канцлера ФРГ К. Аденауэра, опирается на материалы неопубликованной переписки между ними, хранящиеся в Библиотеке им. Кеннеди, на интервью с бывшими сотрудниками президента (среди них — Т. Соренсен, Д. Раск, М. Банди, А. Шлезингер мл., Д. Болл), на сведения, полученные автором от бывшего западногерманского посла в Вашингтоне В. Греве.

Майер подчеркивает, что и канцлер, и прези-

Главные дебаты на эту тему происходили 11—28 октября 1917 года. «Тональность дискуссии переменялась: рассудочная аргументация уступила место риторике несколько истерического свойства». В условиях кризиса «потребность в вожде становилась настоящей». Ораторы один за другим заявляли, что «мы находимся в состоянии войны... в состоянии борьбы с враждебным правительством, и нам абсолютно необходим сильный вождь», «богатырь». В некоторых речах боевые действия в Москве расценивались как борьба против сатанинских сил, масонов, иезуитов, сектантов и атеистов. Желание членов собора иметь во главе церкви сильного лидера соответствовало нараставшей оппозиции церкви государству, олицетворявшемуся «носителями сатанинских идей»; все больше настаивали они на политической и культурной независимости церкви от государства. Противников патриаршества прежде всего беспокоила проблема сочетаемости личного авторитета с принципом соборности, угроза утверждения «цезарепапизма».

По мнению автора, на соборе решалась не просто церковно-административная задача, не судьба «соборности»; вопрос стоял о статусе и роли церкви в революции и в том государстве, которое появится после нее. «Дискуссия все время соскальзывала на злобу дня. Как будет устроено общество? Кому быть в нем у власти?» Сторонников патриаршества фактически не так уже заботило точное определение границ власти патриарха, и благодаря этому восстановление древнего института удалось провести молниеносно. Властные притязания церкви отвечали обострению противостояния ее правительству.

В. П.

дент не захотели и не сумели понять систему национальных приоритетов другой стороны. Для Аденауэра доминанты политического курса сводились к безопасности ФРГ на базе ее перевооружения и укрепления позиций в НАТО, к воссоединению Германии на основе поглощения ГДР и непризнания границы по Одере и Нейсе. Основными звеньями политики Кеннеди по отношению к ФРГ были: гарантии благоприятных условий пребывания американских войск на территории Западной Германии, контроль над ее действиями в НАТО, обеспечение свободного доступа к За-

падному Берлину. Аденауэр не мог избавиться от опасений, связанных с перспективой достижения договоренностей между США и СССР, возможных, как он полагал за спиной и за счет ФРГ. Кеннеди, по всей видимости, был согласен с рекомендациями Г. Киссинджера в письме президенту в апреле 1961 г.: «Я лично предпочел бы Брандта... Укрепление влияния социал-демократов было бы предпочтительным для нас в долгосрочном плане... Мы не можем осуществлять курс на кооперацию (с Западной Европой.— А. Б.), если наша позиция будет целиком зависеть от Аденауэра» (с. 367).

Уже во время первой встречи канцлер не преминул — к явному неудовольствию партнера — сослаться на сходство своих воззрений с взглядами его «старого друга» Дж. Ф. Даллеса и предупредил президента об опасности какого-либо сближения с Советским Союзом. Во время Берлинского кризиса 1961 г. Аденауэр был настроен весьма решительно и требовал от президента жестких военных и политических мер, направленных против ГДР и СССР, Кеннеди же, по свидетельству М. Банди, выражал «растущий интерес к компромиссу с Москвой». По его инициативе велись предварительные переговоры о формировании международного органа по контролю транзита в Западный Берлин, что предполагало определенные контакты с властями ГДР, что было абсолютно неприемлемо для канцлера.

Беседы Кеннеди и Аденауэра, состоявшиеся в ноябре 1961 г., не сняли напряженности в отношениях двух стран. Через три дня после встречи президент заявил (в интервью А. И. Аджубею): «Пока германские вооруженные силы интегрированы в НАТО, общая безопасность гарантирована... Но если ситуация изменится, если Германия будет располагать собственной ядерной мощностью, если она поставит на вооружение ракеты или создаст достаточно сильную армию, тогда возникнет реальная опасность, тогда я смогу понять вашу тревогу и разделить ее. Все-таки мы, как и вы, вели две войны на территории Европы».

Когда в конце 1962 г. началась подготовка договора о дружбе между ФРГ и Францией, канцлеру были высказаны (через Д. Ачесона и Д. Макклоя) предостережения американской администрации, явно опасавшейся самостоятельных акций — в обход НАТО — де Голля и Аденауэра. Но договор был подписан в январе 1963 года. При этом канцлер искусно избежал ситуации, в которой бы ему пришлось выбирать между приоритетными отношениями с США и Францией. Охлаждение в отношениях между ФРГ и США продолжалось практически до одновременного ухода с политической арены обоих лидеров в 1963 году.

А. Б.

«НОВАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

American Historical Review (Washington), Vol. 97, № 2, April 1992

Американский историк Д. ЛаКапра, рассматривает современное состояние и перспективы одной из школ «новой научной истории» — «новую интеллектуальную историю». Главные задачи этой школы автор видит в исследовании менталитета различных социокультурных пластов современного общества и составляющих его этнических, религиозных и семейных слоев и общин, демографических групп. Учитывая, что до сих пор слабое внимание обращалось на собственно «народную культуру», автор призывает сконцентрировать усилия именно на этой тематике, в разработке которой накопилось немало устарелых клише и упрощенных оценок. Так, ЛаКапра не согласен с противопоставлением культур: «элитарной», «высшей» и «народной», «массовой». Недопустима, по его мнению, и тенденция к жесткому искусственному дроблению общего культурного массива на ряд автономных, обособленных друг от друга культурных субструктур (с. 436, 438).

Но сможет ли в таком случае «новая интеллектуальная история» дать исчерпывающую характе-

ристику менталитета (нравственных ценностей, особенностей мировоззрения) данного общества? Эту задачу можно очевидно решить на путях комплексного подхода, сочетающего функциональный и традиционно-событийный подходы к истории, позволяющего полнее выявить закономерности культурно-исторического процесса (что доказала французская школа «Анналов»). Одновременно ЛаКапра предупреждает об опасности для «новой интеллектуальной истории» оказаться подверженной духу описательности, который присущ не только «новой научной истории», но и всей западной историографии.

В связи с этим автор обращается к более широким проблемам — структуре исторического знания, методологии исторического исследования. Времена позитивизма, полагает он, отошли в прошлое (с. 439). По мнению ЛаКапра, речь должна идти об органическом сочетании «нормативного» («аналитического») и эмпирического («констатирующего») компонента в историческом исследовании (с. 428, 430, 433). «Отношения между

историей и теорией,— пишет он,— должны поддерживаться в духе диалога... границы между ними должны быть взаимопроницаемыми и подвижными» (с. 433), поскольку «нет истории без теории, а теории также не существует без истории» (с. 434).

Подобная, в целом общеизвестная, констатация весьма примечательна для современной американской историографии, занятой интенсивным поиском выхода за рамки релятивистско-позитивистской интерпретации истории.

В контексте поднятой в статье проблемы — «эмпирическое — теоретическое» в историческом познании — актуально звучат вопросы, связанные с интерпретацией исторического текста и передачей исторического знания. И в том, и в другом

случае, замечает ЛаКапра, важно избегать неоправданного упрощения, идеологического редуционизма (с. 427, 428). Автор, в частности, горячо ратует за точную и более глубокую интерпретацию исторических текстов, доказывает необходимость отойти от «канонического» подхода к прочтению казалось бы давно изученных источников (с. 430—431). Задача «новой интеллектуальной истории», по мысли ЛаКапра, состоит в том, чтобы, не допуская идеологических искажений и вульгаризации, раскрыть всю сложность и глубину культурно-исторического процесса (с. 428). При этом сама историческая наука представляет собой важнейшее средство развития социокультурного сознания, формирования культуры общества.

И. Г.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ

Journal of World History. Official Journal of the World History Association (Honolulu), Vol. 3, № 1, Spring 1992.

Преподаватель колледжа Св. Креста Уильям Грин в статье «Периодизация европейской и мировой истории» относит эту проблему, как непосредственно связанную с модусом восприятия и осмысления прошлого, к наиболее существенным для исторической науки. Рассматривая различные варианты традиционной трехчленной схемы (древняя история, средние века, новое время), автор сосредоточивает свое внимание на переходных этапах, особенно — от средних веков к новой истории. Большое место в статье занимает вопрос о соотношении периодизации истории европейской и всемирной.

В большинстве периодизаций европейской истории, считает Грин, подчеркивается принципиальное значение рубежа XV—XVI веков, отмеченного принципиальными и глубокими переменами в политической, духовной, научной и материальной сферах. Геоцентристская система мира уступила место коперниковской гелиоцентристской, было изобретено книгопечатание, открыта Америка и сделаны другие великие географические открытия, началась Реформация, укрепились и консолидировались централизованные монархии в ведущих странах Европы. Открытия Колумба, Коперника, Галилея, Везалия, проповедь Лютера, творчество Сервантеса, Шекспира, Монтеня означали, по словам Т. Мишле, «открытие мира и человека», то есть наступление нового времени (с. 26).

Автор пытается ответить на вопрос о соответствии традиционной периодизационной схемы теориям исторического развития, предложенным А. Смитом, Т. Р. Мальтусом и К. Марксом. Грин полагает, что теория Смита, в основе которой лежит разделение труда на базе рынка, больше говорит

в пользу XVIII в. как разграничительного рубежа между средневековьем и новой историей, поскольку именно к этому времени сложились предпосылки промышленной революции, определились явные сдвиги в темпах экономического роста и размерах душевого потребления. Неомальтузианцы исходят из того, что на вторую половину XVIII — первую половину XIX в. приходится резкий скачок в росте народонаселения — «жизненная революция». Марксисты же, связывающие начало нового времени с переходом к капитализму, также не могут не считаться с тем, что, хотя к XVI в. разложение феодализма продвинулось очень далеко, победа капитализма была закреплена только революциями 1640—1789 годов. Что же надо принимать за точку отсчета новой истории — зарождение капитализма или его окончательное утверждение? Грин в этой связи напоминает, что элементы капитализма появились в Италии задолго до XVI века. Решительные же перемены во всех сферах жизни и во всех слоях общества приходятся именно на XVIII в., отмеченный сочетанием промышленной, «потребительской», «жизненной» и политической революций (с. 36).

О недостаточности традиционной трехчленной схемы свидетельствует, по мнению Грина, и то, что историкам приходится выделять «переходные эры — протяженные периоды времени, включающие в себя многие существенные аспекты» исторической эволюции (с. 39). К таким «переходным эрам» должны быть, по мнению Грина, отнесены IX—XI и XVIII вв., требующие всестороннего системного изучения.

При периодизации всемирной истории необходимо, по мнению автора, исходить из развития взаимосвязанности всех регионов мира, тенденций

интеграции на всех социальных уровнях и во всех сферах человеческой деятельности, отказаться от привычных представлений об европейской исключительности и гегемонизме, от отождествления модернизации с вестернизацией. Одной из альтернатив традиционной европоцентристской периодизации Грин считает концепцию К. Ясперса об «осевом времени», согласно которой главные духовные и интеллектуальные прорывы к утверждению общечеловеческого завета личной ответственности были совершены в I тыс. до н. э. в четырех регионах высоких древних цивилизаций — Палестине, Древней Греции, Индии и Китае. Рассмотрев ряд подобных концепций, автор замечает, что они, как правило, не принимают во внимание периферийные по отношению к «высоким цивилизациям» зоны, а также историю народов Западного полушария.

Ведущий, по мнению Грина, теоретик системного анализа всемирной истории, И. Валлерштейн, связывает начало нового времени с ростом капитализма, исходя из того, что именно на этой стадии — в XVI в. — сформировалась мировая экономическая система, охватывающая все народы и страны мира. Именно поэтому XV—XVI вв. являются важнейшим рубежом не только европейской, но и всемирной истории. Усиление дифференциации внутри этой системы в процессе углу-

бления международного разделения труда совершалось в рамках международной экономической интеграции.

В последнее время к обоснованию рубежного значения XV—XVI вв. привлекаются экологические и эпидемиологические аргументы (А. Кросби): утверждается, что вторжение европейцев с их аграрной и промышленной технологией может быть сравнимо по своим последствиям «с усилением потока космических лучей или появлением новых горных систем, таких как Анды и Гималаи» (с. 51).

Между периодизациями европейской и мировой истории, пишет Грин, существует непосредственная связь. Совершенствование последней помогает уточнить первую, поскольку во внимание принимаются не только региональная преемственность и прерывность, но и факторы имеющие глобальный характер. Вместе с тем и специалистам по всемирной истории необходимо учитывать такие, например, обстоятельства, как распространение европейцев за пределы своего континента, начавшееся задолго до путешествий Колумба, по меньшей мере с XI в. (крестовые походы, путешествия итальянских мореходов и купцов, Реконкиста, экспедиции на Африканский континент).

Р. К.

Contents

The Political Archives of the 20th Century. Materials of the February-March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (B) Articles: **V. V. Kabanov**. Roads and Lack of Roads in the Agrarian Development of Russia of the 20th Century. **M. Ferrault**. Cinema and History. Historical Profiles. **B. V. Ananjich**, **R. Sh. Ganelin**. Nikolaj the Second. Reminiscences. Memoirs of Nikita Sergeevich Khrushchev. Historical Journalism. **A. G. Avtorkhanov**. The Technology of Power. History and Fates. **A. I. Denikin**. The Essays of the Troubled Time in Russia. Historians on Time and Themselves. **Ju. V. Gotje**. My Notes. Communications. **A. I. Stepanov**. The Place of Russia in the World on the Eve of the First World War. People. Events. Facts. **V. R. Kotelnikov**, **O. Ju. Lejko**. US Shuttle Bombing from the Soviet Airdromes. **A. A. Molchanov**. The Enigmatic Disk from Fest. Historiography. **Reviews on Books**: Our Motherland. The Experience of Political History. **M. I. Semirjaga**. The Secrets of Stalin Diplomacy. 1939—1941. **M. Raeff**. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration. **G. D. Alekseeva**. Narodnichestvo in Russia of the XXth Century. The Ideological Evolution. **C. Merridale**. Moscow Politics and the Rise of Stalin: The Communist Party in the Capital. 1925—1932. **S. Ramet**. Social Currents in Eastern Europe. Sources and Meaning of Great Transformation. **Ja. V. Kovalskij**. Popes and Papacy. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории».
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Вопросы истории» не допускается

«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ» № 2, 1993,

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21.

Технический редактор *В. Г. Паленцева*.

Сдано в набор 24.12.92. Подписано в печать 26.02.93. Формат 70×108/16. Бумага офсетная № 2. Гарнитура гаймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Бум. л. 6,0. Уч.-изд. 19,44. Тираж 40 000. Заказ 3382. Индекс 70145

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории», ТОО «САШКО»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Зарубежные книги и журналы, присланные в редакцию

- Исторически преглед (София), 1992, № 1—2, 3, 4.
- Académie Roumaine. Institut d'histoire «A. D. Xenopol». Temps et changement dans l'espace Roumain (fragments d'une histoire des conduites temporales). Iași. 1991. 264 p.
- Allen E. Ch. Beyond Realism. Turgenev's Poetics of Secular Salvation. Stanford University Press. Stanford. 1992, 256 p.
- Anuarul Institutului de istorie «A. D. Xenopol» (Iași). 1990. XXVII.
- Ascher A. The Revolution of 1905. Authority Restored. Stanford University Press. Stanford. 1992. 444. p.
- Czasopismo Prawno-Historyczne (Warszawa — Poznań). T.XLII, № 1—2. 1990; T.XLIII, № 1—2, 1991.
- Documente privind Revoluția de la 1848 în Țările Române. C. Transilvania. Vol. V. 26 mai — 4 iunie 1848. Sub redacția acad. Ș. Pasc. Editura Academiei Române. București. 1992. 574 p.
- Italia contemporanea (Milano), 186, marzo 1992.
- Kwartalnik Historyczny (Warszawa). XCIX. 1992. № 1,2.
- Labyrinth of Nationalism. Complexities of Diplomacy. Essays in Honor of Charles and Barbara Jelavich. Ed. by R. Frucht. Slavica Publishers, Inc. Columbus. 1992. 384 p.
- Pärssinen M. Tawantinsyu. The Inca State and Its Political Organization. SHS. Helsinki. 1992. 462 p.
- Przegląd Zachodni (Poznań). 1991. № 4; 1992, № 1.
- Revista istorică (București). 1991, № 11—12; 1992. №№ 1—2, 3—4, 5—6.
- Il Risorgimento. Rivista di storia del Risorgimento e di storia contemporanea (Milano). XLIV, № 2, 1992.
- Sborník prací filozofické fakulty Brněnské univerzity (Brno). XLI, Řada historická (C), Č. 39. 1992.
- Stites R. Russian Popular Culture. Entertainment and Society since 1900. Cambridge University Press. Cambridge. 1992, 270 p.
- Studii și materiale de istorie medie. Volumul XI. Evul mediu românesc. O nouă abordare. Academia Română. Institutului de istorie «Nicolae Iorga». Editura Academiei Române. București. 1992. 240 p.
- Tieto, taitoa, asiantuntemusta. Helsinki eurooppalaisessa kehityksessä 1875—1917. SHS. Helsinki, 1992. 1) M. Hietala. Innovaatioiden ja kansainvälistymisen vuosikymmenet. 284 s.; 2) J. Kuusanmäki. Sosiaalipolitiikka ja kaupunkisuunnittelu. 214 s. 3) K. Ahonen, M. Niemi, J. Pöyhönen. Henkistä kasvua, teknistä taitoa. 357 s.
- Zeitschrift für Geschichtswissenschaft (Berlin). 1992, № 10,11.

Агентство «ОЛИМП»
и издательство Русского ПЕН-центра «ППП»
в 1993 году выпускают
переводы научно-популярных книг,
предоставленных Информационным агентством США (ЮСИА)

«Краткая история США». 13 л.

«Основы американской экономики». 8 л.

«Америка: народ и страна». 13 л.

Цена договорная.

Предварительные заявки направлять по адресу:

103031, Москва, Неглинная ул., 18/1, стр. 2.

Тел. (095) 200-63-97.

Факс (095) 209-45-77.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**